

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РФ
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«ВОРОНЕЖСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

ФАКУЛЬТЕТ РОМАНО-ГЕРМАНСКОЙ ФИЛОЛОГИИ

ЯЗЫКОВАЯ КАРТИНА МИРА В ЗЕРКАЛЕ ПЕРЕВОДА

Сборник научных трудов

Воронеж
Издательский дом ВГУ
2019

УДК 81
ББК 81.2
Я41

Редакционная коллегия:

Е.А. Алексеева, О.О. Борискина (ответственный редактор),
Л. И. Гришаева, О.В. Лебедева, Н.А. Фененко, К.М. Шилихина

Я41 **Языковая картина мира в зеркале перевода** : сборник научных трудов / отв. ред. О.О. Борискина; Воронежский государственный университет. – Воронеж : Издательский дом ВГУ, 2019. – 315 с.

ISBN 978-5-9273-2822-2

Сборник составлен по материалам конференции «Языковая картина мира в зеркале перевода», состоявшейся 12-15 декабря 2018 года на факультете романо-германской филологии Воронежского государственного университета. Затронуты разные аспекты рассмотрения обсуждаемой проблемы: общие и частные лингвистические, филологические и переводческие теоретические, прикладные, дидактические и методические. В фокусе рассмотрения – разные виды перевода и различные аспекты переводческой деятельности.

Сборник адресуется широкому кругу читателей. Публикуемые статьи могут быть полезными исследователям разных поколений, а также востребованными в практике подготовки переводчиков с разных языков. Интересными статьи могут быть также лингвистам, журналистам и специалистам в области межкультурной коммуникации.

УДК 81
ББК 81.2

ISBN 978-5-9273-2822-2

© Воронежский государственный университет, 2019
© Оформление. Издательский дом ВГУ, 2019

ОТ РЕДАКТОРА

В основе предлагаемого читателю сборника – доклады, подготовленные участниками международной научно-практической конференции «Языковая картина мира в зеркале перевода», состоявшейся 12-15 декабря 2018 года на факультете романо-германской филологии Воронежского государственного университета. Эту конференцию организовывала кафедра французской филологии в тесном сотрудничестве с Посольством Франции в Российской Федерации.

Организаторы предложили потенциальным участникам интересную программу, на которую откликнулись 149 опытных и начинающих исследователей, преподавателей, аспирантов из разных научных центров России, Франции, Молдовы, Узбекистана, Мексики, Ирака. Москва, Тула, Курск, Иваново, Челябинск, Нижний Новгород, Уфа, Череповец, Таганрог, Астрахань, Пятигорск и, конечно же, Воронеж – такова география российских участников конференции.

Широта географии, очевидно, свидетельствует и о разнообразии вузов, в которых ведется исследование по обозначенной в программе конференции проблематике. Это в свою очередь создало предпосылки не только для глубокого и детального обсуждения одной из наиболее серьезных и дискуссионных проблем на актуальном этапе развития лингвистического знания, но и для обмена мнениями по самым разным поводам – методическим и дидактическим, теоретическим и прикладным. Обмен мнениями стал особенно продуктивным по той причине, что участники представляли разные научные школы, а также то, что полем приложения их научных и дидактических усилий являются разные категории обучаемых и разные виды перевода.

Очевидным преимуществом конференции стал ее формат – научно-практическая, – что позволило сочетать научную дискуссию с апробацией новых приемов и методов работы с разными видами переводческой деятельности на мастер-классах, а также в процессе консультаций с проф. Т. Бодровой.

Открытие конференции приветствовали проректор по науке проф. В.Н. Попов, декан факультета РГФ проф. О.О. Борискина и атташе по сотрудничеству в области французского языка Посольства Франции в РФ К. Мокник (С. Mosnik).

Пленарное заседание конференции открыла проф. Е.А. Алексеева, выступив с докладом «ВГУ на пути интернационализации высшего образования: достижения и вызовы». Е.А. Алексеева рассказала участникам конференции о впечатляющих результатах 25-летнего

продуктивного сотрудничества кафедры французской филологии ВГУ с ведущими французскими университетами – ESIT (Высшая школа переводчиков, Париж, Франция) и INALCO (Национальный институт восточных языков и культур, Париж, Франция). Одним из результатов этого сотрудничества и стала настоящая конференция.

Т. Бодрова, профессор Высшей школы переводчиков (Франция, Париж), в своем докладе «Особенности подготовки профессиональных переводчиков в Высшей школе переводчиков Парижа» остановилась на концепции подготовки переводчиков, которая сложилась в университете «ESIT», а также на особенностях и преимуществах этой подготовки по сравнению с другими.

Проф. В.А. Пищальникова (Москва) представила участникам конференции глубокие рассуждения относительно ключевого для конференции понятия – картина мира.

Проф. Е.Р. Поршнева (Нижний Новгород) поделилась с присутствующими своим богатым дидактическим опытом, последовательно проанализировав этапы становления своей концепции в докладе «Лингводидактика и дидактика переводческой деятельности».

Проф. И.В. Скуратов (Москва) и его содокладчик П.-А. Дюмон (Pierre-Alain Dumont) (Париж) обосновали свою позицию относительно соотношения переводческой и лингвистической деятельности в докладе «Перевод как лингвистическая и дидактическая проблема».

Работа конференции продолжилась в 5 секциях:

- секция 1: «Текст как фрагмент культуры: проблемы лингвокультурной адаптации»;
- секцией 2: «Культурные константы в тексте оригинала и перевода»;
- в секции 3: обменивались мнениями по проблеме «Лексика и культура: переводческий аспект»;
- секция 4: «Культурно-обусловленные дискурсивные переводческие преобразования»;
- секция 5: «Лингводидактические аспекты профессиональной подготовки переводчика».

13 декабря 2018 года прошел под знаком практической переводческой деятельности – на мастер-классах проф. Т. Бодровой, опытного переводчика-синхрониста, известного специалиста в области интерпретативной теории перевода. Участники ознакомились со стратегиями реализации основ интерпретативной теории на примере разных видов переводческой деятельности. Один из мастер-классов

назывался «Последовательный перевод», рабочие языки: французский и русский, а второй – «Синхронный перевод», рабочие языки: французский и русский.

14 декабря 2018 года для участников были организованы два тематических мастер-класса, которыми руководили проф. Т. Бодрова (тема: «Последовательный перевод», рабочие языки: английский и русский; тема: «Синхронный перевод», рабочие языки: английский и русский), а также доц. И.М. Матюшин и к. ф. н. М.К. Огородов (тема: «Опыт составления учебника по устному переводу»). Таким образом участники конференции смогли подробно ознакомиться с концепциями двух переводоведческих школ – Высшей школы переводчиков (Франция) и московской (МГЛУ и МГИМО, Москва, Россия).

Завершилась работа конференции 15 декабря 2018 года круглым столом «Профессиональная подготовка переводчика и пути ее совершенствования» под руководством проф. Т. Бодровой.

На итоговом пленарном заседании участники конференции заслушали несколько докладов: проф. К. Ошар (С. Nauchard) «Особенности перевода произведений И.А. Бунина на французский язык» (Париж, Франция), проф. Н.А. Фененко «Картина мира в зеркале межъязыковой реноминации» (Воронеж), проф. Л.В. Лаенко «Признаковая картина мира в зеркале перевода» (Воронеж), проф. Л.И. Гришаевой «Метафорическая когерентность текста и способы конструирования культурно специфичной картины мира в переводном тексте» (Воронеж).

Заключительным аккордом четырех насыщенных дней стало обсуждение итогов конференции.

Затронутые в докладах аспекты рассмотрения проблемы «языковая картина мира в зеркале перевода» отражают публикации, собранные в настоящем сборнике. Исследования выполнены согласно разным научным парадигмам, при анализе разнообразного актуального эмпирического материала из нескольких языковых культур используются разные методы и приемы. Это позволяет читателям ознакомиться с объяснительной силой разных аналитических процедур, а также оценить продуктивность того или иного подхода к изучению обозначенной в программе конференции проблематики. В фокусе рассмотрения – разные виды перевода и различные аспекты переводческой деятельности. Авторы статей предлагают также алгоритмы обучения переводу в разных профессиональных областях.

Поскольку материал, описываемый в статьях, крайне актуален (новейшие медиатексты, последние научные публикации по

социологии, социальной психологии, медиалингвистике, наблюдения над разными ситуациями взаимодействия между носителями разных культур, популярные классические и постмодернистские художественные тексты, поэзия и проза и т.д., а также современные корпуса), его анализ может быть интересным и полезным не только филологам и лингвистам, но и журналистам, социологам, педагогам, социальным психологам и специалистам в области межкультурной коммуникации.

Редакция выражает надежду, что публикуемые в сборнике статьи найдут заинтересованного читателя и будут полезны исследователям разных поколений, а также станут востребованными и в практике подготовки переводчиков с разных языков.

Март 2019 года
О.О. Борискина

ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА С ФРАНЦУЗСКОГО ЯЗЫКА НА РУССКИЙ ИНДИВИДУАЛЬНЫХ ПОЛИТИЧЕСКИХ НЕОЛОГИЗМОВ

В.Н. Абабий

Приднестровский государственный университет им. Т.Г. Шевченко

Аннотация. В статье рассматриваются способы и приемы, используемые при переводе с французского языка на русский индивидуальных (субъектных, субъективных) общественно-политических неологизмов, а также выявляются особенности передачи их значений с одного языка на другой. Перевод подобных окказиональных лексических единиц представляет некоторые сложности, что объясняется не только спецификой их структуры, но и детерминированностью конкретным общественно-политическим контекстом. В большинстве случаев отмечается преобладание контекстного значения общественно-политических неологизмов, которое обусловлено входящими в его состав словообразовательными элементами: основы-имени собственного или имени нарицательного, а также аффикса. Это определяет выбор конкретного переводческого приема для достижения эквивалентности между текстом оригинала и перевода.

Ключевые слова: индивидуальный (субъектный, субъективный) общественно-политический неологизм, комплексная структура, контекстное значение, семантическое и формальное калькирование, описательный перевод, приближенный перевод

Индивидуальные общественно-политические неологизмы (ОПН) представляют собой индивидуальные обозначения, которые созданы политическими деятелями Франции (и Европейского Союза) и различными влиятельными группами, во французской терминологии это субъектные (субъективные) неологизмы (фр. *néologismes subjectifs*) [1] или *néologismes des politiques* [2].

Данная типология индивидуальных новообразований позволяет автору таких единиц предложить некую новую идею (идеологию, концепцию, представление, характеристику) на политической арене, которая может стать важной составляющей политического диалога, обеспечивая взаимопонимание на национальном, межгосударственном и общеевропейском уровнях.

В рамках неологии дискурса (дискурсивной неологии), которая изучает уровень приведения к норме речевых инноваций в лексическом составе языка, французские лексикологи Ф. Годен и Л. Гэспен выделяют подобные образования в качестве речевых мотивированных неологизмов или дискурсивных неологизмов

(néologismes discursifs) [3, с.19] (в другой терминологии – mots natifs у Э. Пишона [4, с.203], эгологизм у А.А. Аржанова [5, с.21]), что подчеркивает субъективный характер новообразований в противоположность лексическим, языковым.

Целью данной статьи является выявление стратегий и способов перевода индивидуальных ОПН, образованных видными политическими деятелями и группами Франции, а также обозначение факторов, влияющих на выбор того или иного переводческого приема.

Материалом для исследования послужили электронные и печатные версии периодических (национальных) изданий Франции, в частности, «Les cent mots de l'année», специальный выпуск, посвященный 100 новым словам 2012 года из «Le Figaro», издания «Le Monde», «Le Point politique», «L'Express», «La Tribune», «Le Nouvel Observateur», «Libération» и др., в которых представлены общественно-политические контексты, содержащие субъектные ОПН, отмеченные как неологизмы.

Выбор данного типа окказиональных ОПН обусловлен несколькими факторами, в частности:

— проблема перевода окказиональных слов во французской романистике изучена мало;

— субъектные ОПН характеризуются индивидуальной принадлежностью и создаются автором для первичного обозначения нового предмета, понятия, представления, явления в сфере политики;

— в плане функциональности — это лексические единицы (ЛЕ) единичного употребления, образование которых обусловлено конкретной политической ситуацией;

— индивидуальные ОПН не имеют соответствий в двуязычных словарях, что требует от переводчика самостоятельного выбора способа перевода на основе контекста.

Изучая специфику перевода политических неологизмов-окказионализмов, мы ссылаемся на труды по переводоведению Л.С. Бархударова и В.С. Виноградова. Как отмечает Л.С. Бархударов [6, с.240], основными способами перевода окказиональных слов (ОС) являются:

1) переводческая транскрипция (передача звукового аспекта ЛЕ) и транслитерация (передача графической формы ЛЕ);

2) калькирование;

3) описательный («разъяснительный») перевод;

4) приближенный перевод (перевод при помощи аналога).

В трудах В.С. Виноградова [7, с.30] автор использует, однако, другие термины для номинации способов перевода ОС. Например,

описательный перевод в его классификации называется «перифрастическим», а приближенный перевод — «способом уподобления».

Основываясь на типологии, представленной указанными авторами, рассмотрим основные способы и приемы, используемые при переводе индивидуальных (субъектных) политических окказионализмов (29 ЛЕ), которые мы разделили на две группы:

- 1) субъектные ОПН, образованные от имен нарицательных (21 ЛЕ);
- 2) субъектные ОПН, образованные от имен собственных (8 ЛЕ).

Наиболее репрезентативными примерами первой группы могут служить следующие:

impuissanter (impuissant+er) — индивидуальное новообразование Э. Макрона, которого глава государства употребил в своих дипломатических выступлениях в январе 2018 г., а также 15 апреля 2018 г. с целью обозначить ряд нравственных положений и установок, которые препятствуют развитию политических процессов в стране:

Je considère que nous devons sortir de postures morales qui parfois impuissantent. [1*]

Я считаю, что мы должны найти выход из тех моральных (нравственных) состояний, которые иногда обессиливают (ослабляют). (Здесь и далее перевод с французского языка на русский наш. – В.А.)

omniprésident (omniprésent+président) – телескопная индивидуальная единица, образованная во время правления Н. Саркози рядом политических личностей-противников главы государства для критичной характеристики его правления как «вездесущего, повсеместного, постоянного» президента. Данная лексическая амальгама появилась в 2011 году и отличается пейоративной окраской, обусловленной излишней самостоятельностью Н. Саркози при выполнении обязанностей, а также его популярностью в СМИ:

Nicolas Sarkozy a repris aujourd'hui à son compte l'expression d'«omniprésident» souvent utilisée pour le critiquer ... [2*]

Николя Саркози присвоили вновь выражение «вездесущего», которое часто используется в целях его критики...

austéritaire (austérité + autoritaire) – телескопное новообразование Жана-Люка Меланшона, описывающее процесс создания (строительства) Евросоюза. Создание ЕС политик определил двойной характеристикой — авторитарное, однако постепенно переходящее в жесткое, например:

(Austéritaire) autoritaire dans sa méthode, la construction européenne a progressivement imposé l'austérité. [3]*

Авторитарный по своей сути процесс создания ЕС постепенно становится жестким.

Наряду с исследованными новообразованиями отметим также такие ЛЕ: *rioublrique, voyoucratie, kleptokratie, méprisance, bravitude, austéritaire, rilance (ri-lance), croiseur, inénervable, sidaique, sidatorium, montgolfite, hyperprésident, omniprésidence, hyperprésidence, turbuler.*

Исследование перечисленных примеров показывает, что наиболее значимым для окказиональных ОПН, образованных от имен нарицательных (ИН), является их отношение к конкретному политическому контексту, вследствие чего переводчику необходимо подбирать текстовый эквивалент, формулируя сначала некие гипотезы, которые определяют анализ особенностей нового слова и его понимание. В данном случае перевод осуществлен при помощи описательного перевода (*omniprésident*) и семантического калькирования (*impuisanter, austéritaire*).

Стоит также отметить, что правильность перевода ОС уточняется в большинстве случаев при помощи политического контекста, а также собственных экстралингвистических знаний переводчика.

Ко второй группе мы относим политические окказионализмы, образованные от имен собственных (ИС). Например:

trumpisation (Trump+is+ation) – термин, который употребил премьер-министр Франции Мануэль Вальс в 2016 году при описании нового формата политических дебатов во Франции и в Европе. Данный неологизм отрицательно коннотирован и характеризует более жесткую по сравнению с традиционной риторикой оратора, который выражает свои идеи с целью быть услышанным сегодня и сейчас, не учитывая ни последствия, ни факты в ареале политического и экономического влияния:

En plus d'avoir un impact majeur sur la géopolitique et sur la défense de la civilisation, son élection amorcera la trumpisation de toutes les droites d'Europe. La trumpisation, c'est principalement ne plus se soumettre devant le glaive de nos adversaires: les médias officiels, le politiquement correct. [4]*

Помимо существенного влияния на геополитику и безопасность человечества, ее избрание будет инициировать трампизацию всех правых партий Европы. Трампизация представляет собой в основном неподчинение нашим противникам: официальным средствам массовой информации и политкорректности.

sarkocratie (*Sarkozy* + (греч.) *kratos* (власть, авторитет) – гибридное новообразование, появившееся в Интернете в 2005 г. в период пребывания Николя Саркози на посту министра внутренних дел и председателя партии «ИИР» (UMP). Термин использован политическими противниками для характеристики предвыборной стратегии Н. Саркози. Обозначение получило широкое распространение в прессе также в 2007 году после избрания Николя Саркози на пост президента. Термин имеет пейоративный оттенок, поскольку характеризует такие качества «вездесущего» (*omniprésident*) главы государства, как авторитаризм, манипулирование подачей информации в СМИ, клановую и элитарную концепцию политики и определяет сущность политики Николя Саркози и его последователей и сторонников (называемых «*sarkozystes*»):

... le moment est venu de faire quelque chose, d'essayer de se dresser contre ce que l'on pourrait appeler une sarkocratie. [5]*

... пришло время действовать, попытаться встать против того, что можно назвать саркокрацией.

cressonisation (*Cresson* + *is* + *ation*) – отантропонимическая суффиксальная неолексема, образована Стефаном Розесом, председателем Совета анализа и перспективы (САР), с целью критичной характеристики любого премьер-министра, допускающего ошибки в своей речи, в политической коммуникации, как это было в случае с Эдит Крессон. Данный политический неологизм все чаще ассоциируется с образом Жана-Марка Айро, который в настоящее время стал жертвой подобного явления:

Ceux qui accusent Jean-Marc Ayrault de «cressonisation» pointent donc principalement sa maladresse et son manque d'autorité. [6]*

Те, кто обвиняет Жан-Марка Айро в крессонизации, в основном указывают на его неловкость и отсутствие власти.

jupitérien (*Jupiter* + *ien*) – от *Jupiter — roi des dieux et des hommes dans la mythologie romaine* и суфф. *-ien*). Семантический неологизм, использованный Э. Макроном в интервью экономическому журналу «Challenges» в октябре 2016 г. С помощью данного термина президент Франции выразил свое желание воссоздать концепцию государства, соответствующую духу Пятой Республики Шарля де Голля и Франсуа Миттерана. В сфере политики обращение к римской мифологии весьма символично. Прилагательное *jupitérien* обладает метафорическим значением и обозначает возможность вернуть (или в очередной раз придать) государственной должности президента уважение, авторитарность и силу, которые она потеряла с 2007 года, путем возвращения к истокам Пятой Республики. Выражение *président*

jupitérien определяет авторитарного/властвующего президента, который способен придать импульс политическому процессу, однако «держаться дистанцию» по отношению к политическим деятелям Франции:

... un président (jupitérien) qui prend de la hauteur ... : c'est finalement un retour aux sources de la Constitution de la Ve République. [7]*

... авторитарный президент, который обладает величием (властью)... : это означает всецелое возвращение к истокам Конституции V Республики.

Наряду с представленными новообразованиями, отметим также *lepénisation* (от *Marine Le Pen*), *raffarinade* (от *Jean Pierre Raffarin*), *juppettes* (от *Alain Juppé*), *balladurette* (от *Edouard Balladur*), *somalisation* (от *Somalie*).

Исследование второй группы ОПН, своего рода отантропонимических окказионализмов, показывает, что основными критериями в процессе перевода служат не только контекстуальное значение, но и главные образы (структура) ОПН, которая отражает системные особенности двух опорных морфем — производящей основы (антропонима) и словообразовательного форманта [8, с.205]. Значение политического окказионального слова, образованного от имени собственного (ИС), представляет собой особую комбинацию содержательных (коннотативных) ассоциаций. В данном случае основным является семантическая составляющая производящей основы-ИС, которая отражает личностную характеристику политической личности: образ правления, стиль общения.

Согласно теоретическим положениям о языковых преобразованиях, В.Г. Гак отмечает также особую роль семантических трансформаций в процессе передачи реалий с одного языка на другой. Однако, несмотря на универсальный характер семантических модификаций, ученый отмечает, что решающим при переводе реалий является не способ их обозначения, а в первую очередь конкретное устройство и функционирование данной реалии, а также наличие связанных с ней определенных ассоциаций в сознании носителей языка. [9, с.145]

Таким образом, коммуникативная ценность, коннотативное содержание окказиональных ОПН, образованных от ИС, могут быть наиболее точно переданы при помощи семантического и структурного калькирования обоих элементов полностью (*trumpisation*, *cressonisation*, *sarkocratie*), а также при помощи приближенного перевода (лексическим аналогом) (*jupitérien*). Применение калькирования при переводе объясняется наличием у морфем в

исходном тексте системных соответствий в переводном тексте и их способностью как можно точнее передать дополнительное коннотативное значение, что будет способствовать достижению эквивалентности текста оригинала и перевода. Другими словами, данный тип неологизмов передается преимущественно с помощью лексических соответствий.

В заключение отметим, что для примеров первой группы, включающей в большей мере термины с номинативной функцией, более значимым, чем для второй, оказывается их отношение к конкретному политическому контексту, вследствие чего в процессе перевода специалисту необходимо отразить контекстуальный эквивалент, который определит особенности нового понятия, и в первую очередь его понимание.

Трудности, которые были выявлены нами в процессе перевода ЛЕ второй группы, включающей стилистически маркированные ОПН с номинативно-оценочной функцией, обусловлены необходимостью отражения не только их денотативного значения, но и сохранения коннотативной окраски, исходя как из ситуативного (политического) контекста, в котором они употребляются, так и из особенностей их структуры. В таком случае переводчику необходимо прибегнуть к определенному индивидуальному словотворчеству, создавая так называемые переводческие (переводные) окказионализмы.

Литература

1. Многоязычная универсальная интернет-энциклопедия Википедия. — Режим доступа: <https://fr.wikipedia.org/wiki/Néologisme> (дата обращения 28.11.2018)
2. La plume à poil. — Режим доступа: <https://laplumeapoil.com/2017/11/10/les-neologismes-des-politiques/> (дата обращения 06.12.2018)
3. Gaudin F., Guespin L. Initiation a la lexicologie francaise. De la neologie aux dictionnaires / F. Gaudin, L. Guespin. — Bruxelles: Editions Duculot, 2006.— 249 p.
4. Pichon E., Damourette J. Des mots à la pensée: en 8 volumes. / E. Pichon, J. Damourette. — Paris: Librairie Philosophique Vrin (réed.), 2000. — 569 p.
5. Аржанов А.А. Закон есть закон / А.А. Аржанов. — М., 1968. Журналист (№ 3) — С. 20-22.
6. Бархударов Л.С. Язык и перевод (Вопросы общей и частной теории перевода) / Л.С. Бархударов. — М.: Международные отношения, 1975. — 240 с.
7. Виноградов В.С. Введение в переводоведение (общие и лексические вопросы) / В.С. Виноградов. — М.: Издательство института общего среднего образования РАО, 2001. — 224 с.
8. Полянчук О.Б. Денотативная и жанровая составляющие эквивалентности перевода производного слова / О.Б.Полянчук // Социокультурные проблемы перевода. — Воронеж: Наука-Юнипресс, 2014. — С. 204 - 213.
9. Гак В.Г. Языковые преобразования / В.Г. Гак. — М.: Языки славянской культуры, 1998. — 768 с.

Список источников примеров

- 1* <https://www.huffingtonpost.fr/2018/04/15>
2* <http://lefigaro.fr>
3* <http://www.europe1.fr/politique/petit-dico-des-neologismes-politiques-1295475>
4* <http://Breizh-Info.com>
5* www.voixdujura.fr
6* Europe1.fr
7* <https://www.20minutes.fr/>

FEATURES OF TRANSLATION FROM FRENCH INTO RUSSIAN INDIVIDUAL POLITICAL NEOLOGISMS

V. Ababiy
Pridnestrovian State University

Abstract. The article deals with approaches and methods used when translating from French into Russian of individual (subject, subjective) social and political neologisms (SPN) and reveals the features of their translation from one language to another. Translation of such occasional lexical units represents some difficulties, which is explained by the characteristics of the structure and a particular social and political context. In most cases the prevalence of contextual meaning of occasional neologisms is explained by the derivational elements they are composed of, i.e. roots of proper and common nouns (PN and CN) and an affix. This helps to choose the exact method of translation to achieve the equivalence between the original text and its translation.

Key words: individual (subject, subjective) social and political neologism, complex structure, contextual meaning, semantic and formal tracing, descriptive translation, approximate translation

Абабий Валентина Николаевна,	V. Ababiy
старший преподаватель кафедры иностранных языков	Senior Lecturer, Foreign Languages Department,
Приднестровского государственного университета им. Т.Г. Шевченко,	Pridnestrovian State University,
аспирант кафедры французской филологии	Post-graduate student of the Department of French Philology VSU
00 (373)778-62-740	ВГУ 00 (373)778-62-740
valentinaababii@mail.ru	valentinaababii@mail.ru

**МЕЖВУЗОВСКИЙ КОНКУРС ПЕРЕВОДА
С ФРАНЦУЗСКОГО ЯЗЫКА НА РУССКИЙ
КАК ИНСТРУМЕНТ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ
ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ КОМПЕТЕНЦИЙ
БУДУЩИХ ПЕРЕВОДЧИКОВ**

М.В. Агасандова, С.Ю. Бурякова
Воронежский государственный университет

Аннотация. В статье анализируется опыт участия кафедры французской филологии ВГУ в межвузовском конкурсе перевода, который ежегодно проводится кафедрой теории перевода и межкультурной коммуникации ВГУ. Авторы анализируют потенциал внеаудиторных форм работы, в том числе участие в заочном и очном этапах конкурса перевода, как инструментов совершенствования профессиональных компетенций и мотивации профессиональной деятельности у будущих переводчиков. Описываются форматы заочного и очного этапов конкурса, обосновывается выбор жанров и типов текстов, предлагаемых для перевода, проводится анализ результатов конкурса за семь лет, описывается роль мероприятия в продвижении изучения французского языка как первого и второго иностранного. На основе опыта различных институтов, занимающихся поддержкой французского языка в России, дается ряд рекомендаций по совершенствованию процедуры проведения конкурса.

Ключевые слова: профессиональные компетенции переводчика, мотивация, внеаудиторная работа, конкурс перевода, французский язык

Проблема мотивации студентов переводческих отделений к самостоятельному развитию профессиональных компетенций и творческих умений перевода различных типов текста остается по-прежнему актуальной. Особенно остро она стоит для студентов, начавших изучать какой-либо иностранный язык (чаще всего немецкий, французский, испанский или итальянский) «с нуля» после поступления в университет. В условиях двухуровневой системы образования, когда на ступени бакалавриата в течение первых двух лет обучения происходит формирование общекультурных и общепрофессиональных компетенций в рамках изучения дисциплин гуманитарного цикла, в том числе общелингвистических, а также интенсивно изучается новый иностранный язык, у этих молодых людей остается только два года на развитие профессиональной уверенности в собственных силах, готовности к будущей профессии,

понимания ее социальной значимости и формирование мотивации к постоянному самосовершенствованию.

В этой связи задача преподавателей вузов заключается в создании благоприятных условий для повышения мотивации студентов и эффективном использовании всех доступных ресурсов и форм работы. Важную роль в решении этой задачи могут сыграть внеаудиторные формы работы, расширяющие фонд учебного времени. Профессионально-ориентированные деловые игры, организация экскурсий на культурные объекты и предприятия с подготовленным последовательным переводом, привлечение студентов к выполнению переводов по заказу муниципальных учреждений (например, туристических путеводителей по городу или презентаций региона для зарубежных партнеров) уже на младших курсах бакалавриата позволяют интенсифицировать профессиональную подготовку студентов, повысить их интерес к осваиваемой профессии и мотивацию, развить умения учебной автономии.

Цель настоящей статьи – проанализировать роль одной из форм профессионально-ориентированной внеаудиторной работы, а именно конкурса перевода, как инструмента совершенствования профессиональных компетенций студентов-переводчиков и повышения их мотивации профессиональной деятельности.

Конкурс перевода как внеаудиторная форма работы позволяет формировать целый ряд профессиональных компетенций и профессионально-значимых качеств переводчика. Выделим лишь некоторые из них:

– экзистенциальная компетенция: студенты приобретают опыт работы в условиях, приближенных к реальному рынку труда (необходимость строгого соблюдения сроков выполнения перевода, соблюдение требований к оформлению, оценка качества перевода сторонними специалистами и т.п.), что позволяет в дальнейшем быстрее адаптироваться к требованиям работодателя, повышает конкурентоспособность [1, с.54];

– социокультурная и информационно-поисковая компетенции: тексты, которые предлагаются в качестве конкурсного перевода, обычно подбираются с учетом отсутствия существующих переводов на русский язык; поэтому студенту необходимо самостоятельно осуществить предпереводческий анализ, выявить связанные с межкультурной асимметрией лакуны, пополнить свой когнитивный багаж и фоновые знания получателя перевода, составив переводческий комментарий;

– мотивация достижений: работа над текстом конкурсного перевода требует от студента максимальной концентрации и самоотдачи, большинство студентов мотивированы к участию именно желанием победить;

– техника перевода: тщательная работа над текстом перевода позволяет студенту отработать так называемую технику перевода, включающую умение отбирать с учетом типа межъязыковой асимметрии и выполнять различного рода переводческие трансформации (лексико-грамматические, стилистические, прагматические и т.п.);

– умения критического анализа результатов собственной профессиональной деятельности с целью профессионального самосовершенствования: обратная связь, которую студенты обычно получают от членов жюри (по каждой работе индивидуально или по всей совокупности представленных на конкурс работ) позволяет студентам критически оценить принятые переводческие решения, приобрести опыт анализа собственной профессиональной деятельности, что является неотъемлемой компетенцией конкурентоспособного переводчика.

Молодежный межвузовский конкурс перевода проводится кафедрой теории перевода и межкультурной коммуникации ВГУ с 2011 г., и кафедра французской филологии ВГУ ежегодно принимает в нем участие с 2011 г. на протяжении семи лет.

Конкурс традиционно проходит в два этапа: заочный, предусматривающий выполнение письменного перевода с французского на русский язык, и очный, представляющий собой своеобразное состязание переводчиков в неподготовленном последовательном переводе.

Ежегодно в рамках заочного этапа французский язык представлен в трех или четырех номинациях, отражающих наиболее распространенные стили и жанры, с которыми переводчики сталкиваются на рынке труда:

– перевод художественного и поэтического текста: перевод художественного текста всегда вызывает особый интерес у участников конкурса, поскольку позволяет максимально продемонстрировать творческий подход к процессу перевода. В качестве текстов для перевода отбираются фрагменты объемом около 2000 печатных знаков из произведений французских и франкоязычных авторов, которые не были переведены на русский язык. В разные годы в качестве задания участникам предлагались фрагменты произведений П. Девиля, А. Бомбара, Ж.-М.Г. Леклезие, И. Яблонки и др. Выбор того или

иною автора мотивируется присуждением ему значимой литературной премии в конкурсном году, что становится поводом для интервью, критических статей, анализа особенностей стиля. Это создает особый когнитивный контекст, который участникам следует учитывать при выполнении перевода. Кроме того, критерием отбора текстов служит их стилистическая, лингвокультурная специфика (например, наличие интердискурсивности), что позволяет оценить умения анализа текста, владение комплексом языковых средств родного языка, умения выбора стратегии перевода с целью достижения максимальной импрессивной эквивалентности.

В качестве поэтических текстов для перевода предлагались стихи Ж. Реда, А. Шенье, С. Ананда и др. В данной номинации конкурсная ситуация складывалась не всегда: этот текст представляет значительные трудности для перевода, но автор лучшего перевода награждался дипломом «За воссоздание авторской образности»;

– перевод публицистического текста: выбор текстов публицистического стиля (традиционно это жанр газетной статьи) обусловлен несколькими факторами. Во-первых, их апеллятивным характером; в этом случае при переводе на первый план выходит понимание авторской интенции, анализ комплекса дискурсивных стратегий, реализации последних отбор средств родного языка, выполняющих схожую функцию. Во-вторых, такие тексты всегда содержат отсылки к современным реалиям французского общества, что требует от переводчика углубленного информационного поиска и осознанного выбора стратегии заполнения/компенсации возникающих лакун в тексте перевода;

– перевод прагматически-ориентированного текста: чаще всего для перевода жюри отбирает кулинарные рецепты, тексты рекламного характера, инструкции. Выбор прагматически-ориентированных текстов в качестве конкурсного задания обусловлен их кажущейся простотой и небольшим объемом: традиционно именно в этой номинации оказывается самое большое количество участников. Однако от участников требуется воспроизвести прагматическую функцию текста, основываясь скорее на требованиях адекватности перевода, иногда в ущерб эквивалентности языковых средств; учесть культурную специфику жанра текста и т.д.

Можно кратко проанализировать проведение заочного этапа конкурса за последние семь лет. Широко представлена география участников. Самыми активными были студенты ВГУ, наряду с этим регулярно поступали заявки из многих вузов России: госуниверситетов из г. Волгограда, г. Екатеринбурга, г. Электростали, Нижегородского

Лингвистического университета, Самарского государственного аэрокосмического университета имени академика С.П. Королева и других. Количество участников письменного этапа конкурса за последние три года увеличилось на 30%. Предпочтение отдавалось переводу художественного и прагматически-ориентированного текста, чуть меньше конкурсантов (примерно на 20%) присылали перевод публицистического текста.

Переводческий конкурс выступает средством формирования профессиональных компетенций даже у студентов, которые не принимают в нем непосредственного участия. Полученные конкурсные переводы представляют собой уникальный корпус вариантов перевода одного текста, и вызывают несомненный научный и дидактический интерес. Как отмечает Д.И. Ермолович, «Даже короткий текст, одновременно переведенный значительной группой людей, помогает заметить какие-то тенденции, даже, если угодно, стереотипы в подходах русскоязычных людей к перевыражению иностранного текста на родном языке. (...) в интернет-конкурсе, где принимают участие все желающие, подходы и внутренние установки участников варьируются в несравненно более широких пределах, переходя подчас неожиданные границы» [2, с.212]. Поэтому работы участников используются преподавателями кафедры французской филологии, разумеется, при сохранении полной анонимности, как эмпирический материал для иллюстрации теоретических положений (типологии переводческих ошибок, стратегии перевода, межъязыковых трансформаций и т.п.) в рамках профессионально-ориентированных переводческих дисциплин «Теория перевода», «Теория дискурса и текста», «Практикум по письменному переводу».

Очный этап конкурса перевода с французского языка на русский предлагает два вида заданий: 1) перевод с листа новостных сообщений из французской прессы. Объем сообщений – около 110 слов, перевод осуществляют 4 – 6 студентов. 2) Перевод пословиц и поговорок (около 10 – 15), победитель выявляется в ходе проведения блитурнира. В устном этапе конкурса могут принять участие все желающие. Результаты очного этапа конкурса также используются преподавателями кафедры французской филологии в дидактических целях в рамках профессионально-ориентированных переводческих дисциплин.

Несмотря на растущий из года в год интерес к конкурсу, следует отметить ряд направлений работы по его улучшению на основе опыта французских и русских коллег, организующих подобные мероприятия.

А.Ю. Смирнова выделяет ряд требований, предъявляемых к качеству проводимых конкурсов перевода:

- обязательное сообщение информации о целях и задачах конкурса, сроках подачи заявок и готовых переводах, требований к оформлению работ на официальном сайте или в рассылаемом информационном письме;

- ознакомление с критериями оценки конкурсных работ, сокрытие которых автор считает неправомерным;

- ознакомление с работами победителей;

- обязательная обратная связь с организаторами конкурса по поводу качества присланной работы (в индивидуальном порядке) [3, с.314-315].

Воронежский молодежный межвузовский конкурс переводчиков имеет электронную площадку [4], где публикуется информационное письмо о конкурсе и работы участников, занявших первые места в номинациях. Поэтому в качестве путей улучшения качества проведения конкурса можно предложить следующие.

1) Знакомство участников с критериями оценивания: жюри оценивает работы участников, начисляя штрафные баллы за переводческие ошибки или добавляя бонусные баллы за удачные переводческие решения, исходя из начальной суммы 100 баллов. «Стоимость» переводческих ошибок зависит от их типа и степени влияния на адекватность и эквивалентность перевода. Например, орфографическая ошибка будет стоить участнику 1 балл, а смысловая ошибка или опущение – от 7 до 10 баллов. Несмотря на то, что предлагаемые критерии в целом не новы и широко используются для оценки качества перевода в процессе обучения, ознакомление с ними участников могло бы служить дополнительной мотивацией для качественного редактирования собственного перевода и его оформления в соответствии с требованиями.

2) Формат обратной связи: в настоящее время на базе официальной группы конкурса перевода в социальных сетях «В Контакте» и «Facebook» участники могут задать организационные вопросы. Однако особый интерес для развития профессиональных компетенций и мотивации профессиональной деятельности представляют несколько иные форматы обратной связи, используемые, к примеру, в рамках других переводческих конкурсов. Так, в рамках ежегодного конкурса художественного перевода с французского языка на русский «Inalco Russe Open» по завершении конкурса члены жюри публикуют собственный анализ переводческих трудностей и размышления по поводу переводческих решений участников на официальном сайте

(см., например, комментарии членов жюри по итогам последнего конкурса [5]). Кроме того, председатель жюри проводит вебинар, где отвечает на вопросы участников по поводу переводческих трудностей, присланные на электронную почту организаторов конкурса.

Другой интересный формат обратной связи используется организаторами конкурса поэтического перевода «Диалог культур» (Уральский государственный педагогический университет): на официальной странице Ресурсного центра французского языка размещены короткие видеоматериалы, в которых сами участники анализируют переводческие трудности конкурсных текстов [6].

Организация обратной связи в подобном формате, безусловно, требует гораздо больших усилий, но дидактическую эффективность подобной практики трудно переоценить.

Таким образом, все сказанное выше позволяет рассматривать межвузовский конкурс перевода с французского языка на русский как инструмент совершенствования профессиональных компетенций студентов-переводчиков и повышения их мотивации профессиональной деятельности.

Литература

1. Малявина А.Н. Самостоятельная работа как обязательная составляющая формирования общепрофессиональных и профессиональных компетенций лингвиста-переводчика / А.Н. Малявина // Карельский научный журнал. – 2017. – Т. 6. № 4 (21). – С. 52-56.
2. Ермолович Д.И. Пение без звука: об итогах одного переводческого конкурса / Д.И. Ермолович // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика. – 2015. – № 1. – С. 212-229.
3. Смирнова А.Ю. Обратная связь между организаторами и участниками конкурса перевода как инструмент повышения эффективности его проведения / А.Ю. Смирнова // Иностранные языки в контексте межкультурной коммуникации. Материалы докладов X Международной конференции. – 2018. – С. 313-316.
4. Официальная страница кафедры теории перевода и межкультурной коммуникации. – Режим доступа: <https://vk.com/tpimk> (дата обращения: 29.11.2018).
5. Inalco Russe Open. Результаты конкурса 2018. – Режим доступа: <https://inalco-russe-open.webnode.ru/rezultaty-konkursa-2018/> (дата обращения: 29.11.2018).
6. Официальная страница Ресурсного центра французского языка УрГПУ. – Режим доступа: <https://vk.com/rcfrancais>.

INTER-UNIVERSITY CONTEST IN TRANSLATION FROM FRENCH LANGUAGE TO RUSSIAN AS AN INSTRUMENT OF IMPROVEMENT OF PROFESSIONAL COMPETENCES OF FUTURE TRANSLATORS

M.V. Agasandova, S.Yu. Buryakova
Voronezh State University

Abstract. The article analyzes the experience of participation of the Department of French Philology of the Voronezh State University in the Inter-university translation contest, which is held annually by the Department of Theory of Translation and Intercultural Communication of the Voronezh State University. The authors analyze the potential of extracurricular forms of work, including participation in the distance and face-to-face stages of the translation contest, as a tool for improving professional competences and professional motivation of future translators. The stages of the contest are described, the choice of genres and types of texts proposed for translation is explained, the results of the competition over the past seven years are analyzed, the role of the event in promoting the study of French as the first and second foreign language is described. Based on the experience of various institutions involved in supporting the French language in Russia, a number of recommendations are given on how to improve the contest procedure.

Key words: professional competences of a translator, motivation, extracurricular work, translation contest, French language

Агасандова Марина Валерьевна,
преподаватель кафедры
французской филологии,
Воронежский государственный
университет;
74732532238
marinaagasandova@mail.ru

Marina Valerievna Agasandova
Lecturer, Department of French Philology,
Voronezh State University
74732532238
marinaagasandova@mail.ru

Бурякова Светлана Юрьевна,
доцент кафедры французской
филологии,
Воронежский государственный
университет;
74732532238
svetlanbulgakov@yandex.ru

Svetlana Yurievna Buryakova
Associate Professor, Department of
French Philology,
Voronezh State University
74732532238
svetlanbulgakov@yandex.ru

ОТРАЖЕНИЕ НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНОЙ КАРТИНЫ МИРА В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ПЕРЕВОДЕ

Д.У. Ашурова

Узбекский государственный университет мировых языков

Аннотация. Статья посвящена проблемам художественного перевода, в частности стилистической адекватности перевода с позиции новых направлений лингвистики, таких как когнитивная лингвистика, лингвокультурология и прагмалингвистика. В этом плане понятие стилистической адекватности перевода требует нового расширенного толкования и не ограничивается анализом семантико-стилистических соответствий, а включает рассмотрение когнитивно-прагматических и культурологических факторов. Адекватность перевода трактуется с позиций национально-культурной и индивидуально авторской картины мира, что предполагает учет как лингвистических, так и экстралингвистических факторов. К лингвистическим факторам относятся: а) характер денотативного и коннотативного значения лексических единиц; б) семантико-стилистические трансформации в процессе метафоризации, словопроизводства, формирования стилистических приёмов; в) стилевая и жанровая принадлежность лексики, её прагматическая ориентированность и национально-культурная специфика; г) тональность текста. К экстралингвистическим факторам относятся: а) ситуативный и социокультурный контекст: особенности национально-культурной и индивидуально авторской картины мира; б) эстетические и моральные ценности; 3) литературные традиции.

Ключевые слова: выдвижение, национально-культурная специфика, экстралингвистические факторы, стилистическая адекватность, концептуальный, художественный перевод, информация

Теория художественного перевода является одним из сложнейших и наименее изученных разделов общей теории перевода, что обусловлено недостаточной разработанностью как эмпирической, так и теоретической базы. Более того, современный этап развития теории перевода характеризуется процессами интеграции научных идей, возникающих на стыке новых лингвистических направлений, таких как когнитивная лингвистика, лингвокультурология, гендерная лингвистика. Под влиянием этих направлений в теории перевода происходит пересмотр многих традиционных взглядов и внедрение новых методов исследования. Отличительной особенностью художественного перевода является его междисциплинарный характер, обусловленный тесными взаимосвязями с такими

дисциплинами, как сравнительно-типологическая лингвистика, сравнительная стилистика, литературоведение, когнитивная лингвистика, лингвокультурология и др.

Как известно, ключевым понятием художественного перевода с позиций стилистической теории языка является понятие стилистической адекватности перевода. Однако оно требует нового, расширенного толкования. Оно ни в коей мере не ограничивается семантико-стилистическими соответствиями, а включает прагматический, когнитивный и лингвокультурологические аспекты. Когнитивный подход к художественному переводу заключается прежде всего в раскрытии индивидуально-авторской концептуальной картины текста оригинала и её адекватной передаче при переводе. Концептуальная информация – это комплекс сведений, сообщающий читателю индивидуально-авторское понимание отношений между явлениями, понимание их причинно-следственных связей, их значимости в социальной, политической, культурной жизни народа, включая отношения между индивидами, их сложного психологического и эстетико-познавательного взаимодействия [1]. Раскрытие концептуальной информации в художественном тексте осуществляется через концепт как комплексную, ментальную сущность, ядерный (базовый) компонент картины мира, обладающего значимостью как для отдельной языковой личности, так и для лингвокультурного сообщества в целом [2]. Адекватность передачи концептуальной информации предполагает интерпретацию и сохранение в языке перевода когнитивной сущности переводимых единиц и всего текста.

Обратимся к анализу сонета У. Шекспира и его перевода, сделанного известным русским поэтом С. Маршаком [1*]:

<i>My mistress' eyes are nothing like the sun</i>	<i>Ее глаза на звезды не похожи,</i>
<i>Coral is far more red than her lips' red;</i>	<i>Нельзя уста кораллами назвать,</i>
<i>If snow be white, why then her breasts are dun;</i>	<i>Не белоснежна плеч открытых кожа,</i>
<i>If hairs be wires, black wires grow on her head.</i>	<i>И черной проволокой вьется прядь.</i>
<i>I have seen roses damask'd, red and white,</i>	<i>С дамасской розой, алой или белой,</i>
<i>But no such roses see I in her cheeks,</i>	<i>Нельзя сравнить оттенок этих щек.</i>

<i>And in some perfumes is there more delight</i>	<i>А тело пахнет так, как пахнет тело,</i>
<i>Than in the breath that from my mistress reeks.</i>	<i>Не как фиалки нежный лепесток.</i>
<i>I love to hear her speak, yet well I know</i>	<i>Ты не найдешь в ней совершенных линий,</i>
<i>That music hath a far more pleasing sound;</i>	<i>Особенного света на челе.</i>
<i>I grant I never saw a goddess go, My mistress when she walks treads on the ground.</i>	<i>Не знаю я, как шествуют богини, Но милая ступает по земле.</i>
<i>And yet, by heaven, I think my love as rare</i>	<i>И все ж она уступит тем едва ли,</i>
<i>As any she belied with false compare.</i>	<i>Кого в сравненьях пышных оболгали.</i>

Данный перевод с точки зрения его языкового выражения представляется совершенным и может рассматриваться как самостоятельное художественное произведение, как результат сотворчества двух авторов. Однако с точки зрения концептуальной информации можно отметить некоторые расхождения.

Прежде чем сформулировать концептуальную информацию текста оригинала, необходимо провести его тщательный лингвистический анализ. В сонете использованы многочисленные стилистические приёмы: метафоры, художественные сравнения, эпитеты. Обращает на себя внимание тот факт, что все они имеют одну особенность – отрицание признаков, ассоциируемых с понятием красоты: глаза – не звёзды, уста – не кораллы, не белоснежна кожа, щёки – не розы и т.д. Создаётся имплицитная многочленная антитеза, противопоставляющая «идеал красоты» и возлюбленную поэта – обычную, земную девушку. Такое необычное использование стилистических приёмов, основанное на многократном отрицании, ставит их в позицию выдвигания. Понятие выдвигания, хотя оно в той или иной степени было описано в трудах представителей русской формальной школы [3; 4] и Пражского лингвистического кружка [5; 6] и рассматривалось как приём построения литературно-художественных и поэтических текстов, прочно вошло в арсенал терминов когнитивной лингвистики как один из когнитивных принципов построения текста [7]. Привлекая внимание к определённым частям текста, выдвигание направляет интерпретацию текста и облегчает поиск концептуальной информации. На первый взгляд можно предположить, что поэт

воспеваает любовь к простой, не отличающейся красотой девушке. Но использование в составе антитезы сниженной лексики с отрицательной коннотацией (*to tread* – to step or press heavily on the ground; *to reek* – to have a very strong, unpleasant smell) меняет тональность текста, побуждает переосмысливать его содержание, которое предстаёт уже в другом, насмешливо-ироническом, плане. В этом контексте все стилистические приёмы, использованные в сонете, воспринимаются как пародия, основанная на ироническом воспроизведении «высокого стиля» поэтов того времени.

Концептуальная информация шекспировского сонета заключается, на наш взгляд, в резкой критике автором поэтов-современников и сложившейся традиции «украшательства» стиля возвышенными риторическими фигурами и напыщенными фразами.

В переводе С. Маршака отрицательные коннотации отсутствуют, сохраняется положительная возвышенно-романтическая тональность. Об этом свидетельствует использование поэтической лексики (*уста, чело, ступает*), нейтрализация отрицательных коннотаций и их замена на положительные. Так, в переводе предложения *And in some perfumes is there more delight//Than in the breath that from my mistress reeks* на *А тело пахнет так, как пахнет тело//Не как фиалки нежный лепесток* полностью нейтрализуются отрицательные коннотации, связанные с лексическим значением слова *reek*.

На этом основании приходится констатировать, что концептуальное содержание оригинального текста и текста перевода не совпадает, равно как и их прагматическая направленность. Как известно, прагматический уровень перевода включает такие важные параметры, как коммуникативная интенция и коммуникативный эффект [8]. В анализируемом переводе наблюдаются некоторые изменения в выражении коммуникативной интенции, что проявляется в перестановке акцентов: выражение насмешливо-иронической оценки в сонете У. Шекспира в тексте перевода отступает на второй план, а на первом плане – тема любви поэта.

Одним из основных условий стилистической адекватности перевода является учёт национально-культурной специфики языковых единиц и сохранение национально-культурной специфики при переводе. Проблема национально-культурной специфики стилистически маркированных единиц широкой разработки в лингвистике не получила, хотя языковой материал свидетельствует о том, что стилистически маркированные единицы обладают высоким национально-культурным потенциалом. Частотные корреляции между стилистическими характеристиками и национально-культурной

спецификой языковых единиц обуславливают необходимость лингвокультурологического анализа в процессе художественного перевода.

Изученный материал даёт возможность утверждать, что перевод национально-маркированных образных средств с буквальным сохранением образа оригинала может привести к искажению национальной картины мира. Так, в первой строке сонета 130 У. Шекспира художественное сравнение *My mistress' eyes are nothing like the sun* переводится как *Её глаза на звёзды не похожи*. Если бы переводчик дал дословный перевод *sun – солнце*, то нарушил бы языковые и культурные нормы русского языка, так как для русской литературной традиции характерно сравнение *глаза – звёзды*. Из этого следует, что наиболее адекватным способом перевода образных средств является перевод с частичным сохранением образа оригинала, где образная основа сохраняется с определёнными изменениями лексического и/или грамматического характера.

Национально-культурная специфика языковых единиц обусловлена взаимодействием лингвистических и экстралингвистических факторов. В плане экстралингвистических факторов в процессе художественного перевода первостепенную значимость получают факторы культурологического характера – эстетические и моральные ценности, а также литературные традиции. Лингвистическую основу национально-культурной специфики составляют: а) характер денотативного и коннотативного значения лексической единицы; б) семантико-стилистические трансформации в процессе метафоризации, словопроизводства, формирования стилистических приёмов; в) стилевая и жанровая принадлежность лексики и её прагматическая ориентированность; г) тональность текста.

Таким образом, адекватность перевода художественного текста достигается при условии междисциплинарного подхода к переводу текста и его единиц с учётом всех их параметров: семантико-стилистических, прагматических, когнитивных, лингвокультурологических.

Литература

1. Гальперин И.Р. Текст как объект лингвистического исследования. / И.Р. Гальперин – М.: Наука, 1981. – 140 с.
2. Маслова В.А. Лингвокультурология. / В.А. Маслова – М.: Академия, 2007. – 208 с.
3. Ларин Б.А. Эстетика слова и язык писателя : избранные статьи / Б.А. Ларин; вступ. ст. А. Федоров . – Л. : Художественная литература. Ленингр. отд-ние, 1974 . – 285 с.
4. Якобсон Р.О. Работы по поэтике. / Р.О. Якобсон – М.: Прогресс, 1987/Сост. и общ. ред. М.Л. Гаспарова. – М.: Прогресс, 1987. – 464 с.

5. Гавранек Б. Задачи литературного языка и его культура // Пражский лингвистический кружок. / Б. Гавранек – М., 1988
6. Мукаржовский З. Литературный язык и поэтический язык // Пражский лингвистический кружок. / З. Мукаржовский – М.: Прогресс, 1967. – С. 406-431.
7. Краткий словарь когнитивных терминов // Е. С. Кубрякова, В. З. Демьянков, Ю. Г. Панкрац, Л. Г. Лузина Под общ. ред. Е. С. Кубряковой, – М.: Филологический факультет МГУ им. М. В. Ломоносова, 1996. – 245 с.
8. Швейцер А.Д. Теория перевода: Статус, проблемы, аспекты. /А.Д. Швейцер – М.: Наука, 1988. – 207 с.

Список анализируемых источников

- | | | | | | |
|--|----------|------|---|-------|----------|
| 1. Шекспир | У. Сонет | 130. | – | Режим | доступа: |
| www.stihi-rus.ru/World/Shekspir/130.htm | | | | | |

REFLECTION OF NATIONAL-CULTURAL WORLD PICTURE IN LITERARY TRANSLATION

Ashurova Dilyaram Umarovna
Uzbekistan State World Languages University

Abstract. The article is concerned with the problems of literary translation, particularly stylistic adequacy of translation from the viewpoint of new linguistic trends such as cognitive linguistics, pragmalinguistics and linguoculturology. In this respect, the notion of stylistic adequacy of translation should be revised and reconsidered. It is not limited to the analysis of semantic and stylistic correspondences but includes cognitive, pragmatic and cultural factors. In other words, stylistic adequacy is interpreted in terms of the national and author's individual pictures of the world. This approach suggests that stylistic adequacy depends both on linguistic and non-linguistic factors. Linguistic factors include: a) the peculiarities of the denotative and connotative meanings of lexical units; b) semantic and stylistic transformations in the process of word formation, metaphorization and the formation of stylistic devices; c) stylistic and genre reference; d) pragmatic intentionality, national and cultural features; e) text tonality. Non-linguistic factors include: a) situational and sociocultural contexts; the peculiarities of the national-cultural and the author's individual world picture; b) aesthetic and moral values; c) literary traditions.

Key words: foregrounding, national-cultural specifics, extralinguistic factors, stylistic adequacy, conceptual, literary translation, information

Ашурова Дилярам Умаровна,
доктор филологических наук,
профессор кафедры лингвистики и
литературоведения,
Узбекский государственный
университет мировых языков
99890 167 67 56
delia_ashurova@mail.ru

D.U. Ashurova,
Dr habil. in Philology,
Professor of Linguistics and Literary
Studies Department,
Uzbekistan State World Languages
University
99890 167 67 56
delia_ashurova@mail.ru

ВАРИАНТЫ ПЕРЕВОДА АНТРОПОНИМОВ В ТЕКСТАХ ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ

А.П. Бабушкин
Воронежский государственный университет

Аннотация. В статье рассматриваются четыре способа перевода литературных антропонимов с английского языка на русский и с русского на английский язык, включающие транслитерацию с дальнейшей ее интерпретацией, замену «чужого» имени «своим», языковую игру и моделирование «чужого» имени собственными средствами родного языка. Автор отмечает, что для адекватного понимания транслитерированного имени переводчик доводит до читателя знания, без которых антропоним остается «вещью в себе» в том случае, если он встречается изолированно, например, в литературном справочнике. При замене «чужого» имени «своим» важно «скрестить» антропоморфные реалии двух культур, содержащихся в широко известных художественных произведениях, написанных на разных языках. В свою очередь, успех языковой игры определяется способностью переводчика создать соответствующее новообразование таким образом, чтобы оно соответствовало духу имени собственного в тексте оригинала. Особо подчеркивается, что перевод «говорящей фамилии» – наиболее трудный вариант, так как он требует изобретения имени, которое «цепляло» бы имя героя в тексте оригинала.

Ключевые слова: антропонимы, перевод, варианты, транслитерация, замена, языковая игра, моделирование «чужого» имени средствами родного языка

Данная статья посвящена различным механизмам перевода русских и английских антропонимов как атрибутов языковых и одновременно художественных картин мира.

Как правило, при смене своей национальной «прописки» имена собственные передаются транслитерацией, т.е. приводятся в соответствие с их написанием в языке-источнике путем замены букв одной письменности буквами другой [1, с.716].

Однако детерминированные культурой того или иного народа, беллетристические номинации несут на себе печать этой культуры. Влияние культуры оказывается настолько сильным, что при передаче транслитерацией многие антропонимы нуждаются в дополнительном толковании для того, чтобы стать из «вещи в себе» «вещью для других».

Иное дело – корректность этих разъяснительных примечаний. Автор известных книг «Слово о словах», «Ты и твое имя»

Л.В. Успенский приводит пример курьезной ошибки, в свое время допущенной составителями одной из солидных французских энциклопедий, в которой значилось, что русский царь Иван IV был прозван «*Васильевичем*» («*Васильевич*» – естественно, в латинской транскрипции) за свою непомерную жестокость [2, с.634].

Изначально, однако, отметим, что проблема перевода антропонимов реальных лиц, в том числе шагнувших на страницы художественных произведений, выходит за рамки нашего исследования. Нас интересуют только имена собственные, порожденные фантазией писателей, которые должны быть «натурализованы» при их передаче на другой язык.

Посмотрим, например, какой информацией в английском языке дополняется транслитерированная фамилия главного героя знаменитого рассказа Ю. Тынянова «Подпоручик Киж». Поскольку Русско-английский словарь крылатых слов, в котором эксплицируется данный антропоним, предназначен не только для иностранцев, изучающих русский язык, но и для отечественных читателей, занимающихся английским языком, то и пояснения к этой номинации даются сначала по-русски в виде краткого пересказа сюжетной линии рассказа: «В основе этого выражения лежит исторический анекдот. Во времена Павла I писарь ошибся, неправильно разделив слова, в результате чего из слов «*прапорщики же*» возник несуществующий прапорщик Киж. Павел I (которому понравилось звучание этой фамилии) постоянно повышал Киж в воинских званиях. Выражение употребляется как ироническое обозначение несуществующего лица, вследствие недоразумения принимаемого за реальное». То же самое, но в более развернутом виде дублируется в английской версии толкования с таким финалом (когда царь пожелал увидеть обласканного им фантома, ему доложили, что тот умер): “What a pity, remarked the Emperor, he was a good officer”».

На наш взгляд, пояснения в данном случае вполне оправданы, так как ошибку в русской орфографии, давшую жизнь подпоручику Киж (для благозвучия Киж был переделан на французский лад), трудно перевести на английский язык в формате фамилии.

В свою очередь для носителя русского языка, читающего по-английски, но не знакомого с повестью Р. Л. Стивенсона «The Strange Case of Dr. Jekyll and Mr. Hyde», в «полосе нечувствительности» останутся имена доктора Джекилла и мистера Хайда в следующем примере, извлеченном из Англо-русского фразеологического словаря А.В. Кунина: «*Hamlet, we all know, was not only the Prince of Denmark, but you and I and our neighbour... and Dr. Jekyll and Mr. Hyde*» (G.

Could. The English Novel of Today). – Как всем известно, Гамлет был не только принцем Датским, но вами, мной, нашим соседом, доктором Джекиллом и мистером Хайдом.

Секрет заключается в том, что за этими именами стоит один человек-оборотень, являющийся то олицетворением добра, то воплощением зла.

Второй способ передачи литературных антропонимов – подбор имен собственных в языке перевода, которые содержали бы примерно те же коннотации, что и имена в тексте оригинала.

По этому поводу теоретик перевода болгарский ученый С. Флорин пишет: «Есть в «Волоколамском шоссе» Ал. Бека фраза: «Он настоящий Пат!» Но мой редактор спросил, что это за сравнение, и при этом хитро улыбнулся. Только тогда меня и осенило – ведь в Болгарии иноязычные комики Пат и Паташон были уже в самом начале своей славы известны нам как Крачун и Малчо, т.е. они получили новые чисто болгарские прозвища и болгарская публика их иначе не знает! Вот тебе и Пат! Никто этого не поймет и единственно правильное решение – перевести цитированную фразу: “Той същинский Крачун!”» [3, с.370].

То, что контрастирующие между собой датские комики Пат и Паташон могут в данном случае рассматриваться как литературные герои, не вызывает сомнений. Во-первых, их имена вымышлены, а во-вторых, что, наверное, самое главное, Пат и Паташон стали своеобразным эталоном мерки по росту и комплекции: Шен Стрём (Пат) – долговязый и тощий, а Чарльз Марсен – толстый и неуклюжий. Когда-то в Советском Союзе были известны популярные актеры с псевдонимами «Штепсель» и «Торопунька», чьи сценические имена превратились в имена нарицательные: «*Пара выглядела замечательно. Пат и Паташон, Торопунька и Штепсель, гора и мышь. Одна старушка весила более центнера, вторая оказалась чуть меньше болонки*», – читаем в книге Д. Донцовой «Монстры из хорошей семьи».

В том же плане, возвращаясь к Словарию крылатых слов, для грибоедовского «*Что станет говорить / княгиня Марья Алексевна?*» – подобран аналог: “*What will Mrs. Grundy say?*” – «*Что скажет миссис Гранди?*», что предполагает особую важность мнения некой миссис Гранди для людей ее круга.

В связи с подборкой аналога в тексте перевода интересной представляется другая выдержка из Англо-русского фразеологического словаря, в которой представлены распространенные англоязычные фамилии *Brown, Jones* и *Robinson*: “*It*

was an error to judge of him by the stands proper to the everyday Browns, Jones and Robinsons”, – *Было бы ошибкой судить о нем мерками привычных Браунов, Джонсов и Робинсонов.*

Словарь ставит знак приблизительного равенства между английскими антропонимами *Brown, Jones* и *Robinson* и русскими фамилиями *Иванов, Петров, Сидоров*. Однако, являясь аналогами английских антропонимических номинаций, они не заменимы в приведенном выше примере, в котором идет речь об английском поэте Байроне; поэтому в авторском переводе А.В. Кунина в этом предложении фамилии вообще опускаются: *«Было бы ошибочно применить к Байрону мерку, годную для простых смертных».*

Вместе с тем «по-зеркальному» наоборот выявляются случаи, когда в текст, описывающий заокеанскую действительность, вдруг инкорпорируются русские имена-аналоги английских. Таким приемом заявляет о себе третий способ передачи антропонимов с одного языка на другой, предполагающий языковую игру в её различных вариантах.

В оригинальном тексте набоковской «Лолиты» есть такой пример: *“A great user of roadside facilities, my unfastidious Lo would be charmed by toilet signs – Guys – Gals, John – Jane, Jack – Jill and even Buck’s – Doe’s”.* В переводе «Лолиты» на русском языке значит: *«Моя небрежливая Лолита охотно пользовалась придорожными уборными – её пленяли их надписи: “Парни – Девки”, “Иван да Марья”, “Он” и “Она” и даже “Адам” и “Ева”».*

Пропуская другие переводческие находки, особо выделим передачу широко распространенных англоязычных имен русскими «*Иван да Марья*», и это не единственный случай, когда писатель, русский по происхождению, нацеливая книгу на русского читателя, не мог не мыслить по-русски даже в мелочах.

В той же «Лолите», повествующей о вынужденном путешествии по Соединенным Штатам Америки двух главных героев произведения, прослеживается включение русских имен даже в тех местах перевода, в которых в тексте оригинала именные номинации вообще отсутствуют. Например, названная идиотской вывеска на придорожном кафе гласит: *“The Bustle: Deceitful Seatful”* – «*Турнюры – обманные фигуры*», где *турнюр* – некогда модная принадлежность женского платья в виде подушечки, подкладывавшейся под платье сзади ниже талии для придания фигуре особой пышности. В русском варианте перевод этой рифмованной вывески звучит как: *«Турнюры – потанцуйте с Нюрой».*

Именно в текстах объявлений, надписях и подписях В.В. Набоков включается в языковую игру. Его Гумберт, желая скрыться под чужим

именем в книге регистрации гостей отеля, под крышей которого он ночует с Лолитой, представляется как *“A. Person, Porlock, England”*. Преобразовав инициалы имени, начинающегося якобы с первой буквы английского алфавита, в неопределенный артикль, получаем слово *“a person”* – просто «человек», «какой-либо человек». Однако В.В. Набоков как переводчик идет по другому пути, предложив вариант: *«П.О. Тёмкин. Одесса, Техас»* (при слитном прочтении читай: «Потёмкин»).

В другой раз герой «Лолиты» ставит подпись *“Ted Hunter”*, и Набоков-переводчик, охотно играющий именами, заменяет Теда Хантера на *«Ник. Палыча Хохотова»*.

Наконец, тот же Гумберт в английской «Лолите» с завуалированным цинизмом просит у хозяина гостиницы комнату с двумя кроватями, чтобы он и девочка-подросток спали в разных постелях: *“Mr. Potts, do you have any cots left?”* – рифмуя фамилию владельца отеля с лексемой *cot* (множественное число от *cot cots* – кровати, койки).

«Мистер Ваткинс, как насчет лишней кроватки?» – такой вид принимает вопрос в авторском переводе книги. Но в продолжении диалога мистер Ваткинс превращается в Кроваткинса, и вновь устанавливается созвучие в паре *«Ваткинс – Кроваткинс»*.

Четвертый, на наш взгляд, наиболее интересный способ перевода антропонимов, – это передача с языка оригинала на язык перевода так называемых «говорящих фамилий».

«Говорящие фамилии» исследовали многие отечественные ученые. В частности, Н.А. Фененко пишет: «Известно, что наибольшие трудности при переводе имен собственных в тексте перевода представляют антропонимы с живой внутренней формой, так называемые говорящие или смысловые имена. Трудности их воспроизведения в тексте перевода определяются теми специфическими признаками, которые отличают их от других имен собственных. К ним относят своеобразную форму, позволяющую создать желаемый стилистический (комический, иронический и т.п.) эффект в тексте и способную одновременно сохранять уникальность самого имени» [4, с.221].

В ряду изобретателей «говорящих фамилий» заметное место занимает американский поэт и прозаик Эдгар По, чей многогранный талант открыл читателям не только образцы поэзии и литературы детективного жанра, но и примеры историй, полных сарказма и едкой сатиры.

Переводчику «говорящих» фамилий в лице Э. По, приходится проявлять особое искусство, чтобы передать на русский язык эти «смысловые» номинации.

В рассказе под заголовком “Loss of Breath” («Без дыхания») на авансцену выходят персонажи, в чьих фамилиях находит своё воплощение лейтмотив повествования: “Windham Allbreath” и “Lacko’ breath”, которые в русском переводе В. Хинкиса звучат как «О’ ветри», «Выдыхаэр» и «Духвон». См. также: “Might not this case with Mr. Windenough?” – В переводе: «Не принадлежит ли м-р «Вовесьдух» к подобным людям?»

В другом рассказе “Business man” («Делец» – пер. И. Бернштейн) антропоним “Mr. Bag” находит соответствие в форме русского «Толстосум». В этом же произведении имя собственное “Blab” (букв. «Болтун») передаётся как «Пустобрёх».

Название истории с неожиданной развязкой «Система доктора Смоля и профессора Перье» (пер. М. Энгельгардта) восходит к заголовку оригинала “The system of Dr. Tarr and Prof. Fether”, где удвоение конечной буквы в фамилии первого героя “Tar+r” реорганизует слово *смола* в антропоним *Смоль*, а пропуск одной буквы “a” в лексеме *feather* (букв. *перо*) превращается в *профессора Перье*. Таким образом, некорректность в написании слова созвучна переделке слова *перо* в фамилию профессора – *Перье*.

Номинации *доктор Смоль* и *профессор Перье* оправдываются концовкой рассказа, гласящей о том, что создатели особой системы лечения психических больных были облиты смолой и вывалены в перьях – расправа, известная русскому читателю по книге М. Твена «Приключения Гекльберри Финна».

Привычнее описывать перевод имён собственных по какому-то одному произведению, но мы выбрали сочинения разных русскоязычных и англоязычных авторов, чтобы показать различные способы передачи антропонимов с одного языка на другой, которыми пользуются разные переводчики.

Таким образом, рассмотрены четыре способа перевода антропонимов: транслитерация, снабжённая, если это необходимо, развёрнутым толкованием имени собственного; замена «чужого» имени «своим» при условии приблизительной адекватности их смысловой нагрузки; языковая игра с «чужой» антропоморфной номинацией; моделирование средствами родного языка «говорящей» фамилии, представленной в тексте оригинала. Образно говоря, переводчик выступает в роли «слуги двух господ». С одной стороны, он ориентируется на своего читателя, с другой – чувствует **материю**

антропонима в тексте оригинала и пытается средствами родного языка передать идею, заложенную автором оригинального произведения в имя или фамилию своего героя.

Литература

1. Крысин Л. П. Иллюстрированный толковый словарь иностранных слов / Л.П. Крысин. – М.: ЭКСМО, 2010. – 864 с.
2. Успенский Л. В. Слово о словах. Ты и твоё имя / Л. В. Успенский. – Ленинград: Лениздат, 1962. – 634 с.
3. Флорин С. Муки переводческие / С. Флорин // Мастерство перевода. Сб. двенадцатый. – М.: Совет. писатель, 1981. – С. 356-398.
4. Фененко Н. А. Астерикс: говорящее имя в подлиннике и переводе / Н.А. Фененко // Социокультурные проблемы перевода: Сб. науч. трудов. – Вып. 6. – Воронеж: Воронеж гос. ун-т, 2004. – С. 221-226.

ANTHROPONYMS TRANSLATION VARIANTS IN PROSE FICTION

A.P. Babushkin
Voronezh State University

Abstract. The article deals with four variants of fictional proper names translation from English into Russian and from Russian into English. They are: transliteration with further interpretation, substitution, language play and modelling of foreign fiction names by means of the native tongue. The author points out that for an adequate understanding of a transliterated name the translator supplies the reader with additional information, otherwise an anthroponym remains “a thing in itself”, especially when it comes across separately, for example, in a literary reference book. When substituting a foreign name by its native counterpart one needs to cross two anthroponymic realia of different cultures reflected by well-known works published in different languages. In its turn, the success of language play depends on the translator’s ability to create a name close to the impact produced by the original personal name. The author concludes that the most difficult case is translation of the so called “meaningful names” because in this situation the translator invents an anthroponym in a way doubling the sense of the original name in its denotational meaning.

Key words: anthroponyms, translation, variants, transliteration, substitution, language play, modelling of fictional proper names by means of the native language

Бабушкин Анатолий Павлович,
доктор филологических наук,
профессор кафедры английского
языка гуманитарных факультетов
Воронежский государственный
университет
7 (473) 220-84-41
babushkin@rgph.vsu.ru

Anatoly Pavlovich Babushkin
Dr habil. in Philology, Professor of the
English Language for Humanities
Department,
Voronezh State University
7 (473) 220-84-41
babushkin@rgph.vsu.ru

МЕТАФОРИЗАЦИЯ ФУТБОЛЬНОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ КАК ОТРАЖЕНИЕ ИТАЛЬЯНСКОЙ КАРТИНЫ МИРА

Е.И. Баева

Воронежский государственный университет

Аннотация. Проводится анализ метафорических моделей современной футбольной лексики и ее использования в итальянском языке. Делается вывод о специфике метафоризации в спортивном и политическом дискурсе. Автор приводит сведения из истории возникновения *calcio*, что напрямую связано с популярностью футбола в культурной жизни Италии и использованием футбольных метафор не только в языке спортивных газет, но и в политических статьях. Метафоры являются мощнейшим средством образности – отношения реальности к её видению человеком. В процессе анализа автор приходит к выводу: несмотря на то, что метафоричность футбольных терминов не всегда сохраняется при переводе, метафоризация футбольной лексики является характерной чертой современного итальянского спорта. Кроме того, итальянские футбольные метафоры благодаря их использованию на страницах политических новостей постепенно входят в итальянский разговорный язык. Таким образом возникает необходимость изучения футбольных метафор в курсе итальянского языка для обучения русскоговорящих студентов особенностям их перевода.

Ключевые слова: метафора, футбольная лексика, итальянский язык, картина мира, политическая терминология

Говоря об итальянских футбольных метафорах, невозможно не обратить внимание на само название итальянского футбола *calcio*, несмотря на то, что именно английский язык является основным источником заимствований спортивной и, в частности, футбольной лексики для многих языков: англ. *Football*, нем. *Fußball*, фр. *Football*, исп. *Fútbol*, порт. *Futebol*, рус. *футбол*, укр. *футбол* и т.п. Итальянский толковый словарь «Devoto» [1**] дает несколько определений слова *calcio*. Первое из значений – это «*colpo dato con il piede*» (удар ногой, пинок), а футбол – это второе значение «*sport gioco che si effettua fra due squadre di undici giocatori che mirano a fare entrare un Pallone nella rete avversaria, senza mai toccarlo con le mani*» (спортивная игра между двумя командами, состоящими из одиннадцати игроков, которые пытаются забить гол в противоположные ворота противника, не касаясь мяча руками). Кроме того, имеются ещё два значения: «*parte inferior della Lancia o della*

cassa di un fucile» (приклад (ружья) – рукоятка (пистолета) и «*element chimico Ca*» (химический элемент кальций).

Если мы обратимся к истории, то найдем сведения, что примерно в XIV веке итальянцы изобрели игру *calcio*. Считается, что эта игра зародилась во Флоренции на Пьяцца делла Новере (Piazza della Novere) и сначала называлась *calcio in livrea* или *calcio in costume* [1, с.129]. Позднее она стала называться *giuoco del Calcio fiorentino* (флорентийская игра ногами) или просто – *Calcio*. Первые официальные правила калчо были опубликованы Джованни Барди (Giovanni Bardi) в 1580 году. Аналогично римской игре *Harpastum* играли руками и ногами две команды по 27 человек. Голы засчитывались после перебрасывания мяча через обозначенные на периметре поля точки. Изначально калчо предназначалось для аристократов, которые играли в него каждый вечер между Богоявлением и Великим Постом. В Ватикане Папы Клемент VII, Лев IX и Урбан VIII (Clement VII, Leo IX and Urban VIII) даже играли сами! Так как калчо с самого начала привлекало предприимчивых людей, оно имело влияние и на международном уровне. Директор одной из английских частных школ Ричард Мулкастер (Richard Mulcaster) в своем трактате о воспитании молодежи от 1561 года вспоминает о британской версии «футбола толпы», появившейся под влиянием калчо. Калчо было забыто почти на двести лет, пока не было возрождено уже в двадцатом веке. Игры снова начали проводиться в тридцатых годах. Сейчас ежегодно во Флоренции на Пьяцца Санта Кроче (Piazza Santa Croce) в третью неделю июня играют три матча. Современные правила позволяют использовать удары головой, руками, локтями и удушения, но запрещают подлые удары исподтишка и ногами в голову. Игра «*calcio*» может считаться главным предком футбола, потому что в ней были и нападающие, и защитники, и судьи. Именно итальянцы завезли эту игру на Британские острова в XIX в [2, с.27].

Таким образом, в Италии футбол является в наивысшей степени популярным видом спорта, что находит отражение не только в культурной жизни, но и в языке. Если итальянцы «*parlano con le mani*» (говорят руками, т.е. используют множество жестов), то, выражаясь словами известного аргентинского писателя и журналиста Освальдо Сориано (Osvaldo Soriano), они, можно сказать, «*pensano con i piedi*» (думают ногами, т.е. думают всё время о футболе и с помощью футбольных метафор) [3]. Сложно найти итальянца, который не разбирается в футболе. Ему посвящены не только тематические разделы в газетах и журналах, специализированных спортивных

ежедневных изданиях («Corriere dello Sport» – «Stadio», «La Gazzetta dello Sport», «Tuttosport»), но и полностью отдельные футбольные журналы («ForzaMilan!», «HJMagazine», «Lazialità», «LazioStyle 1900», «Supertifo», «L'Almanacco illustrato del Calcio», «Calciatori» и др.) и даже футбольные каналы, не считая интернет-сайтов.

Используя весь этот материал, мы попытаемся описать метафорическое употребление футбольных терминов не только в языке спортивных газет, но и в политических статьях, что связано с особенностями культурной жизни Италии и традициями страны. Взаимосвязь культуры и языка той или иной страны является одним из тех аспектов лингвистики, которые обладают наибольшей практической ценностью, так как, изучая иностранный язык, необходимо, прежде всего, понимать менталитет носителей языка.

Например, профессиональный язык, как известно, часто служит источником фразеологизмов, идиом и метафоричности, что придает особую окраску самому языку. Метафора – это всегда сравнение, по большей части скрытое. Переосмысленное значение сопоставляется здесь с буквальным на основе некоторой внутренней формы, лежащей в основе сравнения. В этом и состоит качество метафоры: она создает сходство за счет двуплановости – приложения к двум субъектам одновременно, так что свойства того, о ком идет речь, просматриваются через свойства того, чьим именем он обозначается.

Метафора не знает семантических ограничений. Выполняя в предложении характеризующую функцию, метафора может получить любое признаковое значение, начиная с образного (пока она сохраняет живую семантическую двуплановость) и кончая значением широкой сферы сочетаемости. Вместе с тем метафору обычно относят к конкретному субъекту, и это удерживает ее в пределах значений, прямо или косвенно связанных с действительностью [4, с.5].

Метафоры используются в языке с целью соотнести определенные слова и выражения с конкретными событиями, сопоставив их, чтобы у слушателя возник некий образ. Это мощнейшее средство образности – отношения реальности к её видению человеком. Для рассматриваемой терминологической системы довольно характерна метафоризация значений языковых единиц, заимствованных из разных областей лексики.

Метафорические лексические единицы свойственны терминосистемам тех видов спорта, в которых предполагается исполнение различных фигур. Однако метафоричность термина не всегда сохраняется при переводе. Это хорошо заметно в следующих примерах метафорического переноса наименования с одного предмета

на другой на основе их ассоциативного сходства (формы, цвета, места, поведения или звучания): англ. *fluke* – ит. *colpo di fortuna* (буквально удар удачи) рус. *шальной гол*; англ. *bicyclekick* – ит. *bicicletta* (велосипед) – рус. *удар через себя в падении*; англ. *wall* – ит. *barriera* (преграда) – рус. *стенка*; англ. *Howler* – ит. *papera* (молодая гусыня) – рус. *детская ошибка*; англ. *nutmeg* – ит. *tunnel* (туннель) – рус. *замак*; англ. *scissorskick* – ит. *sforbiciata* (подстричь ножницами) – рус. *удар ножницами*; англ. *dive* – ит. *tuffo* – рус. *нырок*; англ. *fans* – ит. *tifosi* (первое значение тифозный больной 2) болельщик, фанат) – рус. болельщики.

Употребление футбольных метафор встречается также на страницах политических новостей. Например: наименования лиц, имеющих отношение к проведению и организации спортивных мероприятий, а также обозначение игроков, команд: *giocatore* – игрок, *arbitro* – судья, т.е. решающая фигура, а не зависимый участник; *attaccante* – *нападающий* (речь идет о чертах характера человека); *outsider* (в качестве указания на лицо, не выдерживающее конкуренции); *squadra* – *команда* (некое окружение одного из политиков, группа сторонников, имеющая определенную цель); *tempi supplementari* – *дополнительное время*; *scendere in campo* – *выйти на поле* (указывает на решение политического лидера принимать участие в политической игре, выйти на политическое поле, в результате чего он может повлиять на исход игры). Если итальянский политик «*вышел на поле*», значит он может совершить следующие действия: *tirare il calcio di rigore* – *забить пенальти*; *mettere* или *buttare la palla nel campo di qualcuno* – *забить мяч на чье-то поле*; *guadagnare punti* – *набрать очки*.

Кроме того, итальянские футбольные метафоры постепенно входят в итальянский разговорный язык. Например, как это случилось с выражением *scendere in campo*, ставшее популярным после того, как Сильвио Берлускони его использовал в 1994 году во время основания своей партии «Forza Italia», или другие футбольные метафоры, которые давно стали привычными в итальянском разговорном языке: *salvarsi in corner o in angolo* (*corner* или *angolo* в футболе обозначают угловой удар, а в обычной речи выражение переводится на русский как *спастись в последний момент*) или *cogliere qualcuno in contropiede* (застать врасплах); *Contropiede* – спорт. *контригра*.

В ходе проведенного анализа стало очевидно, что футбольные метафоры активно и продуктивно применяются как средство речевой выразительности не только в спортивных статьях, но и в речи итальянских политиков и обычных людей в ходе повседневного

общения, что увеличивает информативную ценность и образность сообщения с помощью ассоциаций, вызываемых переносным употреблением слова. Взаимодействие общественной жизни и культуры с языком – это причина разделения языка на его подмножества согласно различным сферам человеческой деятельности. Метафоризация футбольной лексики является характерной чертой современного итальянского спорта. Благодаря широкому развитию и популярности футбола среди итальянцев футбольная терминология становится понятной и используется в разговорной речи, поэтому возникает необходимость изучения футбольных метафор в курсе итальянского языка для обучения русскоговорящих студентов особенностям их перевода.

Литература

1. Agostino A, Marietta de' Ricci, ovvero Firenze al tempo dell'assedio, Firenze, Stamperia Granducale, 1840 – Режим доступа: https://books.google.ru/books?id=qCUsAAAAAYAAJ&printsec=titlepage&redir_esc=y#v=onepage&q&f=false (дата обращения: 15.12.2018).
2. Малов В. И. Я познаю мир: Футбол / В.И. Малов. – М. : АСТ, 2002. — 142 с.
3. Soriano O. Pensare con i piedi / O. Soriano – М. : Giulio Einaudi Editore, 1995 — 216 p.
4. Арутюнова Н.Д. Метафоры и дискурс // Теория метафоры / Н.Д. Арутюнова, М.А. Журина. — М. : Прогресс, 1990. – С. 5-32.

Список словарей

- 1** Devoto G. Dizionariodella Lingua Italiana / G. Devoto, G.C. Oli .— Firenze : Le Monnier, 1987 .— 2712 p.

THE METAPHORICAL MODELS OF FOOTBALL LEXICON AS A REFLECTION OF ITALIAN PICTURE OF THE WORLD

E.I. Baeva
Voronezh State University

Abstract. In the paper an analysis of metaphorical models of football lexicon and their uses in the Italian language is represented. The research objective is to show features of metaphorical word formation in modern sports and political lexicon. The author cites information from the history of the emergence of *calcio*, which is directly related to the popularity of football in the cultural life of Italy and the use of football metaphors not only in the language of sports newspapers, but also in political articles. Metaphors are the most powerful resources of imagery - the connection of reality to its vision by man. In the course of the analysis, the author comes to the conclusion that, despite the fact that the metaphorical nature of football terms is not always preserved in translation, the metaphorization of football

vocabulary is a characteristic feature of modern Italian sport. In addition, Italian football metaphors, thanks to their use in the political news pages, are gradually entering the Italian language. It becomes necessary to learn football metaphors in the Italian language course for teaching Russian-speaking students the peculiarities of their translation.

Key words: metaphor, football lexicon, Italian language, picture of the world, political lexicon

Баева Екатерина Игоревна,
кандидат филологических, наук
доцент,
Воронежский государственный
университет, кафедра романской
филологии;
7 (473) 253-22-38
katybaev@yandex.ru

Ekaterina Igorevna Baeva, PhD,
Associate Professor, Department of
Romance Philology,
Voronezh State University;
7 (473) 253-22-38
katybaev@yandex.ru

ИНФИНИТИВНОЕ СКАЗУЕМОЕ СКВОЗЬ ПРИЗМУ ОТРАЖЕНИЯ СИНТАКСИЧЕСКОЙ КАРТИНЫ МИРА

(на материале французского и русского языков)

О.В. Борисов

Воронежский государственный университет

Аннотация. Языковая картина мира формируется разнообразными языковыми средствами, каждое из которых способствует передаче всей ее полноты. В рамках настоящей статьи исследуются способы реализации синтаксической картины мира, передаваемой инфинитивом во французском языке, и ее перевода на русский язык. Инфинитив рассматривается как выразитель иерархически организованных предикативных отношений, выступающий в функции второго и второстепенного инфинитивного сказуемого. Для решения поставленной цели анализируются свойства второго и второстепенного инфинитивного сказуемых, а затем – способы передачи на русский язык каждого из отмеченных типов сказуемых. При определении синтаксических функций инфинитива мы опираемся на семантико-функциональную синтаксическую концепцию, в рамках которой второе инфинитивное сказуемое, выражающее базисную пропозицию, соотносится с основным сказуемым и подлежащим предложения. Второстепенное инфинитивное сказуемое, выражающее небазисную пропозицию, представляет собой явление, пониженное в ранге по сравнению со вторым, оно соотносится с собственным «аналогом» подлежащего. Таким образом, синтаксическая картина мира может вербализоваться с помощью равноурвневой предикативной системы, представленной вторым и второстепенным инфинитивным сказуемым и отражающей разную степень содержательной информативности. Наблюдения над способами перевода второго и второстепенного инфинитивного сказуемого показали, что, с одной стороны, существует возможность передачи одного из фрагментов синтаксической картины мира с помощью аналогичных типов инфинитивного сказуемого. С другой стороны, наблюдаются случаи расхождения в выборе типа инфинитивного сказуемого при переводе на русский язык, связанные с авторским пониманием степени информативной важности того или иного содержательного блока языковой картины мира.

Ключевые слова: семантический синтаксис, семантико-функциональный подход, двойное сказуемое, второе инфинитивное сказуемое, второстепенное инфинитивное сказуемое, основное сказуемое, языковая картина мира, синтаксическая картина мира, пропозиция

Согласно теории лингвистической относительности, реальная действительность представляет собой беспорядочный поток разнообразных впечатлений. Язык является средством упорядочивания

этого хаотичного потока. В силу того, что каждому языку свойственна уникальная метафизика, каждый язык по-разному отражает окружающую действительность [1, с.117-118]. Из данного постулата теории лингвистической относительности следует, что язык по-разному конструирует окружающую человека реальность, создавая различные языковые картины мира. В общем виде языковая картина мира понимается как «отраженные в языковых формах и категориях представления народа, говорящего на этом языке, о действительности и человеке по отношению к реальности» [2, с.140].

Языковая картина мира формируется разнообразными языковыми средствами, передающими в комплексе все ее ипостаси. Учитывая существенную роль средств, выражающих устройство языка, в формировании языковой картины мира, представляется важным говорить об изучении синтаксического сегмента языковой картины мира, в частности такого ее аспекта, как сказуемый комплекс. Исследование сказуемого комплекса ставит перед лингвистами не только чисто языковые проблемы, но и проблемы переводческого характера, которые возникают при сопоставлении разноразличных картин мира. При этом необходимо учитывать, что перевод текста с одного языка на другой является не просто механической трансляцией информации, а представляет собой «сложный и многогранный вид человеческой деятельности. В переводе сталкиваются разные личности, разные виды мышления, разные литературы, разные эпохи, разные уровни развития, традиции и установки» [3, с.47].

В рамках данного исследования нами будут рассмотрены способы реализации синтаксической картины мира, передаваемой инфинитивом во французском языке, и ее перевода на русский язык. Инфинитив рассматривается нами как выразитель иерархически организованных предикативных отношений, выступающий в функции второго и второстепенного инфинитивного сказуемого.

Для достижения поставленной цели мы прежде всего рассмотрим основания для выделения второго и второстепенного инфинитивного сказуемых, а затем изучим способы передачи на русский язык каждого из отмеченных типов сказуемых.

При определении синтаксических функций инфинитива мы опираемся на семантико-функциональную синтаксическую концепцию, разработанную А.М. Ломовым для русского языка и верифицированную для французского языка в работах Е.А. Алексеевой [4, с.329-335; 5, с.42-50; 6, с.42-46; 7], Я.А. Ковалевской [8, с.50-55], С.Л. Лукиной [9, с.136-148], А.В. Щербаковой [10, с.187-193; 11, с.180-184; 12, с.205-208; 13, с.85-

88], Д.Э. Передериева [14]. Концепция учитывает такое явление, как пропозиция, представляющее собой «фрагмент реальности, стоящий за речевым актом» [2, с.348] и служащее в современной лингвистике для обозначения номинативных свойств предложения.

Появившись первоначально в логике, значение термина «пропозиция» прошло, по мнению Н.Д. Арутюновой, определенные этапы развития и стало использоваться в лингвистике: «1) сначала оно соответствовало целостному суждению как определенной форме мысли, состоящей из модуса утверждения и диктума»; 2) затем оно было определено как «объективированное содержание мысли, отделенное от субъективной модальности и непосредственно соотношенное с обозначаемым «положением дел»; 3) затем термин «пропозиция» был применен к значению той части любого предложения, той семантической структуре, которая способна соединяться с любым «модусом коммуникативной цели», т.е. с глаголами, выражающими целенаправленность речевого акта» [15, с. 34].

А.М. Ломов рассматривает пропозицию в качестве константного номинативного ядра. Исследователь выделяет два вида пропозиций: базисную, лежащую в основании предложения, и небазисную, которая представляет собой свернутую базисную пропозицию и является дополнительной, побочной, входящей в состав базисной пропозиции [16]. Исследователь иллюстрирует свою точку зрения следующим примером, в котором демонстрирует базисную пропозицию: *По деревьям собаки лают в страхе* (Н. Гумилев) и небазисную пропозицию: *Сын солгал. И это расстроило отца* [16, с.37; 17, с.50].

Выделение базисной и небазисной пропозиции послужило основанием для содержательного подхода к пониманию синтаксических феноменов и, как следствие, созданию иерархически организованной семантико-функциональной классификации сказуемого. А.М.Ломов выделяет такой тип сказуемого, как двойное сказуемое, которое состоит из основного и второго сказуемого, которые относятся к одному и тому же подлежащему: *Погода стояла прекрасная* [17, с.49].

Второе сказуемое входит в состав базисной пропозиции и имеет двойную связь: относится к основному сказуемому и к подлежащему предложения. А.М. Ломов определяет второе сказуемое как явление, пониженное в ранге по сравнению с уровнем предикации основного сказуемого [17].

Помимо второго сказуемого, исследователь в рамках семантико-функционального подхода выделяет такое явление, как

второстепенное сказуемое. Второстепенное сказуемое входит в состав небазисной пропозиции и, по мнению А.М. Ломова, представляет собой аналог сказуемого, сочетающийся «с аналогом подлежащего, который будучи выражен падежными и предложно-падежными формами существительного, выполняет по отношению к основному сказуемому функцию объекта» [17, с.50-51].

В рамках упомянутого семантико-функционального подхода Е.А. Алексеева разработала классификацию второго и второстепенного сказуемого во французском языке. При классификации второго сказуемого Е.А. Алексеева выделяет следующие его типы: второе предметное сказуемое, второе признаковое сказуемое и второе процессное сказуемое [7, с.44-48].

Для целей нашей статьи релевантно второе процессное сказуемое, которое подразделяется на второе деепричастное сказуемое, второе причастное сказуемое и второе инфинитивное сказуемое. При этом представляющее интерес для настоящего исследования: *Ce que je ne savais pas, c'est que para aimait tellement jouer aux cow-boys.*[1*, p.9] Второе инфинитивное сказуемое выражает дополнительный предикативный признак предмета, заключенного в позиции подлежащего, который реализуется в комплексе с действием, выраженным личным глаголом в позиции основного сказуемого. Оно входит в состав базисной пропозиции и соотносится одновременно и с основным сказуемым предложения, и с подлежащим,

В классификации второстепенного сказуемого, которое входит в состав небазисной пропозиции, Е.А. Алексеева выделяет следующие типы, соотносительными с типами второго сказуемого: второстепенное предметное сказуемое второстепенное признаковое сказуемое, второстепенное процессное сказуемое [7, с.55-56].

Нас интересует второстепенное процессное сказуемое, которое в классификации Е.А. Алексеевой представлено следующими типами сказуемого: второстепенное деепричастное сказуемое, второстепенное причастное сказуемое и второстепенное инфинитивное сказуемое [7, с.56]. Среди типов второстепенного процессного сказуемого для нас актуально второстепенное инфинитивное сказуемое: *Le photographe a paru surpris, il a cessé de sourire et il a dit à Geoffroy de retourner à sa place* [1*, p.4]. Данный тип сказуемого представляет небазисную пропозицию, формирующую отдельное предикативное ядро и, соответственно, дополнительный предикативный признак предмета, заключенного в позиции объекта в предложении [7, с.56].

Можно утверждать, что второе и второстепенное инфинитивное сказуемое являются синтаксическими средствами, служащими для

включения отдельного фрагмента картины мира, ситуации в общую содержательную структуру предложения.

Далее мы рассмотрим, как в процессе перевода с французского языка на русский транслируется фрагмент картины мира, передаваемый инфинитивом в позиции второго и второстепенного сказуемых, на примере произведения Р. Госсини «Le Petit Nicolas» – «Мальш Николя» в переводе И.Л. Прессман.

На основе 169 примеров второго и 21 примера второстепенного инфинитивного сказуемого мы проанализировали способы их перевода, которые будут рассмотрены ниже.

В ходе исследования мы обнаружили два способа перевода второго инфинитивного сказуемого: оно может быть переведено с французского языка на русский либо аналогичным типом сказуемого, либо иными типами сказуемого.

Применительно к первому способу нами отмечены следующие случаи:

– второе французское инфинитивное сказуемое переводится на русский язык вторым инфинитивным сказуемым: *Le photographe a décidé que nous devons nous mettre sur trois rangs; le premier rang assis par terre, le deuxième, debout autour de la maîtresse qui serait assise sur une chaise et le troisième, debout sur des caisses* [1*, p.2] // *Фотограф решил, что мы должны построиться в три ряда: первый ряд будет сидеть прямо на земле, второй – стоять вокруг учительницы, которая сядет на стул, а третий ряд встанет на ящики* [2*, с.7];

– второе осложненное инфинитивное сказуемое, состоящее из двух инфинитивов, переводится на русский язык вторым осложненным инфинитивным сказуемым: «*Je ne dois pas refuser de céder ma place à un camarade qui a renversé sur sa chemise une tartine de confiture*» [1*, p.4]. // «*Я не должен отказываться уступить место товарищу, который уронил себе на рубашку бутерброд с джемом*» [2*, с.9].

В рамках второго способа перевода наблюдаются такие варианты перевода:

– второе инфинитивное сказуемое переводится на русский язык второстепенным инфинитивным сказуемым: *La maîtresse l'a consolé, l'a touché, l'a repeigné et a puni Alceste, il doit écrire cent fois* : « *Je ne dois pas battre un camarade qui ne me cherche pas noise et qui porte des lunettes*». [1*, p.4] // *Учительница начала его утешать, помогла ему высморкаться, потом заново причесала, а Альцеста наказала – велела ему сто раз переписать предложение: «Я не должен бить товарища, который не ищет со мной ссоры и носит очки»* [2*, с.10];

– второе инфинитивное сказуемое переводится на русский язык основным сказуемым: *Agan, tout content, est allé s'asseoir au bureau de la maîtresse et le Bouillon est parti.* [1*, p.10] // *Повторяйте уроки. Аньян очень обрадовался. Он уселся за учительский стол, а Бульон ушёл* [2*, с.19].

Анализ переводов второстепенного инфинитивного сказуемого с французского языка на русский позволил выделить также два способа перевода: оно может быть переведено либо аналогичным типом сказуемого, либо иными типами сказуемого.

В первом случае было отмечено, что:

– французское второстепенное инфинитивное сказуемое переводится на русский язык второстепенным инфинитивным сказуемым: *Le photographe a paru surpris, il a cessé de sourire et il a dit à Geoffroy de retourner à sa place.* [1*, p.4] // *Нам показалось, что фотограф удивился. Он перестал улыбаться и велел Жоффрау встать на место* [2*, с. 9];

– французское второстепенное осложненное инфинитивное сказуемое, содержащее два инфинитива, переводится второстепенным осложненным инфинитивным сказуемым: *Il était en train de mordre dans une tartine de confiture et le photographe lui a dit de cesser de manger, mais Alceste a répondu qu'il fallait bien qu'il se nourrisse.* [1*, p.4] // *Он как раз откусывал от бутерброда с джемом, и фотограф велел ему прекратить жевать, но Альцест ответил, что ему необходимо нормально питаться* [2*, с.9].

Во втором случае французское второстепенное инфинитивное сказуемое переводится на русский язык основным сказуемым: «*Lâche cette tartine!*» *a crié la maîtresse qui était assise juste derrière Alceste. Ça l'a tellement surpris, Alceste, qu'il a laissé tomber la tartine sur sa chemise.* [1*, p.4] // – *Немедленно убери этот бутерброд! – закричала учительница, которая сидела точно позади Альцеста. Том от неожиданности уронил бутерброд себе на рубашку* [2*, с.9].

Наблюдения над исследуемым материалом показали, что и во французском, и в русском языках существуют идентичные средства вербализации синтаксической картины мира: ее фрагменты оязыковляются с помощью разноуровневой предикативной системы, представленной вторым и второстепенным инфинитивным сказуемым, отражающей разную степень содержательной информативности. При переводе этих содержательных отношений обычно сохраняется идентичность в используемых типах инфинитивного сказуемого, когда наблюдается перевод второго и второстепенного инфинитивного сказуемого аналогичными типами сказуемого на русский язык.

Однако наблюдаются также случаи расхождения в выборе типа инфинитивного сказуемого при переводе на русский язык. Другими словами, уровень второй предикации может быть передан второстепенным инфинитивным сказуемым или основным сказуемым, а уровень второстепенной предикации может быть переведен с помощью основного сказуемого.

Это свидетельствует о том, что говорящий, даже имея в своем арсенале идентичные в языковом и семантическом плане средства, не прибегает к их механическому использованию или подстановке при переводе, а выбирает необходимое средство, опираясь на свое собственное видение, осознание степени информативной важности того или иного содержательного блока языковой картины мира.

Таким образом, данные факты подтверждают наличие связей и отношений между фрагментами разноязыких картин мира, которые проявляются не только на уровне выбора лексики, но и на синтаксическом уровне и требуют своего дальнейшего изучения.

Литература

1. Звегинцев В.А. Теоретико-лингвистические предпосылки гипотезы Сепира-Уорфа / В.А. Звегинцев // Новое в лингвистике. – 1960. – №1. – С. 111-134.
2. Матвеева Т.В. Полный словарь лингвистических терминов / Т.В. Матвеева. – Ростов-на-Дону: Феникс, 2010. – 562 с.
3. Алимова М.В. Особенности и основные критерии перевода художественного текста / М.В. Алимова // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Русский и иностранный языки и методика их преподавания. – 2012. – № 2. – С. 47-52.
4. Алексеева Е. А. К выделению класса реляционно-предметных предложений (на материале французского языка) / Е.А. Алексеева // Романистика в современном мире: традиции и новации: Сб. науч. трудов по материалам Межд-ной науч. конф., посвященной памяти профессора Ю. А. Рылова (в рамках года испанского языка в России). – Воронеж: Воронежский государственный университет, 2015. – С. 329-335.
5. Алексеева Е. А. О предикативном потенциале прилагательного / Е.А. Алексеева // Грамматика разноструктурных языков: Сб. статей к юбилею проф. В. Ю. Копрова. – Воронеж: НАУКА-ЮНИПРЕСС, 2011. – С. 42-50.
6. Алексеева Е.А. Пассивно-процессное сказуемое во французском языке / Е.А. Алексеева // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2002. – № 2. – С. 42-46.
7. Алексеева Е.А. Природа сказуемого: грамматика vs семантика: монография / Е.А. Алексеева; Воронежский государственный университет. – Воронеж: Издательский дом ВГУ, 2017. – 221 с.
8. Ковалевская Я.А. Временная модификация бытийного компонента сказуемого в рамках французских отождествительно-предметных предложений / Я.А. Ковалевская // Вестник ВГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – Воронеж: Воронежский государственный университет. – 2010. – № 2. – С. 50-55.
9. Лукина С. Л. Русские возвратные глаголы с финально-следственным значением в зеркале английского языка / С.Л. Лукина // Язык, коммуникация и социальная среда. – Воронеж: Воронежский государственный университет. – № 3. – 2004. – С. 136-148.

10. Щербакова А.В. Обучение основным способам перевода отрицательной пассивно-процессной квалификации предмета-подлежащего на русский язык / А.В. Щербакова // Социокультурные проблемы перевода: сб. науч. трудов X Межд-ной науч. конф. – Воронеж, 2012. – № 10. – С. 187-193.

11. Щербакова А.В. Роль глаголов восприятия в формировании второстепенной предикации / А.В. Щербакова, Т.Н. Козюра // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2017. – № 11-1 (77). – С. 180-184.

12. Щербакова А.В. Синтаксическая и семантическая квалификация абсолютной конструкции во французском языке / А.В. Щербакова, Д.Э. Передериев // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2015. – № 10-2 (52). – С. 205-208.

13. Щербакова А.В. Средства выражения отрицания в пассивно-процессном предложении во французском языке / А.В. Щербакова // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2012. – № 2. – С. 85-88.

14. Передериев Д.Э. Синтаксический и семантический статус абсолютной конструкции во французском языке: дис. ... к. филол. н. Воронеж, 2015. – 226 с.

15. Арутюнова И.Д. Предложение и его смысл. Лексико-семантические проблемы / И.Д. Арутюнова. – Москва: Наука. – 382 с.

16. Ломов А.М. Типология русского предложения / А.М. Ломов. – Воронеж: Издательство ВГУ, 1994. – 280 с.

17. Ломов А.М. Русский синтаксис в алфавитном порядке: Понятийный словарь-справочник / А.М. Ломов. – Воронеж: Издательство ВГУ, 2004. – 400 с.

Список источников примеров

1* Sempé J.-J. Le petit Nicolas / J.J. Sempé, P. Goscinny. –Paris: Editions Denoël, 1960. – 73 p.

2* Госсини Р. Малыш Николая / Р. Госсини. – Москва: Азбука Аттикус, 2016 – 116 с.

INFINITIVE PREDICATE THROUGH THE PRISM OF REFLECTION OF THE SYNTACTIC PICTURE OF THE WORLD (based on the French and Russian languages)

O. Borisov
Voronezh State University

Abstract. The linguistic picture of the world is formed by a variety of linguistic means, each of which contributes to the transfer of its fullness. In the framework of this article, we study the ways of implementing the syntactic picture of the world, transmitted by the infinitive in French, and its translation into Russian. Infinitive is considered as an expression of hierarchically organized predicative relations, acting as a function of the second and minor infinitive predicate. To achieve this goal, first of all, the properties of the second and minor infinitive predicates are analyzed. After that the methods of transmitting each of the noted types of predicates to Russian are also analyzed. In determining the syntactic functions of the infinitive, we rely on a semantactical-functional syntactic concept, in which the second infinitive predicate, expressing the basic proposition, correlates with the main predicate and the subject. The minor infinitive predicate, which is reduced in rank compared to the second one, correlates with its own «analog» of the subject. Thus,

the syntactic picture of the world can be verbalized through a multi-level predicative system, represented by the second and minor infinitive predicate, reflecting different degrees of informative nature. Observations on the methods of translating the second and minor infinitive predicate showed that, on the one hand, there is a possibility of transmitting one of the fragments of the syntactic picture of the world using similar types of an infinitive predicate, on the other hand, there are cases of discrepancies in the choice of the type of the infinitive predicate when translated into Russian, associated with the author's understanding of the degree of informative importance of one or another informative block of the linguistic picture of the world.

Key words: semantic syntax, semantic-functional approach, double predicate, second infinitive predicate, minor infinitive predicate, main predicate, language picture of the world, syntactic picture of the world, proposition

Борисов Олег Витальевич,
преподаватель,
Воронежский государственный
университет
7 920 455 89 78
oleg140993@mail.ru

Oleg Borisov, Lecturer,
Voronezh State University
7 920 455 89 78
oleg140993@mail.ru

**ДЕЛАКУНИЗАЦИЯ В ПЕРЕВОДЧЕСКОМ МЕТАТЕКСТЕ:
КРИТЕРИИ ОЦЕНКИ КАЧЕСТВА
ПЕРЕВОДЧЕСКИХ КОММЕНТАРИЕВ**

(на материале переводов произведений И.А. Бунина
на французский язык)

С.Ю. Бурякова
Воронежский государственный университет

Аннотация. Цель статьи – сформулировать требования к содержанию и структуре переводческих комментариев, наилучшим образом обеспечивающих делакунизацию культурно-специфичной информации при переводе. Несмотря на широкую распространенность комментария как средства заполнения лакун, в практике перевода до сих пор не были сформулированы четкие критерии, позволяющие оценить степень делакунизации, а следовательно, качество и уместность переводческого метатекста. В статье рассматриваются функции переводческих комментариев, анализируются предъявляемые к ним требования. На базе разработанной в рамках теории реноминации типологии лакун и их корреляций с типами реалий устанавливаются соответствия между типом заполняемой лакуны и оптимальной структурой переводческого метатекста.

Ключевые слова: перевод, реалия, лакуна, заполнение лакун, делакунизация, теория реноминации, метатекст, переводческий комментарий, оценка качества метатекста

В современном переводоведении, несмотря на значительный собранный теоретический и эмпирический материал, до сих пор ведутся споры по поводу статуса переводческого метатекста. Одни исследователи приравнивают метатекст как переводческий прием или переводческую стратегию к неудаче переводчика, рассматривая его в качестве свидетельства профессиональной беспомощности. К примеру, О.Н. Золотова на основе обзора переводоведческих работ выделяет следующие факторы негативного отношения к переводческому метатексту:

- оптимальным переводческим решением считается эквивалентная замена;
- не все культурно-специфичные сведения выполняют смыслообразующую функцию и, следовательно, должны сопровождаться комментарием;

– метатекст всегда предполагает экспликацию смысловой нагрузки фрагмента, тем самым лишая читателя возможности самостоятельной интерпретации и рефлексии;

– метатекст как разъясняющий прием может искажать смысл исходного текста (ИТ) [1, с.96].

С другой стороны, эквивалентность перевода зависит от степени сохранения в нем различного рода информации подлинника: коммуникативно-прагматической, семантической, функционально-стилистической [2, с.196-197]. На сегодняшний день перевод рассматривается как фактор культуры, особый способ «межкультурной, культурно-этнической и художественной коммуникации», а его цель заключается во «встраивании» текста в принимающую культуру, в замене подлинника для носителя другой культуры [3, с.18-19], в «новой жизни текста» в иной культуре [4, с.51]. Следовательно, введение переводческого метатекста становится необходимым средством преодоления лингвокультурного барьера [5, с.103], а роль переводчика заключается в снятии трудностей восприятия иноязычного текста читателем-инофоном [4, с.51].

Исследователи, рассматривающие метатекст как один из элементов переводческой стратегии, выделяют целый ряд его функций:

– О.Н. Золотова: комментирование, объяснение, констатирование, оценивание коммуникативных сообщений, подтверждение, исправление, организация и регулирование содержательного, формального и качественного аспектов сообщения [6, с.46];

– Н.А. Пластинина: презентации и оправдания перевода, создание репутации писателя, возможно, неизвестного инофону, разработка рекомендаций для прочтения текста, прямое или косвенное апеллирование к читателю [7, с.118-119];

– Д.И. Остапенко: вводная, описательная, аналитическая, пояснительная, оценочная, пародийная функции [8, с.12-13].

Несмотря на немалое количество работ, анализирующих сущностные характеристики и типы переводческого метатекста, до сих пор не существует единых критериев оценки его качества. Д.И. Остапенко, обобщая содержание существующих работ на эту тему, выделяет следующие критерии:

– фактор адресата: метатекст должен быть составлен с учетом специфики получателей текста, уровнем их подготовки и эрудированности, не должен содержать сведения, которые сами нуждаются в комментировании;

– единый подход к отбору и освещению материала: комментарий должен сопровождать все схожие элементы текста, степень его подробности должна быть одинакова;

– новизна информации: переводчику следует избегать включение в комментарий информации, которая может быть заведомо известной читателю, оказаться избыточной, не облегчая при этом понимание авторского текста;

– выбор подхода к созданию комментария: согласно классификации С.Г. Тер-Минасовой, в рамках абстрактно-энциклопедического подхода в комментарий включаются сведения энциклопедического характера о комментируемом объекте, они фактически точны, но находятся в отрыве от авторского текста, никак с ним не связаны. В рамках контекстуально-ориентированного подхода в комментарии указываются не только справочные сведения, но и раскрывается специфика комментируемого объекта/явления, устанавливается его роль в контексте произведения [9].

Цель настоящей статьи – доказать, что одним из критериев оценки качества переводческого метатекста, в частности переводческого комментария, следует считать корреляцию его содержательно-структурной организации с типом заполняемой лакуны. В настоящей работе мы опираемся на классификацию переводческого метатекста, предложенную Т.А. Казаковой [10, с.137-140], а также на классификацию реалий и лакун, разработанную в рамках теории реноминации [11]. Материалом для исследования послужили переводы произведений И.А. Бунина на французский язык.

Комментарий как тип переводческого метатекста «обладает особыми когнитивно-семиотическими и интертекстуальными свойствами; структурно-содержательная организация комментария обусловлена индивидуальным своеобразием личности писателя, особенностями языковой личности адресата и посредника» [6, с.47]. На наш взгляд, еще одним фактором, определяющим структуру и содержание метатекста, должен стать тип заполняемой лакуны. Корректное определение типа лакуны рассматривается нами как одно из необходимых условий для качественного составления метатекста, который в полной мере реализует свои функции. Докажем данную мысль на примерах. (В связи ограниченными объемами статьи, где это возможно, мы приводим только текст оригинала и текст переводческого комментария. Переводы метатекстов выполнены нами. – С.Б.)

Заполнение этнографических лакун. Этнографические лакуны, возникновение которых обусловлено присутствием R-реалий –

номинаций культурно-специфичных предметов, обычно легко подвергаются заполнению. В качестве примера приведем комментарий к русской R-реалии «телега»:

** Voiture utilitaire à quatre roues en usage chez les paysans russes, principalement pour le transport des marchandises [1*, p.526] (Четырехколесная хозяйственная повозка, распространенная в крестьянской среде и используемая главным образом для перевозки товаров.)*

Как видно из примера, достаточным условием для составления качественного комментария является экспликация релевантных признаков комментируемой реалии. Однако, несмотря на кажущуюся простоту этой операции, даже при правильном определении типа лакуны переводчикам как представителям иной лингвокультуры не всегда удается верно осуществить отбор релевантных признаков. Ср.:

ИТ: (...) он до странности неторопливо снимал в прихожей новые калоши, новые перчатки на меху, новое хорьковое пальто, новую **боярскую шапку** (...) [2, с.439]

** Les boyards représentaient la plus haute et la plus ancienne classe de la noblesse russe. (Бояре были представителями самого элитного и древнего сословия русского дворянства). [1, p.531]*

В анализируемом примере, на наш взгляд, следовало бы эксплицировать характерные черты боярской (горлатной) шапки: высоту в локоть, форму (расширяющийся кверху цилиндр), материал (лисий, куний или соболий мех, парчовый или бархатный верх), поскольку для носителя французской культуры реалия «шапка» через дефиниции французских толковых словарей ассоциируется со словом *bonnet* (колпак) (см., например, [1**]). Таким образом, релевантные дифференциальные признаки боярской шапки как предмета роскоши в одежде остаются непонятными французскому читателю, что не позволяет говорить о выполнении данным метатекстом его функций.

Заполнение символьных лакун. Помимо этнографических лакун, R-реалии могут порождать символьные лакуны в тех случаях, когда они выполняют символьную функцию, актуализируя у носителя культуры целый пласт фоновых знаний. Идентификация данного типа лакуны представляется тем более важной, что для ее заполнения словарного или даже дополняющего комментария недостаточно. Ср.:

ИТ: *Саня носила цветистый **мордовский костюм*** (...) [2*, с.365]

ПТ: *elle portait **un costume brodé de vives couleurs*** (...) [3*, p.7]

ИТ: *Вскоре после свадьбы он застал ее однажды заплаканной: в **мордовском костюме**, с косой, заплетенной по-девичьи* (...) [2*, с.367]

ПТ: *Peu de temps après leur mariage, il la surprit un jour tout en larmes: elle portait son costume brodé, une natte de cheveux tressés à la vierge (...)* [3*, p.9]

Русская R-реалия «мордовский костюм» обозначает сложный по своей структуре, состоящий из нескольких компонентов женский народный костюм, украшенный традиционной вышивкой. Этот наряд имеет целый ряд этнокультурных особенностей, связанных с его функциями: мордовский костюм демонстрировал семейный и социальный статус, возрастную категорию обладателя, был показателем его богатства. В русской культуре он символизировал здоровье, силу и выносливость женщины, а также олицетворял традиционные представления о красоте. В рассказе И.А. Бунина «Чаша жизни» мордовский костюм становится «концептуальной вещью, определяющей сюжет произведения и особую метафизическую составляющую образа» [12, с.7]. Сначала это – «часть любовного ритуала», затем он «переходит в область символическую – становится символом прошедшей молодости, утраченных надежд, несостоявшейся любви» [12, с.16]. Реноминация реалии в переводном тексте (ПТ) осуществляется посредством экспликации *un costume brodé de vives couleurs* (досл. *костюм с яркой вышивкой*) и *costume brodé* (досл. *вышитый костюм*), а отсутствие комментария не позволяет эксплицировать все культурно-специфичные смыслы, важные для глубокого понимания произведения.

Заполнение ассоциативных лакун. Ассоциативные лакуны, связанные с функционированием в ИТ различного рода интертекстуальных включений, также порождают целый ряд переводческих трудностей. Часто переводчики воспринимают их как один из типов этнографической лакуны, ограничиваясь кратким дополняющим метатекстом об авторе произведения. Например:

ИТ: «*Девушка пела в церковном хоре*», – с деланной, неумеренной наивностью читала Катя о какой-то будто бы ангельски невинной девушке [2*, с. 318]

* *Poëte d'Alexandre Blok (1880-1921). (Стихотворение А. Блока (1880-1921) [4*, p. 21]*

В анализируемом примере следует говорить о возникновении в ПТ девиантной лакуны. Содержание стихотворения А.А. Блока вызывает у читателя ассоциации чистоты, доброты и непорочности. Манера декламации этого стихотворения главной героиней повести «Митина любовь» Катей раскрывает основные черты ее характера – несерьезность, ветреность, порочность (можно говорить об антитезе с героиней стихотворения А.А. Блока). Таким образом, переводческого

комментария оказывается недостаточно, чтобы эксплицировать культурно специфичные смыслы интертекстуального включения.

Вместе с тем, в случае возникновения ассоциативной лакуны экспликация фоновой информации о сути интертекстуальной связи становится необходимым условием создания качественного комментария. Ср.:

ИТ: *Очевидно, только в силу той вечной легкомысленности, восторженности, что так присуща была дворянскому племени и не покидала **Радищевых, Чацких, Рудиных, Огаревых** (...) [1*, с.152]*

* *L'auteur associe, pour qualifier d'un seul et même type, des noms authentiquement historiques (Radichtcliv, noble, écrivain, conspirateur de la fin du XVIII-ème siècle; Ogarev et Herzen, – illustres publicistes révolutionnaires sous le règne de Nicolas 1er et d'Alexandre II), et des noms de personnages littéraires (Tchatsky, principale figure d'une comédie de Griboïédov; Roudine, héros d'un célèbre roman de Tourgueniev) [4*, p.110] (Автор приводит рядом имена реальных исторических деятелей (Радищев, дворянин, писатель, заговорщик конца XVIII века; Огарев и Герцен – выдающиеся публицисты-революционеры во времена правления Николая I и Александра II) и имена литературных персонажей. (Чацкий, главный герой одной из комедий Грибоедова; Рудин, герой знаменитого романа Тургенева), относя их к одному типу людей.)*

В анализируемом примере переводчик приводит обстоятельный дополняющий комментарий, содержащий достаточно подробную информацию об упоминающихся личностях. Однако поясняющие элементы (И.А. Бунин относит всех упоминаемых лиц к одному типу личности) создают возможность неправильной интерпретации (якобы речь идет о революционерах). Ср. комментарий другого переводчика к этому фрагменту ИТ:

* *Bouinine fait coexister, dans un effet ironique de double miroir, les noms d'écrivains révolutionnaires bien réels (Radichtchev, Ogarev, Herzen) avec des noms de héros littéraires (Tchatski, Roudine) connus pour leur idéalisme velléitaire détaché de la réalité. [1*, p.504] (Бунин с целью создания иронии на фоне «двойного отражения» сочетает фамилии действительно существовавших революционеров (Радищев, Огарев, Герцен) с именами литературных героев (Чацкий, Рудин), известных своим слабовольным характером и оторванным от реальности идеализмом.)*

В данном примере благодаря экспликации ассоциативной информации, связанной с именами литературных героев, переводчик успешно разъясняет читателю авторскую интенцию.

Заполнение социокультурных лакун. Еще один тип лакун – социокультурные – связан с апелляцией к фактам истории и культуры, народным традициям. Обычно такой тип лакун без труда заполняется переводчиками в комментариях, описывающих ход и значение исторического события или суть культурной традиции. Заполнение социокультурных лакун, на наш взгляд, сходно с заполнением лакун этнографических, поскольку критерием качества в данном случае также служит отбор информации, важной для правильной интерпретации смысла ИТ. Например:

ИТ: *Он лежал, являя обычную картину покойника, только что положенного на стол, – картину, поражающую еще только своей странностью (...)* [2*, с.194].

* *Le cérémonial orthodoxe des obsèques se déroulait sur plusieurs jours, à la maison puis à l'église, en présence du corps du défunt; celui-ci, vêtu en grand appareil, était allongé dans un cercueil ouvert que l'on disposait sur une table à la vue de tous; on ne recouvrait le cercueil de son couvercle qu'au moment de l'inhumation.* [1*, p.507] (*В православии церемония похорон длится несколько дней, сначала в доме, затем в церкви в присутствии тела усопшего; его в лучшей одежде помещают в открытый гроб, который располагают на столе, чтобы было видно всем; гроб накрывают только непосредственно перед погребением.*)

* *L'usage, en Russie, est d'étendre les défunts sur la table de famille.* [4*, p.59] (*В России по традиции усопшего кладут на семейный стол.*)

В анализируемых примерах оба переводчика успешно справились с заполнением социокультурной лакуны, описав, хотя и в разном объеме, русский похоронный обряд, что обеспечивает правильную интерпретацию фрагмента читателем.

Таким образом, одним из критериев оценки качества метатекста, на наш взгляд, следует считать точное определение типа заполняемой лакуны, поскольку именно от этого зависят как содержательные, так и структурные характеристики переводческого комментария. Если при заполнении этнографических и социокультурных лакун переводчику достаточно верно отобрать и полно представить культурно-специфичные сведения, релевантные для понимания фрагмента, то при заполнении символических и ассоциативных лакун комментариев успешно выполняет свои функции только в том случае, если эксплицитован большой пласт фоновых знаний и/или разъяснена авторская интенция. В этой связи отметим, что переводческий комментарий, хотя и рассматривается в качестве факультативного элемента переводческой

стратегии, становится, по нашему мнению, необходимым условием для успешного вхождения текста перевода в принимающую культуру.

Литература

1. Золотова Н.О. Работа с комментарием как способ пробуждения рефлексии / Н.О. Золотова // Языковой дискурс в социальной практике. Сб. науч. трудов. Международной научно-практической конференции (Тверь, 01-02 апреля 2016 г.). – Тверь: Тверской государственный университет, 2016. – С. 94-97.

2. Валеева Н.Г. Прагматическая доминанта в оценке качества перевода / Н.Г. Валеева // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. – 2007. – № 519-1. – С. 196-203.

3. Мишкурин Э.Н. О метатрансляционных аспектах художественного перевода / Э.Н. Мишкурин // Вестник Московского университета. Серия 22: Теория перевода. – 2010. – № 3. – С. 17-26.

4. Пластинина Н.А. Метакоммуникативная деятельность переводчика как переводческая стратегия / Н.А. Пластинина // Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Проблемы языкознания и педагогики. – 2016. – № 1. – С. 50-60.

5. Дымант Ю.А. Метакоммуникация переводчика в переводе и автопереводе / Ю.А. Дымант, В.Б. Кашкин, Е.А. Княжева // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2014. – № 4. – С. 103-108.

6. Золотова О.Н. Метаязыковая и метакогнитивная деятельность человека: уровни осознаваемости и формы протекания / Н.О. Золотова, Н.В. Захарова // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Филология. – 2015. – № 2. – С. 44-48.

7. Кушнина Л.В. Метопереводческая деятельность как когнитивный процесс / Л.В. Кушнина, Н.А. Пластинина // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Тамбов: Грамота, 2016. – № 4(58): в 3-х ч. Ч. 1. – С. 118-120.

8. Остапенко Д.И. Функциональная и структурная характеристика метатекста (на материале переводческих предисловий и примечаний): автореф. дис. ... канд. филол. наук / Д.И. Остапенко. – Воронеж: Воронеж. гос. ун-т, 2014. – 27 с.

9. Остапенко Д.И. Переводческое примечание как компонент метакоммуникативного пространства художественного произведения: факторы эффективности / Д.И. Остапенко // Язык, коммуникация и социальная среда. – 2016. – № 14. – С. 68-77.

10. Казакова Т.А. Художественный перевод. Теория и практика / Т.А. Казакова. – Санкт-Петербург: ООО «Инъязиздат», 2006. – 544 с.

11. Французские и русские реалии в аспекте теории межъязыковой реноминации: монография / Н.А. Фененко [и др.]: под ред. Н.А. Фененко. А.А. Кретьева. – Воронеж: Издательско-полиграфич. центр Воронежского государственного университета, 2013. – 220 с.

12. Попова Ю.С. "Язык одежды" в творчестве И.А. Бунина: характерологические и сюжетообразующие функции: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Ю.С. Попова. – Воронеж, 2012. – 22 с.

Список источников примеров

1*. Bounine I. La Vie d'Arséniev: jeunesse / I. Bounine, traduction et notes de C. Nauchard, préface de Jacques Catteau. – Paris: Bartillat, 1999. – 576 p.

2*. Бунин И.А. Собрание сочинений: в 9 т. / И.А. Бунин; под общ. ред. А.С. Мясникова [и др.]; вступ. ст. А.Т. Твардовского; примеч. О.Н. Михайлова и А.К. Бабореко. – Москва: Художественная литература, 1965 – 1967.

3*. Bounine I. Le Calice de vie / I. Bounine, traduit du russe par Maurice. – Paris: Gallimard, 1990. – 252 p.

4*. Bounine I. A la source des jours / I. Bounine, traduction, notes et préface de M. Parijanine. – Paris: Librairie Stock, 1935 – 251 p.

Список словарей

1**. Larousse. Dictionnaire de français. – Режим доступа: <https://www.larousse.fr/dictionnaires/francais/chapka/14694> (дата обращения: 10.12.2018).

ELIMINATING LACUNAE IN TRANSLATOR’S METATEXT: CRITERIA FOR ASSESSING THE QUALITY OF TRANSLATORS’ COMMENTS (BASED ON THE TRANSLATION OF WORKS BY I.A. BUNIN INTO FRENCH)

S.Yu. Buryakova
Voronezh State University

Abstract. The purpose of the article is to formulate the requirements for the content of translators’ comments that best ensure the elimination of lacunae which occur due to cross-cultural differences in the translation process. Despite the wide use of comments as a means of filling lacunae in translation texts, no precise criteria have yet been formulated to evaluate the degree of lacunae elimination, and, consequently, the quality and relevance of the translators’ metatext. The article discusses the functions of translators’ comments, analyzes the requirements for this type of metatext. On the basis of the typology of lacunae developed within the framework of the renomination theory and their correlation with the types of realia, correspondences are established between the type of the filled lacuna and the optimal structure of the translators’ metatext.

Key words: translation, French, realia, lacuna, filling lacunae, eliminating lacunae, renomination theory, metatext, translators’ comments, assessment of metatext quality

Бурякова Светлана Юрьевна,
кандидат филологических наук,
доцент кафедры французской
филологии,
Воронежский государственный
университет;
253-22-38
svetlanbulgakov@yandex.ru

Buryakova, Svetlana Yurievna
Associate Professor, Department of
French Philology,
Voronezh State University,
253-22-38
svetlanbulgakov@yandex.ru

СУЩНОСТЬ ПОМЕХ В МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ НА УРОВНЕ ЗВУЧАЩЕЙ РЕЧИ

Л.В. Величкова, О.В. Абакумова
Воронежский государственный университет

Аннотация. Статья посвящена межкультурной коммуникации на уровне звучащей речи, параметры которой активно влияют на ситуацию общения. При осуществлении межкультурного общения необходима информированность о параметрах звучащей иноязычной речи в эмоциональном аспекте. Речевые параметры способны придавать высказыванию дополнительные оттенки или значения, в том числе противопоставленные смыслу составляющих его лингвистических единиц. Определяются роль эмоциональности как активного компонента коммуникативного процесса, а также возможность исследования этого компонента только при междисциплинарном подходе, предполагающем исследование восприятия речи. Для выражения эмоциональных состояний каждый язык обладает набором национально-специфических средств, способных окрашивать высказывание вне зависимости от его лексического наполнения. Национально-специфические признаки нейтрального стиля речи обуславливают его эмоциональное восприятие носителями другого языка. Дифференциальные признаки коммуникативных типов высказываний несут в себе важную информацию о завершённом или прогрессивном характере высказывания, что при устном переводе может потребовать включения лексических средств. Анализ проводится на уровне ритмических параметров и мелодических знаков (характеристик главноударных слогов) на материале трех языков: русского, немецкого, испанского.

Ключевые слова: источники помех, эмоциональная составляющая устной коммуникации, распознавание стиля иноязычной речи, ритмические параметры речи, мелодические признаки, национально-специфические признаки выражения эмоционального состояния говорящего, восприятие признаков коммуникативных типов высказываний в иноязычной речи, интерференция при восприятии иноязычной речи

Продолжающийся интерес к процессу межкультурной коммуникации обуславливает интенсивное исследование разных уровней языка, обращенных к процессу коммуникации и в сопоставительном аспекте. При этом сама лингвистика сближается с рядом других наук, что позволяет ей проводить исследования речевого поведения в целом. Однако в постановке целей наблюдается игнорирование закономерностей звучащей речи, чему во многом способствует недостаточно развитый механизм исследования этого

явления. В ситуации межкультурной устной коммуникации параметры звучащей речи активно влияют на ситуацию общения. Вместе с тем, именно эта область мало описана с точки зрения межкультурного диалога. При рассмотрении проблемы адекватности восприятия и, соответственно, коммуникации средства звучащей речи выносятся обычно за скобку. При этом имеется в виду, что говорящие общаются без нарушения признаков иноязычной звучащей речи, а если эти нарушения имеют место, то они не влияют на процесс коммуникации даже в эмоциональном аспекте. Это свидетельствует о том, что языковой материал абстрагируется исследователями от реальной ситуации общения.

В реальной ситуации межкультурного общения, как и при коммуникации на родном языке, средства звучащей речи являются «канвой», по которой протекает общение и в когнитивном и, прежде всего, в эмоциональном аспекте. Эти параметры не выходят на уровень сознания говорящих, но в случае нарушения их существенно влияют на ситуацию общения, окрашивая ее в иной тон, нежели этого желают участники коммуникации. Важно принимать во внимание тот факт естественной коммуникации, что параметры звучащей речи способны придавать сообщаемой информации дополнительные оттенки или значения, противопоставленные смыслу составляющих лингвистических единиц. Например, в ситуации передачи информации средствами другого языка в речевой коммуникации задачей переводчика является, прежде всего, понимание информации во всех смыслах с точки зрения характера ее подачи, затем принятие решения о характере фоностилистической окраски речи при переводе. Это требует, несомненно, хорошей информированности о параметрах звучащей иноязычной речи в эмоциональном аспекте.

Эмоциональная составляющая устной коммуникации: источники помех

В процессе развития лингвистической теории исследования эмоциональности речи длительное время находились в тени. Это обстоятельство отражало ориентир европейской культурной традиции на рациональное постижение мира. Эмоциональность, которую следовало преодолевать и подчинять разуму, не могла быть объектом науки о языке. Такому положению способствовала и традиция опоры на письменный текст. В результате оказалось, что исследование эмоциональности проходило в пространстве науки психологии. Сегодня интерес к говорящему (и воспринимающему речь) человеку обусловили поворот лингвистики к экспрессивным средствам речи.

Эмоциональность является неременной составляющей устной коммуникации. Параметры устной речи воспринимаются в эмоциональном ключе, это касается любого стиля устной речи.

Прежде всего следует определить место эмоциональности как компонента коммуникативного процесса. С лингвистической точки зрения можно говорить об эмоционально окрашенной лексике, о нарушениях норм синтаксиса в речи, передающей эмоциональное состояние говорящего. В художественном тексте это состояние часто обозначается описательно. При перенесении внимания исследователя на устную коммуникацию очевидной становится необходимость иного подхода к анализу эмоциональности в речи. Исследование этого явления возможно только при междисциплинарном подходе, вернее всего, этот подход можно назвать психолингвистическим, так как он рассматривает речь с позиции воспринимающего и говорящего человека.

С психолингвистической точки зрения речь всегда носит эмоциональный характер. Если речевое высказывание может по своим параметрам быть отнесено к так называемому нейтральному стилю, то этот факт может свидетельствовать о владении говорящим этим стилем речи и его намерении реализовать такой стиль, но сам по себе этот факт не дает информации о действительном эмоциональном состоянии говорящего. Более того, так называемый нейтральный стиль речи не может быть прямо соотнесен с каким-либо эмоциональным состоянием говорящего, он свидетельствует в первую очередь о его речевой культуре. Даже в относительно нейтральных речевых высказываниях, где экспрессивные средства должны быть представлены минимально, можно наблюдать их негативное восприятие как пассивной, безучастной речи независимо от содержания высказывания или в противоречии к нему.

Экспериментальные данные свидетельствуют о том, что носителям языка не свойствен стиль нейтральной речи в целевой реализации. Эксперимент позволил получить звучащие тексты в реализации их «наивными» носителями языка (русского и немецкого) с равными возрастными, гендерными и образовательными признаками в трех вариантах (с тремя установками): «нейтрально», «положительно», «отрицательно». При восприятии текстов, начитанных носителями языка (русского), этот стиль был оценен как отрицательно окрашенный в половине случаев, что может зависеть и от степени «нейтральности» при реализации текста. Определенная неуверенность прослеживалась у дикторов и экспертов при реализации задания с

нейтральной установкой, при этом сама установка воспринималась как понятная.

Общие выводы по результатам полученных данных следующие: «нейтральный» характер иноязычной, в данном случае немецкой, речи не опознаваем однозначно. Эмоционально маркированные тексты были восприняты частично с противоположным знаком, это относится прежде всего к «позитивным» текстам. Эксперты сообщили, что они могли воспринять «эмоционально беспокойную» речь, но внутри нее затруднялись различать «положительную» и «отрицательную» [1]. Распознавание нейтрального стиля звучащей иноязычной речи требует развитие навыка, то же относится к владению нейтральным стилем иноязычной речи.

Для каждой данной пары языков можно установить условия и характер восприятия звучащей речи одного языка «на фоне» другого, характер базовых единиц эмоционального восприятия речи. Для нас такой теорией является положение Е.Н. Винарской об эмоционально-выразительных тембровых комплексах речи, складывающихся на очень ранних этапах речевого онтогенеза и функционирующих в процессе порождения и восприятия речи взрослого человека [2]. Сопоставление этих комплексов может объяснить предпосылки эмоционального характера восприятия речи. Параметрами, ответственными за передачу эмоционального состояния в речи, являются, прежде всего, мелодические признаки ударных слогов, для которых нами используется термин «мелодический знак», частотность восходящих и нисходящих мелодических знаков, а также ритмические параметры речи.

Для пары языков (немецкий и русский) изменениями этих показателей для передачи положительных эмоциональных состояний с нарастанием степени этого эмоционального состояния являются следующие: для спокойной (ненапряженной) русской речи характерно равномерное распределение ударных слогов с дистанцией в 2-3 слога. В русском языке в менее напряженной речи ударность, как правило, приходится на слоги, стоящие в середине фразы, а кульминационное ударение стоит на последнем слоге. Нарушение этих закономерностей, которое происходит скорее в сторону увеличения дистанции, создает впечатление раздражения, угрозы и иных негативных впечатлений. При нарастании напряжения русской речи увеличивается темп речи. Увеличение количества восходящих мелодических знаков свидетельствует о нарастании позитивной эмоциональности в речи.

Негативные эмоциональные состояния выражаются с участием нисходящих мелодий.

В отношении немецкой речи можно в общем сделать вывод о том, что частота ударных слогов, превосходящая средние показатели, сигнализирует о повышении эмоционального напряжения и в целом о негативном характере этого напряжения. Эти акцентные показатели разрушают ритмическую канву привычной, «нейтральной», речи и этим создают некое беспокойное, отрицательное напряжение. При возрастании положительного настроения говорящего или его желании продемонстрировать таковой в звучащей речи (например, в звучащих текстах рекламы) наблюдается тенденция к уменьшению доли ударностей с восходящим мелодическим знаком и увеличению нисходящих мелодических знаков в конце ритмических групп [3, с.81-84].

Результаты аудитивного анализа испанской звучащей речи позволяют заключить, что

- в речи испанцев при выражении положительной эмоции преобладает знак повышения тона голоса на ударных слогах;
- отрицательная эмоция в речи испанцев может быть выражена понижением тона голоса на ударных слогах;
- отсутствие эмоций в речи испанцев может быть выражено как повышением тона голоса, так и понижением тона голоса на ударных слогах.

Восприятие коммуникативных типов высказывания

Дифференциальные признаки интоном коррелируют определённым способом с тембровыми комплексами в родном языке, что и объясняет эмоциональный характер восприятия нарушений дифференциальных признаков интоном родной речи. Для пары языков (немецкий и русский) нами определены эти предпосылки и характер восприятия звучащей речи, начиная от диапазона голоса и рассматривая далее соотношение дифференциальных признаков интоном (терминальность, интеррогативность, прогрессивность) с экспрессивными средствами речи. Рассматриваемая пара языков представляет собой пример рельефно выраженных различий на уровне экспрессивных базовых средств с отражением этих различий при восприятии звучащей речи, в том числе при восприятии дифференциальных признаков интонационных единиц. Интонация как естественная среда существования звучащей речи не осознаётся человеком при общении, при его нахождении и деятельности в языковой среде она обладает многими функциями, системное описание которых ещё не сложилось.

Дифференциальные признаки коммуникативных типов высказываний относятся к лингвистическим, т.е. к системным языковым. Эти признаки не могут считаться паралингвистическими. Они реализуются как необходимые для коммуникации, имеют определенную локализацию на линейной протяженности фразы и узнаются в соответствующем типе высказывания независимо от целого ряда интегральных признаков. Восприятие дифференциальных признаков интонации неродного языка происходит в эмоциональном ключе во всех тех моментах, где эти признаки расходятся в двух языках. Иначе говоря, если на уровне дифференциальных признаков фонем происходит – при их нарушении – искажение семантики информации, то при искажении дифференциальных признаков супrasegmentного уровня включается эмоциональный фактор, т.е. **любые искажения признаков супrasegmentного уровня воспринимаются в эмоциональном ключе.**

Исследования Е.В. Лукьянчиковой о восприятии дифференциальных признаков интонации немецкого и русского языков экспериментально подтверждают это положение на материале этих двух языков. Немецкие фразы с интонацией завершения (терминальности) в экспериментах на восприятие их носителями русского языка (с привлечением большого количества испытуемых) почти без исключений были восприняты в эмоциональном ключе, а именно как категоричные [4]. Перенос интонационных признаков завершения из русского языка в немецкий как факт интерференции придавал этим фразам с точки зрения носителей немецкого языка эмоциональный оттенок неуверенности, сомнения в содержании высказываний. Если в разговоре немецкая фраза, содержащая, например, время встречи, реализуется носителем немецкого языка без дифференциального признака терминальности (*vierzehn Uhr*), то информация должна восприниматься как предложенная и переводиться на русский язык не с помощью интонационных признаков; русский язык использует для этого порядок слов (*часа в два*) или в зависимости от стиля речи – уточняющие слова (*примерно в два часа*).

При осуществлении межкультурной коммуникации роль переводчика в плане реализации всей информации, передаваемой звучащей речью, является центральной. Такое умение приходит с достаточным опытом, но данные сопоставительных исследований в области фоностилистических и экспрессивных средств речи могут быть успешно использованы для развития профессиональных навыков.

Литература

1. Величкова Л.В. Проект «Психолингвистическое изучение звучащей речи» / Л.В. Величкова, О.В. Абакумова, Е.В. Петроченко, И.В. Воропаева – Вопросы психолингвистики. – 2017. – № 3(33). – С. 240-255.
2. Винарская Е. Н. Выразительные средства текста: (на материале русской поэзии) / Е. Н. Винарская. – 2-е изд. – Воронеж: Воронеж. гос. ун-т, 2003. – 171 с.
3. Кириченко Н.В. Эмоциональность звучащего рекламного текста (на материале немецкой телевизионной рекламы). – Воронеж, Издательско-полиграфический центр Воронежского государственного университета, 2012. – 111 с.
4. Lukjančikova, E. Das Merkmal der intonatorischen Abgeschlossenheit im Deutschen und im Russischen. / E. Lukjančikova // Klangsprache im Fremdsprachenunterricht. (2) Forschung und Lehre. Staatliche Universität Woronesh. 1999. – S. 13-19.

THE ESSENCE OF INTERFERENCE IN INTERCULTURAL COMMUNICATION AT THE LEVEL OF SOUNDING SPEECH

L.V. Velichkova, O.V. Abakumova
Voronezh State University

Abstract. The article is devoted to intercultural communication at the level of sounding speech, the parameters of which actively influence the situation of communication. Awareness of the parameters of sounding foreign language speech in an emotional aspect is required in the context of intercultural communication. Speech parameters are able to convey additional shades or meanings to an utterance, including those opposed to the meaning of its linguistic units. The role of emotionality as an active component of the communicative process is determined by the possibility of studying this component using the interdisciplinary approach only, involving the study of speech perception. For the expression of emotional states, each language has a set of culture-specific means capable of coloring an expression, regardless of its lexical content. Culture-specific signs of a neutral style of speech determine its emotional perception by speakers of another language. Differential signs of communicative types of statements carry important information about the completed or progressive character of the statement that may require the inclusion of lexical means by interpretation. The analysis is carried out at the level of rhythmic parameters and melodic signs (characteristics of the main-stressed syllables) using the materials of three languages: Russian, German, Spanish.

Key words: phonostylistics, sources of interference, emotional component of oral communication, recognition of the style of foreign language speech, rhythmic parameters of speech, melodic features, culture-specific signs of expression of the emotional state of a speaker, perception of signs of communicative types of statements in foreign language speech, interference in the perception of foreign language speech

Величкова Людмила Владимировна, L.V. Velichkova,
доктор филологических наук, Dr habil. In Philology,

профессор кафедры немецкой
филологии, Воронежский государственный
университет
7(920) 423 66 74
luvel1@mail.ru

Professor, Voronezh State University,
7(920) 423 66 74
luvel1@mail.ru

Абакумова Ольга Васильевна,
кандидат филологических наук,
доцент кафедры романской
филологии, Воронежский государственный
университет
7(903) 654 95 16
olga.abakumova16@gmail.ru

O.V. Abakumova,
PhD, Associate Professor,
Voronezh State University,
7(903) 654 95 16
olga.abakumova16@gmail.ru

ВЕРБАЛИЗАЦИЯ КОНЦЕПТА GOD/БОГ/ХУДО В ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА

(на материале английского, русского и узбекского языков)

М.Р. Галиева

Узбекский государственный университет мировых языков

Аннотация. Статья посвящена исследованию вербализации религиозно-маркированного концепта GOD/БОГ/ХУДО в английском, русском и узбекском языках на материале лексических, словообразовательных и фразеологических единиц. Освящаются понятия концептуальной, языковой, национальной и религиозной картины мира, концепта и его структуры. В процессе анализа концептуальной структуры концепта GOD/БОГ/ХУДО выявлено, что, несмотря на универсальную представленность данного концепта во всех рассматриваемых языках, он обладает также рядом национально-специфичных характеристик. Это обусловлено тем, что в содержании концепта GOD/БОГ/ХУДО репрезентируется ряд аксиологически значимых ценностей культуры, связанных с духовной, эмоционально-психологической, культурной жизни человека. Данное обстоятельство свидетельствует о том, что концепт GOD/БОГ/ХУДО – неотъемлемая часть языковой картины мира, важной составляющей которой являются национальная и религиозная картины мира.

Ключевые слова: религиозная картина мира, религиозно-маркированный концепт, структура, национально-культурная специфика, вербализация

Принятый в современном языкознании антропоцентрический подход к изучению языковых явлений обусловил интеграцию различных научных дисциплин и актуальность исследований в области ряда междисциплинарных направлений: этнолингвистики, когнитивной лингвистики, лингвокультурологии, прагмалингвистики, гендерной лингвистики, теолингвистики и др. Несмотря на различия целей, объекта и предмета исследования данных дисциплин, между ними прослеживается общность, проявляющаяся в стремлении исследовать сложные взаимоотношения языка и мышления, языка и общества, языка и культуры.

Одним из ключевых понятий этих дисциплин является понятие картины мира. Под картиной мира понимается «упорядоченная совокупность знаний о действительности, сформировавшаяся в общественном (а также групповом, индивидуальном) сознании» [1, с.51]. Концептуальная картина мира (ККМ) определяется как «продукт познавательной деятельности человека» [2, с.59]; «целостный глобальный образ мира» [3, с.19]. ККМ, будучи результатом

познавательного процесса действительности человеком, является упорядоченной системой знаний, информацию о мире, отражающей когнитивный опыт человека и его представления о мире. Языковая картина мира (ЯКМ) вербализует ККМ средствами языка. По мнению М. В. Пименовой, ЯКМ – это «совокупность знаний о мире, которые отражены в языке, а также способы получения и интерпретации новых знаний» [3, с.5].

Неотъемлемой частью ККМ и ЯКМ являются национальная и религиозная картины мира (НКМ и РКМ соответственно). Как отмечают З.Д. Попова, И.А. Стернин, НКМ проявляется в «единообразии поведения народа в стереотипных ситуациях и общих представлениях народа о действительности, в высказываниях и «общих мнениях», в суждениях о действительности, пословицах, поговорках и афоризмах» [1, с.53]. Другими словами, каждый народ отображает и воспринимает мир сквозь призму своей национальной культуры и менталитета, образуя свой национальный образ мира, которому присущи как общечеловеческие, так и национальные ценности, находящие свои проекции в языке. Благодаря своей функции быть способом формирования, существования и хранения знаний человека о мире язык отражает определённый способ восприятия и кодирования знаний о действительности. Репрезентируемые в языке семантические значения складываются в единую систему взглядов, т.е. мировосприятие, которое становится единым для носителей данного языка, формируя его НКМ, неотделимым компонентом которой является и РКМ. Это обусловлено тем, что религиозный фактор играет большую роль в общественном укладе любого этноса, формируя и определяя наряду с НКМ особенный образ восприятия, нравственное сознание того или иного народа, его духовный и национальный взгляд на окружающую действительность. Следует также отметить, что «характерной особенностью РКМ является и то, что она формируется не только под влиянием сугубо религиозных догматов, но и национального мировосприятия» [4, с.143].

Исследование РКМ предполагает в первую очередь выявление её наиболее аксиологически значимых концептов, отражённых в языковой картине мира. К таким концептам прежде всего относятся концепты ВЕРА, БОГ, ДОБРО, ЗЛО, ГРЕХ, МИР, АД, РАЙ, СВЕТ, СЛОВО и др., которые являются универсальными религиозно маркированными концептами, представленными во всех лингвокультурах и отражающих религиозное восприятие в языковой картине мира.

Прежде чем перейти к анализу языкового материала, рассмотрим вкратце понятие концепта. Как известно, существуют большое количество точек зрения в понимании этого термина. Не вдаваясь в

подробности каждой из них, обобщим основные признаки концепта, представленные в лингвистической литературе.

Концепт – это ментальное образование, оперативная содержательная единица памяти, своего рода квант знаний о мире, когнитивная структура, основная ячейка, «сгусток» культуры, ментальная сущность, отмеченная национально-культурной спецификой [1; 6; 7; 8; 9 и др.].

Одной из основных задач описания концепта является рассмотрение его сложной, многомерной структуры. В этом плане также можно отметить различные подходы: наличие понятийного, образного и ценностного компонентов [8]; выделение понятийной, образной и значимостной составляющих [7]; определение ядра и периферии [9]; выявление образа, информационного содержания, интерпретационного поля [1]. Несмотря на большое разнообразие в подходах и терминологии, касающихся структуры концепта, в целях нашего исследования важно подчеркнуть прослеживаемую во всех работах мысль о сложности, многомерности и многосоставности структуры концепта.

Основной задачей данной статьи является рассмотрение понятийного ядра концепта GOD/БОГ/ХУДО, формирующегося посредством словарных значений изучаемой лексики-номинанта, словообразовательных и фразеологических единиц, вербализующих данный концепт. Как показал анализ языкового материала, понятийное содержание концепта GOD/БОГ/ХУДО в английском, русском и узбекском языках включает в себя как универсальные, так и национально-культурные характеристики. Это, по мнению Р.М. Фрумкиной, обусловлено тем, что «одному и тому же имени (слову) в психике разных людей могут соответствовать разные ментальные образования. Тем самым не только разные языки «концептуализируют» (т.е. преломляют) действительность по-разному, но и за одним и тем же словом данного языка в сознании разных людей могут стоять разные концепты» [9, с.3].

Далее перейдем непосредственно к анализу слово-концепта GOD/БОГ/ХУДО. Анализ словарных дефиниций ряда толковых словарей в английском, русском и узбекском языках [1**, 2**, 3**, 4**, 5**, 6**] показал, что понятийные признаки, формирующие ядро концепта GOD/БОГ/ХУДО, полностью совпадают во всех рассматриваемых языках: GOD/БОГ/ХУДО – 1) Верховное существо, создавшее мир и управляющее им; 2) объект поклонения, идол, кумир.

Лексические средства номинации концепта GOD/БОГ/ХУДО в основном представлены синонимами, выраженными:

а) именем существительным: англ: *God, Lord, Father, Creator, the True, Preserver*; рус: *Бог, Господь, Создатель, Владыка(о), Творец, Спаситель*; узб: *Оллох, Худо, Парвардигор, Тангри, Раб(б)*;

б) субстантивизированными прилагательными, активизирующими один из его признаков: англ: *Almighty, Supreme, Divine, Eternal, Holy, Infinite, Immortal, Merciful*; рус: *Всемогущий, Бесконечный, Вездесущий, Всемилостивый, Всезнающий*; узб: *Раҳим (Милостивый), Азим (Великий), Муҳйи (Воскресающий), Кавий (Сильный), Афувв (Прощающий), Карим (Щедрый)*;

в) словосочетаниями: англ: *Holy Ghost, Supreme Being, Divine Being*, рус: *Господь Бог, Отец небесный, Бессмертный царь, Царь Небесный, жизни Податель*; узб: *Аллах Таала (Всевышний Аллах), Парвардигори олам (Творец мира), Раббул-олаийн (Владыка миров), Маликул мулк (Царь владений)*.

В ряду перечисленных номинаций представляется необходимым выделить дублетные концепты, выраженные синонимами, соответствующими как критерию взаимозаменяемости в определённом контексте, так и критерию одинакового толкования: *God – Lord, Бог – Господь, Оллох – Худо – Раб(б)*. Примечательно то, что семантика номинаций *Lord, Господь, Раб(б)* во всех анализируемых языках полностью совпадают и содержат сему, связанную с понятиями «владение», «господство».

Обращает на себя внимание использование апофатических номинаций, построенных на отрицании определённых признаков: *Immortal, Infinite, Unearthly, Бессмертный, Беспредельный, Бестелесный*. В исламе для выражения таких представлений преимущественно используются номинации в утвердительной форме: *Аввал (Безначальный), Ахир (Бесконечный), Ботин (Невидимый), Қуддус (Безгрешный)*.

Следует отметить, что в исламе особо акцентируется то, что Аллах может выступать не только в качестве милостивого Бога, но и в качестве Бога справедливого наказания: *Қаҳҳор (Обрушивающий свой гнев), Зорр (Причиняющий зло неправедным), Хофиз (Принижающий неправедных), Музилл (Обделяющий неправедных), Мунтақим (Карающий неправедных)*.

Анализ словообразовательных гнезд изучаемых лексем показал, что словообразовательные единицы отражают в основном следующие концептуальные признаки, ассоциирующиеся с понятиями:

а) страха перед богом: *godfearing, богобоязненный, худотарс*;

б) обездоленности: *godforsaken, убогий, убожество, худонинг назаридан қолган*;

в) неверия: *godless*, *безбожный*, *безбожник*, *худобехабар*, *худобезори*;

г) благочестивости: *godliness*, *godly*, *набожность*, *набожный*, *худогүй*, *художуй*;

д) достоинства божественному: *godlike*, *богоравный*, *богоподобный*, *богообразный*;

е) успеха, удачи, дара свыше: *godsend*, *godspeed*, *godgiven*, *боговерученный*, *богоданный*, *богодарованный*, *худо берди*.

В английском языке также представлены единицы, связанные с обрядом крещения: *god-parent*, *god-son*, *god-daughter*, *god-father*, *god-mother*. Это обусловлено важной ролью крестных в христианстве, в обязанность которых входит духовное воспитание крестников, приобщение к таинствам церкви, защита крестников в повседневной жизни.

Наиболее широко словообразовательные единицы с компонентом «бог», число которых достигает 200 единиц, представлены в русском языке. Как показал анализ языкового материала, словообразовательные единицы отражают следующие концептуальные признаки:

1) созданный богом: *богозданный*, *боговозделанный*, *богоустроенный*, *богосозданный*;

2) угодный богу: *богожеланный*, *богопочтенный*, *богорадный*, *боговожделенный*;

3) отмеченный богом: *богоизбранный*, *богозарный*, *богознаменный*, *богосияющий*;

4) соединённый богом: *боговенчанный*, *богосоюзный*, *богособранный*, *богосочетанный*;

5) познавший (тайну) бога: *боговедец*, *боговидец*, *богопознание*, *богомудрый*;

6) поведанный богом: *боговещанный*, *богопосланный*;

7) пострадавший за бога: *богомученик*, *богомученичество*;

8) предопределённый богом: *богоначертанный*, *богописанный*;

9) воплощённый бог: *боготелесный*, *богочеловеческий*, *богочеловек*;

10) преданный богу и возводящий ему хвалу: *богопочитатель*, *боголюбивый*, *богоревнивый*, *богохвалебный*;

11) проповедующий бога: *боговещатель*, *богогласный*, *богопроповедник*;

12) посвятивший себя богу: *богоневеста (монахиня)*, *богоневестная (церковь)*;

13) оставивший бога: *богоотступный*, *богоотречённый*, *богоотметный*;

14) неугодный богу: *богопротивный, богомерзкий, богоненавистный, богоотверженный*;

15) возводящий хулу на бога: *богохульный, богохульничество*.

В словообразовании также представлены единицы, отражающие языческие представления о гендерных характеристиках лексемы *бог*: *god – goddess, бог – богиня*. В узбекском языке данные характеристики передаются посредством использования обобщенных номинаций трансцендентных сущностей: *илоҳ – илоҳа, маъбуд – маъбуда* (тот (та), кому поклоняются язычники, идол).

Анализ фразеологических единиц показал, что во фразеологии всех анализируемых языков наиболее широко представлены фразеологические единицы, отражающие концептуальные признаки, ассоциирующиеся с такими понятиями:

1) просьбы, мольбы: *God forbid, for God's sake, избави Бог, упаси Бог, Худо асрасин*;

2) благодарности Богу: *God be thanked, бог миловал, Худога шукур*;

3) благословения: *God bless you, Бог в помощь, с Богом, Худо ёр бўлсин*;

4) клятвенного заверения: *God's blood, клянусь Богом, убей меня Бог, Худо ҳақи*;

5) призыва к свидетельству: *God knows, Бог знает, Худо шоҳид*;

6) проклятия: *God damn, Худо олсин, Худо кўтарсин*;

7) удивления: *God Almighty, good God, Бог мой, ё Худо (ё Парвардигор, ё Оллоҳ)*;

8) неизвестности чего-л.: *God wot, Бог его знает, Бог весть, Худо билсин*;

9) неожиданной догадки: *как бог на душу положит, худо кўнглига солди, худо ярлақади, худо бир йўлга бошлади*;

10) одарённости чем-л.: *бог не обидел, чем бог послал, худо етказди, худо берди*;

11) смерти: *бог прибрал, отдавать богу душу, худо раҳмат қилсин, худо урди*;

12) высокомерия: *he thinks himself God Almighty, возомнить себя Богом, ўзини Худо деб билади*;

13) наказания: *побойся бога, худонинг ғазаби*;

В английском языке также представлены фразеологические единицы, отражающие концептуальные признаки мифологического характера: *the god of hell/war/fire/sea/marriage/heaven/wine, the goddess of corn/love/war/wisdom, etc.* Это связано с тем, что античная мифология оказала огромное влияние на становление европейской культуры и лежала в основе её духовной и эстетической жизни. Богам поклонялись,

в честь них воздвигались храмы и приносились жертвоприношения. Именно мифы лежат в основе многих английских суеверий и предубеждений, например, о несчастливости браков и разгула нечисти в мае.

В русском языке в отличие от английского и узбекского также представлены фразеологические единицы, актуализирующие признаки, отождествляющиеся с понятиями: а) обделённости чем-л.: *богом убитый, богом обиженный*; б) разоблачения чего-л.: *выводить на свет божий, выступать на свет божий*;

Следует отметить, что как в словообразовательном, так и во фразеологическом фонде узбекского языка концепт БОГ в основном вербализуется лексемой *Худо*, что объясняется тем, что в отличие от других дублетных номинаций (*Оллох, Раб(б), Парвардигор, Тангри*) заимствованных из арабского, персидского и монгольского языков, лексема *Худо* является исконно тюркской, что расширяет её возможности к словообразовательным и фразеологическим трансформациям.

Таким образом, на основе изложенного представляется возможным сделать следующие выводы:

- концепт GOD/БОГ/ХУДО является универсальным религиозным концептом, представленным во всех лингвокультурах и вербализуется как на уровне лексических, так и словообразовательных, фразеологических единиц;
- концепт GOD/БОГ/ХУДО как аксиологически значимая ментальная единица является частью языковой картины мира, важной составляющей которой являются национальная и религиозная картины мира;
- в каждом языке имеются некоторые специфические характеристики вербализации концепта, обусловленные: а) наличием/отсутствием некоторых значений (или оттенков значений); б) количественными характеристиками лексических, словообразовательных и фразеологических единиц; в) своеобразным характером номинаций.

Литература

1. Попова З. Д., Стернин И. А. Когнитивная лингвистика / З.Д.Попова, И.А. Стернин – Москва: Восток-Запад, 2007. – 314 с.
2. Колшанский Г. В. Объективная картина мира в познании и языке. / Г.В. Колшанский – Москва: Наука, 1990. – 108 с.
3. Пименова М. В. Предисловие / М.В. Пименова Введение в когнитивную лингвистику. Под ред. М. В. Пименовой. – Кемерово: 2004. – № 4. – 208 с.
4. Галиева М.Р. Роль мифолого-религиозных структур знания в процессе обучения иностранным языкам в языковом ВУЗе / М.Р. Галиева // Вестник Воронежского

государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – Воронеж, 2017. №3. – С. 142-146.

5. Степанов Ю.С. Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования. / Ю.С. Степанов – М.: Школа «Язык русской культуры», 1997. – С. 21.

6. Маслова В.А. Когнитивная лингвистика. / В.А. Маслова – Минск, ТетраСистемс, 2004.

7. Воркачёв С. Г. Любовь как лингвокультурный концепт. / С.Г. Воркачев –М.: Гнозис, 2007. – 284 с.

8. Карасик В. И., Слышкин Г. Г. Лингвокультурный концепт как единица исследования / В.И. Карасик, Г.Г. Слышкин //Методологические проблемы когнитивной лингвистики: Сб.науч. тр./Под ред. И. А. Стернина. – Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 2001. – С. 75-80.

9. Фрумкина Р. М. Концептуальный анализ с точки зрения лингвиста и психолога (концепт, категория, прототип) / Р.М. Фрумкина // НТИ, Сер.2. – 1992. – №3. – С. 1-15

Список словарей

1. Англо-русский фразеологический словарь // Кунин А. В. – М.: Русский язык, 1984. – 942 с.

2. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка в 4х томах. – М.: Русский язык, 1991. Т.4. – 683 с.

3. Краткий узбекско-русский фразеологический словарь // Содиқова М. – Т.: СЭ, 1989. – 336 с.

4. Фразеологический словарь русского языка. 2-е изд. / Л. А. Войнова, В. П. Жуков, А. И. Молотков, А. И. Фёдоров / Под ред. А. И. Молоткова. – М.: АСТ: Астрель, 2000. – 512 с.

5. Cambridge International Dictionary of English. – Cambridge: Cambridge University Press, 1999. – 1774 p.

6. Merriam Webster's Collegiate Dictionary / Ed. by F. C. Mish. – Springfield, Massachussets: USA, 1997. –1559 p.

VERBALIZATION OF THE CONCEPT GOD/БОГ/ХУДО IN THE LINGUISTIC WORLD PICTURE (english, russian and uzbek languages)

Margarita Rafaelovna Galieva
Uzbekistan State World Languages University

Abstract. The article is concerned with the study of verbalization of a religiously-marked concept God/Бог/Худо in the English, Uzbek and Russian languages based on lexical, word-formation and phraseological units. The conceptual, linguistic, national and religious pictures of the world are discussed, such notions as the concept and its structure are highlighted. The analysis of conceptual structure of the concept God/Бог/Худо revealed that in spite of the universal character of this concept in all the languages under consideration, it is characterized by national-cultural features. It is conditioned by the fact that the concept God/Бог/Худо represents a cluster of axiologically significant cultural values related to spiritual, emotional and psychological aspects of life in a certain linguoculture. The article states that the

concept God/Бог/Худо being an essential part of national and religious world pictures constitutes an inseparable part of the linguistic picture of the world.

Key words: religious picture of the world, religiously marked, concept, structure, national-cultural features, verbalization

Галиева Маргарита Рафаэловна,
кандидат филологических наук,
доцент, заведующая кафедрой
лингвистики и литературоведения,
Узбекский государственный
университет мировых языков
+99890 167 07 18
margarita22@mail.ru

Margarita R. Galieva
PhD. (Doctor of Philosophy in
Philology), Associate Professor,
Head of the Linguistics and Literary
Studies Department,
Uzbekistan State World Languages
University
+99890 167 07 18
margarita22@mail.ru

**ЭВОЛЮЦИЯ ПОНЯТИЯ «LA PARENTALITÉ»,
«PARENTALITY», «РОДИТЕЛЬСТВО» В
РАЗНОСТРУКТУРНЫХ ЯЗЫКАХ: ЯЗЫКОВАЯ КАРТИНА
МОДИФИКАЦИЙ МОДЕЛЕЙ СЕМЬИ**

И.С. Данилова
Тульский государственный педагогический
университет им. Л.Н. Толстого

Аннотация. Родительство (фр. la parentalité, англ. parentality) является универсальным ценностным ориентиром в любой лингвокультуре, отражая результат трансформаций, происходящих в современной семье. В работе автор представляет языковую картину модификаций моделей семьи, характеризуя семантическое развитие лексемы *родительство* и степень соответствия данного понятия во французском, английском, русском языках, выделяя периоды наибольшей семантической активности, переносные значения и способы их интерпретации (перевода). Установлено, что эволюция изучаемого понятия в разноструктурных языках обусловлена как влиянием экстралингвистических условий (семантические изменения лексемы неразрывно связаны с социально-историческим контекстом), так и внутрilingвистическими факторами (развитием семантической структуры мотивирующего слова, влиянием аналогии, действием закона экономии языковых усилий). Автор приходит к выводу, что понятие «родительство» в международном и отечественном тезаурусе эволюционировало, развивались и модифицировались модели семьи в разных лингвокультурах, однако же не упростились, и сегодня совершенно очевидно, насколько глубоки и нерасторжимы связи общества, человека и языка.

Ключевые слова: родительство, разноструктурные языки, лексема, семантическое развитие, семантическая активность, переносное значение, лингвокультура

Такие проблемы, как язык и общество, язык и культура, язык и мышление, язык и история, являются вечными, и на каждом новом этапе развития общества и науки появляются понятия, которые вызывают научные дискуссии в разных лингвокультурах. И данный факт не должен нас удивлять, так как, по утверждению Ж. Кауфмана, «понятия, как и люди, имеют жизненный цикл, который необходим для формирования знания об этих понятиях в их историческом аспекте. Рождение – это фаза самая неясная, гипотезы появляются разными способами... Взрослый возраст – это возраст окончательной стабилизации и подтверждение этой идентичности, стабилизируемой сообществом...» [1, с.24].

Возникает резонный вопрос: на какой фазе жизненного цикла находится сегодня понятие в разноструктурных языках, обозначающее феномен родительства, существование которого признано во многих лингвокультурах и имеет свое выражение во французском (*la parentalité*), английском (*parentality*), русском (*родительство*) языках?

Данная статья является попыткой поиска ответа на столь сложный и важный вопрос, так как сегодня мы можем констатировать, что понятие «родительство» является универсальным ценностным ориентиром во многих лингвокультурах и представляет собой, по мнению французского исследователя А. Брюэля, «симптом и результат трансформаций, происходящих в семье» [2, с.5].

Обратимся к истории вопроса. В конце 50-х г. XX века благодаря научной работе Т. Бенедект в сфере психоанализа уже существующее в английском языке слово *parenthood* появляется в новом значении, обозначая процесс психо-эмоционального созревания обоих биологических родителей в связи с зачатием ребенка и связанного с ним (с зачатием) дифференциацию отцовской и материнской функции [3].

В 60-х годах XX века французский психиатр П.-К. Ракамье, развивая научные идеи Т. Бенедект, вводит в научный дискурс французского языка понятие «*maternalité*», характеризуя процессы, происходящие с будущей (и/или первородящей) матерью, а также понятия «*parentalité*», «*paternalité*», представляющие собой кальки-слова из английского – *motherhood*, *parenthood*, *fatherhood*, описывая процессы психической зрелости, которые развиваются как у матери (материнство), так и у отца (отцовство) [4]. С этого периода социальные и гуманитарные науки пополняют фонд знаний о понятии «родительство», и, исходя из данного предмета, каждая из них выделяет свою целевую доминанту рассматриваемого явления. Полисемичность понятия «родительство» выражается в столь многообразном спектре воззрений и представлений, порой противоречивых, которые в свою очередь стимулируют процесс познания этого феномена, неразрывно связанного с важнейшим для общества социальным институтом – семьей.

В работах неанглоязычных исследователей социальных наук, наблюдается существование понятия «*parentality*», которое, вероятно, появилось под влиянием французского и используется как обобщенное понятие для выражения «родства» и «функции быть родителем». Однако в социально-педагогической сфере эти понятия имеют разные значения, ограничивающие контекст их употребления. Так, в настоящее время в англоязычной литературе термин *parenthood* чаще

применяют специалисты, анализирующие институциональные характеристики родительства (нормы, ценности) и юридических статусов (например, установление отцовства, отказ от материнства, усыновление и т.д.). Для характеристики собственно родительских ролей, включая отклонения от одобряемых в данной конкретной культуре моделей обращения с детьми: пренебрежение основными потребностями детей (*neglect*), злоупотребления (*abuse*), насилие (*violence*), чаще употребляется второе понятие – «parenting».

Иное развитие у понятия «la parentalité» во французском языке. По мнению французского исследователя Д. Делекур, родительство в его функции быть родителем может принимать самые разные формы, обусловленные модификациями семей, и именно поэтому необходимо было найти понятие для определения родительского статуса в каждой современной семье, в которой общим знаменателем выступает термин *parenté* (рус. *родство*) [5]. Так, только в 1995 году «Dictionnaire critique de l'action sociale» [1**] становится первым научным изданием, который предлагает дефиницию понятия «la parentalité», обозначая в широком значении функцию быть родителем, которая включает одновременно юридическую ответственность, определяемую законом, а также моральную ответственность, обусловленную социокультурным окружением, и воспитательную (образовательную) ответственность.

Именно это обобщенное понятие проявляется в тех языках, в которых нет двух отдельных эпитетов, чтобы объединить оба понятия и выразить единое значение «родства» и «функции быть родителем», поэтому в этих языках употребляется одно слово, как, например, и в русском – *родительство* (русский язык). В России термин *родительство* впервые появился в работах по социологии семьи в середине 90-х годов XX века, обозначив отдельную предметную область. Это обусловлено тем, что именно в этот период в российском обществе констатируется целый ряд острых проблем, связанных с нарастающей девальвацией ценности семейного образа жизни, рождения и воспитания детей.

В лингвокультурах изучаемых разноструктурных языков феномен «родительство» в 90-е годы XX века обретает социальный статус, становится социальным кодом, выражающим структурные семейные трансформации и общественное требование к функциям, статусу, обязанностям родителя, которые находят свое выражение в языках. Именно этот период является периодом наибольшей семантической активности лексемы *родительство*.

Изменения в семье и частной жизни родителей как индивидов способствовали развитию новых категорий научного дискурса,

предполагающего дифференциацию родительства. Так, в изучаемых разноструктурных языках выявлены бинарные сочетания, семантическая структура которых конкретизирует специальное понятие и уже в названии имеет дифференцированную сему, таким образом обозначая узкоспециальное понятие. Данный процесс в языке является вполне естественным, который Ю.Н. Караулов объясняет следующим образом: «любое слово в нашем сознании, в памяти (точно так же, как и в речевой цепи) не существует в отдельности: оно десятками, сотнями «нитей» тянется к другим словам. Любое слово требует «продолжения», ищет свою пару, хочет превратиться в «модель двух слов» [6, с.51]. Способность к образованию подобных понятий обусловлено социокультурными факторами, касающихся выстраивания отношений между самими родителями, между старшим и младшим поколениями семьи, особенностей проявлений любви и заботы, творческого преобразования домашней среды и уклада жизни дома, характера попечения о собственном здоровье и здоровье ребенка, выбора модели репродуктивного поведения, специфики взаимодействия с социальными институтами и их представителями, но в первую очередь трансформаций семейных отношений, обозначая разнообразные конфигурации современного родительства и семей в изучаемых лингвокультурах.

В изучаемых разноструктурных языках выявлено явление синонимии в обозначении видов родительства. Это, по нашему мнению, объясняется тем, что, анализируя различные сферы и состояния феномена «родительство», исследователи комплексно используют богатый арсенал гуманитарного знания, что обуславливает наличие междисциплинарных стратегий в современной науке о семье и родительстве. Так, в англоязычной литературе словосочетание *natural parenting* характеризует родительство, стремящееся к естественности как природосообразности, как альтернативу стандартизированным подходам к рождению и воспитанию. Из 250 проанализированных нами аннотаций на английском языке в отечественных публикациях социально-образовательной сферы в 110 используется термин *natural parenting* в характеристике следующих видов родительства: *естественное, планируемое, натуральное* в медико-биологических исследованиях; *естественное, сознательное, осознанное* в работах по психологии; *ответственное* в семейном праве; *компетентное* в социальной педагогике. Такие понятия, как «осознанное», «сознательное», «ответственное» родительство вошли в русскоязычный научный дискурс и прикладные практики в сфере образования родителей сравнительно недавно. Однако полагаем, что

они представляются не вполне удачными и корректными в силу того, что эти понятия больше характеризуют степень активности/пассивности принятия родительского статуса и реализации родительской роли, что сужает сферу образования родителей и связанную с ней проблему формирования родительства, которая значительно более многоаспектно, нежели отношение к родительскому статусу.

Французское общество – одно из первых в Европе, которое приняло сам факт существования феномена «родительство», что нашло свое отражение во французском языке. В 2000 году термин был зафиксирован в уважаемом научном издании – словаре «*Dictionnaire multimedia*» (Larousse éd.): «fonction de parent, notamment sur les plans juridique, moral et socioculturel» [2*]. Необходимо понимать, что во Франции многолетний национальный консенсус в понимании важности комплексной поддержки родительства и консолидация усилий государства, бизнеса, общественности, семей, основанная на принципах партнерства, направлены на поддержку всех семей с детьми, независимо от того, в какой форме они образованы. Так, благодаря Национальному Совету по поддержке родительства в официальном французском языке появляется в 2011 году следующая дефиниция термина: «*La parentalité désigne l'ensemble des façons d'être et de vivre le fait d'être parent. C'est un processus qui conjugue les différentes dimensions de la fonction parentale, matérielle, psychologique, morale, culturelle, sociale. Elle qualifie le lien entre un adulte et un enfant, quelle que soit la structure familiale dans laquelle il s'inscrit, dans le but d'assurer le soin, le développement et l'éducation de l'enfant. Cette relation adulte/enfant suppose un ensemble de fonctions, de droits et d'obligations (morales, matérielles, juridiques, éducatives, culturelles) exercés dans l'intérêt supérieur de l'enfant en vertu d'un lien prévu par le droit (autorité parentale). Elle s'inscrit dans l'environnement social et éducatif où vivent la famille et l'enfant*» [7 [http](#):]. В отличие от многих европейских стран, разделяющих идеи поддержки родительства, но предпочитающих ее реализацию в логике ориентации на конкретно определенных родителей и семьи, Франция является исключением в данном вопросе. В государственной политике страны действует а priori принцип универсализма в поддержке родительства как ответ на структурные изменения современных семей, на социо-культурные трансформации общества и образовательных ландшафтов, которые способствовали усилению требований самих родителей к их родительству и вызова общества к современному родительству.

Этот посыл выразился и во французском языке, в котором сегодня продуктивными являются наименования, созданные на основе греко-латинских терминологических элементов, характеризующие «мозаичные» модели современных семей: *la monoparentalité, la homoparentalité, la multiparentalité, la pluriparentalité, la coparentalité, la beau-parentalité*. Для передачи значения данных терминов используется описательно-пояснительный перевод в русском и английском языках, в которых подобные по структуре наименования не являются частотными, хотя сами понятия существуют. Необходимо отметить, что в русском языке были выявлены случаи калькирования, например, *монородительство, мультиродительство, со-родительство*. О том, насколько подобные наименования являются корректным терминовтворчеством, допустимым в языке науки, полагаем, что сможет доказать их существование и развитие в лингвокультуре, язык которой они созданы обслуживать.

Подобные случаи мы наблюдаем и в английском языке. Так, в рассуждениях о родителе, его образовательной роли и опыте, в сфере семьи, детства и воспитания зарубежные исследователи для обозначения новых видов современного родительства XXI века и/или практики воспитания используют следующие понятия: «positive parenting», «permissive parenting» (syn. «indulgent parenting»), «uninvolved parenting» (syn. «neglectful parenting»), «spiritual parenting» (syn. «holistic parenting»), «slow parenting» (syn. «nurturant parenting»), «helicopter parenting» (syn. «overparenting»), «narcissistic parenting», «toxic parenting». Некоторые из них представляют собой метафоры, поэтому их перевод, например на русский язык, требует поиска приемов перевода. Отметим, в русском языке уже активно используется в молодежном сленге выражение *токсичные отношения*, может быть, в скором времени появятся кальки уже существующих в английском языке характеристик родителей, пока еще не свойственные нашей лингвокультуре: *toxic parents, slow parents, helicopter parents*.

Родительство является универсальным ценностным ориентиром в обществе, тем не менее, это понятие соотносится с разными представлениями и ассоциациями, свойственными разным лингвокультурам. И такая неоднородность не должна нас удивлять: в английском языке *parenthood* (датируется 1856 г.), *parenting* (1959 г.); во французском – *la parentalité* (неологизм, появившийся в 60-х гг. XX века); в русском – *родительство* (90-е гг. XX века). Сегодня мы можем говорить о том, что отечественная наука приняла понятие «родительство» и ассимилировала его чрезвычайно легко. Но возникает и остается открытым важный вопрос: называя явление языка

и культуры, а именно: *родительство*, международным термином, вкладываем ли мы в него тот же смысл, что и представители зарубежных научных школ? В педагогическом русскоязычном дискурсе, посвященном отдельным проблемам родительства, существует значительное число дефиниций данного термина, что само по себе очень значимо. Однако их фрагментарность, разноплановость и разрозненность препятствуют более глубокому проникновению в сущность изучаемого феномена, а границы этого понятия в образовательном дискурсе – как международном, так и отечественном – все еще размыты и не очерчены. Вновь обращаясь к утверждению Ж. Кауфмана, и разделяя его, полагаем, что «родительство» в изучаемых разноструктурных языках все еще находится в фазе рождения, но уже сегодня развитие этого понятия способствует созданию картины модификаций моделей семьи и отражает языковую картину мира, которая так же, как и современные семьи – мозаична.

Литература

1. Kaufmann J.-C. L'entretien comprehensive / J.-C. Kaufmann. – Paris : Éditions Armand Colin, 2004. – 65 p.
2. Bruel A., Faget J., Jacques L., Joecker M., Neirinck C., Poussin G. De la parenté à la parentalité / A. Bruel [et al.]. – Paris. : Erès, 2001. – P. 52.
3. Benedekt Th. Parenthood as a developmental phase: A contribution to the libido theory // Th. Benedekt // Journal of the American Psychoanalytic Association, 1959. – № 7. – P. 389-417.
4. Racamier Paul-Claude La mère et l'enfant dans les psychoses post-partum / Paul-Claude Racamier // L'évolution psychiatrique. – 1961. – Vol. 26. – № 4. – P. 525-570.
5. Delecourt D. Essai de conceptualisation du terme Parentalité / D. Delecourt // La parentalité, une dction de citoyenneté. Une synthèse des travaux récents sur le lien familial et la fonction parentale (1993-2004). – Режим доступа: http://www.caf.fr/sites/default/files/cnaf/Documents/Dser/dossier_etudes/dossier_62_-_parentalite.pdf (дата обращения: 25.05.2018).
6. Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность / Ю. Н. Караулов. – изд.5-е, стер. – М.: КомКнига, 2006. – С. 51.
7. Stratégie nationale de soutien à la parentalité 2018-2022. – Режим доступа: http://www.dp_-_strategie_nationale_2018-2022vf.pdf (дата обращения: 22.10.2018).

Список словарей

- 1* Dictionnaire critique de l'action sociale. Collection Travail Social. Paris, Bayard éditions, 1995.
- 2* Dictionnaire multimédia, Larousse éd., 2010.

EVOLUTION OF THE CONCEPT «LA PARENTALITÉ», «PARENTALITY», «RODITELSTVO» IN LANGUAGES WITH VARIOUS STRUCTURES: LANGUAGE PICTURE OF MODIFICATIONS OF FAMILY MODELS

I.S. Danilova
Tula State Tolstoy Pedagogical University

Abstract. Parentality (la parentalité in French, roditelstvo in Russian) is a universal value in any linguistic culture, reflecting the result of transformations in modern family. In this paper, the author presents a language picture of modifications of family models, characterizing the semantic development of the lexemes “parentality” and the degree of compliance of this concept in French, English, Russian; identifies the periods of the maximum semantic activity, figurative meanings and ways to interpret (translate) them. The evolution of the concept under study is due to the influence of extralinguistic conditions (the semantic changes of the lexeme are closely connected with the social-historical context) as well as to the intralinguistic factors (the development of the semantic structure of the motivating word, the influence of the analogy, the economy principle in language). The author concludes that the concept of «parentality» has evolved in the international and domestic thesaurus. The family models in different linguistic cultures have been modified, but not simplified. Today, it is obvious how profound, indissoluble and mosaic the connections between society, man and language are.

Key words: parentality, parenthood, parenting, languages with various structures, lexeme, semantic development, semantic activity, figurative meaning, linguistic cultures

Данилова Ирина Сергеевна,
доцент кафедры романских
языков,
Тульский государственный
педагогический университет им.
Л.Н. Толстого
(903)035058-38
danilovais@yandex.ru

Irina Sergeevna Danilova
Associate Professor, Romance
Languages Department,
Tula State Tolstoy Pedagogical
University
7(903)035058-38
danilovais@yandex.ru

**ОРГАНИЗАЦИЯ СПЕЦКУРСА
ПО ПЕРЕВОДУ ДЕЛОВОЙ ДОКУМЕНТАЦИИ
ДЛЯ СТУДЕНТОВ СТАРШИХ КУРСОВ
ПЕРЕВОДЧЕСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ**

И.В. Добрынина, М.В. Кургалина
Воронежский государственный университет

Аннотация. Важная роль в развитии международного делового сотрудничества отводится обмену корреспонденцией. В ходе изучения спецкурса по переводу деловой документации студенты старших курсов переводческого отделения знакомятся с различными жанрами деловых писем (такими как официальные запросы, коммерческие предложения, заказы, претензии и т.п.), с основными видами коммерческих документов, а также с наиболее распространенными явлениями и понятиями сферы экономики. В статье описываются основные этапы обучения студентов переводу текстов по коммерческой тематике, приводится краткий обзор учебных пособий, используемых в процессе преподавания. Обучение студентов переводу деловой документации сопряжено с рядом трудностей. Помимо традиционных проблем, характерных для преподавания письменного перевода в целом, периодически возникают трудности, имеющие непосредственное отношение к специфике деловой корреспонденции и иной документации. Последние в свою очередь делятся на три основных вида: незнание структурно-формальных особенностей делового письма или документа, сложности с пониманием терминов международной торговли и непонимание экстралингвистической ситуации, отраженной в тексте. В целях преодоления указанных трудностей предлагается знакомить студентов с основными правилами и традициями оформления деловых документов, с базовыми экономическими понятиями и терминологией, расширять фоновые знания студентов. Для закрепления полученных знаний и навыков студентам предлагаются практические задания, моделирующие характерные для деловой практики ситуации. В статье приводятся примеры таких заданий.

Ключевые слова: преподавание перевода, письменный перевод, коммерческий перевод, деловая документация, коммерческая документация, деловая переписка, деловое письмо, деловая коммуникация

Спецкурс по переводу деловой документации нацелен на формирование у студентов навыков перевода коммерческих текстов, таких как деловые письма и документы. Кроме того, студентам предлагаются задания на составление деловых писем на английском языке.

Коммерческая корреспонденция играет важную роль на протяжении всего международного сотрудничества компаний, для каждого этапа сделки характерен свой тип письма. Таким образом, в ходе освоения курса студенты знакомятся с разными жанрами деловых писем. Перечислим основные темы, рассматриваемые на занятиях по переводу деловой документации: правила оформления делового письма, простые коммерческие письма, письма-запросы, оферты, заказы, претензии, международные торговые термины, контракт, формы платежа в международной торговле.

Традиционно в качестве основного пособия в ходе преподавания перевода деловой документации используется «Начальный курс коммерческого перевода. Английский язык» В.В. Сдобникова, А.В. Селяева и С.Н. Чекуновой [1]. Среди достоинств данного пособия следует упомянуть, что оно было рекомендовано Учебно-методическим объединением по образованию в области лингвистики Министерства образования и науки РФ и, соответственно, отвечает требованиям образовательных стандартов. В учебнике на примере писем различных жанров (запрос, оферта, претензия и т.п.) рассказывается о правилах оформления делового письма и о его структуре. Кроме того, затрагиваются многие важные для понимания сути коммерческих отношений темы, такие как методы оплаты, международные правила Инкотермс и т.п.

В качестве дополнения на занятиях мы предлагаем студентам упражнения из учебника А.П. Андрюшкина «Business English. Деловой английский язык» [2]. Здесь помимо тем, раскрытых в упомянутом пособии В.В. Сдобникова, А.В. Селяева и С.Н. Чекуновой, освещены такие вопросы, как бухгалтерский учет на предприятии, страхование и валютные рынки. Стоит также отметить, что отдельная глава учебника посвящена электронной переписке.

Кроме того, на занятиях мы используем пособие «Перевод в сфере деловой коммуникации» М.В. Воротилиной [3], которое содержит многочисленные упражнения и тексты, предназначенные для перевода.

Помимо упомянутых учебников, материалы которых положены в основу учебной программы, в ходе курса мы часто используем задания и примеры, почерпнутые из аутентичных пособий по деловой переписке, публикуемых британскими и американскими издательствами, поскольку содержащийся в них материал, как правило, более разнообразен и актуален. Наиболее интересные с нашей точки зрения пособия по коммерческой корреспонденции мы перечислим ниже.

Одно из самых интересных, на наш взгляд, пособий по деловой переписке – «Oxford Handbook of Commercial Correspondence» [4]. По структуре книга близка ранее упомянутому пособию В.В. Сдобникова, А.В. Селяева и С.Н. Чекуновой. За обсуждением особенностей структуры делового письма, факса и электронного сообщения следуют разделы, посвященные отдельным жанрам деловых писем (запросы, коммерческие предложения, претензии), а также различным аспектам деловой коммуникации (таким как банковские услуги, транспортировка, страхование и т.п.). Автор рассказывает о правилах оформления деловых сообщений, о преимуществах и недостатках каждого из способов переписки, затрагивает такие темы, как стилистическое оформление текста, использование аббревиатур и эмодзи в письмах. В конце каждой из тем приводится краткий обзор основного содержания раздела.

«Oxford Handbook of Commercial Correspondence» – учебник, в котором четкая структура сочетается с широким охватом материала и с обилием примеров. К сожалению, из-за большого объема пособия (304 страницы) невозможно изучить все содержащиеся в нем темы в рамках курса перевода деловой документации.

Заслуживает также внимания справочник под названием «Business Letters for Busy People» [5]. Он содержит подборку деловых писем практически на все случаи жизни (всевозможные уведомления, напоминания, подтверждения, просьбы и т.п.). Письма сгруппированы по тематическим блокам, что облегчает процесс поиска нужной информации. Пособие сочетает высокую степень информативности с лаконичностью. В нем мало теории и очень много примеров. Перед началом каждой темы приводится краткое описание структуры писем рассматриваемого жанра.

В отличие от описанных пособий, ориентированных на достаточно высокий уровень владения английским, еще одна книга, которую мы хотели бы упомянуть в этой статье, – это «Email English» Пола Эммерсона [6], которая предназначена для студентов, владеющих языком на уровне B1-B2. «Email English» – это учебник по грамматике, лексике и стилистике, который подходит студентам, желающим научиться грамотно писать электронные письма. Задания, содержащиеся в пособии, нацелены на формирование у студентов двух важных навыков: четко, лаконично и грамотно излагать мысли на письме, а также выбирать стиль письма в соответствии с поставленной задачей. В учебнике содержится множество заданий типа «исправьте ошибки», «перепишите письмо, опуская избыточную информацию» и «подберите формальные эквиваленты к нейтральным и разговорным

выражениям». Кроме того, отдельный раздел посвящен структуре предложения. Данное пособие может быть рекомендовано для занятий со студентами, испытывающими трудности с изложением мыслей на письме.

Преподаватель, обучающий студентов переводу коммерческой документации, помимо типичных проблем, характерных для студентов, осваивающих навыки письменного перевода, сталкивается с рядом трудностей, имеющих непосредственное отношение к специфике деловой корреспонденции и документации. Среди них можно выделить три основные группы: 1) незнание структурно-формальных особенностей делового письма или документа, 2) сложности с пониманием терминов международной торговли, 3) непонимание экстралингвистической ситуации, стоящей за текстом.

Рассмотрим каждый фактор отдельно.

Структурные и формальные особенности делового письма или коммерческого документа

На занятиях студенты анализируют и переводят такие оригинальные документы, как: счет-фактура, проформа, коносамент, упаковочный лист, сертификат качества, сертификат происхождения товара, аккредитив, вексель и другие. Студенты лингвистических направлений могут быть знакомы с основами экономической теории, однако частности вызывают многочисленные проблемы. Вместе с тем, понимание структуры документов и информации, в них содержащейся, важно для будущих переводчиков, так как в процессе профессиональной деятельности они могут решать задачи не только по полному переводу коммерческого текста, но и по составлению письма на основании свободно сформулированного задания. Кроме того, к письму часто прилагаются копии тех или иных документов, в письмах могут оговариваться инструкции по составлению документов, обязательных для успешного завершения сделки. Поэтому важно, чтобы переводчик был способен, например, найти номер документа (как правило, располагается в верхнем правом углу) или знал, что в коносаменте (транспортной накладной) искать информацию о стоимости товара не стоит.

В практике международной торговли корреспонденции отводится особая роль, так как некоторые финансовые документы традиционно составляются в форме письма, например, аккредитив. Студенты старших курсов лингвистических направлений хорошо знакомы со структурой официально-делового письма на английском языке. В связи с тем, что большинство отправляемых сегодня писем –

электронные, важно обратить внимание студентов на структуру электронного письма, а также на тот факт, что многие правила, применяемые при написании традиционных писем, актуальны и при составлении их электронных аналогов. Электронное письмо, направляемое в компанию в первый раз, адресованное незнакомому человеку и посвященное сугубо деловым вопросам, должно быть логичным, содержать все необходимые формулы вежливости. Здесь можно отметить стилистическую неуместность некоторых сокращений, принятых в неофициальных электронных письмах (например, *P.S.*, *Thx*, *4u* и т.п.). Однако есть сокращения, которые рекомендуется использовать в электронной или традиционной деловой корреспонденции (*Re:*, *Fwd*, *Encl*, *cc* и др.).

На первых этапах следует познакомить студентов с клишированными фразами и оборотами деловой речи не только на английском, но и на русском языках. Такие обороты, как *просим Вас (выслать, сообщить...)* или *мы гарантируем...*, помогают избегать сложных конструкций с *бы* (*мы были бы рады, если бы Вы...*) или стилистической неуместности (*мы обещаем...*).

Термины международной торговли

Коммерческие тексты изобилуют экономическими и юридическими терминами. Для развития переводческой компетенции по их переводу студентам предлагаются:

- 1) упражнения по заполнению пропусков терминами из списка;
- 2) задания по подбору синонимического термина;
- 3) задания на составление и пополнение собственного глоссария;
- 4) форма промежуточного контроля — терминологический диктант.

Все эти приемы в комплексе помогают систематизировать знания студентов и обратить их внимание на многозначность терминов международной торговли (*credit — кредит, денежные средства и аккредитив*), а также на использование общеупотребительных языковых единиц в качестве терминов (*against — по предъявлении, subject to — при условии, advise — сообщать* и др.).

Экстралингвистическая ситуация в основе коммерческого текста

Основная задача коммерческих текстов — способствовать успешному заключению сделки. В связи с этим главный критерий при оценке качества перевода деловой документации и корреспонденции — это отсутствие искажения базовой экстралингвистической ситуации

(т.е. в результате перевода бенефициар не должен стать плательщиком, а продавец — покупателем и т.п.).

Для успешного перевода в сфере международной торговли необходимы фоновые знания в области международной коммерческой деятельности и навыки анализа текста с целью получения информации об экстралингвистической ситуации, лежащей в его основе.

В качестве источника специальных знаний об особенностях международного бизнеса, методах доставки товара, способах его оплаты, о специалистах, вовлеченных в импорт и экспорт, а также о международных коммерческих терминах и многом другом могут использоваться информативные тексты, представленные в учебном пособии «Перевод в сфере деловой коммуникации» [3]. Приведенные в нем тексты освещают такие темы, как: финансовые операции, торговые отношения, импорт и экспорт, поставщики, доставка и послепродажное обслуживание, формы оплаты в международной торговле и др. Данные тексты предлагаются студентам для ознакомления и дальнейшего обсуждения, а также на полный или фрагментарный письменный перевод.

Как показывает опыт, больше всего трудностей вызывают темы «Методы оплаты» и «Международные коммерческие термины (Инкотермс)». Вместе с тем, данные темы крайне важны для правильной оценки экстралингвистической ситуации, лежащей в основе большинства коммерческих документов.

В качестве формы промежуточного контроля усвоения студентами материала можно использовать специально составленные задачи. Например, иллюстрируя тему «Инкотермс», мы предлагаем студентам оценить последствия, которые могут наступить для сторон по договору в зависимости от выбранных условий доставки на примере такой задачи:

ООО «Снегурочка», занимающееся продажей товаров для праздников, закупило у производителя елочных игрушек, чей завод находится в городе Ю (Китай), партию стеклянных шариков. Игрушки должны быть доставлены на фуру в порт Нинбо, а оттуда – морским путём в Новороссийск. Затем игрушки будут погружены в фуру и отправлены на склад в Воронеж. Груз не был застрахован, а контракт на поставку был заключён на условиях EXW/FAS Нинбо/СРТ Новороссийск.

Кто понесёт убытки, покупатель или продавец, если:

1) Фура перевернулась на пути в порт Нинбо, в результате чего часть шариков была побита?

2) Во время погрузки на контейнеровоз в порту Нинбо несколько ящиков с шариками упали, в результате чего груз был поврежден?

3) При погрузке в фуру в Новороссийске ящики с игрушками не были закреплены должным образом, и по дороге в Воронеж шарики побились?

Кроме подобных задач студентам предлагаются игровые задания, в ходе которых учащиеся делятся на две группы: одна представляет автора письма, другая — адресата. Каждая группа должна определить свою роль в коммерческой сделке (покупатель, посредник, продавец, банк, страховая компания и т.п.), выяснить, за что их сторона отвечает, что получает в результате сделки, а также с/до какого момента они несут ответственность за товар и в какой момент платят или получают деньги.

Отметим еще одну стратегию, позволяющую расширять фоновые знания студентов и лучше понимать экстралингвистическую ситуацию: это перевод не одного письма, а целой серии писем, которыми обмениваются стороны, принимающие участие в сделке. Например, для лучшего понимания темы «Аккредитив», можно рассмотреть серию писем, включающую:

- письмо от покупателя к банку в его стране, содержащее инструкции по открытию аккредитива на имя продавца;
- письмо от покупателя продавцу, в котором он сообщает об открытии аккредитива и условиях получения денежных средств;
- письмо от банка в стране продавца продавцу, сообщающее об открытии аккредитива и содержащее подробные инструкции для получения денежных средств;
- письмо от продавца в его банк, сопровождающее отгрузочные документы и подтверждающее факт выполнения обязательств продавцом;
- письмо от банка покупателя покупателю о получении отгрузочных документов и списании денежных средств со счета покупателя;
- сам аккредитив, который традиционно составляется в форме письма (*letter of credit*).

Проанализировав всю серию писем, студенты приобретают знания о функционировании аккредитива как метода оплаты в международной торговле, а также навыки анализа текста и выявления участников сделки и их ролей.

Некорректное использование клише официально-деловой речи и нарушение норм русского языка может вызвать недоумение или предвзятое отношение получателя текста перевода по отношению к

самому тексту или даже к другому участнику сделки. Незнание терминов международной торговли может привести к фактическим ошибкам и искажению информации. Неверное понимание экстралингвистической ситуации ставит возможность успешной бизнес-коммуникации под вопрос.

Таким образом, для успешного выполнения перевода коммерческого документа или делового письма необходимо понимание экстралингвистической ситуации в целом, знание специфических для области международной торговли терминов и знание особенностей оформления коммерческих документов на русском и английском языках. Развитие соответствующих навыков и представляется основной задачей спецкурса.

Литература

1. Сдобников В.В. Начальный курс коммерческого перевода. Английский язык / В.В. Сдобников, А.В. Селяева, С.Н. Чекунова — 4-е изд. — М.: ВКН, 2016. — 202 стр.
2. Андришкин А.П. Business English. Деловой английский язык / А.П. Андришкин — 3-е изд., испр. и доп. — М.: Дашков и К, 2008. — 332 с.
3. Воротилина М.В. Перевод в сфере деловой коммуникации: учебное пособие для вузов / М.В. Воротилина — Воронеж: ИПЦ Воронежского государственного университета, 2009. — 70 с.
4. Ashley, A. Oxford Handbook of Commercial Correspondence / A. Ashley — revised and updated — Oxford University Press, 2003. — 304 p.
5. Dugger, J. Business Letters for Busy People / J. Dugger — fourth edition — Career Press, 2002. — 288 p.
6. Emmerson, P. Email English / P. Emmerson — Macmillan Publishers Limited, 2004 — 96 p.

TEACHING BUSINESS TRANSLATION TO THE STUDENTS OF TRANSLATION DEPARTMENT

I. Dobrynina, M. Kurgalina
Voronezh State University

Abstract. Keeping up correspondence is an important aspect of international business communication. The course of business translation helps students to deal with various types of business letters (such as inquiries, offers, orders, claims etc.), and also teaches them about economics basics. The article describes the main stages of teaching translation of business documents and provides a brief review of the textbooks used during the course. There are a number of difficulties associated with teaching business translation, some of which have to do with the peculiarities of business documents and correspondence. Among those we need to mention the ignorance of the basic structural characteristics of business letters and other documents, problems with terminology and the lack of understanding of the

extralinguistic context. In order to overcome the difficulties, students need to be taught the basic rules of business letter writing, master economic terminology and acquire additional background knowledge in the sphere of business and economics. In order to consolidate the knowledge and skills, students are offered various practical problems, the examples of which are provided in the article.

Key words: translation, translation course, business translation, business documents, commercial documents, business correspondence, business letter, business communication

Добрынина Ирина Виталиевна,
преподаватель, кандидат
филологических наук,
Воронежский Государственный
Университет
7 (909) 215 43 67
irina_dobrynina@mail.ru

Irina Dobrynina, PhD,
Lecturer at Voronezh State University
7 (909) 215 43 67
irina_dobrynina@mail.ru

Кургалина Маргарита Владимировна,
преподаватель, кандидат
филологических наук,
Воронежский Государственный
Университет
7 (908) 138 17 94
vmargaritav@mail.ru

Margarita Kurgalina, PhD,
Lecturer at Voronezh State University
7 (908) 138 17 94
vmargaritav@mail.ru

ОСОБЕННОСТИ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ АДАПТАЦИИ АНГЛИЙСКОЙ ВЕРСИИ ВЕБ-САЙТА ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО УЧРЕЖДЕНИЯ

Е.Ю. Дьякова
Воронежский государственный университет

Аннотация. В данной статье рассматриваются проблемы межкультурной адаптации и интернационализации англоязычной версии веб-сайта университета. Необходимость такой работы обусловлена включенностью российских вузов в интернациональное образовательное пространство в рамках Болонского процесса. Англоязычная версия университетского сайта выполняет информационно-имиджевую функцию и способствует продвижению вуза на международном рынке образования. В фокусе статьи находится опыт по созданию новой англоязычной версии сайта Воронежского государственного университета. Такая работа интегрировала в себе как лингвокультурную адаптацию, так и интернационализацию перевода. Создание англоязычной версии университетского веб-сайта включило в себя отбор, организацию и адаптацию контента, разработку прозрачной и понятной для интернациональной целевой аудитории навигационной системы сайта, выработку системы номинаций академических степеней, должностей и званий, а также регулярный перевод и адаптацию новостной ленты.

Ключевые слова: лингвокультурная адаптация, интернационализация перевода, университетский веб-сайт, Болонский процесс, контент сайта, навигационная система сайта, перевод академических степеней и званий, поликодовый текст, гипертекст

Выбор тематики исследования продиктован практической необходимостью создания и поддержания новой англоязычной версии веб-сайта Воронежского государственного университета. В современных условиях глобализации высшего образования одним из важных компонентов включенности вуза в международное образовательное пространство является наличие у него англоязычного сайта, отвечающего всем требованиям, предъявляемым к таким информационным продуктам. Активное участие российских высших учебных заведений в процессе создания интегрированной международной образовательной среды, так называемого Болонского процесса, требует от российских университетов принятия ряда мер для приведения своей деятельности в соответствие с мировыми образовательными стандартами.

Важным показателем качества образования, предоставляемого определённым учебным заведением, в современном образовательном контексте является его расположение в различных рейтингах. Международные рейтинговые агентства берут именно англоязычный сайт университета для оценки качества предоставляемых образовательных услуг, а также уровня и объёма научной деятельности, осуществляемой данным учебным заведением. Университетский сайт оценивается в подобных рейтингах по целому ряду формально-содержательных критериев.

Создание англоязычной версии сайта представляется нам сложной и многоплановой задачей, включающей в себя межкультурную адаптацию не только всего массива контента, содержащего в себе компоненты, принадлежащие разным знаковым системам (вербальной, паравербальной, иконической), но и интерфейса сайта с учётом особенностей всех семиотических систем, задействованных в создании данного поликодового текста.

Следует отметить, что английский сайт выполняет не только информационную, но и имиджевую функцию. Это представительский сайт, который призван продвигать бренд университета в международном образовательном пространстве. Именно поэтому данная целеустановка с необходимостью влечет за собой использование соответствующих языковых и неязыковых стратегий, способствующих выполнению данной функции.

Такой веб-сайт должен не только наиболее адекватными средствами представлять всё многообразие учебной и научной деятельности университета инокультурным целевым аудиториям, но и продвигать бренд университета, способствовать привлечению иностранных абитуриентов, а также иностранных партнёров для сотрудничества. Таким образом, создаваемый поликодовый гипертекст должен с необходимостью аккумулировать все предоставляемые новой информационно-технической средой средства и способы эффективного воздействия на целевые аудитории рекламной коммуникации в сфере высшего образования при учёте культурной специфики функционирования различных семиотических систем.

Обратимся теперь к некоторым ключевым понятиям теории перевода. Культурная адаптация перевода предполагает применение особых приемов и тактик «приспособления» текста оригинала к условиям социально-культурного взаимодействия в иноязычной среде. Переводчик создаёт такой текст перевода, который мог бы восприниматься иноязычными читателями как естественный и понятный текстовый продукт их собственной культуры. Таким

образом, исходный текст должен с необходимостью претерпевать определённые трансформации, приспособляющие его к социально-культурным особенностям общественной деятельности народа-переводчика. Такая адаптация, получившая название социокультурной, предопределяет стратегию преобразования высказывания, направленную на достижение при переводе комплексной эквивалентности исходного текста (ИТ) и переводного текста (ПТ) [1; с.70].

В создании англоязычных версий университетских сайтов принято обращаться к британским источникам. Поэтому, прежде чем приступить к созданию нового англоязычного сайта, целесообразно изучить конвенции языкового и неязыкового оформления сайтов британских университетов.

На наш взгляд, в процессе работы над сайтом было бы неверно брать за основу только университетские сайты британских университетов. Ведь основной целевой аудиторией англоязычного сайта российского университета является более широкая интернациональная аудитория. Поэтому целесообразно использовать и обобщённый опыт в создании англоязычных сайтов, накопившийся у вузов других европейских неанглоязычных стран. Такой интегрированный подход позволил бы адаптировать содержание и интерфейс сайта к нуждам интернациональной целевой аудитории.

В данной связи важным понятием является интернационализация перевода, которая ставит своей целью повышение качества понимания и доступности Интернет-ресурсов для наибольшей части международной аудитории за счет использования базового английского как международного языка, а также за счёт максимального абстрагирования от различных культурных особенностей, которые могли бы затруднить взаимопонимание в глобальной среде. Применение стратегий интернационализации приводит к адаптации исходного текста и подготовке универсального международного описания или перевода документа для продукта, или решения [2, с.304].

В данной статье обратимся к некоторым аспектам создания новой англоязычной версии сайта Воронежского государственного университета в 2015 году, а также к опыту регулярного обновления контента нового сайта и, в частности, к особенностям его новостного блока.

Процесс создания англоязычной версии веб-сайта ВГУ проходил в несколько этапов и включал в себя отбор, организацию, перевод и лингвокультурную адаптацию исходного контента. Ключевым в такой

работе явилось смещение фокусов и акцентов в связи с нацеленностью данного сайта на иного адресата. Было необходимо осуществить отбор релевантной для новой интернациональной целевой аудитории (потенциальные иностранные студенты, зарубежные академические и деловые партнёры) информации, заключающийся в компрессии и трансформации исходного контента. В результате такого отбора на англоязычный сайт попадало не более трети от исходного контента, содержащегося на русскоязычной версии сайта. Кроме того, возникла необходимость в дополнении контента актуальной для иностранных целевых аудиторий информацией (особенности российской системы образования, город Воронеж, проживание, развлечения и пр.).

Следующим важным этапом работы над англоязычной версией сайта явилось создание понятной и лёгкой в использовании системы навигации по сайту. Грамотно созданная рубрикация – необходимое условие, обеспечивающее быстрый поиск нужной информации и беспрепятственную навигацию по сайту.

Следующим, и самым трудоёмким, этапом работы над сайтом была работа с контентом. Она заключалась как в переводе и адаптации исходных текстов, так и в написании абсолютно новых текстов в соответствии с лингво-культурными нормами и конвенциями иноязычного общения.

Более подробно рассмотрим различные аспекты работы над английским сайтом на нескольких конкретных примерах.

Одним из направлений движения по созданию единого образовательно пространства в Европе является разработка и принятие системы легко понимаемых и сопоставимых степеней и званий. Работа переводчика при этом сопряжена с рядом трудностей, которые обусловлены, прежде всего, большими различиями между национальными системами образования. Это касается как структуры вуза, так и различий в системе университетских должностей, степеней и званий.

Перевод названий структурных и административных подразделений вуза связан с определёнными трудностями. Так, при переводе названия такого неотъемлемого элемента структуры высших научно-образовательных учреждений в различных странах, как учёный совет, переводчик может столкнуться со следующими трудностями. Во многих европейских странах данное структурное объединение носит название Сената. Поэтому с точки зрения унификации академической терминологии данные номинации могут представлять большую переводческую проблему. Для сравнения: на большинстве английских сайтов российских вузов приняты такие номинации, как *Academic*

Council и *Academic Board* (менее употребительное), в то время как на английских сайтах университетов неанглоязычных европейских стран соответствующее подразделение часто именуется *Senate*, *Academic Senate*, *University Senate* и лишь только в некоторых случаях *Academic Council*.

Ещё более сложной проблемой является унификация названий академических должностей, степеней и званий. Переводчик контента университетского веб-сайта сталкивается с практической необходимостью отбора релевантных языковых единиц номинации академических должностей, степеней и званий из целого ряда предлагаемых в разных справочных материалах синонимов. Так, при переводе таких званий, как «кандидат наук» и «доктор наук», переводчик сталкивается прежде всего с той трудностью, что учёные степени, присуждаемые в различных странах, существенно различаются по названиям, требованиям к квалификации, процедуре присуждения и/или утверждения, а следовательно, перечисленные номинации отражают особенности российской двухступенчатой системы послевузовских степеней. Поэтому в словарях и справочной литературе зачастую можно встретить термин *PhD*, предлагаемый в качестве эквивалентного как для термина *кандидат наук*, так и для термина *доктор наук*, что во втором случае ведёт к занижению степени описываемого учёного. Номинация *Candidat of ...*, используемая на англоязычных сайтах некоторых российских вузов, является неудачной, так как может быть непонятна инокультурной целевой аудитории. Номинация *Doctor of Sciences* также не является удачной, поскольку английское слово *science* охватывает лишь точные и естественные науки, и применение такого термина по отношению к докторам гуманитарных наук могло бы ввести адресата в заблуждение. Одним из способов разрешения такой проблематичной ситуации является использование термина *PhD* для перевода звания «кандидат наук» и использование *Dr. habil. (doctor habilitatus)* для перевода звания «доктор наук».

Обратимся теперь к особенностям лингво-культурной адаптации контента новостного блока университетского веб-сайта. Специфика новостного контента университетского сайта заключается в его рекламном потенциале. Это промотивные новости, основной целью которых является создание позитивного имиджа университета в международной образовательной среде. Следовательно, новостной контент должен подвергаться особому предварительному отбору, быть интересным и актуальным не только и не столько для локальных целевых аудиторий, сколько для более широкого адресата. К таким

новостям можно отнести сообщения, освещающие 1) различные аспекты международной деятельности университета, его сотрудничество с международными компаниями и зарубежными вузами-партнёрами; 2) роль университета в жизни города, региона и страны в целом; 3) благотворительную и другую общественную деятельность вуза; 4) академические/научные достижения и места в международных рейтингах; 5) инновационную деятельность вуза; 6) спортивные достижения студентов и сотрудников вуза; 7) роль вуза в культурной жизни города; 8) деятельность вуза в области экологии и устойчивого развития. Данные новости должны также отражать общечеловеческие ценности, идеи развития научной мысли, академического и культурного взаимодействия, дружбы народов и международного сотрудничества во имя всеобщего прогресса и процветания.

Отбор новостного контента по данным параметрам ведёт к сокращению, компрессии и социокультурной адаптации исходного массива новостных сообщений. Рассмотрим в качестве примера такой адаптации при переводе новостное сообщение от 7 июня 2018 года «В Воронеже отметили день русского языка», взятое с сайта ВГУ.

Приведём фрагмент исходного новостного сообщения:

На празднике присутствовал и главный референт губернатора Воронежской области по вопросам межнациональных отношений Александр Тимашев, который сказал о величии русского языка и передал поздравления от временно исполняющего обязанности губернатора Александра Гусева: «В Воронежской области проживают представители 173 народов. И, конечно, все мы говорим на русском языке. Этот язык нас объединяет, помогает нам общаться. Он поднимает на высокий уровень культурные традиции других народов. И сегодня очень важно, что в этой аудитории есть представители других стран... [1].*

Теперь обратимся к переводу данной статьи на английской версии сайта ВГУ:

Among other participants of the event was the personal assistant of the governor of the Voronezh Region for international relation, Alexandre Timashov, who passed on the congratulations of the provisional governor of the Voronezh region, Alexander Gusev. "Over 173 nations are represented in the Voronezh region. And, of course, we all speak Russian. This language unites us and helps us communicate. It is very important that we have representatives from various countries in the audience today [2].*

Как видим, при адаптации данного новостного сообщения к использованию в интернациональном общении были произведены

некоторые трансформации исходного текста с целью «сгладить острые углы». Акцент с этно-центричного подхода к освещению данного события был смещён на идею объединяющей роли русского языка как языка международного общения.

Таким образом, важным шагом на пути интеграции систем образования в общеевропейское образовательное пространство является создание качественной рекламно-информационной продукции на английском языке. Одним из таких продуктов является университетский веб-сайт на английском языке. Ключевую роль в создании такого сайта играют межкультурная адаптация и интернационализация перевода.

Литература

1. Фененко Н.А. Лингвокультурная адаптация текста при переводе: пределы возможного и допустимого / Н.А. Фененко // Вестник Воронежского государственного университета. Сер. Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2001. – В. 1. – С. 70-75.
2. Соснина Е.П. Основные требования лингвистической интернационализации web-ресурсов / Е.П. Соснина // Язык – Общество – Время: сборник статей по материалам XIII международной научно-теоретической конференции «Ахановские чтения» под эгидой МАПРЯЛ (20-21.05.2010), Казахстан, Алматы: КНУ, 2010. Т.2 – С. 304-308.

Список источников примеров

1* В Воронеже отметили День русского языка // Сайт Воронежского государственного университета. – Режим доступа: <https://www.vsu.ru/ru/news/feed/2018/06/9810> (дата обращения: 08.01.19).

2* Voronezh celebrates the Day of the Russian language // Сайт Воронежского государственного университета. – Режим доступа: <http://www.vsu.ru/english/news/feed/2018/6/9948> (дата обращения: 08.01.19).

SPECIFIC FEATURES OF THE INTERCULTURAL ADAPTATION OF THE ENGLISH VERSION OF THE EDUCATIONAL INSTITUTION WEB SITE

E. Yu. Diakova
Voronezh State University

Abstract. This article deals with the problems of intercultural adaptation and internationalisation of the English version of a university website. The need for such work is driven by the inclusion of Russian universities into the international educational space within the framework of the Bologna process. The English version of the university site performs an informative and image function and contributes to the promotion of the university on the international education market. The article focuses on the experience of creating a new English-language version of the site of the Voronezh State University. Such work has integrated both linguocultural adaptation and the internationalisation of translation. The creation of the English

version of the university website included selection, organisation and adaptation of content, the development of the navigation system that is transparent and understandable for the international target audience, the development of a system of nominations of academic degrees, academic titles and job titles, as well as regular translation and adaptation of the news feed.

Key words: linguocultural adaptation of translation, internationalisation of translation, university website, Bologna process, site content, site navigation system, translation of academic degrees and titles, multimodal text, hypertext

Дьякова Елена Юрьевна,
доцент кафедры английской
филологии,
ФГБОУ ВО «Воронежский
государственный университет»;
7 951 860 52 37
elenadiakova@inbox.ru

Elena Yurievna Diakova,
Associate Professor, Department of
English Philology,
Voronezh State University;
7 951 860 52 37
elenadiakova@inbox.ru

О ТРУДНОСТЯХ ПЕРЕВОДА МЕДИЦИНСКИХ ЖАРГОНИЗМОВ

(на материале французского языка)

Т.В. Ефимова
Воронежский государственный медицинский университет
им. Н.Н.Бурденко

Аннотация. Статья посвящена проблемам перевода профессиональных жаргонизмов французских медиков. Поскольку круг этих проблем очень обширен, выделяются лишь те из них, которые имеют самое прямое отношение к практике перевода. Раскрывается сущность понятий «жаргон» и «жаргонизм», уточняется их роль и место в подъязыке медицины. Выделяются основные характерные черты, присущие профессиональным жаргонизмам. Исследуется лексический репертуар медицинского жаргона. Предпринимается попытка выявить особенности номинативной стратегии и некоторые способы перевода французских жаргонизмов с учетом их характеристик и словообразовательных моделей. Особое внимание уделяется анализу метафорических терминов и моделям, по которым они образованы: антропоморфной, неантропоморфной, зооморфной. Сообщается также и о способах выражения стилистической коннотации. В заключении акцентируется внимание на тех аспектах, которые необходимо учитывать для преодоления трудностей перевода медицинских жаргонизмов.

Ключевые слова: жаргон, медицинские жаргонизмы, номинативная стратегия, механизмы словообразования, аббревиация, звуковое усечение, метафоризация, телескопия, слово- или основосложение, иноязычные слова и морфемы

Я.И. Рецкер считал главной задачей переводчика – «передать средствами другого языка целостно и точно содержание подлинника, сохранив его стилистические и экспрессивные особенности» [1, с.7]. Наиболее трудная задача, на наш взгляд, стоит перед теми, кто занимается устным и письменным переводом медицинских текстов, характерной особенностью которых является обилие медицинской лексики, в том числе и жаргонизмов.

Существует множество определений жаргона, но мы возьмём за основу определение из Малого академического словаря под редакцией А.П. Евгеньевой (Институт русского языка Академии наук): жаргон (фр. – jargon) – социальный диалект (социолект), отличающийся от общеразговорного языка специфической лексикой и фразеологией, экспрессивностью оборотов и особым использованием

словообразовательных механизмов, но не обладающий собственным фонетическим и грамматическим строем [2]. Жаргонизмы – это слово или выражение из жаргона [3]. Медицинский жаргон – это жаргон медицинского персонала (врачей, медицинских сестёр, отдельно взятого медицинского учреждения).

Медицинская профессиональная лексика используется, во-первых, для обозначения различных анатомических образований, лекарственных препаратов, медицинского инструментария и оборудования, профессий медицинских работников, врачебных манипуляций и, конечно, диагнозов. Она необходима для того, чтобы облегчить вербальную коммуникацию представителей медицинской профессии и сделать её более эффективной. Но у врачей, как и у представителей любой другой профессии, существует свой особый профессиональный жаргон, важной особенностью которого является его экспрессивность и эмоциональность. Слова, используемые в качестве медицинских жаргонизмов, обладают особой стилистической окраской. Наиболее характерной их чертой является закрытость. В совокупности они образуют некий условный код, известный только ограниченной группе посвященных – «своим».

Наша цель – преодоление трудностей перевода медицинских жаргонизмов посредством выявления особенностей профессионального жаргона французских медиков. Это требует решения следующих задач:

- 1) исследование лексического репертуара медицинского жаргона;
- 2) выявление особенностей номинативной стратегии: совокупности способов именования отдельных реалий окружающей действительности (предметов, субъектов, признаков, качеств, процессов, состояний, действий, ситуаций и т.д., актуальных для данной субкультуры и её носителей);
- 3) изучение механизмов словообразования медицинских жаргонизмов.

Лексический репертуар медицинского жаргона строится на базе литературного языка путём аббревиации, звукового усечения, метафоризации, телескопии, слово- или основосложения, а также активного использования иноязычных слов и морфем.

Всякий язык стремится к экономии в выражении и в словообразовании. Эта тенденция особенно проявляется в аббревиации – сокращении слов: (*TTT* = *traitement*/лечение; *PCB* = *placebo*/плацебо или индифферентное вещество или вещество без явных лечебных свойств; *ADP* = *adénopathie*/аденопатия или

припухлость желез, которые выделяют химические вещества, такие как пот, слезы и гормоны, обычно относится к разбухшим лимфатическим узлам; *ATCD* = *antécédents*/анамнез; *BZD* = *benzodiazépines*/бензодиазепины или лекарственные средства, обладающие снотворным, а также противосудорожным и седативным действием; *HSM* = *hépatosplénomégalie*/гепатоспленомегалия или синдром, который проявляется в виде одновременного увеличения в размере печени и селезенки), в также сокращения словосочетаний: *BAV* = *bloc auriculo-ventriculaire*/предсердно-желудочковая блокада; *PC* = *perte de connaissance*/потеря сознания; *GRAP* = *grossesse à risque d'accouchement prématuré*/беременность с риском выкидыша; *BPCO* = *broncho-pneumopathie chronique obstructive*/обструктивная хроническая бронхопневмопатия; *CIVD* = *coagulation intravasculaire disséminée*/диссеминированное внутрисосудистое свертывание; или, например; *TACFA* = *tachyarythmie complète par fibrillation auriculaire*/полная тахикардия, вызванная фибрилляцией предсердий или мерцательная аритмия. Это самый новый способ словообразования из всех существующих, получивший большое развитие в XX и XXI веках. В современном французском языке он один из самых активных способов пополнения словарного состава, в том числе и жаргона.

Однако аббревиации порой могут затруднять понимание, если они обладают двойной векторной направленностью. Так, аббревиатура *IRA* одновременно может означать как *insuffisance respiratoire aiguë*/острую дыхательную недостаточность, так и *insuffisance rénale aiguë*/острую почечную недостаточность. *HLM* может переводиться и как *hématurie et leucocyturie microscopique*/микроскопическая гематурия и лейкоцитурия (микроскопическое наличие эритроцитов и лейкоцитов в моче), и как *hémianopsie latérale homonyme*/гомонимная гемианопсия (неврологическое расстройство, характеризующееся двусторонней слепотой в половине полей зрения), а также *hyperlipidémie mixte* смешанная гиперлипидемия, частая патология, называемая также семейной комбинированной гиперлипидемией, т.е. повышенным содержанием жиров в организме, в основном холестерина. *IM* интерпретируется одновременно как *intramusculaire*/внутримышечный, так и *insuffisance mitrale*/митральная недостаточность. *IVG* – это и *interruption volontaire de grossesse*/произвольное прерывание беременности, и *insuffisance ventriculaire gauche*/недостаточность левого желудочка сердца [1*]. В таких случаях необходимо учитывать контекст: результаты анализов,

историю болезни, а также традиции употребления этих аббревиатур в конкретной клинике или даже стране.

Огромное распространение получил другой тип аббревиатур – инициальные сокращения (*les sigles*). Среди инициальных сокращений различают алфаветизмы, где каждая буква читается как в алфавите: *OMI* – *oedème des membres inférieurs*/отёк нижних конечностей, *ECG/ЭКГ* – электрокардиограмма. Различают также акронимы, или звуковые аббревиатуры, где буквы при наличии гласных читаются как в обычном слове. Например, *SIDA* [*sida*]/СПИД, *PAD* [*pad*] *pression artérielle diastolique*/диастолическое артериальное давление, *MIG* [*mig*] *membre inférieur gauche*/нижняя левая конечность (левая нога), *BAAR* [*baar*] *bacilles acido-alcoolo-résistantes*/палочки, устойчивые к кислотам и спиртам [1**, 2*].

Многие инициальные сокращения, так называемые иронические аббревиации, представляют собой раритетную словообразовательную модель для медицинских жаргонизмов: *PPH* (*ne passera pas l'hiver*)/зиму не протянет, или сокращение *DCD* (*décédé/умерший*), которое становится радиопозывным французской скорой помощи *Delta Charlie Delta. Syndrome du BDR* (*syndrome du bout du rouleau*) (*être fatigué, harassé*) означает синдром усталости, упадок сил [2*].

Сокращению подвергаются как отдельные слова, так и словосочетания. Так, в процессе исследования были обнаружены следующие сокращенные слова: *prof* (*professeur*)/преподаватель, *anat* (*anatomie*)/анатомия, *arrêt car* (*arrêt cardiaque*)/остановка сердца, *salle d'op* (*salle d'opération*)/операционная, *réa* (*réanimation*)/ренимация, *bloc mater* (*bloc maternel*)/родильное отделение, *membrinf* (*membre inférieur*)/нижняя конечность, для наркотических средств – *norco(ral)*, *pento(tal)*/норкорал, пентотал [2*].

Наряду с перечисленными способами словообразования эффективным способом выражения стилистической коннотации в словообразовании современного французского языка выступает так называемая телескопия или контаминация лексических единиц. Она работает в языке по уже установившимся моделям с определенной целью и представляет собой вполне сознательный процесс. Например, *baffothérapie* (*baffe* – просторечное слово *шлепок*, *пощёчина* и греческий терминологический элемент *-thérapie* – лечение) – *оплеухотерапия*: попытка разбудить больного в коме, отхлестав его по щекам; *tronchectomie* (*tronche* – просторечное слово *башка*, *роза*, *морда* и греческий терминологический элемент *-tomie* рассечение, вскрытие) *мордотомия*: серьёзная пластическая операция на лице [2*].

Наряду с рассмотренными выше морфологическими способами образования новых медицинских жаргонизмов существует слово- или основосложение. Например, *trompe-la-Mort/обмани-смерть* – человек со смертельным диагнозом, который никак не умрёт [2*].

Кроме того, для расширения лексического репертуара медицинского жаргона широко используются метафоризация. Л.П. Крысин в своих работах неоднократно отмечает, что специфика профессиональных жаргонов заключается в метафорическом переосмыслении ходовых слов и выражений, в придании им образного смысла. Действительно, метафорически переосмысленные, ярко экспрессивные слова и фразеологизмы – характернейшая черта профессиональных жаргонов [4, с.71].

Анализ метафорических терминов выявляет множество моделей, по которым они образованы.

1. Антропоморфная модель берёт за основу биологические характеристики людей, названия частей тела и свойств живого организма.

Особый интерес представляют термины, образованные по данной модели, с обращением к литературным источникам. Например, *le bovarysme/синдром Бовари* (в психиатрии – вечная погоня за своими иллюзиями); *le syndrome d’Alice au pays des merveilles/синдром Алисы в стране чудес*, микропсия (дезориентирующее неврологическое состояние, которое проявляется в визуальном восприятии человеком окружающих предметов пропорционально уменьшенными); *le syndrome d’Arlequin/синдром Арлекино* (резкая разница в окраске обеих половин тела новорожденного в положении на боку). Другие примеры: *l’angiome de Cyrano/ангиома Сирано* (сосудистая опухоль); *le syndrome de Lasténi de Ferol/синдром Ластени де Фероля*, персонажа повести «История без названия» французского писателя Барбе Д’Оревилли, – проявление психопатической структуры личности: больные вызывают у себя искусственные кровотечения; *le syndrome de Pickwick/синдром Пиквика*, героя произведения Чарльза Диккенса, – это состояние, при котором люди с крайней степенью ожирения испытывают альвеолярную гиповентиляцию, не способны дышать достаточно глубоко и быстро) [3*].

Обращение к мифологическому материалу также даёт интересные результаты, позволяя «установить вербальную связь с образными ассоциациями и создать метафорические модели» [5, с.397]. Например, *le coup de pied de Vénus/ожерелье Венеры* (многочисленные депигментированные пятна, расположенные в области шеи и плеча, которые являются сифилитической лейкодермой); *le front*

olympien/олимпийский лоб (лоб с увеличенными лобными буграми за счет образования остеофитов; признак рахита); *le syndrome d'Ondine/синдром Ундины*, мифологического существа-русалки (остановка дыхания во сне). Другой пример: *l'atlas – атлант*, первый шейный позвонок. Согласно греческой мифологии в наказание за участие в борьбе титанов против богов титан Атлант держал на голове и руках небесный свод. Подобно этому первый шейный позвонок держит остов тела [3*].

2. Зооморфная метафорическая модель использует части тела, поведение и внешний облик животного: *bec-de-lièvre/заячья губа*, *éléphantiasis/слоновая болезнь* (слоновость), *la gueule de loup/волчья пасть* (расщелина твёрдого нёба), *la tête de méduse/головка медузы* (синдром портальной гипертензии), *la tête de serpent/змеевидный сгусток при флебите*, *la fosse canine/клыковая* (букв. собачья) ямка [3*].

3. Неантропоморфная модель продуцирует термины-метафоры с признаками, присущими минералам и растениям: *le rocher/скала, пирамида* (каменистая часть) *височной кости*; *le tiguët/ландыш*, кандидоз слизистых оболочек (молочница); *la racine/корешок, корень* (аорты, зуба и т.д.); *le rameau/ветвь, ветка, разветвление* (например, *le rameau méningé/менингеальная ветвь спинномозгового нерва*, *le rameau palmaire/ладонная ветвь лучевой артерии*) [3*].

Среди продуктивных способов пополнения словарного состава французского медицинского жаргона следует отметить заимствования. Например, для обозначения медицинских специальностей: *le Capitaine Kangaroo – Капитан Кенгуру, заведующий педиатрическим отделением* (Капитан Кенгуру является американским телесериалом для детей) [2*]; *slasher – палач, мясник, хирург*; *toubib* (араб.) – врач [3*, 2**].

Исследование лексического репертуара медицинского жаргона позволило выявить такие характеристики, как субъективность, лаконичность, ироничность, дистанцированность от стереотипов: *bonbon «placebo»/конфетка «Плацебо»* (таблетка-пустышка, используемая в качестве лекарственного средства, лечебный эффект которого связан с верой самого пациента в действенность препарата); *les histoires de chasse, «les récits d'opérations chirurgicales»/охотничьи байки*, «хирургические истории»; *passer la main dans le dos du malade, «faire croire au malade que tout va très-très bien»/гладить по спине больного*, «заставлять поверить больного, что всё в порядке»; *le marchand de mort subite/продавец внезапной смерти, врач-шарлатан*; *le gazier/газовщик, врач-анестезиолог* [2*].

Таким образом, работая над устным и письменным переводом медицинских текстов, следует акцентировать внимание на следующих аспектах.

1. Профессиональные жаргонизмы являются неотъемлемой частью подъязыка медицины, вербальной репрезентацией прагматически переработанного специального знания, отражающего менталитет, профессиональный опыт, лингвокультурную компетенцию специалистов.

2. Образование новых медицинских жаргонизмов как процесс реноминации реалий медицинской среды говорит о творческой силе языка и его способности к вариативности.

3. Специфика профессионального жаргона французских медиков заключается в регулярности и избирательной активности определённых словообразовательных моделей, доказывающих системность этих способов образования жаргонизмов.

Литература

1. Рецкер Я. И. Теория перевода и переводческая практика: очерки лингвистической теории перевода / Я. И. Рецкер. – М., 1974. – 216 с.

2. Малый академически словарь под ред. А.П.Евгеньевой – Режим доступа: <http://rus-yaz.niv.ru/doc/small-academic-vocabulary/fc/slovar-198-1.htm#zag-14142/> (дата обращения: 02.12.2018)

3. Малый академически словарь под ред. А.П.Евгеньевой – Режим доступа: <http://rus-yaz.niv.ru/doc/small-academic-vocabulary/fc/slovar-198-1.htm#zag-14143> / (дата обращения: 02.12.2018).

4. Крысин Л. П. Социолингвистические аспекты изучения современного русского языка / Л. П. Крысин. – М.: Наука, 1989. – 186 с.

5. Давыдов М.О., Ефимова Т.В. Мифологический компонент в медицинском дискурсе (на материале латинского языка) // Молодёжный инновационный вестник. – 2017. – Т. 6, №2. – С. 397-398.

Список источников примеров

1* Fassier T. Le Français des médecins / T. Fassier. – Grenoble : PUG, 2014. – 331 p.

2* Turpin B. Le jargon, figure du multiple / B. Turpin // La linguistique. – 2002. – Vol. 38. – N 1. – P. 53-68.

3* Bouché P. Les mots de la médecine / P. Bouché. – P. : Belin, 1994. – 512 p.

Список словарей

1** Dictionnaire international des abréviations médicales / M.-A. Touati. – P. : La Maison du dictionnaire, 1994. – 474 p.

2** N'ayons pas peur des mots: dictionnaire du français argotique et populaire / F. Caradec. – P. : Librairie Larousse, 1991. – 319 p.

TRANSLATION CHALLENGES OF MEDICAL JARGON

(on the french language material)

T. V. Efimova

Voronezh N. N. Burdenko State Medical University

Abstract. The paper is devoted to the translation challenges of professional medical jargon. Due to the wide scope of these challenges the author emphasizes the only ones concerning translation practice itself. The paper reveals the concepts of «jargon» and «jargon word», specifying their role in medical sublanguage. Peculiarities of professional jargon are pointed out. The attempt is made to reveal the characteristics of nominative strategy and several methods of French jargon words translation taking into consideration their features and word-formation patterns. Special attention is paid to metaphoric terms and their production patterns analysis: anthropomorphous, non-anthropomorphous and zoomorphic ones. The ways of stylistic connotation expression are also reported about. In conclusion, the author concentrates on those specific challenges that should be dealt with to succeed in medical jargon translation.

Key words: jargon, medical jargon words, characteristics of nominative strategy, word-formation patterns, abbreviation, sound reduction, metaphor production (metaphorization), telescoping, word combination or word stem combination, loan words and morphemes

Ефимова Татьяна Владимировна,
кандидат филологических наук,
доцент кафедры иностранных языков
Воронежского государственного
медицинского университета
им. Н.Н. Бурденко
(473) 253-12-94
efimova-t-v@mail.ru

T.V. Efimova, Ph.D (Philology),
Associate Professor, Foreign Languages
Department, Voronezh N. N. Burdenko
State Medical University
(473) 253-12-94
efimova-t-v@mail.ru

АКТУАЛИЗАЦИЯ КОНТЕЙНЕРА: ЭМОНИМЫ *SYMPATHY* И *СИМПАТИЯ* В АНГЛО- И РУССКОЯЗЫЧНОМ ПРОСТРАНСТВАХ

О.Ф. Задобривская
филиал Приднестровского государственного
университета им. Т.Г. Шевченко в г. Рыбнице (Приднестровье)

Аннотация. В статье дается описание результатов исследования, посвященного изучению эмонима *sympathy* и его русских эквивалентов на предмет категоризации по образу и подобию контейнера на материале корпусов «NOW», «GloWbE» и «НКРЯ». Приводятся данные качественного и количественного анализа вхождения исследуемых лексических единиц в именной криптокласс «Res Continens» (Контейнер). Выявляются особенности языковой категоризации эмоции *sympathy* в различных национальных вариантах английского языка. Рассматриваются понятия «индекс разнообразия сочетаемости слова» (ИРа) и «показатель активности имени в криптоклассе» (ПА), вычисленные по формулам, предложенным в методологии выявления криптокласса О. О. Борискиной. Согласно изученной семантико-синтаксической сочетаемости имен-эталонов и признаков слов, внутренняя форма которых связана с категориальным признаком «нахождение одного объекта в другом», лежащем в основании рассматриваемого криптокласса, получен набор классифицирующих конструкций, диагностирующих принадлежность имен к криптоклассу «Res Continens». После этого был проведен сопоставительный анализ эмонима *sympathy* и его эквивалентов в русском языке. Предлагается рассмотрение лексической единицы *sympathy* и вариантов ее перевода на русский язык, а также их восприятие в рамках криптоклассного анализа.

Ключевые слова: эмоним, категоризация, вместилище, криптокласс, варианты языка, *sympathy*, русские эквиваленты

Наше исследование посвящено криптоклассному сопоставлению эквивалентных слов в русском и английском языках на материале национального корпуса русского языка (НКРЯ) (<http://www.ruscorpora.ru/search-main.html>), параллельного (англо-русского) корпуса (<http://www.ruscorpora.ru/search-para-en.html>), а также корпусов М. Дэвиса «Corpus of News on the Web» (NOW) (<http://corpus.byu.edu/now>), «Corpus of Global Web-based English» (GloWbE) (<http://corpus.byu.edu/glowbe>) и «iWeb: The intelligent Web-based Corpus» (<https://corpus.byu.edu/iweb>).

В рамках статьи мы рассмотрим один из эмонимов – *sympathy* – и русские эквиваленты данного непредметного имени. Если следовать теории П. Шейвера, Дж. Шварца, Д. Кирсона и К. О’Коннора, которые предложили изучение базовых (первичных), вторичных и третичных эмоций [1], то эмоция *sympathy* относится к вторичным и восходит к эмоции «sadness» (печаль) (таблица 1).

Таблица 1

Эмоции **sadness** (печаль) и **sympathy** (симпатия), по П. Шейверу

Первичная эмоция	Вторичная эмоция	Третичная эмоция
Sadness (печаль)	Suffering (страдание)	Agony (мука), suffering (страдание), hurt (обида), anguish (мучение)
	Sadness (печаль)	Depression (депрессия), despair (отчаяние), hopelessness (безнадежность), gloom (уныние), glumness (мрачность), sadness (печаль), unhappiness (несчастье), grief (горе), sorrow (тоска), woe (горесть), misery (страдание), melancholy (меланхолия)
	Disappointment (разочарование)	Dismay (смятение), disappointment (разочарование), displeasure (недовольство)
	Shame (стыд)	Guilt (вина), shame (стыд), regret (сожаление), remorse (раскаяние)
	Neglect (пренебрежение)	Alienation (охлаждение), isolation (уединение), neglect (пренебрежение), loneliness (одиночество), rejection (неприятие), homesickness (тоска по дому), defeat (расстройство), dejection (уныние), insecurity (чувство незащищенности), embarrassment (замешательство), humiliation (унижение), insult (надругательство)
	<i>Sympathy</i> (симпатия)	<i>Pity</i> (жалость), <i>sympathy</i> (симпатия)

Криптоклассный анализ [2] сочетаемости данного имени показал, что эмоциональное состояние сочувствия категоризируется в англоязычном пространстве по аналогии с контейнером. В ходе

исследования используются понятия «индекс разнообразия сочетаемости слова» (ИРа) и «показатель активности имени в криптоклассе» (ПА), которые вычисляются по формулам, предложенным в методологии выявления криптокласса О. О. Борискиной [3]. Индекс разнообразия сочетаемости слова с классифицирующими конструкциями криптокласса – это «отношение количества классификаторов, с которыми имя встречается в корпусе, к общему количеству классификаторов криптокласса» [3, с.4]. Он выражается дробными числами в пределах $0 < ИРа < 1$ и вычисляется по формуле 1:

(Формула 1)

Индекс разнообразия сочетаемости имени связан со «скрытой памятью» слова, обусловленной кумулятивной функцией языка» [4, с.91]. Чем выше показатель ИРа, тем прочнее «воспоминания» о его употреблении в синтаксических конструкциях, которые являются классификаторами определенного криптокласса [4, с.92].

Второй параметр – «показатель активности имени в криптоклассе» (ПА) – диагностирует частоту замещений эмонимом заданной позиции при всех классификаторах, «показывает, насколько активно имя в образовании словосочетаний с классификаторами криптокласса относительно других метафоронимов этого криптокласса» [3, с.60]. Вычисляется он по формуле 2:

(Формула 2)

На первом этапе нашего исследования создан исследовательский корпус эмонима *sympathy*, который насчитывал 1047 словоупотреблений. Контексты были взяты из корпусов «NOW», «GloWbE», с некоторыми классификаторами проверялась сочетаемость имени и в корпусе «iWeb». Полученные корпусные данные имени *sympathy* по криптоклассу «Res Continens» представлены в Таблице 2.

Таблица 2

Результаты количественного анализа эмонима *sympathy*

Эмоним	Количество классификаторов	ИРа	Количество примеров	ПоКа
<i>sympathy</i>	12	0,75	1047	0,101

Представим некоторые примеры с классификаторами криптокласса «Res Continens», в которых непредметное имя *sympathy* категоризуется по образу и подобию вместилища (примеры 1-5):

1) *Finance Minister Arun Jaitley yesterday said the government has **full sympathy** with the agitating Noida homebuyers and they can seek relief under the insolvency law.* (IN)

2) ***Sympathy** is **full** of various characters, sub-plots and observations, though interestingly all of the people in Sudjic's delirious New York are essentially the same sorts of people to be found in Rooney's dreamy Dublin: rich people with complicated lives.* (GB)

3) *I have friends and relatives within the Fijian-Indian community in NZ, and I was horrified by the violence meted out to Navtej Singh, and my **sympathy** is **deep** for his young widow, and their extended family.* (NZ)

4) *When he has intervened, it has **been more in sorrow and sympathy** than with any bold effort to change.* (CA)

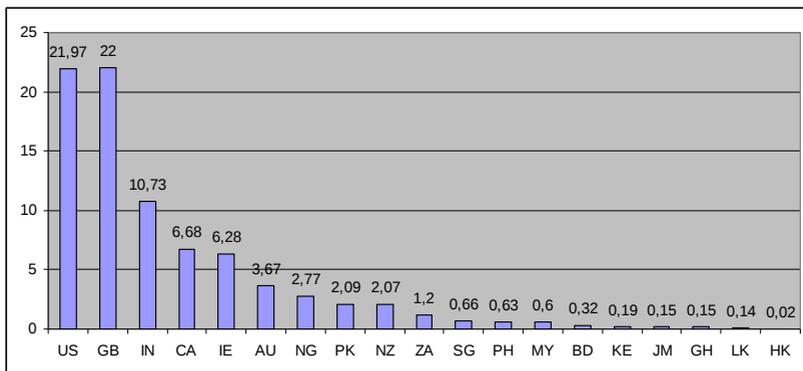
5) *"It her letter," O'Brien said, "she **was in deep sympathy** with the people of Northern Ireland who suffered on Remembrance Day".* (IE)

Как видим, чувства сострадания может быть наполненным контейнером, может быть глубоким, заполненным различными знаками, побочными сюжетными линиями и наблюдениями, и может выступать вместилищем для хранения неких абстракций и т.д.

Что касается распределения словоупотреблений по вариантам английского языка, то контекстов не было зафиксировано только в идиоме Танзании. В остальных же вариантах английского языка словоупотребления с эмонимом *sympathy*, хоть и окказиональные, но обнаруживаются.

Наиболее часто о сочувствии-вместилище говорят в американском ареале (американском и канадском вариантах языка), чуть реже в европейском (британском и ирландском вариантах английского языка) и азиатском (индийском варианте). В остальных вариантах азиатского ареала (сингапурском, гонконгском, шриланкийском, бангладешском, пакистанском, малайзийском и филиппинском), карибского (ямайском), частично африканского ареала (ганском, кенийском, южноафриканском) были зарегистрированы единичные случаи употребления *sympathy* в классифицирующих конструкциях криптокласса английского языка «Res Continens», т.е. знание о сострадании как о вместилище коммуникативно менее существенно в англоязычной среде данных стран.

Ниже на рисунке 1 представлено количественное распределение словоупотреблений в относительных величинах, которые скорректированы согласно коэффициенту подкорпуса [5].



<i>US</i>	американский	<i>SG</i>	сингапурский
<i>CA</i>	канадский	<i>MY</i>	малайзийский
<i>GB</i>	британский	<i>PH</i>	филиппинский
<i>IE</i>	ирландский	<i>HK</i>	гонконгский
<i>AU</i>	австралийский	<i>ZA</i>	южноафриканский
<i>NZ</i>	новозеландский	<i>NG</i>	нигерийский
<i>IN</i>	индийский	<i>GH</i>	ганский
<i>LK</i>	шриланкийский	<i>KE</i>	кенийский
<i>PK</i>	пакистанский	<i>TZ</i>	танзанийский
<i>BD</i>	бангладешский	<i>JM</i>	ямайский

Рис. 1. Количественное распределение словоупотреблений эмонима *sympathy* по идиомам в классифицирующих конструкциях криптокласса «Res Continens»

Затем из параллельного (англо-русского) корпуса были извлечены контексты со словом *sympathy* и перевод этих словоупотреблений. Количество примеров, в которых актуализировался контейнер через эмоним *sympathy* и его эквиваленты в количестве 162 словоупотреблений. Примечательно, что только с тремя классификаторами данные единицы встречаются в этом корпусе (примеры 6-8).

6) *As Perker spoke, Mrs. Bardell began to recover by slow degrees, while Mrs. Cluppings, after a careful survey of Master Bardell's buttons and the button-holes to which they severally belonged, placed him on the floor of the court in front of his mother – a commanding position in which he could not fail to awaken the full commiseration and sympathy of both judge and jury.* – Пока Перкер говорил, миссис Бардл начала медленно приходить в себя, а миссис Клаппинс, заботливо осмотрев пуговицы юного Бардла и петли, им соответствующие, поставила его перед

матерью, выгодная позиция, где он не мог не пробудить сострадания и **симпатии** как судьи, так и присяжных.

7) *Every one, like himself, seemed to have regained his good spirits, to be in **sympathy** with youth and beauty, to be inclined to joy and merry-making.* – Герцвуду казалось, что все обитатели дома, как и он сам, в хорошем **настроении**, что все склонны радоваться и веселиться.

В приведенных примерах видно, что одна и та же лексема в зависимости от окружения, контекста может быть переведена различными способами. Так, в корпусе встретились следующие варианты перевода эмонима *sympathy*: *симпатия, настроение, сочувствие, сострадание, жалость* (см. примеры 6-10).

8) *There is something terribly morbid in the modern **sympathy** with pain.* – **Во всеобщем сочувствии** к страданиям есть нечто в высшей степени нездоровое.

9) *I see a repose that neither earth nor hell can break, and I feel an assurance of the endless and shadowless hereafter – the Eternity they have entered – where life **is** boundless in its duration, and love **in its sympathy**, and joy in its fulness.* – Я вижу тогда успокоение, которое не нарушат силы земли и ада, и преисполняюсь веры в бесконечное безоблачное будущее – вечный мир, куда вступает душа, мир, где жизнь безгранична в своей длительности, и любовь **в своем сострадании**, и радость в своей полноте.

10) *Одно то, что он сказал про щуку, другое – что было что-то не то в нежной **жалости**, которую он испытывал к Анне.* – *One was what he had said about the carp, the other was something not “quite the thing” in the tender **sympathy** he was feeling for Anna.*

Рассмотрим, что дает толковый словарь по этим лексемам [1**]:

а) *симпатия*: 1) влечение, внутреннее расположение к кому-нибудь/чему-нибудь; 2) о человеке как предмете чьего-нибудь расположения, любви (раз.);

б) *сочувствие*: 1) отзывчивое, участливое отношение к переживаниям, несчастью других; 2) одобрительное, благожелательное отношение;

в) *настроение*: 1) внутреннее, душевное состояние; 2) направление чьих-нибудь мыслей, чувств; 3) склонность делать что-нибудь;

г) *сострадание*: жалость, сочувствие, вызываемые чьим-нибудь несчастьем, горем;

д) *расположение*: 1) хорошее отношение, тяготение, симпатия к кому-нибудь/чему-нибудь; 2) желание, настроение; 3) наклонность, восприимчивость к чему-нибудь.

Все они тесно связаны между собой, в интерпретации одних есть указание и на другие лексемы, что позволяет говорить о возможном существовании всех указанных русских эквивалентов имени *sympathy*. Данный факт, собственно, и подтверждают примеры из Параллельного корпуса. Наряду с представленными синонимами слова *sympathy* в корпусе были обнаружены и другие эквиваленты: в некоторых примерах давался перевод причастным оборотом (см. пример 11 – *поглощенный чем-то*), в некоторых – глаголом (см. пример 12 – *не одобрять*), наречием (см. пример 13 – *тоже*) или описательным выражением, сужающим конструкцию оригинального предложения (см. пример 14).

11) *It was evident that he had momentarily forgotten his surroundings, and that his whole soul was in sympathy with the picture before him.* – Он, похуже, совершенно забылся, всецело **поглощенный** картиной.

12) *He ran across a book in the library on the care of the body, and promptly developed a penchant for a cold-water bath every morning, much to the amazement of Jim, and to the bewilderment of Mr Higginbotham, who was not in sympathy with such high-fangled notions and who seriously debated whether or not he should charge Martin extra for the water.* – В библиотеке ему попала книжка об уходе за телом, и он тотчас пристрастился обливаться по утрам холодной водой, чей немало удивил Джима и смутил Хиггинботема, который **не одобрял** подобные новомодные фокусы, но всерьез задумался, не требовать ли с Мартина дополнительной платы за воду.

13) *“You must have been to visit the Wise Donkey,” said Scraps, laughing so merrily that the crowd smiled with her, in sympathy.* – «Ты, наверное, побывал у Мудрого Осла», – сказала Лоскутушка и так заразительно захохотала, что и Рогуны **тоже** рассмеялись.

14) *She was both fire and strength to him in her regard and sympathy, even though she resented, ever so slightly, his affectional desertion.* – В ее **преклонении** перед его талантом он черпал уверенность и силу.

В перечисленных примерах речь идет о переводе лексемы *sympathy* на русский язык. Интересно было также проследить, какие лексические единицы в русском языке могут быть переведены данным словом. Так, в Параллельном корпусе было зафиксировано несколько примеров, которые переведены с русского на английский язык, и в которых для перевода использовано исследуемое слово – *sympathy*. В данном случае все словоупотребления переведены в формате либо «существительное-существительное» (пример 15 – *симпатия*), либо «глагол-существительное» (см. пример 16 – *сочувствовать*).

15) Валентина Михайловна была проникнута той особенной грацией, которая свойственна «милым» эгоистам; в этой грации нет ни поэзии, ни истинной чувствительности, но есть мягкость, есть **симпатия**, есть даже нежность. – *Valentina Mihailovna was possessed of that peculiar charm, the characteristic of all “charming” egoists, in which there is neither poetry nor real sensitiveness, but which is often full of superficial gentleness, sympathy, sometimes even tenderness.*

16) Опять стало легко и ясно, и галстуки, которые он предлагал, ярко улыбались, **сочувствовали** его счастью. – *Then again everything became easy and limpid, and the neckties he offered his customers smiled brightly, in sympathy with his happiness.*

Таблица 3

Результаты количественного анализа русских эквивалентов
эмонима *sympathy*

Русский эквивалент	Количество классификаторов	ИРа	Количество примеров	ПоКа
симпатия	2	0,667	18	0,871
сочувствие	3	1,000	36	0,711
настроение	1	0,333	6	0,037
сострадание	1	0,333	6	0,037
жалость	1	0,333	6	0,037
глаголы (сочувствовать , не одобрять и др.)	2	0,667	41	0,506
другие эквиваленты	3	1,000	49	0,907

Очевидно, что представленность эмонима *sympathy* как контейнера в англоязычном пространстве значительно больше, нежели в русскоязычном. Однако следует отметить, что объем «НКРЯ» в несколько раз менее репрезентативен, чем англоязычные корпуса: «НКРЯ» насчитывает 384 млн словоупотреблений, в то время как объем корпусов «NOW», «GloWbE» и «iWeb» исчисляется в млрд словоупотреблений [4].

В результате анализа корпусных вхождений анализируемых лексем можно сделать вывод, что в русском языке нет аналога, семантически полностью соответствующего английскому слову *sympathy*. Данную единицу можно перевести не только русскими эквивалентами-существительными, но и глаголами, наречиями, либо трансформируя все предложение.

Литература

1. Shaver P. Emotion Knowledge : Further Exploration of a Prototype Approach / P. Shaver, J. Schwartz, D. Kirson, C. O'Connor // Emotions in Social Psychology : Essential Readings. – Philadelphia, PA : Psychology Press, 2001. – P. 26-56.
2. Борискина О.О. Криптоклассы первостихий как элемент онтогностического описания языка / О.О. Борискина // Проблемы лингвистической прогностики. Сб. научных трудов под редакцией А. А. Кротова. – Воронеж, 2000. – С. 121-126.
3. Борискина О.О. Теория, методология и опыт познания скрытой категориальности языка : дис. ... доктора филологических наук : 10.02.19, 10.02.04 / О. О. Борискина. – Воронеж, 2011. – 442 с.
4. Борискина О.О., Доница О. Английский криптокласс «Res Longa» или и все-таки они колются / О.О. Борискина // Проблемы лексико-семантической типологии. Сб. научн. тр. Воронежский государственный университет. – Воронеж, 2011. – С. 84-95.
5. Борискина О.О. Корпусное исследование языка: мода или необходимость? / О.О. Борискина // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2015. – № 3. – С. 24-27.

Список источников примеров

- 1* Национальный корпус русского языка. – Режим доступа: <http://www.ruscorpora.ru/search-main.html> (дата обращения 27.11.2018).
- 2* Параллельный корпус (английский). – Режим доступа: <http://www.ruscorpora.ru/search-para-en.html> (дата обращения 28.11.2018).
- 3* Davies Mark. Corpus of News on the Web (NOW): 6.9+ billion words from 20 countries, updated every day. – Provo, 2013. – Mode of access: <https://corpus.byu.edu/now/> (дата обращения 29.11.2018).
- 4* Davies Mark. Corpus of Global Web-based English (GloWbE): 1.9 billion words from 20 countries, 2012-13. – Mode of access : <https://corpus.byu.edu/glowbe/> (дата обращения 29.11.2018).
- 5* Davies Mark. iWeb: The intelligent Web-based Corpus: 14 billion words from 20 countries, 2017. – Mode of access : <https://corpus.byu.edu/iweb/> (дата обращения 30.11.2018).

Список словарей

- 1** Толковый словарь русского языка С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой. – Режим доступа: <https://gufo.me/dict/ozhegov> (дата обращения 27.11.2018).

REALIZATION OF THE CONTAINER THROUGH THE EMONYM SYMPATHY AND ITS RUSSIAN EQUIVALENTS IN THE ENGLISH AND RUSSIAN-SPEAKING WORLDS

O.F. Zadobrivscaia
Rybnitsa branch of Pridnestrovian Shevchenko State University
(Transnistria)

Abstract. The article covers the study of categorization of the eponym *sympathy* and its Russian equivalents belonging to the noun cryptotype “Res Continens”. The research is based on the corpora NOW, GloWbE and RNC. The results of the

qualitative and quantitative analysis of the lexical units under study forming a part of the noun cryptotype “Res Continens” are given. Features of language categorization of the emotion *sympathy* in different national variants of English are brought to light. The concepts “index of strength of word associations” (IRa) and “index of cryptotype reactance of a noun” (PA) calculated by the formulae offered in the methodology of identifying a cryptotype by O. O. Boriskina are considered. A set of the classifiers which identify that nouns belong to the cryptotype “Res Continens” was received according to the considered semantic and syntactical compatibility of nouns-models and distinctive-feature words whose internal form is connected with the categorical feature “one object is inside another one”. This categorical feature is in the basis of the considered cryptotype. Then the cryptotype comparison of the eponym *sympathy* and its Russian equivalents was made. Finally, the study of the lexical unit *sympathy*, options of its Russian translation, and their perception within the cryptotype analysis are offered in the article.

Key words: eponym, categorization, container, cryptotype, index of strength of word associations, index of cryptotype reactance of a noun, sympathy, Russian equivalents, Res Continens, variants of language

Задобри́вская Оксана Федоровна,
ст. преподаватель,
филиал Приднестровского
государственного университета им.
Т. Г. Шевченко в г. Рыбнице;
аспирант кафедры теоретической и
прикладной лингвистики
Воронежского государственного
университета;
37377834155
kesha25@list.ru

Oxana Fiodorovna Zadobrivskaia,
Senior Lecturer,
Rybnitsa Branch of Pridnestrovian
Shevchenko State University;
Post-graduate Student, Department of
Theoretical and Applied Linguistics,
Voronezh State University;
37377834155
kesha25@list.ru

ОСОБЕННОСТИ ПРЕПОДАВАНИЯ КУРСА СИНХРОННОГО ПЕРЕВОДА В МАГИСТРАТУРЕ

Н.А. Караваева
Воронежский государственный университет

Аннотация. В настоящей статье рассматриваются основные особенности преподавания курса синхронного перевода в магистратуре, в условиях, когда основная масса магистрантов не имеют соответствующей лингвистической подготовки. Называется техническое оснащение аудитории для преподавания курса, рассматривается роль и степень подготовленности самого преподавателя. Рекомендуются практические материалы и пособия для освоения в процессе аудиторного обучения и самостоятельной работы. Приводится конкретный пример текста на английском языке, видеозапись которого доступна на сайте университета Лидс. Рассматриваются виды упражнений, предназначенных для предварительной обработки текста, предназначенного для синхронного перевода. Среди них эхоповтор стандартный, эхоповтор с «осложнениями», заполнение пропусков в звучащем тексте с целью освоения его коллокационного потенциала, упражнения на поиск соответствий, а также перевод аннотации предлагаемого текста с русского языка на английский (т.е. с языка А на язык Б). Указанные упражнения призваны формировать у обучаемых навыки, необходимые им как будущим синхронистам.

Ключевые слова: синхронный перевод, преподавание синхронного перевода, навыки и умения синхрониста, упражнения по синхронному переводу, пособия по синхронному переводу, видеовыступления для устного перевода, техническое оснащение аудитории по синхронному переводу, подготовка синхронистов

Сегодня преподавание синхронного перевода в ВУЗах набирает обороты, поскольку потребность рынка в соответствующих специалистах растет. Это неудивительно, ведь синхрон позволяет участникам коммуникации экономить значительное количество времени. Поскольку обучение данному виду перевода предполагает определенную лингвистическую и психологическую зрелость обучаемых. Вполне логично, на первый взгляд, что базовый курс синхронного перевода стал обязательной частью магистерской программы. Однако на практике оказывается, что достаточно большое количество магистрантов на профильных факультетах не имеют соответствующей лингвистической подготовки. В связи с этим преподавание рассматриваемого курса имеет ряд особенностей. Фактически преподаватель вынужден адаптироваться к достаточно

непростым условиям обучения «новичков» в лингвистике, работать в тесной связи с преподавателями собственно языка, чтобы обеспечить необходимый для синхронного перевода уровень обучаемых. Требуется разработка «локализованных» учебных пособий, формирование у магистрантов навыков аудирования, кропотливой работы с текстом, предназначенным для синхронного перевода.

В процессе обучения используется лингафонный кабинет, на базе Intel Core i5-3420 3.2ГГц, ОЗУ 4ГБ, ОС Windows 8.1. Система имеет целый набор функций, которые позволяют эффективно проводить обучение как иностранным языкам, так и основам синхронного перевода. Каждый обучающийся может работать с индивидуальным материалом, записывать и воспроизводить речь. Видеоматериал выводится на экраны компьютеров, звук подается в шумоизолирующие наушники. Между столами имеются разделительные перегородки, таким образом создается иллюзия работы в кабине синхрониста. Преподаватель может подключиться к каждой точке, чтобы прослушать перевод или в индивидуальном порядке высказать замечания.

При проведении семестровых конференций, когда студенты имеют возможность почувствовать себя в роли настоящих переводчиков, используется специальное конференционное оборудование: кабина синхрониста и комплект электронных устройств (кабиночная панель, наушники, специальные микрофоны для аудитории).

Преподаватель синхронного перевода сам должен обладать соответствующими знаниями в области теории перевода, а также иметь практический опыт синхронного перевода. Будущие синхронисты, помимо прочего, должны четко понимать этические и моральные принципы своей будущей работы. Пунктуальность, готовность анализировать собственное выступление и учет ошибок при последующей работе – вот лишь немного из того, чему должны научиться магистранты. Очень важна «обратная связь»: студентам необходимы внятные, четкие и тактичные замечания и комментарии преподавателя.

На начальном этапе обучения магистранты проходят небольшой подготовительный курс, в рамках которого они получают представление о том, как проводится предварительная работа перед собственно синхронным переводом, как ведется поиск необходимой информации, как готовится глоссарий. Формируются навыки предельной концентрации, работы на слух с текстом, определения и вычленения основных идей текста (так называемого «активного слушания»), развиваются аналитические способности.

В процессе преподавания используются материалы сайта «EU Speech Repository» – пула текстов для переводчиков Европейской Комиссии, видеобиблиотеки текстов переводческого факультета университета Лидс, а также пособия: «Практикум по синхронному переводу» Линн Виссон [1], «Тренинг-курс по синхронному переводу» В.В. Дайнеко, П.В. Амплеева, Г.Э. Мирама [2], серия книг известного синхрониста А. Фалалеева в соавторстве с А. Малофеевой [3, 4] и др. Однако, как уже отмечалось выше, в основе обучения должны быть пособия, разработанные преподавателями обучающей кафедры с учетом специфики обучаемой аудитории.

Ниже приводится пример работы с текстом для синхронного перевода высокой степени сложности, «Carbon Offsetting».

This is a speech about global warming and something called carbon offsetting, - a measure that people can take to try and reduce their impact on CO2 emissions.

Ladies and gentlemen,

I think, in the past few years there has been a noticeable increase in people's environmental awareness in this country. And I think above all we seem pangs of conscience in the liberal middle classes, is there really anything practical that people can do to reduce their carbon footprint as it's known, in other words, their impact on the environment in terms of how many greenhouse gases they emit? Well, one of the things that you can do is to become involved in a carbon offsetting scheme, and there are many companies that operate this type of scheme. So let me try and explain how they work. What these companies do is to calculate your 'carbon footprint' which is the equivalent carbon dioxide emissions that you are responsible for over the course of the year because of your activities, so, for instance, driving a car, or using your central heating in your home, or taking public transport. So they calculate how many tons or what fraction of a ton of CO2 you personally emit in a year, and you can then offset your carbon footprint for the whole year, or you can do it, for instance, for each flight that you take, because flights are particularly damaging to the environment. So, in a nutshell, what you do is pay the company money to offset your carbon emissions, to make up for your 'sins' for that year, and that company then invests the money, invests the funds into projects that soak up carbon, or that produce energy from renewable sources, and in theory it should be an equivalent amount of energy to what you have emitted. So let me give you some examples of such projects that these companies invest in. It could be tree planting, that's a very popular one, or small hydroelectric projects in developing countries, or energy efficiency projects. So, this seems like a very praiseworthy initiative to try to reduce our impact on the

environment, something that many of us could do if we can afford to do it, and indeed more and more people are doing it. They are offsetting the costs of their leisure flights, so when they go on holiday, they end up paying another, let's say, five pounds, to offset those carbon emissions. But there are concerns about carbon offsetting schemes, and I want to cover some of these, and look at tree planting in more detail. The first problem is that the industry isn't regulated, so there may well be some burger schemes out there, and also there's a tremendous lack of transparency. If you go on the Internet and go to several companies that offer carbon offsetting schemes, they all somehow seem to offer something different, so they'll say if you fly to Brussels it costs five pounds to offset, that's what one company will say, another one will say nine pounds, you don't really know where you stand.

Next, I want to talk about tree planting schemes, because there are some offsetting schemes that cause more harm, than they do good. Now, what's the idea behind tree planting? Well, the idea is that they reduce atmospheric emissions of carbon dioxide, because, as you know, plants are involved in the process called photosynthesis, so they generate oxygen, as opposed to CO₂. And also, if you plant trees, this is supposed to cool the planet by evaporating water to the atmosphere and by increasing cloudiness. And so this increase cloud reflects radiation from the sun back into space, so it helps to cool the planet. But this isn't always a straightforward process. At high latitudes in particular this benefit can be outweighed by the trees' capacity to trap heat and to store it near the ground, because the trees are dark, and they absorb a lot of sunlight. So, climate benefits, if you planted a lot of new trees, would be virtually nil in the US and in Europe, it's only really tropical latitudes that tree planting on a large scale could have benefits for climate change. And in fact, in those regions of the world that are covered in snow seasonally, new trees could actually be counterproductive, because the snow is beneficial, it reflects radiation from the sun and it cools down the atmosphere. And there are other concerns about planting trees on a large scale. For instance, if you have large monoculture plantations, all the same tree, which tends to be pine or eucalyptus, then reduces biodiversity. It could lead to displacement of persons, it could lead to social disruption.

Other issues are that there are effects downstream, if you plant trees. Studies have shown that trees reduce the flow of water in streams, and that thirteen percent of the streams dry out within a year after you've planted new trees. And planting new trees also affects the nutrients in the soil, so the soil can become depleted in nutrients such as calcium or potassium, or magnesium. Anyway, it's a short-term fix. When the trees die, they rot, and then they emit all their carbon dioxide back into the atmosphere.

*So, so much for tree planting. I want to come to the biggest concern about carbon offsetting schemes, and this is a concern that is expressed by environmental organizations, such as 'Friends of the Earth'. They say, carbon offsetting is a smokescreen to avoid cutting emissions, it's like a permission to pollute. People say, oh, it's alright, I'll fly to Malaga on holiday, because I've paid to offset my flight. What the government actually needs to do, and what we need to do, is to focus on cutting emissions, not emitting greenhouses gases in the first place, if we want to have an effect on climate change. So the situation today is that the government has launched a consultation on a voluntary code of conduct for these carbon offsetting schemes, and the government has a 'gold standard', and currently not many of the schemes meet that gold standard, but I think, more importantly, more needs to be done to encourage people on other fronts, so that they cut their emissions, as opposed to just offsetting them.
Thank you!*

Для работы с текстом предлагаются следующие задания:

1. Так называемый «эхоповтор» – повторение текста за спикером с минимальным отставанием с целью ознакомления с текстом и тренировки навыка одновременного прослушивания и говорения, характерного для синхронного перевода.

2. По мере освоения студентами упражнения 1 возможно усложнение задачи: одновременное прослушивание и произнесение чисел заданной последовательности (например, от 800 обратно) или одновременное прослушивание и запись соответствующей последовательности чисел на листе бумаги.

3. На следующем этапе одновременно с прослушиванием и произнесением текста вслух можно записывать слова: например, свое имя и адрес, или переписывать некий текст на ту же тему, представленный в письменном виде (делать это по памяти не рекомендуется).

4. С целью освоения коллокационного потенциала текста во время прослушивания преподаватель оставляет паузы, которые обучаемые должны устно заполнить.

5. С целью погружения обучаемых в тему уместен также перевод на английский язык краткой аннотации предлагаемого текста, например:

Углеродная компенсация – возмещение вреда, наносимого природе парниковыми газами. Любой бизнес независимо от сферы деятельности является источником выбросов парниковых газов. Они образуются в результате потребления электроэнергии, тепла, воды,

а также сжигания нефтепродуктов транспортом и наносят большой вред природе. Чтобы возместить этот вред, ответственные компании вкладывают деньги в реализацию экологических проектов, которые способствуют снижению выбросов CO₂ и других парниковых газов. Для полного возмещения наносимого вреда, объем инвестирования должен быть соразмерен углеродному следу компании.

Такое упражнение может стать частью домашнего задания, предваряющего работу с определенным текстом.

Ниже приводятся другие типы упражнений. Необходимость каждого из них диктуется особенностями каждого конкретного текста.

6. Mark the following sentences T (true) or F (false). This should help you perceive the overall structure of the speech and the main ideas presented by the speaker:

a. Getting involved in carbon offsetting schemes means calculating your 'carbon footprint'.

b. You are not responsible for any emissions if you use central heating.

c. 'In a nutshell' means 'In short'.

d. There are certain concerns about carbon offsetting schemes.

e. All carbon offsetting companies have the same charges to offset flights.

f. Tree planting is only beneficial at high latitudes.

g. The snow helps to cool down the planet.

h. Tree planting impoverishes the soil.

i. 'Friends of the Earth' argue that carbon offsetting schemes are a two-sided coin.

j. The schemes are the best way to make people cut their emissions.

7. Match the following:

noticeable	initiative
environmental	emissions
pangs of	disruption
greenhouse	conscience
renewable	latitudes
tree	plantations
energy	planting
praiseworthy	flights
leisure	increase
atmospheric	awareness
high	sources

monoculture
social

efficiency
gases

8. Finish the following prepositional phrases:
impact on...
become involved in...
particularly damaging to...
a tremendous lack of...
they absorb a lot of...
have benefits for...
displacement of...
depleted in...
focus on...
a voluntary code of...

Когда текст выступления освоен и обработан, наконец, можно приступить собственно к синхрону. Обучаемым при этом предлагается сделать запись своего выступления и прослушать по завершении работы. Студент должен обратить внимание на фактические ошибки, искажения текста, на добавления и опущения, на манеру подачи текста, – громкость, паузы, монотонность/эмоциональность речи.

Необходимо стимулировать самостоятельную работу обучаемых. В качестве источника видеовыступлений можно порекомендовать уже упомянутый сайт Еврокомиссии (EU Interpreting Lab), где в большом количестве представлены учебные тексты, направленные на самостоятельное совершенствование навыков синхронного перевода на разных уровнях – от *Elementary* до *Upper-Intermediate*.

Литература

1. Виссон Л. Практикум по синхронному переводу с русского языка на английский. / Л. Виссон – М.: Р-Валент, 2002. – 200 с.
2. Дайнеко В.В., Амплеев П.В.а, Мирам Г.Э. Тренинг-курс по синхронному переводу с аудиоприложением. / В.В. Дайнеко – Киев: Арий, 2009. – 192 с.
3. Фалалеев А., Малофеева А. Упражнения для синхрониста. Зеленое яблоко. / А. Фалалеев, А. Малофеева – СПб.: Перспектива, Юникс, 2014. –187 с.
4. Фалалеев А., Малофеева А. Упражнения для синхрониста. Вертолет береговой охраны. / А. Фалалеев, А. Малофеева – СПб.: Перспектива, Юникс, 2015. – 192 с.
5. Караваева Н.А. The ABCs of Simultaneous Interpreting: учеб.-методич. пособие по устному синхронному переводу (на английском языке). / Н.А. Караваева – Воронеж: Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 2016. – 28 с.

Список источников примеров

1. <https://webgate.ec.europa.eu/sr/>
2. <http://speechpool.net/en/about-speechpool>

TEACHING PRACTICES IN SIMULTANEOUS INTERPRETING FOR MASTERS

Natalia A. Karavaeva
Voronezh State University

Abstract. This paper elaborates on teaching practices in simultaneous interpreting for masters. The technical equipment for teaching the course is determined, the role of the teacher is considered. Practical materials and manuals for mastering in the process of classroom training and independent work are recommended. There is a specific example of text in English is provided, a video of which is available on the website of the University of Leeds. We consider the types of exercises designed for preprocessing of text intended for simultaneous interpretation. Among them, there are standard shadowing, shadowing with “complications”, filling in the gaps in order to master the collocation potential of the text, exercises on the search for correspondences, as well as translation of the abstract of the proposed text from Russian into English (that is, from A language to B language). These exercises are designed to form the trainees with the skills they need as future interpreters.

Key words: simultaneous interpreting, training simultaneous interpreters, exercises to train interpreters, on-line and library resources for teaching simultaneous

Караваяева Наталия Александровна,
кандидат филологических наук,
доцент кафедры теории перевода и
межкультурной коммуникации
Воронежский государственный
университет
8 (473) 222-73-62
karavaeva-nata@yandex.ru

N.A. Karavaeva, PhD, Associate
Professor of the Translatology and
Intercultural Communication
Department
Voronezh State University
8 (473) 222-73-62
karavaeva-nata@yandex.ru

АНАФОРИЧЕСКИЕ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫЕ ФРАНЦУЗСКОГО ЯЗЫКА: ОСОБЕННОСТИ ИНТЕРПРЕТАЦИИ И ПЕРЕВОДА

Д.А. Киселёв
Самаркандский государственный
институт иностранных языков (Узбекистан)

Аннотация. Анафорические единицы призваны, прежде всего, обеспечивать связность текста. Их адекватная интерпретация существенно влияет на понимание текста и, как следствие, на возможность его корректного перевода. Типичными анафорическими единицами признаются местоимения, репрезентирующие существительные. Однако местоимения семантически и грамматически выходят за пределы имени существительного. Проведенное на материале французского языка исследование позволило выявить собственно анафорические существительные. Определено, что наиболее частотными анафорическими существительными являются *chose, truc, machin, bidule*. Лексикографические источники на основании формальных морфологических признаков и синтаксических функций определяют эти единицы в качестве существительных, однако, учитывая семантико-функциональные особенности, их следует отнести к местоимениям. Интерпретация анафорических существительных во многом зависит от окружающего контекста, а их адекватный перевод, в частности на русский язык, представляет собой значительную сложность, преодоление которой требует мобилизации комплекса переводческих компетенций. Данная статья концентрируется на анализе условий функционирования анафорических существительных во французском языке с перспективой их адекватной передачи средствами русского языка.

Ключевые слова: связность текста, репрезентация, анафорические существительные, лакуна, интерпретация, контекст, перевод, адаптация

Общепринятым считается утверждение, что анафора является ключевым способом обеспечения связности текста (текстуальной когезии) [1, p.7; 2., p.37-38]. Адекватная интерпретация анафорических единиц зачастую лежит в основе понимания межфразовых связей и, как следствие, текста в целом [3, p.12; 4, p.23]. Понимание текста в свою очередь является неременным условием его максимально адекватной передачи средствами другого языка, т.е. перевода [5, с.100]. Этими обстоятельствами обуславливается давний и неослабевающий исследовательский интерес к анафорическим единицам [6, p.55-56; 7, с.237].

Традиционно анафора, механизмы ее реализации и интерпретации рассматриваются на материале местоимений, которые считаются репрезентантами имени существительного [8; 9]. Однако мы полагаем, что местоимения не исчерпывают анафорический потенциал имени существительного, которое как часть речи содержит некоторое количество единиц, регулярно употребляемых для репрезентации других существительных.

Анализ текстового как письменного, так и устного материала на французском языке с целью выявления и интерпретации анафорических существительных позволил нам обнаружить следующие наиболее частотные единицы: *chose, truc, machin, bidule*. Данные единицы зафиксированы в лексикографических источниках [1**, с.95, 158, 508, 856], где они определяются именно в качестве существительных с полагающимися формальными морфологическими признаками, как то категории рода и числа.

Вместе с тем, по ряду критериев анализируемые лексические единицы обособляются от остальной массы существительных. Так, с семантической точки зрения их объединяет асемантичность, т.е. отсутствие зафиксированного «словарного» значения. Их содержание полностью контекстуализировано и вне пределов конкретной коммуникативной ситуации не существует. Это обстоятельство сближает данные существительные с местоимениями. С функциональной точки зрения приведенные существительные французского языка также могут быть отождествлены с местоимениями, ведь их основная задача состоит в указании на объект, вербально выраженный в том же сегменте текста, т.е. они реализуют анафорическую функцию. Исходя из сказанного, мы полагаем, что существительные французского языка *chose, truc, machin, bidule* следует рассматривать в качестве собственно анафорических.

Однако данное утверждение не исчерпывает само по себе вопросов, связанных с условиями функционирования и интерпретации анафорических существительных в пространстве текста, а также их адекватной передачи средствами другого языка, в частности русского. Далее мы намерены проанализировать условия употребления и выбора анафорических существительных французского языка, а также рассмотреть особенности их передачи на русский язык. Материалом исследования служат современные художественные, публицистические и рекламные тексты на французском языке.

Анафорическое существительное *chose* имеет высокую частотность употребления и встречается в текстах разного рода, скорее всего в силу своей нейтральной стилистической окраски, ср.:

(1) *Un premier ministre n'est jamais en vacances. Il doit pouvoir être joint tout le temps par téléphone. Mais cela n'a pas perturbé la chose la plus importante, à savoir être avec la famille. Cela a été la meilleure période pour l'ensemble de la famille et mon congé de paternité n'a eu aucune conséquence négative sur ma carrière.* [1*]

В сегменте (1) существительное *chose* указывает на состояние, вербально выраженное синтагмой *être avec sa famille*, но не называет его; самостоятельным содержанием оно не обладает и при изъятии из конкретного контекста становится асемантическим, так же как и любое местоимение. Эмфатическая конструкция предложения определила взаимное расположение анафорического существительного и референта, который в данном случае, занимая правую позицию, квалифицируется как постцедент в противоположность antecedенту, занимающему левую позицию. При этом данное анафорическое существительное остается грамматически полноценным, так как свое выражение находят его грамматические категории и его синтаксический потенциал может быть полноценно реализован. Рассмотрим это на следующем примере, ср.:

(2) *Malgré quelques sujets de préoccupation, de nombreux groupes de la société civile ont estimé que la déclaration politique finale faisait avancer les choses dans plusieurs domaines clés, notamment la réaffirmation des promesses de 2001, le commerce, les femmes, les besoins de ressources, la santé sexuelle et reproductive et la réduction des risques.* [1*]

Употребление в тексте (2) множества однородных референтов обуславливает форму множественного числа анафорического существительного. Подчеркнем еще раз, что стилистическая нейтральность позволяют данной анафорической единице функционировать как в устных, так и в письменных текстах. Вместе с тем следует отметить, что *chose* в анафорической функции зачастую носит обобщающий характер, и ее семантический объем полностью соответствует объему референта, что принципиально отличает анафору и синонимию, которые некоторые исследователи сближают [6, p.55].

Перевод на русский язык этого анафорического существительного, как и других, представляет собой определенную сложность. Анализ условий употребления *chose(s)* в различных контекстах позволяет предложить в качестве наиболее адекватной формы перевода существительное, образованное путем конверсии прилагательного, характеризующее анафорическое существительное, т.е. *la chose la plus importante* – *главное*; *les choses dans plusieurs domaines* – *многое* и т.д.

Данная рекомендация не носит универсальный характер, но в большинстве ситуаций перевода анафорического существительного *chose* оправдывает себя.

Следующим по частотности употребления следует анафорическое существительное *truc*, более характерное для разговорной, часто фамильярной речи, ср.:

(3) *Je lui montrai d'un signe de main le câble qui était posé sur le sol et lui dit: «Comment peux-tu savoir à quoi sert ce truc avec deux fourches?» [1*]*

Из примера (3) видно, что анафорическое существительное *truc* не имеет собственного содержания, притом что грамматически квалифицируется как имя существительное. Внимательное рассмотрение коммуникативной ситуации позволяет утверждать, что анафорическое существительное служит именно для указания на объект – *ce truc avec deux fourches*, а не для его номинации в первичном значении термина, так как в отрыве от конкретной коммуникативной и референтной ситуаций данное существительное не может служить для номинации этого объекта. В данном случае анафорическое существительное отсылает к самому материальному объекту, а не к его вербальному обозначению, и адекватное понимание данной лексической единицы возможно только при совпадении коммуникативной и референтной ситуаций. Из этого следует, что одним из условий употребления анафорического существительного *truc* может быть совпадение коммуникативной и референтной ситуаций, а также отсутствие в словарном запасе говорящего соответствующей лексической единицы для номинации объекта. Случаи, когда референт не находится в том же тексте, что и анафорическая единица, а обнаруживается в самой ситуации, квалифицируется рядом исследователей как разновидность анафоры и определяется как экзофора, иными словами дейктико-ситуационная референтность [4, p.105].

Вместе с тем высока частотность употребления *truc* в качестве анафорической единицы, указывающей на объект (явление), вербально выраженное в том же тексте, ср.:

(4) **RFI : Est-ce qu'à Dakar, il y a toujours des concours de rap organisés par le Centre Culturel Français ?**

D.J. : Maintenant, il y a surtout les «Hip-Hop Awards» où plein de groupes du Sénégal sont invités et reçoivent des trophées. C'est important qu'il y ait ce genre de manifestation car cela attire l'attention sur le rap sénégalais qui a vraiment son mot à dire au niveau de la scène mondiale. Ce qui est bien dans ce truc aussi, c'est que ce n'est pas organisé par le

Ministère de la Culture dont de toute façon nous n'avons rien à attendre. C'est un mouvement autonome, organisé par des jeunes Sénégalais. Une belle initiative! [1*]

Пример (4) наглядно иллюстрирует ситуацию, в рамках которой анафорическое существительное *truc* указывает на объект – музыкальный конкурс, вербально обозначенный в том же тексте именем собственным «*Hip-Hop Awards*». Референт занимает левую позицию, т.е. является полноценным антецедентом. В данном случае коммуникативная и референтная ситуации не совпадают, однако в тексте наличествует вербальное наименование объекта, что позволяет адекватно интерпретировать анафорическое существительное.

Сопоставление данного примера (4) с предыдущим (3) подтверждает тезис о том, что анафорическое существительное не обладает самостоятельной семантикой – в двух ситуациях оно используется для указания на совершенно разные объекты, не связанные друг с другом ни родовыми, ни видовыми отношениями. Использование анафорического существительного в такой ситуации не свидетельствует об отсутствии соответствующей лексической единицы в словаре говорящего, но о необходимости указания на объект, находящийся в центре коммуникативной ситуации. Выбор слова, в данном случае стилистически сниженного, обуславливается особенностями функционального стиля – спонтанная устная речь. Отметим, что в данной ситуации анафорическое существительное *truc* лишено собственной стилистической окраски, а лишь относится к фамильярному регистру французского языка.

Наиболее адекватным способом перевода анафорического существительного *truc* можно считать употребление местоимения *это* (и его парадигматического ряда), а также неопределенные местоимения *нечто* и *что-нибудь (подобное)*.

В качестве синонимов существительного *truc* лексикографические источники указывают также *machin* и *bidule* [2**, p.550]. При этом не отмечаются ни дифференцирующие их семантические оттенки, ни особенности употребления данных единиц, что необходимо при лексикографическом описании большинства синонимов. Такая ситуация вполне объяснима: все эти лексические единицы не выполняют номинативную функцию, т.е. семантически пусты, и функционируют в пределах одного функционального стиля – (фамильярной) устной речи. Вместе с тем нам известно, что язык редко допускает существование абсолютных синонимов, к тому же стилистически не дифференцируемых. Полагаем, что детальный

анализ конкретных речевых примеров позволит нам выявить дифференцирующие признаки анафорических существительных.

В некоторых контекстах анафорические существительные *truc* и *machin* употребляются как абсолютные синонимы, ср.:

(5) *On dit aussi, entre autres, qu'il est interdit d'endommager ou de détruire la résidence d'un ou de plusieurs individus d'une espèce sauvage inscrite.*

Ce qu'il faut faire, c'est de protéger les espèces et leur habitat. <...>

Comment pouvons-nous le faire? Le projet de loi précise que même le fait de faire du tort sans le savoir à une espèce ou à un habitat serait considéré comme une infraction criminelle. Comment un agriculteur peut-il savoir ce qu'est une tradescantie occidentale, une abronie de sable ou tout autre petit machin ou truc? Comment le Canadien moyen peut-il connaître toutes ces espèces en péril? [1]*

Пример (5) подтверждает предположение о том, что *machin* и *truc* могут быть использованы в качестве абсолютных синонимов, при этом данные существительные соотнесены с референтами *une tradescantie occidentale*, *une abronie de sable* ассоциативными анафорическими связями (anaphore associative) [4, p.106], т.е. анафорические существительные указывают не на сами объекты, вербально выраженные в тексте, а на возможные однородные объекты. При этом лексическое окружение позволяет выявить вторичную семантику анафорических существительных – выражаемое значение чего-то малого, незначительного. Обращает на себя внимание то обстоятельство, что анафорическое существительное *machin* в данном примере служит для указания на насекомое, т.е. одушевленное существо, в то время как предыдущие примеры указывали на репрезентацию неодушевленных объектов или явлений посредством анафорических существительных.

Анафорическое существительное *machin* также употребляется и в стандартных для него контекстах чаще всего для указания на объект (явление), наименование которого по тем или иным причинам затруднено – невозможно или нежелательно, ср.:

(6) *Etre simple, c'est aussi s'exprimer clairement. Vous voulez faire de 2007 une année importante de la communication et je partage votre ambition. Mais le néologisme n'a jamais fait partie d'une bonne stratégie de communication. Or, dans le cadre de la priorité principale, celle de l'emploi, vous mettez en avant un mot barbare, la «flexsécurité». Qu'est-ce que cela veut dire? Les citoyens vont fuir devant ce mot hautement technocratique. Bruxelles a encore inventé un machin, voilà ce que l'on risque d'entendre. [1*]*

Лишенное собственной семантики, существительное *machin* используется для указания на явление, вербально выраженное в тексте сложным для восприятия технократическим термином. В контексте (6) возможно вычленить вторичную семантику анафорического существительного – нечто непонятное, и это обстоятельство усложняет сам процесс номинации объекта (явления). Данная лексическая единица обладает, очевидно, и определенной стилистической окраской – его употребление свидетельствует о негативной оценке говорящим лицом описываемой ситуации.

Другой вышеупомянутый синоним *bidule* также используется для указания на объект, номинация которого по той или иной причине затруднена, ср.:

(7) *Voici la première horloge au monde... qui louche! Oui oui, vous avez bien lu : cette horloge louche! L'œil droit ne peut pas s'empêcher de suivre le mouvement des heures alors que l'œil gauche suit celui des minutes. Notre paire se retrouve donc dans toutes sortes de positions pas très réglementaires...*

Il faut bien avouer que lire l'heure demande un peu d'exercice au début, puis quand on s'y habitue c'est très rigolo. Est-ce que vos invités sauront même que ce bidule est une horloge? [1]*

Употребление анафорического существительного *bidule* в тексте (7) рекламы необычных часов с «косоглазием» (*l'horloge strabisme*), у которых часовой и минутный циферблаты направлены в разные стороны. В данной ситуации анафорическое существительное указывает на вербально выраженное в тексте наименование объекта. При этом снова становится возможным подчеркнуть, что употребление данной лексической единицы обусловлено определенной сложностью номинации столь необычного объекта.

Данное предположение подтверждается другим примером, ср.:

(8) *Vérificateur de tension*

Description: Petit bidule de la taille d'un gros crayon, avec deux piles AA, qui «crie» lorsqu'on l'approche d'un fil sous tension, MAIS PAS TOUJOURS (d'où la nécessité du multimètre). [1]*

Техническое описание содержит анафорическое существительное *bidule*, референтно связанное с вербальным обозначением технического устройства, предназначенного для проверки наличия/отсутствия напряжения. Подобное словоупотребление не характерно для данного функционального стиля – техническое описание прибора, устройства и т.д. Данный фрагмент является примером отступления от лингвистических характеристик, свойственных для технической документации, и объясняется,

вероятно, тем, что предназначено не для специалистов. Это предположение подтверждается и наличием других элементов, присущих скорее устной речи, в частности употребление просторечных слов вместо терминов – <bidule> qui «crie», а также имитация выделения голосом важной информации при помощи типографических средств – прописных букв. Учитывая подобные обстоятельства, употребление анафорического существительного, относящегося к фамильярному регистру, оказывается вполне логичным.

Касательно возможностей адекватной передачи анафорических существительных *bidule* и *machin* средствами русского языка, то, учитывая условия употребления, в частности регистр языка, они могут быть переведены словами *нечто*, *штучка* и т.п.

Рассмотрение конкретных языковых примеров подтверждает гипотезу о возможности репрезентации существительного не только посредством местоимений, но и анафорических существительных, которые грамматически идентифицируются как существительные, будучи функционально идентичными местоимениям. При этом среди анафорических существительных можно выделить те, что образованы путем конверсии и реализуют репрезентативную функцию факультативно (*l'un/l'autre, le premier, le deuxième, le dernier* и весь их парадигматический ряд) [9], и собственно анафорические существительные, которые употребляются исключительно как репрезентанты существительного (*chose, truc, machin, bidule*). Анализ случаев употребления собственно анафорических существительных позволил также определить критерии их дифференциации и условия их употребления в речи, что прежде не являлось предметом отдельного рассмотрения.

Литература

1. Combettes B. L'organisation du texte. Collection Recherches textuelles / B. Combettes. Université de Metz, 2007. – 244 p.
2. Cornish F. Relations de cohérence et anaphores en contexte inter-phrastique : une symbiose parfaite / Cornish F. // Langages, 40e année. – 2006. – № 163. Unité(s) du texte. – Pp. 37-55.
3. Cornish F. Anaphora, Discourse and Understanding. Evidence from English and French / Cornish F. – Oxford: Clarendon Press (Oxford University Press), 1999. – 357 p.
4. Adam J.-M. La linguistique textuelle / J.-M. Adam. – 3e édition. – Armand Colin, 2015. – 319 p.
5. Турницкая Е. А. Перефразирование: традиции и перспективы исследования / Е.А. Турницкая // Вестник МГУ. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2008. – № 2. – С. 98-107.

6. Perdicoyanni-Paléologou H. Le concept d'anaphore, de cataphore et de déixis en linguistique française / H. Perdicoyanni-Paléologou // Revue québécoise de linguistique. – 2001. – № 29 (2). – Pp. 55-77.

7. Гак В. Г. Теоретическая грамматика французского языка / В.Г. Гак. – М.: Добросвет, 2000. – 832 с.

8. Kleiber G. Anaphores et pronoms / G. Kleiber. – Louvain-la-Neuve: Duculot, 1994. – 217 p.

9. Corblin F., Laborde M.-C. Anaphore nominale et référence mentionnelle : le premier, le second, l'un et l'autre / F. Corblin, M.-C. Laborde // Anaphores pronominales et nominales. Etudes pragma-sémantiques. [Walter De Mulder]. – Rodopi, 2001. – Pp. 99-121.

Источник примеров:

1*. Corpora. Université de Leipzig. – Режим доступа: <https://corpora.uni-leipzig.de> (дата обращения 17.11.2018).

Список словарей:

1**. Ганшина К. А. Французско-русский словарь. Изд. 7ое, стереотипное. М.: Русский язык, 1977. – 912 с.

2**. Dictionnaire de linguistique et des sciences du langage / Dubois J. [et al.]. Larousse, 2012.

ANAFORIC NOUNS IN FRENCH LANGUAGE: FEATURES OF INTERPRETATION AND TRANSLATION

D.A. Kiselyov

Samarkand State Institute of Foreign Languages (Uzbekistan)

Abstract. Anaphoric units primarily serve to ensure the cohesion of the text. Their adequate interpretation significantly affects the understanding of the text, and as a result, the possibility of its correct translation. Typical anaphoric units are pronouns that represent nouns. However, semantically and grammatically pronouns go beyond the noun. The study, conducted on the basis of the French language, has allowed to identify anaphoric nouns inside this part of speech. It has been determined that the most frequent anaphoric nouns are *chose, truc, machin, bidule*. Lexicographic sources, on the basis of formal morphological features and syntactic functions, define these units as nouns; however, given the semantic and functional features, they should be attributed to pronouns. Interpretation of anaphoric nouns largely depends on the surrounding context, and their adequate translation, in particular into Russian. It represents a considerable difficulty, overcoming of which requires the mobilization of a complex of translation competencies. This article focuses on the analysis of the functioning conditions of anaphoric nouns in French with the prospect of their adequate translation by means of the Russian language.

Key words: text cohesion, representation, anaphoric nouns, lacuna, interpretation, context, translation, adaptation

Киселёв Дмитрий Анатольевич,
докторант, старший преподаватель

Kiselyov Dmitriy
Doctorate (DSc) researcher, Senior

кафедра французского языка и
литературы Самаркандского
государственного института
иностранных языков
998 90 224 85 78
dkisselev@inbox.ru

Lecturer,
Department of French Language and
Literature, Samarkand State Institute of
Foreign Languages
998 90 224 85 78
dkisselev@inbox.ru

PECULIARITIES OF TRANSLATING MILITARY TEXTS

T.G. Klikushina
Anton Chekhov Taganrog Institute,
a branch of Rostov State Economic University

Abstract. Due to the development of scientific and technical knowledge, invention of new sophisticated, special, forbidden weapons and, consequently, with the advent and increase of special vocabulary and its profound research, the study of military terminology and its usage in political and military texts acquires new meaning. Indeed, nowadays mass media highlight not only political events, but military conflicts as well, and as a result military terminology keeps coming up not only in conversations of politicians, military men, diplomats but common people as well.

This article deals with the study of the peculiarities of military text translation. The scope of military terminology is constantly enlarged by new military terms that appear due to the development of new military defense technology and growth of know-how. Thus, the task of an interpreter or translator is not only to know all the peculiarities of military terms, clichés, abbreviations, word combinations, idiomatic expressions, slang, codes or conventional designations, nomens, but also the specific features of the military science, equipment, armament as well. No doubt to be a good military interpreter/translator means to be a good military officer, though we all understand that any interpreter/translator is like a jack of all trades who is a connoisseur in both the technical and linguocultural sphere. Besides good knowledge and skills, any Interpreter Consultant/Translator Consultant must know how to use contemporary electronic resources associated with the military sphere and where to find modern dictionaries, glossaries in the military or defense field.

Still another widely debated problem is the differentiation between the terms “special vocabulary” and “term”, moreover there is no definite understanding of what “military terminology” is and what aspects it touches upon as well as there is no definite definition of the notion “military term”.

Key words: military text, military texts translation, military terminology, special terminology, terms, neologisms, realia, difficulties of the language incongruity, transliteration, linguocultural commentary

Military terminology refers to the terms and language of military organizations and personnel as belonging to a discrete category, as distinguishable by their usage in military doctrine, as they serve to depoliticize, dehumanize, or otherwise abstract discussion about its operations from an actual description thereof.

The operational pressure for uniform understanding has developed since the early XXth century with the importance of joint operations between different services (army, navy, air force) of the same country. International

alliances and operations, including peacekeeping, have added additional complexity. For example, the NATO alliance now maintains a large dictionary of common terms for use by member countries. Development work is also taking place between NATO and Russia on common terminology for extended air defence, in English, French and Russian.

Some claim military terms serve to depoliticize, dehumanize, or otherwise abstract discussion about operations from an actual description thereof. Similar to "legal terminology" and related to "political terminology", military terms are known for an oblique tendency to incorporate technical language. In many cases, it reflects a need to be precise. It can also reflect a perceived need for operational security, giving away no more information than needed. It can also serve to disguise or distort meaning as with doublespeak. "Kinetic activity" as a buzzword for combat, in use since the inception of the War on Terror, has been criticized as a don't-ask-don't-tell policy for murder [1**].

Military terminology is part and parcel of the texts devoted to military sphere. Military terminology serves to name the concepts and phenomena of military science. Constant development of military science, weapons and military equipment results in appearance of new military terms.

L.F. Parparov gives such a definition of military terminology: "it is a corpus of terms denoting different concepts of military sphere and different aids and appliances necessary for the army to life, study and combat activity" [1, p.1177]. According to this definition terms providing functioning of the military industry form a part of the terminological system. Military terms are necessary to name phenomena, processes and items of warfare.

D.A. Maslov singles out such characteristics of military terminology:

1. Correlation of military and terminological units with the concepts of military science and military arts;
2. Functioning in military sphere;
3. Fixedness of term connection with the concept in military documentation;
4. Regulation of definitions.

According to these characteristics military terminology serves to name concepts of military sphere. Terms are correlated with the given concepts. Thus terms are functioning in military sphere. Terms have special definitions that are fixed and regularized [2].

Among general characteristics of military terminology we can name:

1. Hierarchical systemacy;
2. Monosemy;
3. Terminology is comprised from the words of the national language;

4. Stylistic neutrality.

One more widely debated problem is the differentiation of the terms 'special vocabulary' and 'term'. In the Dictionary of Standard Russian Language 'the term is a word or combination of words in which a strictly definite philosophical, scientific, technical, etc. notion or concept is fixed' [2**, s.431]. According to F.P. Sorokoletov, 'the term is an element of terminological system that denotes a concept and its place in the system among other concepts: the term represents a word or a word combination used by people of one speciality or profession as a means of communication, that is why the sphere of its usage is narrower than the sphere of usage of non-special words [3, s.174]. So, the term is a word or a word combination of special sphere of usage denoting a notion/concept and having a definition. Basic criteria of an 'ideal' term: monosemy, congruity of its literal meaning with its actual meaning, linguistic correctness, systemacy and derivativeness. T.V. Zhrebilo in the Dictionary of Linguistic Terms gives such a definition of 'special vocabulary': "special vocabulary is a corpus of words and word combinations denoting concepts of a special area of knowledge or activity: 1) terms; 2) professionalisms (professional jargonisms)" [3**, s.6]. Thus the notion 'special vocabulary' is wider than the notion 'term' and in addition includes professionalisms. Special vocabulary is a unified subsystem designated within the framework of lexico-semantic system of the language. On this basis the names of weapons will be interpreted as one of the classes distinguished in a body of special vocabulary.

The translation of military texts and materials is a specific area with a different focus on military translation as a separate type of translation. It is of great importance for any military interpreter/translator to know not only the languages he/she specializes in but specific features of the military science, equipment, armament as well. Any Interpreter Consultant/Translator Consultant has to work with at least six types of materials:

1. Military-scientific
2. Military technical
3. Military fiction
4. Military-journalistic/publicistic
5. Military-political (propaganda)
6. Acts of military administration [4].

Absolutely military materials are Military technical and Military-scientific ones that are connected with the provision of the necessary infrastructure and equipment for the troops and the data concerning the opposing militant forces establishment.

Thus, the military interpreter/translator will have to deal with compound and complex terms and to know a wide range of scientific, technical terms to perform one-for-one appropriate translation. Moreover, some other peculiar features of the military materials or texts that await the military interpreter/translator are:

- specific variable and sustained word combinations and collocations characteristic for this military sphere;
- abundance of nomenclature, symbols, abbreviations;
- technical specifications of the equipment and specialized vehicles.

As for the syntax, it is necessary to pay attention to:

- abundant usage of clichés;
- laconic form of spelling / telegraph like style;
- a small number of temporal verbal forms.

Accuracy and lucidity of the statements, concise factual reports, matter-of-fact, logical and informative tone of the orders as well as grammar, stylistics and vocabulary play a significant role in military communication because on their basis important national and international decisions can be made. Care should be taken that all the structures, word order (of paragraphs, subparagraphs) and placement of the information (time, date, part numbers, markings, symbols, designation of the military units, etc.) were interpreted as they were given in the original.

A good example is given in the book «Uchebnik voennogo perevoda» by L.L. Neljubin, A.A. Dormidontov, A.A. Vasil'chenko:

MESSAGE № 1Ø
ДОНЕСЕНИЕ 10
Date 9 DEC
2255 от 9.12
To CO 45th Inf Bn
Командиру 45 пб
FIVE EN TRK
Доношу, что в квадрате 008419
MOVING SW IN
замечена колонна противника в
COLM ON TAMBO
составе пяти грузовых автомобилей,
RD VIC ØØ 8419
двигающихся вдоль дороги ТАМБО
LDR PTL № 4 2255
в направлении на юго-запад.
/s/ SHERMAN Sgt
Командир 4 рд

сержант Шерман [5, s.328].

Military translation is an ad hoc or a special brand of translation with an obvious military communicative function [5, s. 10]. I. Yu. Makurina states that most of the linguists and translators among whom I.S. Alekseeva, V.V. Borisov, A.B. Bushev, L.L. Neljubin consider that peculiar features of the military text are high information density, precise and exact presentation of the material due to the usage of great number of terms, symbols and code names, lack of artistic and aesthetic means of influence [6, s.138]. So, to perform an adequate and correct translation of foreign military materials, it is necessary to:

1. Knowledge of the major subject and peculiarities of the professional subculture.

2. Knowledge of different types of profession-oriented texts and thorough consideration of their semantic and structural arrangement.

3. Knowledge of the essential features of the translation done in writing, perfect command of methods and strategies of translation.

To choose the strategy of translation in every definite case that is to define the method and means of translation is very important for a good translator. These are the translation transformations that comprise the technology and methodology of translation.

According to V.N. Komissarov, translation transformations are the changes with the help of which one can perform the change from the unit of the original to the units of translation [7, s.411]. There are a lot of classifications of translation transformations, but usually they are subdivided into three large groups: lexical, grammatical, lexicogrammatical.

In the process of foreign texts' translation containing military terms and definitions the translator faces difficulties concerning language incongruities caused by:

1. Lack of analogy between the key term and realia, words and expressions for culture-specific material elements (*Army – land forces*);

2. Inconsistency or partial match of terms (*Military Academy – military college*);

3. Differences in the systems of ranks in the armed forces of different countries; differences in the arrangement of the organizational-regular structures (*troop – platoon, squad* in Great Britain / *reconnaissance, surveillance company* in the US);

4. Brief span of a lifetime of some terms (differences in the Dictionaries of terms of the First and Second World Wars – *pressure rigid airships, Zeppelins, Bull Dogs, Colt M 1909, Browning M 1917, Newton Mortar,*

Elephant gun; the Hedgehog (also known as an Anti-Submarine Projector), the Blacker Bombard, also known as the 29mm Spigot Mortar);

5. A great number of abbreviations and clippings that are hard to decode; abundant usage of slang (*EAGLE – Elevation angle Guidance Landing Equipment; SHAPE – Supreme Headquarters, Allied Powers, Europe; monkey suit – military uniform; a fly – a pilot; My feet are dry – I fly over the land; No joy – the target is not found*)[8].

The translation of military texts requires strong precision and quality from an interpreter otherwise the mistakes will lead to subjective interpretation of the text or misunderstandings in the course of negotiations. If the worst comes to the worst misinterpretation of the military text may cost a man his life and even cause civilian or military casualties. Thus the interpreter of military texts and speeches must have a thorough command of not only foreign military terminology, but Russian as well.

So, military text is the work of speech-making process that is characterized by completeness and is objectivized in the form of a written document (circular, guidance, etc.) or orally (orders, instructions, speeches, etc.). It is a piece of work (a military document that is written for preparation, organization, management of military combat operations and also for the troop movement, forces placement, supply arrangements) that consists of the title and a number of particular elements (superphrase unities) grouped together by different types of lexical, grammatical, logical and stylistic links having definite military orientation, laconic structure and neutral, unemotional style and pragmatic arrangement.

The Army interpreter must have deep understanding of cultural, lexical, syntactical and grammatical peculiarities of foreign military documents, regulations and manuals, doctrines, radio traffic exchange, etc. While translation they also have to deal with difficulties concerning **neologisms**: *a team; brushfire wars, hybrid war, techno war; technomilitary; jihad; terrorism, separatism; pravoseki; shahids, suicide belt; Polite People / Little green men; phraseological units: the dogs of war, carry the day; realia*: 1) realia of foreign reality identical to the Russian ones *field hospital – полевой госпиталь*; 2) realia that don't exist in Russian reality, but have generally accepted equivalents *articles of war – положение о военно-судебном делопроизводстве и дисциплинарных взысканиях*; 3) realia of foreign reality that don't exist in Russian reality and don't have any generally accepted equivalents *ground time – время нахождения самолета на старте* [9, s.110-112]; **slang**: *бандерлог, Бэха, Веселый (МиГ-21), Сочи (самовольное оставление части); rat trap (подводная лодка), grease box (танк), bean (пуля), leatherneck (морской пехотинец), snafu (в полном беспорядке); nomens.*

A nomen, or a nomenclature unit, is a name of a single notion or a certain unit of mass production. It serves as a specifier and is correlated with the term as a superordinate concept with a generic one, it shows the specific character of the given object. Thus nomenclature includes a special layer, i.e. the system of conventional signs, symbols, for e.g. *152mm D-1 (152mm Field howitzer D-1)*. So, some terms and military ones as well include nomens to distinguish them from other (military) objects [10, s.228].

Thus, working with the military materials, especially nomens that are part and parcel of the multicomponent terms it is necessary to bear in mind that an inverted word order of the military terms components is used in the Russian

language: the nomens are placed at the end after the names; calibers and nationality come first; if it is necessary then some explanatory remarks are given. In the American variant of the English language both versions of placement the nomens are possible. For example:

HH-60 Pave Hawk – *многоцелевой вертолет HH-60 Pave Hawk/ «Пейв Хок»*

Lockheed C-130 Hercules – *Военно-транспортный самолет C-130 Н кампании Локхид Мартин*

US Little John rocket – *американская неуправляемая ракета «Литтл Джон»*

K-550 «Александр Невский» – *K-550 Alexander Nevsky is a Russian nuclear ballistic missile submarine of the fourth generation Borei class (Project 955A). Named after the Russian saint Alexander Nevsky*

Тяжёлая БМП Т-15 на платформе «Армата» – *T-15 Heavy IFV on the «Armata» Universal Combat Platform*

In such cases when only names or nomens are given an explicit, detailed translation is preferable:

the M 113 – *бронетранспортер М 113*

the PP-2000 (a submachine gun/machine pistol made by the KBP Instrument Design Bureau) – *ПП-2000 – российский 9-мм пистолет-пулемёт, разработанный коллективом конструкторов тульского КБ приборостроения под руководством В.П. Грязева и А.Г. Шипунова*

941 «Акула» (SSBN «Typhoon») – *тяжёлые ракетные подводные крейсера стратегического назначения проекта 941 «Акула»*

B-2 «Спирит» (Northrop B-2 Spirit) – *американский тяжёлый малозаметный стратегический бомбардировщик, разработанный компанией Northrop Grumman (Корпорация Нортрон Грумман/Нортрон Грумман Корпорейшн)*

One more peculiarity of military texts translation is that most of them are abundant in multicomponent terms that are very difficult to translate. These terms have two, three, four or even more components. If there is a great number of the components than the semantic and syntactical ties inside the terminological series are broken and the combination comes apart into two or more separate word combinations. That is why to preserve the semantic and syntactical ties inside the combination separate components are to be linked with the hyphen or separate with a comma. For example, *in-the-clear message* – *радиограмма открытым текстом*; *landing craft, force flagship* – *флагманский десантный корабль* [9, s.118-119].

L.L. Neljubin suggests the following ways of these terms translation:

1. With the help of analogous prepositional attributive groups: *fast-moving situation* – *быстроменяющаяся обстановка*; *twin-eyed optical system* – *бинокулярный оптический прибор*.

2. With the help of rearrangement of the components: *heavy mortar platoon fire direction center* – *пункт управления огнем взвода тяжелых минометов*; *long-range transport aviation* – *транспортная авиация дальнего действия*. The main way of this translation is that one or two last components of the term bearing the main meaning are to be translated and then each of the components or the sense-group from right to left one after another.

3. With the help of Noun + preposition + Noun: *blackout road march* – *марш по дорогам с затемненными фарами*. This way is widely used when the attributive group of the combination expresses adverbial relations.

4. With the help of participial constructions and verbal adverb phrases: *air-transported field artillery battalion* – *дивизион полевой артиллерии, перебрасываемый по воздуху*; *eight-man infantry squad* – *пехотное отделение, состоящее из восьми человек*.

5. With the help of circumlocutory translation: *high performance external aircraft gun* – *авиационная пушка с высокими тактико-техническими характеристиками, установленная на внешней подвеске*; *tank heavy task force* – *тактическая группа с преобладанием танков* [9, s.119-120].

These ways of translation are the basic ones in the process of translation of the multicomponent terms. The final choice of this or that way of translation depends on lexical content of the attributive multicomponent group and information load of the whole context. That is why it is necessary to carry out thorough semantic and syntactical analysis of the term because the sense group inside the term maybe situated in different places and one and the same term according to this fact can be translated in different ways.

Due to the changes in relations between the Russian Federation and other NATO countries an urgent need for updating of the outdated military dictionaries and reference books arouse. At the same time it is necessary to publish new military lexicographic editions that will reflect military and political changes both in the Russian armed forces and the ones of the Western countries. The worldviews in military sphere and armament of two parties for historical, military and political reasons are quite different. There are a lot of notions that are unique in each Army, for example:

*large unit (USA), formation (England) – соединение или объединение;
general staff – общая часть штаба (США), оперативно-разведывательная часть штаба (Англия);*

Secretary of Defense (USA), Defence Minister (England) – министр обороны;

chaplain – военный священник (брит., амер.);

офицер по воспитательной работе (ВС РФ);

Master Sergeant – мастер сержант (воинское звание сержантского состава вооруженных сил США);

мастер-сержант – должность уровня помощника министра обороны (когда будет введена в ВС РФ).

Thus, it is very important to compile and edit dictionaries, encyclopedias, on-line thesauruses, reference books, manuals etc. to help military specialists of one country to understand the difference of basic military and technical notions of both parties and to simplify the work with military resources. Usually the references can be subdivided into:

- monolingual military dictionaries and glossaries;*
- bilingual or polyglot, interlingual military dictionaries and glossaries;*
- encyclopedias that contain reference information about armed forces of different countries;*
- sector-specific military dictionaries and glossaries.*

In the book «Electronic resources of the translator: reference materials for the beginner» written by V.N. Shevchuk the whole chapter is devoted to the military translation and electronic resources in the XXI century [11, s. 98-111]. In our opinion, the most useful among the given ones are:

Англо-русский военный словарь под ред. Г.А. Судзиловского – электронное издание

Англо-русский словарь военных терминов – электронное издание

Англо-русский словарь миротворческих сил НАТО/NATO – Russia Glossary of Contemporary Political and Military Terms – электронное издание

Большая военная энциклопедия – электронное издание

Толковый словарь военных терминов – электронное издание

ARMS: Энциклопедия современного вооружения – электронное издание

Jane's Defence Glossary – electronic resource

Jane's Information Group – electronic resource

Politico-Military and Military Terminology – electronic resource

Russian to English terms in the Military/Defense field – electronic resource

Online Dictionary of Military Terms, Acronyms and Slang – electronic resource

Army Times – electronic resource

Aviation week & Space Technology – electronic resource

Defense News – electronic resource

and many other valuable glossaries and electronic resources.

Talking about new research in the sphere of military terminology we'd like to draw attention to appearance of a great number of military terms with unusual names both in Russian and English languages. We decided to pay the most attention to the names of artillery weapons and naval armament. According to military specialists and historians nothing is known about the origin of weapons' names and the ways of their translation into foreign languages. Some military historians, state that this tendency comes since ancient times, they prove that experience, implied sense lie beyond the names of weapons. For example, the American 155mm self-propelled howitzer M109A7, formerly known as the M109A6 Paladin, probably named after any of the twelve peers of Charlemagne's court, of whom the Count Palatine was the chief or it resembles a knight renowned for heroism and chivalry [4**]; the M982 Excalibur (previously XM982) is a 155 mm extended range guided artillery shell developed by Raytheon Missile Systems and BAE Systems AB, maybe the shell resembles King Arthur's magic sword or bears such functions. In the examples above the translator is to give a linguocultural commentary and translate it into Russian with the help of transliteration: САУ М109А6 «Паладин»(название высших придворных, военных и гражданских чинов при дворе римских и византийских императоров; рыцарь из высшего сословия, фанатично преданный какой-либо идее или какому-либо человеку); 155-мм управляемый активно-реактивный снаряд (АРС) увеличенной дальности Экскалибур, запускаемый из ствола гаубицы (меч из легенд о Короле Артуре в кельтской мифологии).

We adhere to the point of view given by Yuriy Knutov, a military historian, who states that in most of the cases such kind of names are given associatively with a part of a folksy humour in them, for example, Peter the Great cannon called «shutikha» (a spitdevil cannon that fired stewed turnip

used as a projectile) or a bullet «Privet!» (Hello!)[12]. He also mentions that modern Russian weapons bear the names of flowers because, on the one hand, they look nice, on the other hand, people rename them according to their specifications: rate and range of fire and damaging effect, for example, the 2S5 Giatsint-S (Russian: 2С5 «Гиацинт-С»; English: hyacinth) is a Soviet/Russian 152 mm self-propelled gun, some military men named it «Genocide» for its destroying specification, this name is based on the interplay of letters. And again we face the necessity to give a linguocultural commentary and to use transliteration.

Analyzing military terms, especially artillery weapons and naval armament, we decided to unify them into thematic groups. In understanding of what a thematic group is, we adhere to the definition given in Slovar' lingvisticheskikh terminov: «It is a group of words that includes: 1) words of one and the same part of speech of the identical subject area; 2) words of other parts of speech necessary to disclose this or another theme. For example, *a group of words denoting indoor furniture, plants in the garden, autumn marks, etc.*» [5**]. In other words, «*a thematic group is a corpus of words of different parts of speech according to their interlinking with one theme on the basis of extralinguistic parameters.*» [6**].

The singling out of a lexico-thematic group is based on the «systemacy of the ambient reality» that «shows up in different groups of words unified into lexico-thematic groups on the basis of identity of realia they denote according to similarity, contiguity, purpose, arrangement, function, etc.» [13].

F.P. Filin analyzing two concepts «lexico-thematic group» and «lexico-semantic group» differentiates them stating that «lexical elements with similar comparable meanings» form the basis of the lexico-semantic group. According to this theory synonyms, antonyms and other word groups are related to one another by similarity of semantic relations belong to lexico-semantic groups. Thus, corpus of words based not on the lexico-semantic relations, but on the basis of classification of the objects and real phenomena as they are belong to the thematic groups.

But many linguists consider that there is no complete, impenetrable border line between lexico-thematic and lexico-semantic groups of words. Specification of thematic groups logically, inevitably and consecutively leads to lexico-semantic groups of words. D.N. Shmelev stated that «*groups of words distinguished on the basis of objective/presentive and logical unanimity in many cases are characterized by common for them linguistic signs proper, in other words, a lot of thematic groups turn out on closer examination to be lexico-semantic ones*» [13].

So, thematic groups are the combinations of lexemes denoting definite object domain. Singling out of these groups is based on extralinguistic criteria and that is why terms of series in question have no common semantic markers. F.P. Filin correctly denotes «neutral» or «zero» connections between words belonging to thematic groups [13].

Thus, we singled out the following thematic groups of military terms and tried to give the possible variants of translation into English with the help of linguocultural commentary, transliteration and according to the NATO reporting names:

1. **Names of flowers and trees:** *samohodnaya gaubitsa 2S1 «Gvozdika»/self-propelled howitzer 2S1 Carnation, samohodnaya gaubitsa 2S3 «Akatsiya»/self-propelled howitzer 2S3 Acacia, samohodniy minomet 2S4 «Tyulpan»(often spelled as Tulpan)/self-propelled mortar 2S4 Tulip, dal'noboinaya samohodnaya pushka 2S5 «Giatsint-S»/52 mm self-propelled gun 2S5 Hyacinth-S, dal'noboinaya samohodnaya pushka 2S7 «Pion»/ self-propelled gun 2S7 Peony, PTRK «Khrizantema-S»/9P157-2 Chrysanthemum-S anti-tank missile system or tank destroyer (AT-15 Springer), 82 mm avtomaticheskii minomet 2B9 «Vasilek»/an automatic 82 mm gun-mortar 2B9 Vasilek (Cornflower), sistema aktivnoi provodnoi ohrany «Kaktus»/stationary remote-controlled mine protective and defensive system Cactus, RT-2PM2 «Topol-M»/GM system White poplar-M (SS-27 «Sickle B»);*

2. **People:** *M109A6 Paladin Self Propelled Howitzer, Archer tank, Sergeant missile, Patriot Missile Air Defense System, HMS Prince of Wales (R09), protivotankovaya raketa 9M14M «Malyutka»/wire-guided anti-tank guided missile (ATGM) system 9M14 Malyutka («Little one», AT-3 Sagger), protivotankovaya raketa «Metis-M» s nochnym pritselom «Mulat»/9K115-2 Metis-M anti-tank missile system with 1PBN86-VI thermal sight «Mulatto» (AT-13 Saxhorn-2), granata dlya podstvol'nogo granatomiota 7P24 «Podkidysh»/grenade for under barrel grenade launcher 7P24 the Foundling;*

3. **Proper names:** *tank M1 Abrams (named after general C. Abrams), Cromwell tank, US Little John rocket, The XM551 General Sheridan, Colt.45 automatic pistol, Long Tom, Gatling gun, the Armstrong Gun (it was designed by Sir William Armstrong), HMS Queen Elizabeth (R08), RSZO BM-13-16 «Katyusha»/Katyusha multiple rocket launcher BM-13-16 (Some soldiers consider that it got its nickname from the tent cloth that covered the weapon and resembled the woman's skirt. Initially, concerns for secrecy kept their military designation from being known by the soldiers who operated them. They were called by code names such as Kostikov guns (after the head of the RNII, the Reaction-Engine Scientific Research*

Institute), and finally classed as Guards Mortars. The name BM-13 was only allowed into secret documents in 1942, and remained classified until after the war. Because they were marked with the letter K (for Voronezh Kominern Factory), Red Army troops adopted a nickname from Mikhail Isakovsky's popular wartime song, «Katyusha», about a girl longing for her absent beloved, who has gone away on military service. Katyusha is the Russian equivalent of Katie, an endearing diminutive form of the name Katherine: Yekaterina → Katya → Katyusha. German troops coined the nickname Stalin's organ (German: Stalinorgel), after Soviet leader Joseph Stalin, prompted by the visual resemblance of the launch array to a church organ and the sound of the weapon's rocket motors [10]), tank T-90 «Vladimir» (after the name of the chief design engineer – V.I. Potkin), 44-stvol'naya batareya Nartova/44-barreled Nartov's mortar battery, sovetskaya takticheskaya atomnaya bomba 8U49 «Natasha»/ Soviet tactical atomic bomb 8U49 «Natasha», 2S9 «Nona» – Novoe Orudie Nazemnoi Artillerii/2S9 NONA (Newest Ordnance of Ground Artillery) is an extremely light-weight self-propelled and air-droppable 120 mm mortar;

4. Mythology: 17 pounder Self-Propelled Achilles, rocket Sea Dragon, The Goliath tracked mine, Trident II Missile, P-8A Poseidon, ZRK «Antei-2500»/S-300VM «Antey-2500» (NATO reporting name SA-23 Gladiator\Giant) anti-ballistic missile system;

5. Objects or things: MGM-51 Shillelagh (baton, black jack), Rapier FSC Air Defense System, Corkscrew tank, GP-30 «Obuvka»/40-mm under-barreled grenade-gun «Footwear», T-72B «Rogatka»/tank T-72B «Slingshot», BM podderzhki tankov «Ramka»/ tank support combat vehicle «Terminator»/«Frame», rotniy minomet 2B14 «Podnos»/2B14 mortar «Tray», samohodnoe orudie 2A3 «Kondensator»/2A3 self-propelled howitzer «Condenser», 122-mm reaktivniy snaryad 9M22K s kassetnoi BCH «Ukrashenie»/122-mm rocket missile 9M22K with a cluster--weapon dispenser «Decoration», PZRK «Igla»/man-portable infrared homing surface-to-air missile «Grouse»/«Needle»(9K338 Igla-S, with NATO reporting name SA-24 Grinch), PZRK 9K32 «Strela-2»/ 9K32 Strela-2 («Arrow»; NATO reporting name SA-7 Grail) is a man-portable, shoulder-fired, low-altitude surface-to-air missile system;

6. Fete: RK beregovoi oborony «Bal»/coastal missile system «Ball»/SSC-6 «Sennight»;

7. Professions: The FV102 Striker, the anti-tank guided missile carrier, mezhkontinental'naya ballisticheskaya raketa «Kur'er»/intercontinental ballistic missile «Courier»/SS-X-26, sredstvo zaschity radiolokatsionnykh stantsiy «Gazetchik-E»/means of protection of radar stations «Newsmen/Paragrapher-E», 30-mm aviatsionnaya avtomaticheskaya

pushka 9A-4071 «Balerinka»/30-mm automatic cannon 9A-4071 «Ballet dancer/ballerina», avtonomniy kompleksirovanniy vtorichniy radiolokator UVD i gosopoznavaniya «Styuardessa»/ATC and governmental identification self-governing interconnected secondary radar «Stewardess»;

8. **Musical instruments:** atomnaya podlodka proekta 705 «Lira»/a class of hunter / killer nuclear-powered submarines Navy Project 705 «Lyre»/Alfa ;

9. **Food, party:** sistema upravleniya artilleriyskim ognem «Kapustnik»/gunfire control system «Skit» (Cabbage pie; could be translated in English as «cabbage festival») is the Russian tradition of celebration. Generally, it is a medley of well-known songs, in which all the lyrics have been changed to celebrate (or poke fun at) the guests of honor.

A typical kapustnik may have several scenes, lasting approximately 10 minutes, and is performed by one or more singers or actors with piano accompaniment, or karaoke-style playback) [7**];

10. **Transport vehicle:** minomet 2S12 «Sani»/heavy mortar system 2S12 «Sleigh»;

11. **Abstract concepts:** konteinernaya sistema upravleniya raketami «Fantasmagoriya»/containerized rocket

control system «Phantasmagoria»; bronezhilet «Vizit»/bulletproof vest «Visit», granatomet-lopata «Variant»/spade

mortar «Variant», bronezhilet «Gzhel'»/bulletproof vest «Gzhel'»(Gzhel is a Russian style of blue and white ceramics

which takes its name from the village of Gzhel and surrounding area, where it has been produced since 1802) [8**];

12. **Fairy-tale characters:** USS Phoenix (CL-46), 30-stvol'niy samohodniy ognemet TOS-1 «Buratino»/Heavy

Flamethrower System «Pinocchio»/30-barrel (original system, Ob.634 or TOS-1M) or 24-barrel (Ob.634B or TOS-1A)

multiple rocket launcher system and thermobaric weapon «Pinocchio» mounted on a T-72 tank chassis,

maskirovochnye kostyummy «Kikimora», «Leshiy»/camouflage suits «Female hobgoblin», «Sylvan»/Ghillie suit – The

term ghillie references Ghillie Dhu, derived from gille, the Scottish Gaelic for "servant" or a "lad". In English, this term

was especially used to refer to those assisting in deer hunting, deer stalking or fly fishing expeditions in the Scottish

Highlands. The Australian Army sniper's outfits are nicknamed «yowies», named for their resemblance to the Yowie, a

mythical hominid similar to the Yeti and Bigfoot which is said to live in the Australian wilderness [9**];

13. Emotionally coloured evaluative group: Avenger Low Level Air Defence System, DDG-51 Destroyer,

mezhkontinental'naya ballisticheskaya raketa RT-23 UTTH «Molodets»/ ICBM RT-23 «Attaboy!»/ SS-24 Scalpel,

radiopelengatsionniy meteorologicheskii kompleks RPMK-1 «Ulybka»/ direction-finding meteorological equipment

system RPMK-1 «Smile», termobaricheskaya GCH 9M216 «Volnenie»/ thermobaric warhead 9M216 «Excitement»,

240-mm reaktivniy snaryad MS-24 s khimicheskoi BCH" Laska"/240-mm rocket missile MS-24 with a chemical

warhead «Kindness», UAZ-3150 «Shalun»/ UAZ-3150 «Naughty kid», korabel'naya RLS MR-352 «Pozitiv»/

shipboard radio detection and ranging MR-352 «Positive», 23-mm rezinovaya pulya «Privet»/23-mm rubber bullet

«Hello!», pehotnaya lopata «Azart»/infantry spade «Excitement», svetovukoshumovaya granata mnogokratnogo

deistviya «Ekstaz»/reusable flash-acoustic-bang device «Ecstasy»;

14. The animal world: UH-1H Huey Cobra helicopter, the Falcon, Sikorsky UH-60 Black Hawk helicopter (may

be named after Native American tribes), F-22 Raptor, USS Bluefish Diesel-Electric Attack Submarine, USS Hornet

(CV-12), 140-mm reaktivniy snaryad M-14S/radiostantsiya voennoi razvedki 4TUD/raketa-mishen' RM-207A-U

«Belka»/140-mm rocket missile M-14S/ radio station of Military Intelligence 4TUD/target missile RM-207A-U

«Squirrel», mnogotselevoi mishenniy raketniy kompleks 96M6M «Kaban»/multipurpose target GM system 96M6M

«Wild boar», 64-mm reaktivnaya protivotankovaya granata RPG-18 «Mukha»/64-mm short-range, disposable light

anti-tank rocket launcher RPG-18 «Mukha»/«Fly», 533-mm samonavodyaschayasya torpedo SET-65 «Enot»/533-mm

self-guided torpedo SET-65«Raccoon», mobil'niy robototekhnicheskii kompleks MRK-2 «Kuznechik»/mobile robotic

system MRK-2 «Grasshopper», besshumniy avtomatno-granatometniy kompleks 6S1 «Kanareika»/noiseless automatic

grenade launcher system 6S1 «Canary», avtomaticheskii granatomet TKB-0134 «Kozlik»/automatic grenade launcher

TKB-0134 «Young goat», nazemniy vozimiy DV-SV radiopriemnik R-880M «Krevetka»/land-mobile DW/SW radio

receiver R-880M «Shrimp», radiolokatsionniy pritsel'niy kompleks N001VP dlya modifikatsiy Su-27 «Panda»/radar targeting system N001VP for modifications Su-27(Flanker) «Panda», 324-mm aviatsionnaya protivolodochnaya torpedo «Kolibri»/324-mm aviation anti-submarine torpedo/air-to-underwater missile «Kolibri», kompleks artilleriiskoy razvedki i upravleniya ognem 1L219 «Zoopark»/artillery reconnaissance and fire control system 1L219 – «Zoo»;

15. **Health:** bronetransporter BTR-80A «Buinost'»/APC-80A «Raving», tyazhelyaya TRS stantsiya R-410M

«Diagnoz»/heavy TRS station R-410M «Diagnosis», spetsial'naya meditsinskaya mashina dlya vozdušno-desantnykh

voisk BMM-1D «Traumatism»/Armoured ambulance for airborne forces BMM-1D «Traumatism», programmnotehnicheskii

kompleks 65s941 «Tonus»/ I&C complex 65s941 «Tonus»;

16. **Element:** Starstreak is a close-range anti-air guided-weapon system, Swingfire British wire-guided anti-tank

missile, RSZO «Uragan»/self-propelled multiple rocket launcher system «Hurricane», RSZO «Grad»/ truck-mounted

122 mm multiple rocket launcher «Hail», RSZO «Smerch»/ heavy multiple rocket launcher «Whirlwind», RSZO

«Tornado»/universal multiple rocket launcher «Tornado», TOS-1M «Solntsepek»/heavy flamethrower system TOS-

1M «Blaze of the sun», granatomet MRG-1 «Ogonek»/grenade launcher MRG-1 «Flicker»;

17. **Rivers:** USS Missouri (BB-63), ZPRK «Tunguska-M1»/tracked self-propelled anti-aircraft weapon

«Tunguska-M1»/SA-19 «Grison», ZSU 23-4 «Shilka»/self-propelled, radar guided anti-aircraft weapon system

«Shilka», ZRK S-125 «Neva»/surface-to-air missile system «Neva»/SA-3 Goa, ZRK SA-75 «Dvina»/high-altitude air

defence system SA-75 «Dvina»/SA-2 Guideline, ZRK S-200A «Angara»/medium-to-high altitude surface-to-air

missile (SAM) system S-200A «Angara»/SA-5 Gammon etc.

Military terminology is part and parcel of the texts devoted to military sphere. Military terminology serves to name the concepts and phenomena of military science. Constant development of military science, weapons and military equipment results in appearance of new military terms that are to be properly translated.

References

1. Parparov L.F., Artemova A.P., Azarkh L.S. Nemetsko-russkiy voennyi slovar' / Pod red. L.F. Parparova. – M.: Voenizdat, 1978. – 1192 s.
2. Maslov D.A. Voennaya terminologiya sovremennogo yaponskogo yazyka: v funktsional'no-sopostavitel'nom aspekte: dis. ...kand. filol. nauk. – M., 2002. – 133 s.
3. Sorokoletov F.P. Istoriya voennoi leksiki v russkom yazyke [Tekst] / F.P. Sorokoletov. – L.: Librokom, 2009. – 586 s.
4. Perevod voennykh tekstov s anglijskogo yazyka. – Access mode: <http://wt-blog.net/perevodchiku/perevod-voennykh-materialov.html> (Date of reference: 05.12.2018).
5. Neljubin L.L. Uchebnik voennogo perevoda / L.L. Neljubin, A.A. Dormidontov, A.A. Vasil'chenko. – M.: Voenizdat, 1981. – 379 s.
6. Makurina I.Yu. Voennyj tekst: strategii obucheniya perevodu / I.Yu. Makurina // LINGUA MOBILIS. – 2015. – № 1 (52). – S. 137–140.
7. Komissarov V.N. Sovremennoe perevodovedenie / V.N. Komissarov. – M.: ETS, 2002. – 424 s.
8. Kalgina E.A., Nerovnaya N.A. Osobennosti izucheniya i perevoda voennykh terminov pri obuchenii inostrannomu yazyku kursantov voennogo vuza / E.A. Kalgina, N.A. Nerovnaya // NovaInfo.Ru. – 29.11.2016. – № 55-3. – Access mode: <https://novaInfo.ru/article/8971>(Date of reference: 05.12.2018).
9. Neljubin L.L. Vvedenie v tehniku perevoda (kognitivny teoretiko-pragmaticheskiy aspekt): uchebnoe posobie / L.L. Neljubin. – 2-izd.M.: Flinta: Nauka, 2012. – S. 110-112.
10. Klikushina T.G. Contemporary problems in the sphere of military terminology. The place of thematic groups of military terms in the lexical system of the language / Klikushina T.G. // Language and Speech in Synchrony and Diachrony. Papers from an International Linguistics Conference / Edited by Galina T. Polenova and Tatiana G. Klikushina – Cambridge Scholars Publishing, 2017. – Pp.223-241.
11. Shevchuk V.N. Elektronnye resursy perevodchika: Spravochnye materialy dlya nachinayushego perevodchika. – M.: Librait, 2010. – 136 s.
(Electronic resources of the translator: reference materials for the beginner)
12. Military Secret. Programme dated back: 24.10.15 (14:45); 23.07.16 (15:30).
13. Leksicheskaya sistema yazyka i mesto tematicheskoj gruppy v nei [Electronic resource]. – Access mode: <http://knowledge.allbest.ru/languages/c-3c0a65635b3ac68a4d53a89521316c27.html> (Date of reference: 20.12.2018).

List of Dictionaries

- 1**. Wikipedia. Military terminology. – Access mode: https://en.wikipedia.org/w/index.php?title=Military_terminology&oldid (Date of reference: 23.12.2018).
- 2**. Slovar' sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka (DSRL). M.: Russkiy yazyk, 1991.
- 3**. Zhrebilo T.V. Terminy i ponyatiya lingvistiki: Obschee yazykoznanie. Sotsiolingvistika: Slovar' – spravochnik [tekst] / N.: OOO "Pilgrim", 2011. – 280 s. (Dictionary of Linguistic Terms) [Electronic resource]. Access mode: <http://www.studmed.ru/docs/document30276/page=6> (Date of reference: 23.12.2018).
- 4**. Oxford English Dictionary [OED]. – Access mode: <http://www.oxforddictionaries.com/definition/english/paladin> (Date of reference: 27.12.2017).
- 5**. Slovar' lingvisticheskikh terminov. – 5-e izd., ispr. i dop. – Elektron. dan. – Nazran': Pilgrim, 2010 [Electronic resource]. – Access mode: lingvistics_dictionary.academic.ru (Date of reference: 18.12.2018).

6**. Terminy i ponyatiya: Metody issledovaniya i analiza teksta: slovar' – spravochnik. – Elektron. dan. – Nazran': Pilgrim, 2011[Electronic resource]. – Access mode: lingvistics_dictionary.academic.ru (Date of reference: 18.12.2018).

7**. Kapustnik. Wikipedia, The Free Encyclopedia. – Access mode: <https://en.wikipedia.org/w/index.php?title=Kapustnik&oldid=768370660> (Date of reference: 27.12.2018).

8**. «Gzhel». Wikipedia, The Free Encyclopedia. – Access mode: <https://en.wikipedia.org/w/index.php?title=Gzhel&oldid=858792775> (Date of reference: 27.12.2018).

9**. «Ghillie suit». Wikipedia, The Free Encyclopedia. – Access mode: https://en.wikipedia.org/w/index.php?title=Ghillie_suit&oldid=872796907 (Date of reference: 27.12.2018).

ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА ВОЕННЫХ ТЕКСТОВ

Т.Г. Кликушина

Таганрогский институт им. А.П. Чехова, филиал Ростовского государственного экономического университета

Аннотация. Благодаря развитию научного и технического знания, изобретению новых видов сложного, специального и запрещённого оружия и, следовательно, появления и увеличения специального словаря, его глубокого и всестороннего рассмотрения, изучение военной терминологии и её использования в политических и военных текстах приобретает особое значение. Действительно, на сегодняшний день средства массовой информации освещают не только политические события, но также и военные конфликты, в результате чего военная терминология появляется в речи не только политиков, военных, дипломатов, но и простых граждан. Данная статья посвящена изучению особенностей перевода военных текстов. Словарь специальной лексики, в особенности военной, постоянно пополняется новыми военными терминами, которые возникают в результате разработок и появления новой военной техники и роста ноу-хау. Таким образом, задача как устного, так и письменного переводчика – не только знать все особенности военной лексики, клише, аббревиатуры, словосочетания, идиоматические выражения, сленг, коды и условные обозначения, номены, но и специфические особенности военной науки, оборудования и вооружения. Несомненно, чтобы быть хорошим военным переводчиком, необходимо быть военным офицером, хотя мы все понимаем, что как устный, так и письменный переводчик представляет собой, образно говоря, мастера на все руки, знатока в любой сфере деятельности как технической, военной, так и лингвокультурной. Помимо хорошего знания языка, любой устный или письменный переводчик, переводчик-референт должен знать и уметь пользоваться современными электронными ресурсами, посвящёнными военно-оборонной сфере, а также знать, где найти современные словари, глоссарии в этой области. Ещё одной широко обсуждаемой проблемой является разграничение терминов

«специальная лексика» и «термин». Кроме того, нет чёткого понимания, что такое «военная терминология», какие области она затрагивает, так же как и нет чёткого определения понятия «военный термин».

Ключевые слова: военный текст, перевод военных текстов, военная терминология, специальная терминология, термины, неологизмы, реалии, сложности из-за языковых несоответствий, транслитерация, лингвокультурный комментарий

Кликушина Татьяна Георгиевна,
кандидат филологических наук,
доцент,
Таганрогский институт им.
А.П.Чехова, филиал Ростовского
государственного экономического
университета,
89885370924
tklikushina@yandex.ru

Tatiana Georgievna Klikushina, PhD,
Associate Professor
Anton Chekhov Taganrog Institute, a
branch of Rostov State Economic
University
79885370924
tklikushina@yandex.ru

ЛИНГВОДИДАКТИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ ТЕКСТА ДОГОВОРА ПРИ ОБУЧЕНИИ ПИСЬМЕННУМУ ПЕРЕВОДУ

С.А. Королькова

Волгоградский государственный университет

Аннотация. В статье рассматривается возможность использования текста договора при обучении письменному переводу. В XXI веке переводчику приходится переводить тексты разнообразных жанров различных дискурсов, поэтому текстотипологическая и информационно-поисковая компетенции становятся релевантными составляющими профессиональной переводческой компетенции. Текстотипологическая компетенция, позволяющими продуцировать тексты в соответствии с коммуникативной задачей, ситуацией общения и горизонтом ожиданий реципиента, формируется и развивается на протяжении всей профессиональной деятельности переводчика и представляет собой когнитивный багаж переводчика. Информационно-поисковая компетенция, понимаемая как совокупность методов и приемов профессионально-ориентированного поиска в интернет-пространстве, позволяет переводчику успешно преодолевать возникающие переводческие трудности. Тексты делового дискурса весьма частотны для перевода, знание и владение основными конвенциями порождения текстов различных жанров в рамках данного дискурса являются релевантными для профессиональной деятельности переводчика. Договор купли-продажи – модельный текст и обладает такими характеристиками, как трафаретность и регламентированность, а также обладает как универсальными, так и национально специфическими параметрами, что делает его идеальным материалом для формирования текстотипологической информационно-поисковой компетенции. Детерминированная и ритуализированная форма договора позволяет показать другую специфическую черту перевода – его вариативность – и продемонстрировать разницу между ошибкой и вариативностью перевода, а также использовать такой вариант проверки, релевантный для модельного текста, как подбор и анализ аналогичных текстов. Предлагаемый методический прием проверки перевода в аудитории способствует развитию навыков автокоррекции и переводческого редактирования.

Ключевые слова: профессионально-ориентированный перевод, деловой дискурс, обучение переводу, перевод договора, текстотипологическая компетенция, информационно-поисковая компетенция, переводческая ошибка, автокоррекция перевода, вариативность перевода, редактирование перевода

XXI век – век профессионально-ориентированного перевода. В отличие от предыдущих столетий, когда большинство переводимых текстов относились к сфере художественных или научных текстов,

начиная со второй половины XX века, перевод специальных текстов стал доминирующим видом профессиональной переводческой деятельности, и теперь основной поток переводимых текстов относится к различным сферам профессиональной деятельности человека. Современный переводчик, особенно фрилансер в регионе, сталкивается в первую очередь с переводом текстов разнообразных жанров таких институциональных дискурсов, как деловой, юридический, экономический, медицинский и технический. Он практически не имеет возможности специализироваться на одном или нескольких жанрах одного дискурса, а вынужден работать с достаточно обширным репертуаром жанров и дискурсов, поэтому развитые текстотипологическая и информационно-поисковая компетенции позволяют переводчику справляться с возникающими профессиональными трудностями. Именно эти компетенции должны формироваться и совершенствоваться в процессе обучения.

Текстотипологическая компетенция является неотъемлемой составляющей профессиональной переводческой компетенции, «сложной и многогранной лингвокогнитивной категории, включающей профессиональные навыки и умения, позволяющие переводчику осуществлять акт межкультурной и межъязыковой коммуникации» [1, с.58]. Наряду с текстотипологической составляющей она включает в себя языковую, операциональную, социокультурную компетенции, а также личностные характеристики.

Текстотипологическая компетенция предполагает знание и владение конвенциями текстопорождения на языках, контактирующих в процессе перевода, умения распознавать и продуцировать тексты различного типа и жанра в соответствии с коммуникативной задачей, ситуацией общения. Ее отличительная особенность в том, что она должна формироваться и развиваться на протяжении всей профессиональной жизни переводчика, а ее сформированность обеспечивает надлежащую структуру и языковое наполнение текста, позволяя оценивать место и соотношение отдельных частей текста, понимаемого как связанное речевое целое, соответствующее коммуникативной ситуации и горизонту ожиданий реципиента. Иными словами, указанная компетенция позволяет продуцировать текст, являющийся вербализованной частью социокультуры конкретного лингвосообщества. Сформированная текстотипологическая компетенция предполагает «наличие в когнитивном багаже переводчика максимально большого числа моделей текстов на языке «А» и на языке «В» в сравнительно-сопоставительном аспекте» [2, с.85].

Специфической особенностью текстотипологической компетенции является то, что она может и должна систематически развиваться благодаря усвоению теоретических знаний и совершенствоваться через практические навыки и умения [3, с.294–295]. Текстотипологическая компетенция переводчика, по крайней мере та часть, что связана с профессиональной деятельностью, обязательно носит институциональный характер, поскольку профессиональная деятельность практически всегда протекает в рамках институционального дискурса.

Институциональный дискурс – это общение в определенных статусно-ролевых отношениях: любое институциональное общение сводится к закрепленным образцам вербального поведения, сложившимся в обществе применительно к сферам профессионального общения. Традиционно в современной дискурсивной лингвистике выделяют следующие виды институциональных дискурсов: политический, дипломатический, административный, юридический, экономический, военный, педагогический, религиозный, медицинский, деловой, рекламный, спортивный, научный, сценический, технический, масс-медийный и др., которые обусловлены сферами человеческой профессиональной деятельности и социальной интеракции [4, с.205–2006]. Для профессиональной переводческой деятельности наиболее частотными являются технический, медицинский, финансово-экономический, юридический и деловой дискурсы. Это объясняется тем, что в современном глобальном экономическом пространстве данные сферы профессиональной человеческой деятельности являются сферами максимального взаимодействия представителей различных стран, и, соответственно, тексты из этих сфер наиболее часто являются объектом перевода.

Из всех перечисленных дискурсов именно деловой обеспечивает слаженное функционирование всех остальных и охватывает не только организации внутри, но и связи между организациями, а также коммуникацию между организациями и отдельными индивидами, базирующуюся на нормах и правилах общения, принятых в деловом сообществе [5, с.50]. Следовательно, знание и владение основными конвенциями порождения текстов различных жанров в рамках данного дискурса являются релевантными для профессиональной деятельности переводчика. Соответственно, при обучении будущих переводчиков тексты указанного дискурса должны быть широко представлены.

Тексты делового дискурса характеризуются высокой степенью трафаретности, стереотипности, информативности и терминологичности, а также точностью, объективностью,

конкретностью и отсутствием образности. Это объясняется тем, что содержание подобных текстов при восприятии реципиентами должно исключать двусмысленность и разночтение. Письменные тексты делового дискурса носят информативный или регулятивный характер, гораздо реже аргументативный. Все они имеют жестко детерминированную и ритуализированную форму, поскольку рациональный уровень миропонимания в деловом дискурсе доминирует над эмоциональным. К тому же данные тексты, «регулируя отношения граждан, формируя нормы и очерчивая границы деятельности» [6, URL], обеспечивают стабильность деловой коммуникации и, как следствие, стабильность экономической сферы деятельности человека. Профессионально значимыми типами письменной формы делового дискурса являются тексты «делового администрирования и управления» [6, URL], деловая и официальная корреспонденция

Договоры или бизнес-контракты занимают важное место в деловом дискурсе, так как они являются теми продуктами текстовой деятельности, которые способствуют поддержанию жизнедеятельности всей экономической сферы. Они обеспечивают «взаимодействие между бизнесменами, поставщиками, потребителями, работодателями и работниками; все маркетинговые операции, финансовая деятельность – все это в основном и в частности регламентировано контрактами» [7, URL]. Вслед за Ю.А. Черноусовой, мы рассматриваем договоры (бизнес-контракты) «как социально-детерминированный феномен, специфичный регламентированный правовой текст, который обладает структурно-композиционными и документообразующими характеристиками (функциональность, трафаретность, регламентированность и др.)» [7, URL]. При этом договор обладает как универсальными, так и национально-специфическими параметрами. Универсальные параметры – это структурно-композиционные элементы, свойственные любому тексту договора на любом языке: название, вступительная часть, декларативная часть, основная часть, завершающая часть, подписи сторон, приложения. Национально-специфические параметры договоров проявляются прежде всего на вербально-семантическом уровне, а именно: на уровне лексики (клише, стандартные формулировки, термины); синтаксиса (типы предложений, конструкции, обороты и т.д.); морфологии (время, наклонение глагола, модальность). Частично они проявляются также на композиционном уровне: расположение того или иного элемента. Например, в русскоязычном бизнес-контракте дата и место заключения

располагаются в начале, тогда как во французском бизнес-контракте этот элемент располагается в конце документа.

Договор представляет большой интерес для подготовки будущих переводчиков, поскольку, с одной стороны, является достаточно частотным в профессиональной переводческой деятельности, а с другой стороны, обладает высокой степенью «демонстративности» в процессе обучения. Он позволяет наглядно и убедительно показать будущим переводчикам стратегию перевода модельных текстов, значимость информационного поиска в интернете для перевода, а также выявить типичные ошибки, допускаемые начинающими переводчиками. В рамках текстотипологической модели обучения письменному переводу [8, с.248–249], реализуемой при обучении переводчиков в Волгоградском государственном университете, этот тип текста предлагается студентам для перевода в 6 семестре бакалавриата и 2 семестре магистратуры. На первом этапе предлагаются простые договоры купли-продажи, а в магистратуре – более сложные по структуре и содержанию и характеризующиеся большей свободой структуры. Накопившейся материал (более 20 лет переводческой практики и преподавания письменного перевода) позволяет сделать следующий вывод: работа с данным жанром текста делового дискурса имеет большой дидактический потенциал и позволяет преподавателю разработать разнообразные варианты работы с текстом в аудитории и вне ее, что способствует формированию и развитию текстотипологической и информационно-поисковой компетенций. Некоторые из заданий будут предложены в рамках нашей статьи.

В современном технологичном мире умение пользоваться интернет-ресурсами является необходимостью в любой профессиональной деятельности. Большое влияние информационных технологий в переводческой отрасли очевидно. Качественный, быстрый, профессиональный перевод едва ли возможен без использования ресурсов Интернета. Современные переводчики нуждаются в интенсификации процесса перевода с помощью технических средств и возможностей. Способность работать с основными информационно-поисковыми системами, с глобальными компьютерными сетями, распределенными базами данных и знаний позволяет оптимизировать труд переводчиков и повышает их конкурентоспособность на рынке переводческих услуг. Поиск информации для решения переводческих задач представляет собой наиболее важное направление использования Интернета в переводческой деятельности. Интернет-ресурсы, по мнению С. Гепферих и П. Куссмауля, имеют большое значение в практике и

дидактике перевода, они помогают рационализировать и оптимизировать работу с терминологией, терминологическими банками данных, явное преимущество которых состоит в их быстром обновлении и постоянном добавлении новой терминологии по сравнению с бумажными носителями [9; 10].

В XXI веке переводчик получил значительную «техническую поддержку» за счет свободной доступности многих типов и жанров текстов во «всемирной паутине». Однако даже если новое поколение и с детства «на ты» с планшетами и компьютерами, чаще всего они не обладают информационно-поисковой компетенцией в профессиональном понимании этого термина. Данная компетенция по своей сути является междисциплинарной, т.е. результатом интеграции теоретических и практических профессионально-ориентированных дисциплин. Это совокупность методов и приемов профессионально-ориентированного поиска в интернет-пространстве, позволяющих переводчику успешно решать возникающие переводческие трудности как в момент подготовки к переводу, так и в процессе перевода вне зависимости от тематической и предметной сферы.

Почти 10 лет в ВолГУ в учебном плане бакалавриата «45.03.02 «Лингвистика», профиль «Перевод и переводоведение» существует учебная дисциплина «Информационный поиск в работе переводчика» (5 семестр), для которой авторский коллектив разработал и написал учебно-методическое пособие «Интернет-ресурсы и САТ-системы в переводе» [11], первый раздел которого сфокусирован на таких значимых аспектах, как: современные информационные ресурсы переводчика; поиск информации для решения переводческих проблем; поиск сайтов и их верификация; работа с текстами и их верификация в поисковых системах, верификация лексических соответствий – и нацелен на формирование конкретных умений информационного поиска в Интернете. Поскольку бизнес-контракт относится к категории модельных текстов и обладает такими характеристиками, как трафаретность и регламентированность, следовательно, кроме текстотипологической компетенции его использование в процессе обучения позволяет формировать информационно-поисковую компетенцию, т.е. умение находить релевантные образцы таких текстов и решения возникающих переводческих трудностей при помощи поиска в интернете. Однако следует отметить, что даже после прохождения данного курса студенты не всегда способны самостоятельно интегрировать предшествующие знания и навыки для решения возникшей «здесь и сейчас» переводческой трудности, но они все чаще прибегают для перевода к использованию аналогичных

текстов на языке перевода, осознавая релевантность такого действия для перевода модельных текста.

Итак, рассмотрим возможные варианты работы с текстом договора на занятиях письменного перевода. Прежде всего отметим, что первое задание обучающихся перед тем, как приступить к переводу, – это поиск параллельных текстов в интернете на родном и иностранном языках, не менее 5 текстов на каждом. Далее студенты должны провести подробный анализ найденных текстов: сопоставить композицию и структуру договоров, выявить сходство и различия, выписать терминологические единицы и стандартные формулировки, типичные для данного типа текста, выявить характерные морфологические и синтаксические структуры (время глагола, номинативность и/или односоставность предложений, доминирующий тип предложений, средства выражения модальности и т.д.). При условии качественного выполнения данного задания у обучающихся формируется «целостная» картина текста договора в сопоставительном плане, т.е. текстотипологическая компетенция будущих переводчиков пополняется еще одной моделью текста, которая, тем не менее, еще не «отрефлексирована» на необходимом уровне с точки зрения переводчика, поскольку, как правило, это еще достаточно поверхностный взгляд на текст. В аудитории обучающиеся представляют результаты своей работы в форме презентации с обязательным указанием источников найденных текстов. Важный аспект, который обучающийся обязательно должен подтвердить: достоверность источника, поскольку умение проверять надежность источника – это важная составляющая информационно-поисковой компетенции.

Далее студентам предлагается дома выполнить перевод договора с иностранного языка на русский. С самого начала обучения студенты знакомятся со следующими требованиями к выполнению письменного перевода:

1. перевод обязательно выполняется на компьютере с соблюдением определенных формальных правил (поля, шрифт, кегль, интервал, выравнивание на странице);
2. расположение на странице должно строго соответствовать оригиналу и воспроизводить все его графические особенности;
3. в переводе исключаются двойные варианты перевода, пропуски, перестановки, изменение абзацев;
4. на занятия обязательно приносить распечатанный вариант перевода и его электронную версию на флешке.

Мы абсолютно убеждены, что проверка письменного перевода должна производиться со зрительной опорой, а не на слух, как это традиционно продолжает происходить во многих аудиториях: студент зачитывает перевод по предложениям, а остальные комментируют также по предложениям. В этом случае зачастую упускается из вида целостность текста и его когерентность и тренируются совсем иные интеллектуальные механизмы. Мы предлагаем выполнять разбор перевода только со зрительной опорой. Для этого можно использовать интерактивную доску, на которую выводится перевод одного из обучающихся, либо раздавать студентам перевод на традиционном бумажном носителе. Выбор перевода для анализа зависит от цели, которую ставит на данном занятии преподаватель. Это может быть очень слабый перевод (преподаватель, как правило, знает уровень студента), который наглядно продемонстрирует максимальное количество ошибок, что позволит выявить их причину. Хороший перевод позволит продемонстрировать удачные решения и показать, как решалась та или иная переводческая трудность. Хотелось бы подчеркнуть следующий момент: на первом же занятии по письменному переводу студенты получают критерии оценивания и классификацию и толкование ошибок, принятые на кафедре теории и практике ВолГУ [12, с.295–296]. И впоследствии они постоянно работают с ними, что позволяет научиться оценивать текст перевода с «верной» точки зрения, выделяя удачные решения и оценивая значимость и вес ошибки.

Как правило, мы следуем следующему алгоритму работы с переведенным текстом в аудитории: перевод первого текста данного типа и жанра присылается преподавателю заранее к оговоренным дате и времени, а в аудитории преподаватель представляет анализ каждого перевода, предлагая студентам дать свои комментарии к ошибкам и исправить их. И в этом случае очень важно, чтобы каждый студент увидел не только свои, но и чужие ошибки и осознал их причину. Рефлексия над ошибками и правильный вариант перевода, найденный тем, кто допустил эту ошибку, позволяют избегать повторения аналогичных ошибок впоследствии.

Следующий по выполнению перевод проверяется совместно в аудитории преподавателем и студентами: предлагается внимательно прочитать перевод одного из коллег и оценить качество перевода по соответствующим критериям. При этом важно, чтобы преподаватель правильно направлял обсуждение работы: сначала выявить положительные моменты, отметить удачные переводческие решения, а затем только приступить к переводческой критике. При разборе

ошибок важно не уходить в сторону («а у меня другой вариант перевода»), но просить найти и объяснить ошибку и предложить правильный вариант. При этом у преподавателя появляется возможность показать другую специфическую черту перевода – его вариативность и продемонстрировать разницу между ошибкой и вариативностью перевода, что является принципиальной и неотъемлемой чертой этого вида профессиональной деятельности, даже при переводе профессионально-ориентированных текстов.

И на последних занятиях по переводу данного типа и жанра текста, можно предложить студентам обменяться переводами и проверить переводы друг и друга и прокомментировать поставленную оценку.

Такой алгоритм работы с переводами позволяет начать обучать студентов редактированию перевода, но самое главное – показывает обучающимся значимость этапа автокоррекции, о котором они зачастую забывают. Автокоррекция – это «контрольно-коррекционный этап, во время которого переводной текст подвергается автокоррекции со стороны самого переводчика» с целью устранения «неестественности» и «неконвенциональности» отдельных элементов текста [13, с.324]. Восприятие собственного текста перевода с позиции не автора, но проверяющего помогает студентами как бы отстраниться от собственных «выстраданных» переводческих решений и увидеть все недочеты и ошибки и понять, что в большинстве случаев такие недочеты, как опечатки, грамматические несогласования, нарушения синтаксических связей, орфографические и пунктуационные ошибки и даже некоторые смысловые ошибки являются результатом отсутствия этапа автокоррекции. Важно, чтобы студенты с самого начала обучения понимали значимость этого этапа и научились не только переводить текст с соблюдением предложенных сроков, но и выработали навык проверки перевода, перед тем как представить его на проверку в аудитории.

Следует отметить, что после проверки перевода в аудитории обучающиеся получают задание внести необходимые правки в свой перевод и прислать его преподавателю к определенному сроку. Таким образом, обучающиеся, возвращаясь к уже переведенному и проверенному в аудитории тексту, имеют возможность вновь отразексировать свои ошибки, вспомнить предложенные в аудитории варианты устранения ошибки и принять решение, какой вариант перевода выбрать. Такой алгоритм работы обеспечивает развитие эрудиции обучающихся и таких личностных качеств, как способность к анализу и обобщению, готовность преодолевать стереотипы и в обязательном порядке нацеленность на стремление к самообучению.

Нами были отобраны наиболее частотные ошибки при переводе текста договора купли-продажи с французского на русский язык (оригинальный текст на стр. 59-60 пособия «Traduction. Письменный перевод» [12]), выполненного студентами третьего курса переводческого отделения ВолГУ в 6 семестре с 2013 по 2017 гг., в приведенных примерах сохранены орфография и пунктуация авторов перевода. Анализ отобранных переводов позволяет сделать следующий вывод: большинство ошибок связано с недостаточным владением родным языком и незнанием конвенций текстопорождения, при этом смысловые ошибки вызваны сложностью синтаксических конструкций исходного текста и не столь частотны.

Остановимся на наиболее типичных ошибках и методических приемах, позволяющих помочь студентам отрефлексировать свои недочеты. Анализ переводов позволил выделить главную ошибку: слабое владение родным языком, а именно языковая небрежность, неумение различать тонкие смысловые и контекстуальные нюансы и обращать внимание на стилистические тонкости.

Во-первых, рассмотрим такую лексическую ошибку, как некорректное использование паронимов:

доставлять :: поставлять товар

погрузка :: отгрузка товара

конверсия :: конвертация долларов (правильный вариант подчеркнут).

В этом случае на занятии студентам дается оба словосочетания без указания на правильный вариант, предлагается найти неправильный вариант и объяснить ошибку, используя интернет-ресурсы – толковые он-лайн словари и другие аналогичные по жанру тексты данного дискурса. Важно, чтобы комментировал ошибку тот студент, который ее допустил, и он же предложил правильный вариант той фразы, в которой она была допущена.

Другой типичной лексической ошибкой является нарушение лексической сочетаемости, объема значения и стилистической маркированности единицы:

в течение перевозки :: во время перевозки

полный и чистый вес :: вес брутто и нетто

обследование :: проверка :: экспертиза

оплошность :: ненадлежащее обращение :: небрежность :: неосторожное обращение

завод-поставщик :: фабрика-поставщик

упаковка должна подтвердить целостность товара :: упаковка должна обеспечивать целостность товара

срок передачи :: срок отправки и получения :: срок поставки и получения товара

оплошность :: ненадлежащее обращение :: небрежность :: неосторожное обращение» (правильный вариант подчеркнут).

Этот тип ошибок является наиболее частотным, и список таких «ляпов», наверняка, есть у каждого преподавателя письменного перевода. Сложность устранения подобных ошибок заключается в том, что студенты крайне редко задумываются о норме лексической сочетаемости в родном языке, настолько это кажется им очевидным, и они абсолютно уверены в правильности своего выбора. К тому же толковые словари не дают нормы сочетаемости, а словарей сочетаемости в интернете практически нет, за исключением «Словаря сочетаемости» на сайте Грамота.ру (http://www.gramota.ru/slovari/types/17_6). При этом редко кому из студентов приходит в голову обратиться к «Национальному корпусу русского языка» (<http://www.ruscorpora.ru/search-main.html>). И в этом случае задание на проверку сочетаемости и выбор правильного словоупотребления следует давать тому, кто эту ошибку допустил, и, соответственно, исправить всю фразу полностью после комментирования допущенной ошибки.

Самые досадные ошибки – это грамматические ошибки и нарушения языковой нормы. Они сигнализируют не столько о безграмотности, сколько о уже упомянутой принципиальной ошибке начинающих обучение переводу – отсутствии этапа автокоррекции:

указанном на транспортной накладной

указанной на извещении

поставляет мебель, кухонный й гарнитур, бытовую технику
(ошибка подчеркнута).

Такие ошибки не требуют пояснения, но внимательности со стороны обучающихся и понимания значимости последнего этапа перевода: его проверки после завершения собственно перевода.

Остановимся на ошибках, связанных с интерференцией контактирующих языков. Такие ошибки проявляются, как правило, на синтаксическом уровне, когда студенты калькируют порядок слов исходного текста, грамматические конструкции, лексические единицы либо используют так называемые интернациональные лексические единицы:

компания «...» в Москве

все возникающие расходы, связанные с кредитом

цена зафиксирована в долларах ...

количество согласуется с числом ящиков и весом (ошибка подчеркнута).

Этот тип ошибок коррелирует с другой крайностью, также типичной для начинающего переводчика, – попыткой перестроить фразу так, чтобы она была полностью изменена по отношению к исходной при том, что существует возможность перевода достаточно близком к исходному. Как правило, такие действия приводят к лексическим и грамматическим ошибкам.

И в качестве «идеального образца» всех возможных ошибок можно привести следующий пример:

«Эта гарантия не будет действительной, если покупатель сам произведет ремонт товара поставленного без согласия продавца и /или повреждение, которое неожиданно появилось вследствие небрежности или неловкости от имени Покупателя или другие обстоятельства, независимые от Продавца, в том числе, когда повреждение неожиданно появилось во время транспортировки товара из России до порта назначения».

Данный фрагмент перевода прекрасно демонстрирует самые типичные ошибки, допускаемые студентами на начальном этапе обучения, и позволяет подчеркнуть значимость этапа автокоррекции.

Смысловые ошибки «*товара поставленного без согласия продавца*»; «*от имени Покупателя :: по вине Покупателя*» являются результатом неверного порядка слов в предложении (первый пример) и неправильного выбора переводческого соответствия (второй пример), а также отсутствия элементарного понимания порождаемого текста. Такие смысловые ошибки очень характерны для начального этапа обучения и сигнализируют об отсутствии проверки текста перевода после его завершения.

Незнание стандартных формулировок «*гарантия не будет действительной*» (*гарантия не распространяется на*), **нарушение лексической сочетаемости или неверный выбор вариантного соответствия** «*небрежность или неловкость*» (*небрежность или неосторожное обращение*); «*повреждение неожиданно появилось*» (*дефект возник*); «*сам произведет ремонт*» (*самостоятельно отремонтирует*) указывают на недостаточную работу с параллельными текстами и невнимательность при выборе переводческого вариантного соответствия в зависимости от микро- и макроконтекста.

Нарушение грамматического согласования – единицы «*повреждение*» и «*другие обстоятельства*» не согласованы со сказуемым, что также указывает на то, что у обучающегося

отсутствует элементарный контроль за семантическим и грамматическим смыслом при порождении переводного текста.

Пунктуационная ошибка – отсутствие запятой после причастного оборота: «*товара поставленного без согласия продавца*», который сам по себе является ошибкой, тем не менее, отсутствие запятой – это очередной сигнал об отсутствии осознанной работы.

Синтаксические ошибки – порядок слов в предложении – полностью вся фраза демонстрирует типичную ошибку начинающего переводчика: отдельно почти все единицы переведены правильно, но в совокупности фраза не имеет смысла.

Переводчик – это особый, специфический носитель родного языка, который в идеале владеет различными языковыми регистрами и в силу профессиональной деятельности стремится к тому, чтобы стать элитарной языковой личностью, «способной описывать и оценивать окружающую действительность и осуществлять коммуникативные действия в соответствии с социокультурным кодом инофонного лингвокультурного сообщества» [13, с.7]. Поэтому от него требуется максимальная концентрация при порождении текста перевода, и наша задача – научить будущих переводчиков относиться к языку, инструменту профессиональной переводческой деятельности, максимально осознанно и бережно.

Подводя итог, можно отметить, что обязательность включения договоров в число текстов для обучения письменному переводу не вызывает сомнения. Во-первых, эти тексты являются достаточно частотными в профессиональной деятельности. Во-вторых, они обладают высоким «дидактическим» потенциалом для формирования нескольких важных составляющих профессиональной компетенции: лингвистической, текстотипологической и информационно-поисковой компетенций, а предложенный алгоритм работы позволяет параллельно формировать не только операциональную компетенцию, но и первичные умения переводческого редактирования. Компетентностное и личностно-ориентированное высшее профессиональное образование должно быть нацелено не столько на передачу знаний, навыков и умений, сколько на создание условий для овладения ими в действии.

Литература

1. Королькова С.А. Текстологическая модель обучения письменному переводу студентов языковых вузов (На материале французского языка) / С.А. Королькова: Дис. ... канд. пед. наук : 13.00.02 Волгоград, 2006 – 198 с.
2. Королькова С.А. Текстотипологическая компетенция переводчика / С.А. Королькова // Индустрия перевода и информационное обеспечение

внешнеэкономической деятельности предприятий, Материалы международной научной практической конференции г. Пермь, 28-30 мая 2008г. – Пермь: Изд-во Пермского гос.техн.ун-та, 2008. – С.84-90.

3. Королькова С.А. Текстотипологическая модель формирования профессиональной компетенции в письменном переводе / С.А. Королькова // Профессионально-ориентированный перевод: реальность и перспективы. Сб. научных трудов по материалам 4-й Международной научно-методической конференции, посвященной 50-летию РУДН 20-21 мая 2009г. – М.: РУДН, 2009. – С.293-300.

4. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс: монография. / В.И. Карасик – М.: Гнозис, 2002. – 477 с.

5. Ширяева Т.А. К вопросу о статусе дискурса / Т. А. Ширяева // Вестник ПГЛУ. 2006. – С. 49-55.

6. Литвинов А.В. К вопросу о классификации текстов делового дискурса / А.В. Литвинов // Вопросы прикладной лингвистики. – Москва, РУДН. 2010. – №3. – С.75-83.

7. Черноусова Ю.А. – Типы контрактов в англоязычном деловом дискурсе. / Ю.А. Черноусова Режим доступа: <http://www.lib.csu.ru/vch/248/048.pdf> (дата обращения 05.09.2018).

8. Королькова С.А. Дидактика письменного перевода / С. А. Королькова // Подготовка переводчика: коммуникативные и дидактические аспекты [Текст]: монография/ авт. коллектив: В.А. Митягина [и др.]; под общ. ред. В.А. Митягиной. – М. : ФЛИНТА : Наука, 2012. – 304 с. – С.214 – 272, 291 – 296.

9. Göpferich S. Computer-Aided Terminology Work at the Department of Translation Studies of the University of Graz. Interdisciplinary Aspects of Translation and Interpreting / S. Göpferich Interdisziplinäre Aspekte des Übersetzens und Dolmetschens. Hrsg. Judith Murath und Agnes Olah-Hubai. – Wien: Praesens. –2007. – S. 425–432.

10. Kußmaul P. Verstehen und Übersetzen. Ein Lehr- und Arbeitsbuch. 2.,aktualisierte Auflage. / P. Kußmaul – Tübingen: Narr (Narr-Studienbücher). – 2010. – 229 S.

11. Королькова С.А. Интернет-ресурсы и САТ-системы в переводе / С.А. Королькова, А.А. Новожилова, А.М. Шейко, Е.А. Шовгенина. Интернет-ресурсы и САТ-системы в переводе. Учеб.-метод. пособие с CD-приложением. Английский, немецкий, французский языки. – Москва: «Р.Валент», 2018. – 124 с.

12. Королькова С.А. Дидактика письменного перевода / С.А. Королькова // Подготовка переводчика: коммуникативные и дидактические аспекты [Текст]: монография/ авт. коллектив: В.А. Митягина [и др.]; под общ. ред. В.А. Митягиной. – М. : ФЛИНТА : Наука, 2012. – С.304 – С.214 – 272, 291 – 296.

13. Королькова С.А. Когнитивная структура алгоритма письменного перевода / С.А. Королькова // Научный журнал «Знание. Понимание. Умение». 2014. №3. – С. 319 – 328.

14. Королькова С.А. Traduction [Текст]: Письменный перевод (французский язык) / С.А. Королькова, Е.В. Булкина Traduction [Текст]: Письменный перевод (французский язык): учеб. пособие; Федер.гос.авт.образоват.учреждение высш.проф. образования «Волгогр. гос. ун-т». – 4-е изд., испр. и доп. – Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2012. – 245 с.

15. Гуреева А.А. Социокоммуникативные характеристики языковой личности переводчика (на материале русского и английского языков) / А.А. Гуреева // Дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19. – Волгоград, 2014. – 194 с.

LINGUISTIC AND DIDACTIC POTENTIAL OF A CONTRACT TEXT IN TRANSLATION TEACHING

S.A. Korolkova
Volgograd State University

Abstract. The article discusses the possibility of using the text of the contract in teaching translation. In the 21st century, the translator has to translate texts of various genres of different discourses, so text-typological and information retrieval competences become relevant components of professional translation competence, allowing to produce texts in accordance with the communicative task, the situation of communication and the horizon of expectations of the recipient. Text-typological competence is formed and developed throughout the translator's professional activity and represents the cognitive baggage of the translator. Business discourse texts are the most frequently translated, so knowledge and possession of the main conventions for generating texts of various genres within this discourse are relevant for professional activity of the translator. The contract of sale is a model text and has a conventional character and strict form, as well as both universal and nationally specific parameters, which makes it ideal for the formation of information retrieval competence. The deterministic and ritualized form of a contract allows to show another specific feature of translation – its variability. It also makes it possible to demonstrate the difference between an error and the variability of translation, as well as to use such verification option relevant to the model text as the selection and analysis of similar texts. The proposed method of evaluating translation in the classroom contributes to the development of auto-correction and translation editing skills.

Key words: professionally-oriented translation, business discourse, teaching translation, translation of contracts, text-typological competence, information retrieval competence, translation error, correction of translation, variability of translation, translation editing

Королькова Светлана Азадовна,
кандидат педагогических наук,
доцент кафедры теории и практики
перевода, Волгоградский
государственный университет
(ВолГУ)
7 917 334 01 24
svetlanakrlkvavlg@yandex.ru

Svetlana Azadovna Korolkova
Ph.D., Associate Professor of
Translation Studies Department,
Volgograd State University (VolSU)
100, Universitetsky Pr., Volgograd,
400062
7 917 334 01 24
svetlanakrlkvavlg@yandex.ru

ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕДАЧИ ЗВУКА И РИТМА ПОЭТИЧЕСКОГО ТЕКСТА В ПЕРЕВОДЕ С АНГЛИЙСКОГО НА РУССКИЙ

(на материале стихотворения А. Теннисона «Прощание» – A. Tennyson,
«A Farewell»)

Д.О. Курилов, О.А. Голикова
Воронежский государственный аграрный университет
имени императора Петра I

Аннотация. В статье анализируются лингвостилистические особенности звукоритмики поэтического текста и проблема их передачи в художественном переводе. Вводно-теоретическая часть исследования посвящена обзору существующих положений стилистики и теории перевода, касающихся передачи выразительных средств поэтической речи, участвующих в создании ее звукоритмического своеобразия. В практико-ориентированной части статьи авторы предлагают и комментируют поэтический перевод избранного образца англоязычной поэзии (стихотворения «A Farewell» А. Теннисона) в свете определенных задач.

Ключевые слова: текст, поэтическая коммуникация, смысловая и эстетическая информация, звук, ритм, метр, выразительные средства, повтор, синтаксический параллелизм, аллитерация, ассонанс, адекватный перевод, эквивалентность

Проблема передачи звука и ритма художественного – в частности поэтического – текста в переводе есть одна из вечных «болевых точек» и теории перевода, и практической деятельности конкретных авторов межъязыковых и межкультурных литературных произведений. Авторы предлагаемого исследования не ставят перед собой цель концептуального пересмотра существующих переводоведческих и стилистико-поэтических парадигм, а стремятся лишь предложить в ходе анализа конкретного текста некоторые частно-практические решения для передачи в переводе на русский язык отдельных поэтических особенностей конкретного произведения.

Методологическая корректность, впрочем, обязывает нас обозначить круг некоторых универсально приемлемых и принятых в теории вопроса положений, характеризующих особенности перевода поэтического произведения, которыми в той или иной мере руководствовались авторы исследования в решении своей практической задачи.

Поэтическая коммуникация, говоря языком «расхожих» определений, есть такой вид общения между автором и реципиентом, при котором посредством **стихотворного** текста осуществляется одновременная передача двухъярусной смысловой (фактуальной и концептуальной) и многослойной эстетической информации.

По справедливому заключению авторитетных исследователей, «... поэтический текст, спрессованный ритмической, фонической и метафорической системами, образует как бы особый сверхсмысловой плазменный сгусток, в котором *каждый* элемент (будь то целая строка, слово, морфема или даже фонема) сопрягается по вертикали и горизонтали с каждым другим элементом и обретает... дополнительное и многослойное значение» [1]. В итоге ни одно из слов поэтического текста, за который берется переводчик, не тождественно соответствующему слову в речи практической, но является, по существу, не более чем его омонимом. Кроме того, в отличие от прозаического, поэтический контекст не нивелирует словарную многозначность каждой вокабулы, но, напротив, усиливает ее.

Поэтому каждое слово в стихе одновременно означает и все, что закреплено за ним в лексическом составе языка, и сверх того еще массу окказиональных смысловых обертонов. Нельзя не вспомнить в этой связи закон «тесноты и единства стихотворной строки» [4, с.27-28], который, по Ю. Тынянову, настолько изменяет условия семантического согласования фразы, действующие в прозаическом дискурсе, что в результате каждое слово начинает означать не только **всё**, что оно значит само по себе, но и вбирает в себя **все** значения близлежащих – по горизонтали и вертикали – слов.

Особенности собственно ритмического и звукового оформления стихотворного текста в связи с вопросом о компетенции и шире – мастерстве – переводчика также неоднократно поднимались и анализировались различными исследователями. В частности, со своей стороны один из авторов предлагаемого исследования в предыдущих работах имел случай систематизировать поэтико-стилистические особенности стихотворного текста, определяющие в общем плане его ритмико-звуковой облик:

«С композиционной точки зрения – это особенности метрики, строфики и рифмовки стихотворного текста (определенный размер, количество стоп, наличие/отсутствие созвучий внутри и между стихами, характер чередования строк с определенной системой созвучий внутри стихового целого).

С синтаксической точки зрения – это различные случаи повтора, со- и противоположения элементов текста в линейно-грамматической последовательности (синтаксический параллелизм).

С собственно фонетической точки зрения – это многообразные случаи мелодического, гармонического и ритмизирующего взаиморасположения звуков и созвучий на всех уровнях произведения (охватываемые двумя основными терминами: аллитерация – художественно целесообразный повтор согласных звуков, – и ассонанс – художественно целесообразный повтор гласных)» [2; с.127-128].

По словам других исследователей, «...Поэзия характеризуется определённым ритмом, выраженным в законах стихосложения – в метрических единицах и в их разнообразных соединениях. Интонации стиха, как считает известный грузинский теоретик перевода Г.Р. Гачечиладзе, «присущ оттенок музыкальности», хотя музыка стиха сильно отличается от обычной музыки. Музыка стиха рождается не в отвлечённом звучании слова, а в соединении звучания и смысла. Даже такой явно музыкальный элемент речи, как аллитерация, лишь тогда приобретает значение, когда способствует лучшему выражению мысли и усилению художественного впечатления. Выделить музыкальную сторону слова необходимо потому, что именно на неё опирается специфика поэзии, и все элементы поэзии не безразличны к музыке стиха» [3].

На материале поэтического произведения, приводимого ниже, мы предпринимаем попытку проследить, проанализировать и, по возможности, решить некоторые из отмеченных выше общих и частных трудностей, встающих перед переводчиком художественного (стихотворного) текста.

<i>Alfred Tennyson</i>	<i>Альфред Теннисон</i>
A Farewell	Прощание
Flow down , cold rivulet , to the sea, Th tribute wave deliver : No more by <i>thee</i> my steps shall be, For ever and for ever .	Струись, ручей, чтоб стать рекой, Считай мостки и вехи; Мне – в путь <i>иной</i> , в <i>иной</i> покой – Прощай, прощай навеки.
Flow , softly flow , by <i>lawn</i> and <i>lea</i> , A rivulet then a river : Nowhere by <i>thee</i> my steps shall be For ever and for ever .	Стреми туда струй вольный строй, Где все сольются реки. Мне – не с тобой, мне в край другой – Прощай, прощай навеки.
But here will sigh thine alder tree And here thine aspen shiver;	Пусть, свесься, ветхая ветла В тебе купает ветви,

And here by thee will hum the bee,
For ever and for ever.

A thousand suns will stream on thee,
A thousand moons will quiver;
But not by thee my steps shall be,
For ever and for ever.

Шуршит камыш, жужжит пчела –
Прощай, прощай навеки.

Сто солнц и лун с твоей волной
Схлестнутся в вольном беге;
А мне – в иной предел земной. –
Прощай, прощай навеки

В рассматриваемом стихотворении ярко выражены художественные достоинства поэзии А.Теннисона: глубокий **лиризм**, чутье природы, умение воссоздавать особое очарование неброского английского **пейзажа**, описывая английскую жизнь во всех её видах, будь то замки королей и баронов или хижина селян. Как и в основной массе лирических произведений А. Теннисона, отражающих идейную жизнь современной поэту **Англии** – борьбу позитивной науки со **спиритуалистическими** стремлениями, – мелодичный, нежный и колоритный стих как бы оформляет меланхолическую мечтательность, а в пиковых эмоциональных моментах – лирико-философскую рефлексию или медитацию.

Тон стихотворения – светлый, проникновенный, «фирменный» теннисоновский, – где нота прощания лирического героя с земной юдолью смягчается настроением приятия жизни в ее полноте. «Я» поэта, не могущее превозмочь физической замкнутости индивидуального бытия, обреченного на смерть, поднимается до примирения с сущим, где конечность отдельного существования искуплена, оплачена беспредельностью всеобщего жизненного «потока».

Действенность этого философского посыла (самого по себе, в сущности, достаточно тривиального: все преходяще, но – да будет так!) поддержана и усилена, однако, виртуозной ритмико-звуковой оркестровкой поэтической фактуры. Образ ручейка, которого ждет слияние с морем, без труда читающийся как символ неостановимой, прибывающей жизненной стихии, в то же время есть вполне конкретный, «житейский» ручеек – речушка? – в сельской Англии, природа которой с юных лет окружала автора.

Речка эта, «доставляющая» свое «подношение» (*tribute*) большой воде, ласкает слух плеском волн о прибрежные камешки и корни (чему служат звуковые и слоговые «переклички» [l] – [d] – [r] – [v] и [riv] – [rib] – [liv]: *Flow down, cold rivulet... tribute... deliver... A rivulet... a river...*), унимает сердечную смуту неторопливым шелестом приречных трав и кустарников, омываемых течением (их «говорок» доносит до нас новый лейтмотивный звукоряд, как бы

«обогащающий» предыдущий: ..*Flow, softly flow, by lawn and lea, / A rivulet then a river...*).

Мы явственно слышим и вздохи, и трепетание плакучих деревьев (опять-таки, через ряд лексико-синтаксических повторов и ассонансно-аллитерационных чередований: ..*But here... sigh... thine... tree / And here thine aspen shiver...*), под сенью которых струится крепнущий поток («перекатываясь» и «журча» взрывными и дифтонгами: *But here... And here... And here...*), и мерное гудение насекомых над водой (рокощущее перепадами с сонантов на взрывные: «...**And here by thee** will **hum the bee...**”).

Вокально-сонорная кода последнего четверостишия («...**A thousand suns** will stream on thee, / **A thousand moons** will quiver...») доводит лирическую тему до катарсиса: весь стих по артикуляции – движение уст, разомкнутых в восклицании столь же молящем, сколь и благодарственном, песня сердца, переполненного светлой печалью ([aʊ] – [ʌ] – [i:]; [aʊ] – [ʊ] – [i]).

Коль скоро основные моменты художественной значительности рассматриваемого лирического произведения в большей степени выводимы из просодии стиха, аранжировки фразы, нежели из идейного наполнения и составляющих содержательного плана, приоритетной задачей для адекватного перевода становится по возможности эквивалентная передача ритмометрических и фонетических средств выразительности и стилистических приемов оригинального текста.

В предлагаемом авторском переводе стихотворения делается попытка сохранить существенные для ритмико-мелодического развития текста лексико-синтаксические параллели и лейтмотивы в соответствующем аллитерационном и ассонансном сопровождении (в параллельных текстах выше случаи художественно значимых повторов слов, структур, звукосочетаний выделены полужирным – для аллитераций – и курсивным – для ассонансов – начертанием).

Звукопись оригинала, отражающую акустическую природу описываемого – журчание ручья, плеск, шорох прибрежных трав и ветвей деревьев, звуки природы (отмеченные в ходе приведенного выше переводческого анализа) – автор перевода (Д. Курилов) стремится передать через эквивалентные лексико-синтаксические повторы и параллелизм («*Струись... чтоб стать... считай... прощай... стреми... прощай..*» и т.д.), аллитерацию и ассонанс («*Струись... считай... стреми... струй... строй...*»; «*..Вехи... .. свесясь, ветхая ветла... ветви... навеки... шуришит... жузжжит...*» и

т.д.), максимальное сохранение внутренней рифмы («...*Мне – в путь иной, в иной покой...*»; «...*А мне – в иной предел земной...*» и т.д.).

Понятно, что предложенный вариант перевода не может претендовать на исчерпывающую передачу своеобразия оригинального стихотворного произведения в части звука и ритма поэтического слова. Авторы исследования и литературной интерпретации предлагают лишь возможный и практически обусловленный способ решения некоторых вопросов формы, встающих перед переводчиком поэтического текста на материале конкретного произведения конкретного автора.

Литература

1. Гончаренко С.Ф. Поэтический перевод и перевод поэзии: константы и вариативность. / С.Ф. Гончаренко – http://samlib.ru/w/wagarow_a_s/poetic-transl.shtml
2. Курилов Д. Передача звукоритмического своеобразия англоязычной поэзии в переводе на русский язык (на материале поэзии Байрона) / Д. Курилов // Язык, коммуникация и социальная среда. – Воронеж, 2017. – Выпуск 15. – С.124-133.
3. Науменко О.В. Особенности поэтического перевода. / О.В. Науменко – <https://www.alba-translating.ru/ru/ru/articles/2013/naumenko.html>
4. Тынянов Ю.Н. Проблема стихотворного языка – Ю.Н. Тынянов // Литературный факт. – М.: Высшая школа, 1993. – С. 23 – 121.

PECULIARITIES OF CONVEYING RHYTHM AND SOUND OF A POETIC TEXT IN TRANSLATION FROM ENGLISH TO RUSSIAN («A FAREWELL» BY A.TENNYSON)

D.O. Kurilov, O.A. Golikova
Voronezh State Agrarian University After Emperor Peter I

Abstract. The article considers linguo-stylistic peculiarities of sound and rhythm of a poetic text and their rendition in literary translation. In theoretic introductory part of the research a brief overview of basic principles of stylistics and translatology concerning the problem of rendering sound and rhythm of verse is given. The practical part of the article offers a translational analysis and literary translation of a selected poetic sample (A. Tennyson's poem «A Farewell») within the scope of the set objectives.

Key words: text, poetic communication, plane of meaning and aesthetics, sound, rhythm, meter, expressive means, repetition, syntactical parallelism, alliteration, assonance, adequate translation, equivalency

Курилов Дмитрий Олегович,
доцент кафедры русского и
иностранного языков Воронежского
ГАУ им. императора Петра I

Dmitri Olegovich Kurilov
Associate Professor, Department of the
Russian and Foreign Languages,
Voronezh SAU after Emperor Peter I,

8-920-454-38-18
dmitrikuilov@mail.ru

Голикова Ольга Александровна,
старший преподаватель кафедры
русского и иностранного языков
Воронежского ГАУ им. императора
Петра I
8-920-212-90-10
missolya@yahoo.com

8-920-454-38-18,
dmitrikuilov@mail.ru

Olga Aleksandrovna Golikova
Senior Lecturer, Department of the
Russian and Foreign Languages,
Voronezh SAU after Emperor Peter I,
8-920-212-90-10
missolya@yahoo.com

РОЛЬ КУЛЬТУРНЫХ РАЗЛИЧИЙ В ПРОЦЕССЕ ПЕРЕВОДА КАК ОДИН ИЗ ФАКТОРОВ УСПЕШНОГО МЕЖКУЛЬТУРНОГО ОБЩЕНИЯ

Е.А. Литвинова
Воронежский государственный университет

Аннотация. В статье представлен обзор точек зрения исследователей на проблему перевода в рамках межкультурной коммуникации, успешность которой во многом предполагает не только знание языков, но и необходимость принятия во внимание роли культурных особенностей, существующих в различных языковых картинах мира. Столкнувшись с особенностями двух культур, профессиональное мастерство переводчика как интерпретатора заключается в умении передавать информацию от носителя одной культуры другой, руководствуясь не только языковыми умениями и навыками, но и экстралингвистическими знаниями, которые позволяют избежать трудностей непонимания, порождаемые социокультурными различиями. Многообразие культур, а также различия, существующие в их языковых картинах, не должны быть препятствием на пути взаимопонимания, они должны преодолеваться в процессе перевода.

Ключевые слова: межкультурная коммуникация, социокультурные различия, языковая картина мира, перевод, языковой барьер, носитель языка, профессиональное мастерство, переводчик, носитель культуры, экстралингвистическое знание, многообразие культур

На сегодняшний момент активно развиваются и укрепляются международные контакты. В связи с этим возрастает особый интерес к международному общению и международному сотрудничеству. В целях достижения поставленной задачи возникает необходимость качественной подготовки специалистов-переводчиков в профессиональной деятельности. По этой причине проблема перевода вызывает особый интерес среди различных исследователей. Поскольку процесс перевода представляет собой один из видов языкового посредничества, он рассматривается исследователями в области межкультурной коммуникации не только как лингвистический акт, но и как акт языковой. По мнению А.Д. Швейцера, перевод не только выполняет функцию средства межъязыкового и межкультурного общения, но и играет активную роль в становлении и развитии национальных языков, а также в распространении иностранных и культурных ценностей [1, с.184].

Будущие специалисты-переводчики в рамках своей профессиональной деятельности сталкиваются с некоторыми трудностями перевода в процессе межкультурной коммуникации. Одной из этих трудностей является проблема преодоления «культурного барьера», который, по мнению исследователей, заключается в том, что необходимо учитывать не только общие терминологические и стилистические особенности, существующие в обоих языках, но и национальные, культурные [2, с.5].

Я.В. Усачева рассматривает перевод не только как процесс перехода от одного языка к другому, но и как процесс перехода от одной культуры к другой. По этой причине она полагает, что переводчик должен хорошо владеть не только двумя языками, но и обладать экстралингвистическими знаниями, чтобы избежать трудностей непонимания, которые порождаются социокультурными различиями [3, с.241]. Ю.А. Кирсанов рассматривает перевод как «социально языковую деятельность», которая представляет собой «соединение и столкновение культур» [4, с.76]. По мнению И.С. Алексеевой, каждый язык на протяжении своей истории впитывает в себя особенности обычаев и характера народа, который на нем говорит. Особенности эти настолько существенны, что принято говорить о языковой картине мира, специфичной в сознании каждого носителя языка [5, с.9-12].

С точки зрения современной теории межкультурной коммуникации понятие «картина мира» определяется как исторически сложившаяся в обыденном сознании данного языкового коллектива и отраженная в языке совокупность представлений о мире, определенный способ концептуализации действительности [6, с.32].

Ю.Н. Караулов утверждает, что различные языки по-разному вербализируют представления об окружающей из действительности, создавая культурно-специфические языковые картины мира [7, с.69]. По мнению Я.В. Усачевой, переводчик создает для себя «интерлингвокультурную картину мира», которая помогает предвидеть возможные коммуникативные трудности и решить их при помощи соответствующих языковых средств [3, с.250].

Таким образом, сталкиваясь с особенностями двух культур, переводчик должен не только иметь представления о культурных различиях, но и уметь передавать информацию от носителя одной культуры другой, руководствуясь профессиональными умениями и навыками, позволяющими адекватно и эквивалентно передать содержание [3, с.251]. Многообразие культур, а также различия, существующие в соответствующих языковых картинах, не должны

быть препятствием на пути взаимопонимания, их требуется преодолевать в процессе перевода.

Таким образом, знакомство с культурой других народов является важным фактором успешного межкультурного общения.

Литература

1. Швейцер А.Д. Перевод как акт межкультурной коммуникации / А.Д. Швейцер // Актуальные проблемы межкультурной коммуникации: Сб. науч. тр., – М., 1999, вып. № 444. – С. 180-187.
2. Оберемко О.Г. Лингвострановедческая компетенция в профессиональной подготовке переводчика: Учебное пособие для студентов / О.Г. Оберемко – Н.Новгород: Нижегородский государственный университет им. Н.А. Добролюбова, 2010.– 75 с.
3. Усачева Я.В. Языковая картина мира и подходы к анализу оригинала и перевода художественного произведения / Я.В. Усачева // Новый филологический вестник. – М.: Языкознание, 2017. – №3 (42). – С.241-253.
4. Кирсанов Ю.А. Лингвистические проблемы перевода (методологический аспект критериев качества перевода) / Ю.А. Кирсанов // Текст в языке и речевой деятельности (состав, перевод, автоматическая обработка). – М., 1987. – С. 74-78
5. Алексеева И.С. Введение в переводоведение: Учебное пособие для студ.филол. и лингв. фак. высш. учеб. заведений / И.С. Алексеева – СПб: Филологический факультет СПбГУ; М.: Издательский центр «Академия», 2004. – 352 с.
6. Вержбицкая А. Языковая картина мира как особый способ репрезентации образа мира в сознании человека / А. Вержбицкая // Вопросы языкознания – № 6. – 2000. – С.33-38.
7. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность / Ю.Н. Караулов. – 7-е изд., – М.: Издательство ЛКИ, 2010. – 264 с.

THE ROLE OF CULTURAL FEATURES IN TRANSLATION AS ONE OF THE FACTORS OF SUCCESSFUL CROSSE-CULTURAL COMMUNICATION

E.A. Litvinova
Voronezh State University

Abstract. This article proposes a review of researchers' point of view on the problem of translation in the context of the cross-cultural communication. The success of cross-cultural communication involves not only the knowledge of language but also the need to take into account the role of cultural features which are represented in a different linguistic picture of the world. The professional skill of a translator as an interpreter consists in the ability to transmit information from the representative of one culture to another, guided not only by the language skills and abilities but also by the extratextual knowledge which allows to prevent the problems of misunderstanding, caused by the cultural features. The diversity of cultures, as well as the cultural features should not be an obstacle to mutual understanding, they must be overcome in the translation.

Key world: cross-cultural communication, cultural features, linguistic picture of the world, translation, language barrier, native speaker, professional skill, translator, extratextual knowledge, diversity of cultures

Литвинова Елена Александровна,
преподаватель кафедры французской
филологии факультета романо-
германской филологии,
Воронежский государственный
университет
89081383259
LitvinovaElena2009@yandex.ru

E.A. Litvinova,
Lecturer, Faculty of Romance and
Germanic Philology, Department of
French Philology
89081383259
LitvinovaElena2009@yandex.ru

ЛИНГВОКУЛЬТУРНАЯ АДАПТАЦИЯ В ЗАГОЛОВКАХ НАУЧНЫХ МЕДИЦИНСКИХ СТАТЕЙ

Ю.Н. Науменко, А.О. Стеблецова
Воронежский государственный медицинский университет
имени Н.Н. Бурденко

Аннотация. Настоящее исследование выполнено в русле межкультурной коммуникации и посвящено изучению актуальной проблемы – лингвокультурной адаптации как приему устранения лингвокультурных барьеров в сфере международной академической коммуникации, что позволит русскоязычным исследователям занять достойное место в международном академическом сообществе. Целью настоящего исследования является выявление лингвокультурных барьеров и описание приёмов лингвокультурной адаптации в заголовках научных медицинских статей. Авторы рассматривают заголовки научных статей британских и российских медицинских журналов. В результате обнаружено, что различия в логико-содержательной организации заголовков обусловлены национально-культурными нормами научного стиля и представлениями об академичности научного текста.

Ключевые слова: лингвокультурная адаптация; заголовок; научная медицинская статья; лингвокультурные барьеры; национально-культурные нормы; научный стиль

Введение. По мнению многих ученых в настоящее время английский язык является современным *lingua franca* международной науки. Кен Хайланд [1] отмечает, что «более 90% научной литературы публикуется на английском языке». Это приводит к доминированию английского научного стиля, который превращается в лингвостилистический стандарт современной международной академической коммуникации в сфере медицины. Наряду с очевидными преимуществами возникает и ряд существенных проблем для русскоязычных участников коммуникации. Довольно часто написание статей на английском языке является очень трудоемким процессом, связанным не только или не столько с лингвистической компетенцией, а с национально-культурными нормами научного стиля и представлениями об академичности научного текста, спецификой научного мышления на родном языке. Таким образом, вопрос адаптации к нормам научного стиля английского языка приобрел решающее значение для русскоязычных участников. Актуальность настоящего исследования продиктована необходимостью поиска приёмов лингвокультурной адаптации в заголовках

научных медицинских статей и устранения лингвокультурных барьеров в сфере международной академической коммуникации, что позволит русскоязычным исследователям занять достойное место в международном академическом сообществе.

Лингвистическая адаптация как прием переводческой практики часто становилась предметом серьезного теоретического анализа в трудах В.В. Демецкой, Л.К. Латышева, В.С. Виноградова, А.Д. Швейцер, В.Н. Комисарова [2; 3; 4; 5; 6]. Согласно В.Н. Комиссарову, адаптация – преобразование информации с целью изложить ее в иной форме, определяемой особой задачей межъязыковой коммуникации [6]. Основные виды адаптации — это количественное сокращение оригинала, а также качественное преобразование его формы и содержания в соответствии с языковыми, культурными и когнитивными структурами реципиента. Существует также взгляд, допускающий практически неограниченную адаптацию оригинала; это скопос-теория К. Райс, Х. Вермеера, К. Норд, утверждающая автономию перевода от оригинала, его самоценность, обусловленную теми функциями для принимающей культуры, которые он выполняет [8; 9].

В то же время лингвокультурная адаптация в научно-медицинском дискурсе представляется недостаточно разработанной областью как дискурсивного, так и переводческого анализа отечественной лингвистики. Таким образом, новизна нашего исследования заключается в том, что на материале заголовков русскоязычных и англоязычных научных медицинских текстов предпринята попытка выявить приемы лингвокультурной адаптации и устранить очевидные нарушения коммуникативных норм англоязычного научного стиля русскоязычными авторами. Целью настоящего исследования является выявление лингвокультурных барьеров и предложение приёмов лингвокультурной адаптации в заголовках научных медицинских статей, которые могут иметь практическое значение для русскоязычных авторов, стремящихся опубликовать результаты своих изысканий на английском языке.

Материалы и методы. Материалом исследования послужили заголовки медицинских статей журналов «Вестник Российской академии медицинских наук» за 2016-2018 гг., «Российский медицинский журнал» за 2016 г., «The British Medical Journal» (BMJ) за 2017-2018 гг. Авторами статей в «BMJ» являлись носители английского языка, авторами статей российских медицинских журналов были русскоязычные авторы, которые представляли

заголовки и аннотации оригинальных русских статей на английском языке, т.е. предлагали их англоязычные версии.

На начальном этапе исследованию подвергались заголовки оригинальных английских статей Британского медицинского журнала. Заголовки английских статей рассматривались в когнитивно-дискурсивном аспекте. Когнитивный-дискурсивно анализ заключался в поиске и выявлении соответствия между конкретными номинативными группами и смысловыми категориями научного анализа, выраженными в заголовке. Затем анализировалась синтагматическая структура номинативных групп заголовка для установления типичных синтаксических схем построения заголовка. Полученные в результате анализа закономерности выражения смысловых категорий научного анализа в заголовке и способы их синтаксической организации соотносились с англоязычными заголовками русских авторов. Случаи расхождения последних с англоязычными моделями свидетельствовали о наличии неких несоответствий англоязычных заголовков, созданных русскими авторами, конвенциональным нормам английского научного дискурса.

Результаты и обсуждение. Когнитивно-дискурсивный и сопоставительный анализ заголовков научных медицинских статей русскоязычных авторов позволил выявить ряд нарушений или несоответствия как на языковом, так и на дискурсивно-когнитивном уровнях. Выявленные нарушения норм английского языка вызваны не только или не столько недостаточной лингвистической компетенцией русскоязычных авторов, сколько переносом русскоязычных норм научного стиля при написании статьи, т.е. лингвокультурной интерференцией. Ниже предлагаем наиболее частотные расхождения между лингвостилистическими нормами английского научного дискурса и англоязычными версиями русских заголовков.

Избыточное использование *of-genetive*

Наиболее характерным для русскоязычных авторов грамматическим нарушением является использование двух и более генитивных конструкций с предлогом *of* или *of-genetive*. Эта переводческая тактика используется, как правило, в случаях необходимости распространения основного существительного, однако избыточность её применения создаёт синтаксические громоздкие и неестественные конструкции. На наш взгляд, приёмом лингвокультурной адаптации и способом устранения избыточного *of-genetive* можно считать использование номинативных групп, в которых главное существительное пре-модифицируется, т.е.

распространяется атрибутами в пред-позиции. Приведём следующие примеры в таблице 1.

Таблица 1

Приёмы лингвокультурной адаптации избыточного *of-genetive*

	Русский вариант	Английский авторский перевод	Прием лингвокультурной адаптации
1	Клинические аспекты эффективности инкретиновой терапии (WNT -патогенетический путь и полиморфизм гена TCF7L2)	The clinical aspects of effectiveness of incretin therapy (WNT-pathogenic path and polymorphism of gene TCF7L2)	The clinical aspects of <i>incretin therapy effectiveness</i> (WNT-pathogenic path and polymorphism of gene TCF7L2)
2	Причины развития легочной гипертензии при ожирении	The causes of development of pulmonary hypertension under obesity	The causes of <i>pulmonary hypertension development</i> in obesity
3	Изучение влияния различных методов местного лечения на заживление ран у пациентов с нейропатической и нейроишемической формой синдрома диабетической стопы	The study of influence of different methods of local treatment on wound healing in patients with diabetic foot ulcers	<i>The impact of various topical therapies</i> on wound healing in patients with diabetic foot ulcers

Проблема использования абстрактной лексики

Русскоязычные авторы довольно часто используют в заголовках слова абстрактной общенаучной семантики в качестве первого компонента номинативной фразы, например, *significance, use, relationship, approach, problem, study, research, method, system*. Распространенным является также использование отглагольной лексики для выражения идеи «создания» – *creation, formation, «оптимизации» – optimization* и другие. В результате сочетание двух и более слов абстрактной семантики в заголовке порождает нехарактерные для английского стиля неясность, усложненность предмета или проблемы исследования. В английском научном дискурсе авторы не столь часто используют абстрактную и отглагольную лексику в заголовках статей, предпочитая конкретное обозначение проблемы, предмета или гипотезы исследования.

Таблица 2

Приёмы лингвокультурной адаптации лексики абстрактной семантики

	Русский вариант	Английский авторский перевод	Прием лингвокультурной адаптации
1	Создание системы формирования здорового образа жизни – главное направление профилактики в Российской Федерации	<i>Creation of the system for the formation of healthy lifestyle: the main goal of prophylactic medicine in Russian Federation</i>	<i>Healthy life style development as the basic trend in Russian preventive medicine</i>
2	Оптимизация хирургического лечения варикозной болезни нижних конечностей	<i>The optimization of surgical treatment of patients with varicose disease of lower extremities</i>	<i>Surgical treatment enhancement for patients with varicose disease of lower extremities</i>
3	Проблемы классификации и организации медицинской помощи при различных формах язвенно-некротических поражений нижних конечностей у больных сахарным диабетом	<i>The problem of classification and organization of medical care for diabetic patients with different forms of ulcerative-necrotic lesions of lower extremities</i>	<i>Health care types and delivery for diabetic patients with different forms of ulcerative-necrotic lesions of lower extremities</i>

Рассматривая возможности лингвокультурной адаптации, которые определяют степень сохранения или элиминации информации в процессе перевода, мы отметили, что такие общенаучные существительные, как *создание, организация, оптимизация* *creation, formation, optimization*, значительно расходятся на уровне сигнификативных коннотаций в русском и английском научном стиле. В русском научном стиле лексемы *создание, организация, оптимизация* традиционно используются как содержательный элемент заголовков, указывающий на общий существенный характер обсуждаемой проблемы. В английском научном стиле данные лексемы не обладают сопоставимой с русским стилем значимостью, поэтому английским читателям англоязычных версий русских заголовков вряд

ли будет понятен дискурсивный и прагматический смысл таких лексем. В таблице 2 предлагаем исходные русские варианты, английские авторские версии и возможные приёмы лингвокультурной адаптации.

Категории научного анализа и их вербализация в английских заголовках «ВМЈ»

На начальном этапе анализа британских заголовки научных статей мы отметили, что англоязычные авторы также регулярно используют определенные лексем абстрактной семантики, например, *association, effectiveness, effect, management, impact, trend*. Соотнесение их с проблематикой исследования позволяет нам предположить, что эти лексем служат для манифестации некоторых смысловых категорий научного анализа-исследования Их можно считать своего рода маркерами проблемы, гипотезы, объекта или предмета исследования, отраженными в заголовке. Выявление данных лексем может служить для русскоязычных авторов некой моделью англоязычного научного стиля, которую можно и нужно воспроизводить при создании собственных текстов. Мы предполагаем, что данные лексем-маркеры являются средствами экспликации следующих категории научного анализа:

- **гипотезы**, которая проверяется в ходе исследования и обсуждается в статье, например, *Association between ambient temperature and mortality risk and burden: time series study in 272 main Chinese cities*;
- краткого описания полученных **результатов**, например, *Effectiveness of flexible sigmoidoscopy screening in men and women and different age groups: pooled analysis of randomised trials. – Effect of diet and physical activity based interventions in pregnancy on gestational weight gain and pregnancy outcomes: meta-analysis of individual participant data from randomised trials*;
- исследуемого явления или **предмета**, например, *Triple therapy in the management of chronic obstructive pulmonary disease: systematic review and meta-analysis*.

Кроме лексических средств выражения категорий научного анализа в английской заголовках особую роль играют синтаксические конструкции. Использование определенных синтаксических схем позволяет имплицитно категории научного анализа, например, посредством употребления номинативных групп в которых существительное пре-модифицируется или пост-модифицируется, т.е. распространяется атрибутами в пред- или пост-позиции. В большинстве случаев синтаксические конструкции с номинативными

группами представляют собой двучлен или трехчлен, у которого оба его компонента (стержневой и зависимый) соединены с помощью синтаксической (атрибутивной) подчинительной связи. Следует отметить, что любое существительное, стоящее перед другим существительным, выполняет атрибутивную функцию, следовательно, образует препозитивную атрибутивную конструкцию. Широкое употребление существительных в общем падеже в качестве препозитивных атрибутов считается одной из специфических характеристик английского языка и наиболее распространено именно в научном стиле. Употребление многокомпонентного словосочетания дает возможность передачи максимального количества информации при минимальном использовании грамматических средств связи, например,

Doctor Referral of Overweight People to Low Energy total diet replacement Treatment (DROPLET): pragmatic randomised controlled trial;

Intensification of older adults' outpatient blood pressure treatment at hospital discharge: national retrospective cohort study.

Синтаксические конструкции с союзом достаточно частотны в британских заголовках медицинских статей. Примечательно, что союз *and* помимо прямого значения добавления (пример 1) может использоваться в конструкциях, номинативные группы которых находятся в причинно-следственных отношениях (пример 2):

1) *Mortality due to cirrhosis and liver cancer in the United States, 1999-2016: observational study.*

2) *Obesity and obstetric conditions: umbrella review of the literature;*

Проанализировав большую часть заголовков, мы отметили, что англоязычные авторы используют ещё одну важную категорию научного анализ – **дизайн** или тип исследования в заголовках научных статей. Синтаксически этот компонент всегда завершает структуру заголовка и отделяется от начальной части двоеточием, например,

Clpidogrel plus aspirin versus aspirin alone for acute minor ischaemic stroke or high risk transient ischaemic attack: systematic review and meta-analysis;

Incretin based drugs and risk of cholangiocarcinoma among patients with type 2 diabetes: population based cohort study.

Медицинские исследования отличаются строго разработанной системой дизайна. Частотными типами исследований являются следующие:

cohort study – когортное исследование;

prospective cohort study – проспективное когортное исследование;

retrospective cohort study – ретроспективное когортное исследование;
observational study – неэкспериментальное (наблюдательное) исследование
randomised trial – рандомизированное клиническое испытание;
systematic review – систематический обзор;
meta-analysis – мета-анализ.

В проанализированных заголовках статей из российских медицинских журналов не выявлено в структуре заголовка дизайна (тип исследования).

Выводы. Когнитивно-дискурсивный анализ заголовков научных статей англоязычных авторов, сопоставительный анализ заголовков оригинальных статей русскоязычных авторов и англоязычных эквивалентах статей русскоязычных авторов позволил выявить определенные различия лингвокультурного характера: использование двух и более генитивных конструкций с предлогом *of* или *of-genetive* русскоязычными авторами; использование слов абстрактной общенаучной семантики в качестве первого компонента номинативной фразы; категории научного анализа и их вербализация в английских заголовках «ВМЈ». Наличие данных различий свидетельствует о лингвистических, дискурсивных, жанрового-стилистических проблемах русскоязычных авторов-участников англоязычного научного дискурса. При этом выявленные трудности связаны не только или не столько с недостаточной лингвистической или коммуникативной компетенцией. Различия в логико-содержательной организации заголовков вызваны национально-культурными нормами научного стиля и представлениями об академичности научного текста, спецификой научного мышления на родном языке и необходимостью адаптировать собственный способ рефлексии к англоязычным нормам и традициям.

Литература

1. Hyland K. & F. Hyland. (eds.) Feedback in second language writing: Contexts and issues. – New York: Cambridge University Press, 2006a.
2. Демецкая В.В. Определение понятия адаптация в рамках теории коммуникации и переводоведения / В.В. Демецкая // Ученые записки Таврического национального университета им. В.И. Вернадского. Серия «Филология». – 2007. – Т. 20 (59). № 2. С.107-111.
3. Латышев Л.К. Перевод проблемы теории, практики и методики преподавания. / Л.К. Латышев – М., 1988. – 160 с.
4. Виноградов В.С. Введение в переводоведение (общие и лексические вопросы). / В.С. Виноградов – М., 2001. – 224 с.
5. Швейцер А.Д. Теория перевода: Статус, проблемы, аспекты. / А.Д. Швейцер – М., 1988. – 215 с.

6. Комиссаров В.Н. Теория перевода (лингвистические аспекты). / В.Н. Комиссаров – М., 1990. – 253 с.

7. Reiss, K. Vermeer, H. J. Grundlegung einer allgemeinen Translationstheorie. / K. Reiss, H. J. Vermeer – Tübingen, 1984.

8. Nord, Ch. Texts in Situations. A functional model for text analysis in translation teaching. / Ch. Nord Translation & Text Linguistics. – Moskva, 1994. – С. 105-127.

Список источников примеров

1 *. Вестник Российской академии медицинских наук. <https://vestnikramn.sprjournal.ru/jour/index>

2*. Вестник хирургии имени И.И. Грекова. <https://www.vestnik-grekova.ru/jour>

3*. The British Medical Journal. <https://journals.bmj.com/>

LINGUACULTURAL ADAPTATION IN THE TITLES OF SCIENTIFIC MEDICAL ARTICLES

J.N. Naumenko, A.O. Stebletsova
N.N. Burdenko Voronezh State Medical University

Abstract. The research is carried out in the framework of cross-cultural communication. It identifies and analyzes the most common linguocultural barriers when writing academic medical articles in English. The aim of the research is to propose linguocultural adaptation in the titles of scientific medical articles, to enable Russian-speaking authors to overcome linguocultural barriers in productive professional research and communication. The titles of Russian articles, their English versions and the titles of English articles, published in medical journals, served as the material for the research.

Key words: linguocultural adaptation; title; scientific medical article; linguocultural barriers; Russian language; English language; academic discourse

Стеблецова Анна Олеговна,
доктор филологических наук, зав.
кафедрой иностранных языков,
Воронежский государственный
медицинский университет имени Н.Н.
Бурденко
89081439989
annastabl@mail.ru

Anna Olegovna Stebletsova
Head of the Department of Foreign
Languages, Doctor in Philology,
Federal State Budget Educational Institution
of Higher Education «Voronezh N.N.
Burdenko State Medical University»
89081439989
annastabl@mail.ru

Науменко Юлия Николаевна,
преподаватель,
Воронежский государственный
медицинский университет имени Н.Н.
Бурденко, кафедра иностранных языков
89204276030
naumenko1981@mail.ru

Julia Nikolaevna Naumenko
Lecturer, Department of Foreign Languages,
Federal State Budget Educational Institution
of Higher Education «Voronezh N.N.
Burdenko State Medical University».
89204276030
naumenko1981@mail.ru

ЯЗЫК, ПЕРЕВОД И ДИСКУРС: ТРУДНОСТИ И УСПЕШНЫЕ СПОСОБЫ ИХ ПРЕОДОЛЕНИЯ

Н.З. Нормуродова

Ташкентский государственный университет
узбекского языка и литературы им. А. Наваи

Аннотация. В статье акцентируются многогранные отношения между языком, переводом и дискурсом в контексте антропоцентрической парадигмы. Эти понятия необходимо различать. Чтобы исследователь мог идти в ногу с развитием этих перспективных областей, они подлежат систематизации согласно их частным и общим целям. В данной статье мы обращаем внимание на то, что дискурс наделен сравнительной функцией, в то время как функция теории и практики перевода – коммуникативная. Следовательно, дискурс не помогает спрогнозировать наиболее подходящие эквиваленты для выражений в определенном контексте. Он не предполагает также и всех возможных случаев перевода в когда-либо возобновляемом акте коммуникации. Область перевода не ограничивается лингвистическими фактами, идиоматическими выражениями или соответствиями, которые могут представлять предмет сравнительного исследования. В дополнение мы предлагаем анализ лингвокультурного уровня лексических единиц, отражающих особенности культурных понятий и национально-культурной специфики. Нужно подчеркнуть, что активизация и осмысление когнитивных структур в художественном дискурсе играют, несомненно, важную и концептуально значимую роль в процессе перевода.

Ключевые слова: перевод, дискурс, прагматика, эксплицитное, имплицитное, переносное значение, интерпретация, метафора, замена, эмоциональная проза

Modern linguistics is based on the principle of the anthropocentric paradigm, which includes the «human factor» in the study of language. The anthropocentric paradigm puts forward new approaches to the research of language which are implemented within a number of new disciplines, such as cognitive linguistics, linguopersonology, linguoculturology, text linguistics, linguopragmatics, communicative linguistics, etc.

It is acknowledged that new perspective trends in linguistics should be investigated through the anthropocentric approach. The main assumptions are listed below:

- the basic notion of paradigm, its historical development and classification are the key figures in penetrating the deep meaning of linguistic personality;
- the anthropocentric paradigm in the light of the interdisciplinary approach, which includes cognitive linguistics, linguopragmatics, linguoculturology etc.

- new trends in linguistics are interconnected and interconditioned, which implies extralinguistic factors of the language on the whole.

Studying the phenomenon of a linguistic personality from the point of view of pragmatics makes it inevitable to introduce a new term - «discourse». Discourse (from French «discourse» - speech) is a coherent text with extralinguistic, pragmatic, sociocultural, psychological and other factors; it is a text used in a conceptual aspect [1, p.34]. It is speech considered as a purposeful social activity, and as a component participating in interaction of people and mechanisms of their consciousness (cognitive processes). The notions of «text» and «discourse» are correlative, but not equivalent. Text is a part of discourse; it is created in the process of discourse. Despite the differences between the notions of text and discourse, they cannot be completely separated since they are closely correlated with one another in terms of their users (addresser and addressee, i.e. author and reader), relationship (text is a part or result of discourse) etc. Although different linguists define discourse in various ways, they all back up the claim that discourse is interpreted in a certain context and based on a specific situation. It is a belief of most prominent linguists that in the process of discourse analysis, particularly in a literary review, linguistic, social, pragmatic, cultural, psychological factors of communication should be taken into consideration. Nina D. Arutyunova provides the following definition: «Discourse (from French «discours» - «speech») is a coherent text with extralinguistic, pragmatic, sociocultural, psychological and other factors; it is a text used in a conceptual aspect. It is speech which is considered as a purposeful social activity, and as a component participating in interaction of people and mechanisms of their consciousness (cognitive processes). Discourse is speech that is «immersed in life» [2, p.17]. Therefore, the term «discourse» unlike the term «text», is not applied to ancient and other texts, which are not linked to life directly».

Some more assumptions of the same linguists have aroused great interest among researchers. They represent the notion of discourse as a living phenomenon, which is born, lives and dies; and this description is all about discourse when it loses its relevance and actuality. Text is eternal, i.e. «manuscripts do not burn». There is no incoherent text whatsoever. A written text was once discourse, a text will turn into discourse when touched by a human hand and consciousness. Text is a means and unit of communication. Discourse is a form in which this communication proceeds. A text provides sustenance for thought, and discourse is a reflection that is explicitly expressed [2, p.41-42].

As it is fairly noticed, the opposition of text and discourse should not be absolutized. Even though these notions are considered as mutually

exclusive, they are still connected by a «genetic relationship». In other words, there is no text outside discourse activity, i.e. any recorded or fixed text is preceded by discourse. In addition, the thing which text and discourse analysis have in common is that each of them certainly needs to decode implicit meanings in order to get a clear understanding, which is significant for both [3, p.22]. Thus, even though the notions of text and discourse are quite distinguishable, they do not oppose each other completely since their relations are characterized by a cause and effect relationship: text is the product of discourse. Text arises in the process of implementation of a certain process, but it is studied in its completion, and discourse is investigated in a certain mode and time. In any case, discourse analysis presupposes reactivation of this process even if it is its result that is brought into focus of attention [4, p.79]. At this point, it is important to mention that mode of discourse is a term which denotes what part is played by language, what the participants are expecting the language to do for them in a particular situation: the symbolic organization of a text, the status that it has, and its function in the context, and also the rhetorical mode, i.e. what is being achieved by the text.

As surveys have shown, besides the opposite features of text and discourse, there are some more properties that they two have in common, as well. For instance, T. van Dijk notes that the «users» of both text and discourse are considered to be the author and the reader who do not necessarily contact each other directly [5, p.3].

The abovementioned assumption would be true especially in case of creating an academic text which comes into existence in a specific socio-cultural and historical environment, and this is exactly what is reflected both in its formal (expression) and substantial (content, semantic) structure. When creating this kind of text, the author does not simply fix certain background knowledge in his/her writing, but also he/she includes the elements of imaginary dialogue with the addressee of the text, he/she seeks out to realize their intentions by means of certain language structures in order to deliver certain pragmatic settings to the addressee [5, p.67]. In other words, the author is plunged into the discursive space of their academic branch or sphere of knowledge, and tends to use every single possibility of discourse aimed at reflecting views, assumptions and inferences, as result of which a particular text is formed.

Further reflecting on the concepts of text and discourse, a number of certain authors regard discourse as a complex system of knowledge hierarchy, which contains the knowledge of the world, the language that people speak, and the knowledge of situation relevance of situation. According to the same linguists, text, being the result of discourse, can

possibly be considered as a representative of an almost identical knowledge hierarchy.

Therefore, discourse is a complex communicative phenomenon, which assumes the creation of a certain text, as well as speech production influenced by a certain number of extralinguistic circumstances that are revealed when the text is perceived. This representation helps certain scholars to claim that the cognitive processing model of discourse naturally fits into comprehension model (or processings) of discourse [5, p.14].

To sum up, the following assumptions can be singled out as a result of aforementioned theoretical analysis based on the notions of discourse:

- Despite the differences between the notions of text and discourse, they cannot be completely separated since they are closely correlated with one another in terms of their users (addresser and addressee, i.e. author and reader), relationship (text is a part or result of discourse) etc.
- Although different linguists define discourse in various ways, they all back up the claim that discourse is interpreted in the context and based on a specific situation.
- It is a belief of most prominent linguists that in the process of discourse analysis, particularly in a literary review, linguistic, social, pragmatic, cultural, psychological factors of communication should be taken into consideration.

The anthropocentric paradigm has switched the interests of researchers from the object to the subject, i.e. a person is analyzed within language and vice versa. According to the principle of anthropocentrism, language is learned in close interrelation with a person, their activity and culture.

The representation of discourse as a complex communicative phenomenon, which assumes the creation of a certain text, as well as speech production influenced by a certain number of extralinguistic circumstances that are revealed when the text is perceived, helps certain scholars to claim that the cognitive processing model of discourse naturally fits into the comprehension model (or processings) of discourse in the translation process.

The notion of language as a means of extracting, storing and transferring information triggers the study of the ways and mechanisms of presenting knowledge through language. Knowledge and its representation are key issues of cognitive studies in general, and cognitive linguistics in particular. From the point of view of cognitive linguistics knowledge is regarded as the result of cognition of the surrounding world, as an adequate reflection of reality in the human mind, as a product of processing verbal and non-verbal experience that forms the image of the world, on the basis of which one can make their own judgments and conclusions.

Most cognitivists agree that knowledge in the human mind consists of mental representations constructed of concepts, analogies, images, relations between elements within a single mental space. It is acknowledged that knowledge is not an amorphous entity; it is structured to present certain blocks of information, and that has conditioned the use of the term «knowledge structures». It is worth mentioning that this phenomenon is known under various names «depositories of knowledge», «encyclopedic knowledge», «knowledge-base», «background knowledge», «formats of knowledge», etc. Despite some terminological discrepancy, on the whole knowledge structures are understood as blocks of information containing a system of interrelated concepts.

There are different types of knowledge structures: linguistic (lexicon, grammar, phonetics word-formation, etc.); encyclopaedic (world knowledge, history, politics, economies, nature, etc.), communicative (communicative aims and intentions, conditions and circumstances), cultural (literature, art, cultural values, customs and traditions, etc.). All these types of knowledge are united into two main groups: linguistic knowledge and non-linguistic or knowledge of the world presented in the human mind. The problem of relationships between knowledge structures and their verbal explications is a key issue of cognitive linguistics. In this respect the crucial task is to define which elements of language are the most relevant to knowledge representations. Knowledge structures are presented in the human mind in the forms of «frames» (a stereotyped situation and its verbal representation), «scripts» (a stereotyped dynamic sequence of events, episodes, facts), «gestalts» (a united structure combining both emotional and rational components).

The notion of knowledge structures proves to be of much significance for cognitive stylistics, and particularly for text interpretation. Text interpretation is regarded as a purposeful cognitive activity aimed at understanding and perception of the information conveyed by the text. The procedure of interpretation consists in constructing and verifying a hypothesis about deep-lying information of the text. Cognitive linguistics states that interpretation should be done within the framework of certain modules of understanding:

- using language knowledge;
- constructing and verifying hypothetic interpretations;
- constructing the «model world» of the text;
- reconstructing the author's intentions;
- establishing relationships between the “inner world” of the addressee and that of the addresser.

From the linguistic point of view an important task of interpretation is finding basic linguistic signals, markers to be guided by in the process of interpretation. In this respect the linguistic units aimed to represent various types of knowledge structures are of special significance. It is accounted for by the fact that knowledge structures and their conceptualization foster constructing «the model world» of the text and reconstructing the author's intentions.

As our observations have shown stylistic devices play an important role in representation of knowledge structures. In this respect such stylistic devices as allusion, symbol, or antonomasia are illustrative, as in a literary text they fulfil the pragmatic function of activating knowledge structures. The term «activation» is understood as stimulation of certain parts of the brain in the process of speech activity under the influence of verbal signals aimed to represent certain knowledge structures. Proceeding from this notion we can suppose that in a fictional text some language units are used with a deliberate aim to activate the knowledge structures relevant to the conceptual information of the text. The process of activating knowledge structures in a text can be described as follows: under the impact of some verbal signals a certain contour scheme (frame) is activated, but many slots of this frame remain implicit. The explication of these slots is achieved by the study of frame associations, encyclopaedic knowledge, contextual links of a verbal signal-stimulus.

Translation is used to transfer meanings from one language to another. A written or spoken SL text will be replaced by its equivalent written or spoken TL text. In most cases, however, we as translators can not find the proper equivalent of some of the SL items. According to the practical material [7, p.56], languages contain concepts which differ radically, since each language organizes the world differently. When we compare languages, we find that different cultures have identified similar social observations and according to their knowledge and experience coin their own phrases. So, we can conclude that the disparity among languages is problematic for translators and the more different the concepts of languages are, the more difficult it is to transfer messages from one language to another. Among the challenging factors involved in the process of translation one can mention the transference of form, meaning, style, proverbs, idioms, etc. Before going deep into the discussion, there is a need to define idioms to distinguish them from non-idioms. The social context has an important role in facilitating figurative interpretation of idiomatic expressions, in English, Russian, and Uzbek, and hence, providing correct answers. Students' translations of de-contextualized idioms usually end up with unsatisfactory results simply because an idiom is largely related to the

situation that gives it a special meaning. So, students should take into consideration the situation because it is apparently essential to produce a correct translation. In addition, the findings show that students do not use the right strategies that may help to make the appropriate guesses. In both English and Uzbek translations, they stick to word for word translation. Paraphrasing and cultural substitution strategies are sometimes used, but not in an appropriate way. Consequently, better understanding, using and translating idioms need mastering their situational occurrences and using constructive strategies to solve the problems of non-equivalence and familiarity with the differences between the source and target languages. Students should also be exposed, more and more, to idiomatic expressions in schools and universities in order to extend their knowledge.

The requirements of equivalence in the translation of emotive prose differ considerably from these in other styles where form merely serves to convey the content of the utterance and does not fulfil any expressive or aesthetic function (the publicistic style in all its genres being to a certain extent an exception). In these styles stylistic means and devices are merely used as their indispensable markers. But in the Belles-lettres style the form and the content are an inseparable whole; their common goal is to affect the reader emotionally, to appeal to their feelings and to stir imagination, to arouse one's sense of values, both ethical and aesthetic. The approach to the problems of equivalence is broader and more flexible in this style. Losses may be greater here but so are the possibilities of compensation because the objective in view is to produce as forceful a stylistic effect as that produced by the original. While in translating official, academic and newspaper texts the losses are grammatical or lexical, in translating Belles-Lettres texts the losses are also stylistic, affecting the expressive value of a translated text.

Preservation of original metaphors in imaginative prose is obligatory as they belong to the main features of a writer's individual style. If for some linguistic reason (different valiancy, different semantic structure, etc.) the original metaphor cannot be preserved, it is essential to introduce stylistic replacements or compensation either by substituting by another image or by using another stylistic device.

The pragmatic aspect of translation is considered to be multifaceted, multidimensional and, undoubtedly, plays the predominant role in the hierarchy of levels. At the same time, it is one of the most hard-to-reach phenomena for the researcher since motives, interests, aspirations, intentionality, aims, as well as creative potentialities of human beings are considerably constructed on affections and emotions; the linguistic expression of the latter, not to mention the mental essence, has been investigated insufficiently.

In order to make the communication understandable to both speaker/author (addresser) and hearer/reader (addressee), there must be a general principle of language use, which is called the cooperative principle, i.e. communicative postulates. According to Grice, the cooperative principle is a norm governing all cooperative interactions among humans [8, p.46]. According to Grice's cooperative principle one should make his/her contribution such as it is required, at the stage at which it occurs, by the accepted purpose or direction of the talk exchange in which he is engaged. These communicative postulates contain four categories, which are formulated as basic rules or maxims. The conversational maxims can be assumed as precisifications of the cooperative principle that deal specifically with communication. So, the four maxims of conversation designated by G.Grice are the following:

1. Maxim of quantity:

- a) make your contribution as informative as is required for the current purposes of the exchange;
- b) do not make your contribution more informative than is required.

2. Maxim of quality: be truthful

- a) do not say what you believe to be false;
- b) do not say what you lack adequate evidence for.

3. Maxim of relation: relevance

- a) be relevant

4. Maxim of manner: be perspicuous

- a) avoid obscurity of expression;
- b) avoid ambiguity;
- c) be brief (avoid unnecessary prolixity);
- d) be orderly [8, p.26–27].

Grice follows his summary of the maxims by proposing that «one might need others», and states that «There are, of course, all sorts of other maxims (aesthetic, social, or moral in character), such as «Be polite», that are also normally observed by participants in return, and these may also generate nonconventional implicatures» [9, p.28].

Before analyzing the communicative-pragmatic features of LP, it is important to have a clear understanding of what a “communicative-pragmatic situation” is. A communicative-pragmatic situation is «a complex of external conditions which the partners keep in mind at the moment of their speech communication» [10, p.48]. According to scholars' opinion the communicative-pragmatic situation can be presented by a chain of questions: who – what – where – when – why – how – to whom [11, p.82]. We have outlined the following factors as the most relevant parameters of the communicative-pragmatic situation in the discourse:

- The subject and aim of communication;
- The factors of the addresser (writer) and addressee (reader);
- Social, ethnic, individual characteristics of the personages, their role and personal relations;
- The linguistic personality of the author, his conceptual world picture.

The communicative-pragmatic situation includes text as the object of research in linguopragmatics since speech communication is reflected in it or the text itself is considered to be a component of literary communication. The linguopragmatic analysis is based on lexico-grammatical and linguostylistic ones, and it appears to be their logical continuation in terms of linguopragmatic interpretation of the received data. It is aimed at revealing verbal signals of formation of the pragmatic meanings and their substantial and functional interpretation, defining the pragmatic effect of speech communication.

The pragmatic level of linguistic personality is considered to be multifaceted, multidimensional and, undoubtedly, plays the predominant role in the hierarchy of levels. At the same time, it is one of the most hard-to-reach phenomena for the researcher since motives, interests, aspirations, intentionality, aims, as well as creative potentialities of human beings are considerably constructed on affections and emotions; and the linguistic expression of the latter, not to mention the mental essence, has been investigated insufficiently.

In terms of further investigation of the complex linguistic nature of translation it is possible point out the following:

- the study of discourse using various types of texts;
- individual and psychological parametrization of personality in translation process;
- the linguodidactic principles of discourse analysis in the process of interpretation of various texts.

Literature

1. Ashurova D.U., Galieva M.R., Stylistics of literary text. / Ashurova D.U., Galieva M.R. – Tashkent – 2013: p.196.
2. Арутюнова Н. Д. Дискурс // Лингвистический энциклопедический словарь. / Арутюнова Н. Д. – М.: Советская энциклопедия, 1990. – С. 136-137.
3. Нормуродова Н.З. Выражение языковой личности в художественном диалоге (на материале английского языка). / Нормуродова Н.З. – Автореф. дис. ...канд. филол. наук. – С: 2012. – 29 с.
4. Grice H.P. "Presupposition and Conversational Implicature", / Grice H.P. – in P. Cole (ed.), Radical Pragmatics, Academic Press, New York, 1981. – Pp. 183–198. Reprinted as ch.17 of Grice 1989. – P. 269–282.
5. Grice, H.P. Studies in the Way of Words. / Grice, H.P. – Harvard University Press. 1989
6. Van Dijk T. A. The study of discourse // Discourse as structure and process / ed. by

A. Teun. London, Vol. I. Dijk van. Discourse studies: a multidisciplinary introduction. 1997. – P. 1-34.

7. Grice H.P. «Presupposition and Conversational Implicature», in P. Cole (ed.), Radical Pragmatics, Academic Press, New York, 1981. – Pp. 183-198. Reprinted as ch.17 of Grice 1989. – Pp. 269-282.

8. Grice, H.P. Studies in the Way of Words. / Grice, H.P. – Harvard University Press. 1989.

9. Van Dijk T. A. The study of discourse // Discourse as structure and process / ed. by A. Teun. London, Vol. I. Dijk van. Discourse studies: a multidisciplinary introduction. 1997. – P. 1-34.

10. Van Dijk, T. A., & Kintsch, W. Strategies of discourse comprehension. / Van Dijk, T. A., & Kintsch, W. – New York: Academic Press.

LANGUAGE, TRANSLATION AND DISCOURSE: CHALLENGES, BEST PRACTICES

N.Z. Normurodova

Navo'i Tashkent state University of the Uzbek Language and Literature

Abstract. This paper aims to show the multifaceted relations between the three components: language, translation and discourse within the antropocentric paradigm. These different issues should not be confused; they should rather be designed and organized according to their individual aims as well as their joint objectives, so that we may keep pace with the progress made in these perspective directions. In this paper, we have mainly explained that the function of discourse is contrastive while that of translation theory and practice is communicative. Hence, it can neither foretell the most appropriate equivalents for expressions in a context nor hold all potential cases of translation within the ever-renewable act of communication. The field of translation is indeed far from being limited or confined to linguistic facts, idiomatic expressions or correspondences that may constitute the subject of a comparative study. In addition to that, the analysis of the linguocultural level of lexical units reflecting the peculiarities of cultural concepts and national-cultural specificity has been carried out. It should be stressed that knowledge structures, their activation and conceptualization in the literary discourse plays an undoubtedly important and conceptually significant role in the interpretation process.

Key words: translation, discourse, pragmatics, implicit, explicit, figurative meaning, rendering, metaphor, substitution, emotive prose

Нормуродова Нозлия Зарилловна,
зав. каф. «Английская филология»
Ташкентский государственный
Университет узбекского языка и
литературы им. А. Навои
(+99897) 403-00-19
nozliyanormurodova1@gmail.com

Nozliya Zariilovna Normurodova
Head of English Philology Department,
Navo'i Tashkent state University of the
Uzbek Language and Literature
(+99897) 403-00-19
nozliyanormurodova1@gmail.com

ОСОБЕННОСТИ ПЕРСПЕКТИВИЗАЦИИ В ПЕРЕВОДАХ СОВРЕМЕННОЙ ФРАНЦУЗСКОЙ ПРЕССЫ

О.И. Палагина

Воронежский государственный педагогический университет

Аннотация. Настоящая статья посвящена уточнению некоторых положений теории перспективы в связи с интерпретативной теорией перевода, определяющей три этапа процесса перевода: понимание смысла, девербализация и выражение этого смысла на другом языке. Особенности перспективизации в переводах современной французской прессы касаются средств создания обратной перспективы. Факторами обратной перспективы являются константность формы, увеличение истинного размера удаленных предметов, подвижность точки зрения, сообщение максимум информации за счет нарушения в изображении формальной правильности восприятия. В статье рассматривается, как стремление к увеличению информативности передаваемого в переводе реализуется за счет нарушения формальной правильности изображения единиц исходного текста в переводном. Нарушения при переводе могут затрагивать полное изменение семного состава лексемы, касаться частичного перераспределения семного состава лексической единицы, приводить к замене гипонимов гиперонимами, быть связанными с переносом точки зрения с воспринимающего сообщение на продуцирующего его.

Ключевые слова: теория перспективы, интерпретативная теория перевода, обратная перспектива, понимание смысла, девербализация, константность формы, подвижность точки зрения, максимум информации за счет нарушения в изображении, изменение семного состава лексемы, гипоним, гипероним

Настоящая статья посвящена уточнению некоторых положений теории перспективы в связи с интерпретативной теорией перевода. Теория перспективы – одно из направлений лингвистической науки, представленное в трудах отечественных и зарубежных ученых. Исследования посвящены изучению средств дейксиса в номинации прагматических переменных речевого акта [1; 2; 3; 4]; экспликативных и имплекативных средств перспективы, категории наблюдателя, взаимодействия разных точек зрения в разных видах текстов, конверсационных стратегий, актов эвфемизации [5; 6; 7; 8; 9; 10; 11]. Анализу подвергается также взаимодействие различных точек зрения, связанное с проблемой интертекстуальности, и средства создания множественной перспективы, реконтекстуализация фрагментов одного текста внутри другого [12; 13]. Анализу политического дискурса,

ориентированному на внешние факторы перспективизации, посвящены исследования многих ученых [14; 15; 16; 17; 18; 19]. Перспективизация как часть процесса ментального конструирования, связывающая наблюдателя и наблюдаемый объект, изучение механизмов фокусирования/дефокусирования, результатом которых является распределение элементов описываемой ситуации на фигуру и фон; профиль и базу для описания статичного предметного значения; траектор и ориентир для анализа событийного или пространственного значения, входят в сферу научных интересов значительной части ученых [20; 21; 22; 23].

Под перспективой понимается буквально и фигурально позиция наблюдателя, т.е. местоположение, из которого человек наблюдает за происходящим, или точка зрения, которой придерживается говорящий, интерпретируя объекты и события [24, с.50]. Уточнение положений о перспективе в нашем исследовании касается средств создания перспективы и связано с интерпретативной теорией перевода, которая получила развитие в трудах французских ученых Д. Селескович и М. Ледерер. Основные постулаты интерпретативной теории перевода затрагивают изучение процесса перевода, предполагают опору при переводе на одноязычную коммуникационную модель и перевод с помощью созданных эквивалентов [25, с.100-101]. Что касается процесса перевода, то в интерпретативной теории перевода он включает три этапа: понимание смысла, девербализацию как отказ от слов и предложений, породивших смысл, во время которой смысл существует без конкретной лингвистической опоры, и выражение этого смысла на другом языке [26, с.48-49]. Именно изучение этапов понимания смысла и девербализации пересекается с исследованием перспективы в языке.

В философско-социологических описаниях перспективизации обозначены два подхода: социально-интеракционный, рассматривающий чередование точек зрения как динамическое свойство человеческого общения, в ходе которого происходят взаимодействие и смена социальных ролей, и эпистемологический, восходящий к идеям Лейбница, Ницше, Гуссерля о перспективизации как универсальном свойстве человеческого познания [27, с.2]. В первом случае точка зрения является альтероцентричной, где на первый план выдвигается мир, познаваемый индивидуальным или коллективным «другим». Во втором случае точка зрения может рассматриваться как эгоцентричная, где на первый план выходит мир, познаваемый индивидуальным субъектом.

Мы хотели бы обратить внимание еще на одну особенность перспективизации в процессе перевода, а именно на обратную перспективу, которую следует определить в связи с прямой перспективой. Прямая перспектива характеризует «способ изображения протяженных предметов, при котором по мере удаления от зрителя их характерные линейные размеры прогрессивно уменьшаются; обратной перспективой называется противоположный способ изображения, при котором характерные линейные размеры с увеличением расстояния увеличиваются» [28, с.52]. В результате исследований психофизических особенностей работы глаз и мозга было установлено, что прямая перспектива создает искажения, характерные для небольших предметов, близко расположенных к экрану. Как следствие – ученые обратились к изучению обратной перспективы. Б.В. Раушенбах описал факторы, приводящие к эффекту обратной перспективы: 1) **константность формы**: форма предмета, известного из предшествующего опыта, человеку видится более близкой и истинной, чем это зафиксировано в ретинальном изображении того же предмета; 2) при бинокулярном зрении **удаленные предметы кажутся больше истинного размера**, а предметы в непосредственной близости от смотрящего всегда видны в истинных размерах; 3) **подвижность точки зрения**: теория перспективы основывается на положении о том, что внешний мир изображается из одной неподвижной точки наблюдения, в обратной перспективе точка зрения перемещается; 4) стремление к увеличению информативности изображаемого: **сообщение максимум информации за счет нарушения в изображении** предметов формальной правильности зрительного восприятия [28, с.53].

В данной статье мы рассматриваем фактор, вызванный стремлением к увеличению информативности изображаемого, который приводит к сообщению максимума информации за счет нарушения в изображении предметов формальной правильности восприятия.

Наше исследование построено на материале оригинальных статей из французских изданий «Le Figaro», «L'Express», «Le Monde», «France 24», «20 minutes», «Slate» и их переводов на русский язык [1*]. Статьи посвящены сегодняшнему видению мира, отраженному в сериалах («Slate»), достижениям в области генетики, позволяющих избавиться от неизлечимых болезней, и об этической стороне внедрения методики CRISPR-Cas9, направленной на изменение генома человека/животного («L'Express»); инсценировке смерти оппозиционного российского журналиста Аркадия Бабченко и похожему разоблаченному во Франции в 1982 году убийству румынского писателя Виржилия Таназа

(«Le Figaro»); феномену Юваля Ноя Харари, автора нашумевших книг о религии будущего и новых технологиях биоинженерии «Sapiens» (2015) и «Homo Deus: une brève histoire de l'avenir» («Homo Deus: краткая история будущего», 2017), проданных огромными тиражами («20 minutes»). Нами проанализированы примеры исходного текста (ИТ) на французском языке и соответствующие им эквиваленты переводного текста (ПТ) на русском языке, чтобы показать, какими средствами реализуется стремление к увеличению информативности изображаемого, в результате чего создается обратная перспектива.

Ограниченные рамками статьи мы представили ниже примеры из статьи французского журнала «Slate» «*Ce que disent les séries télé de notre vision du monde*» («Что говорят телесериалы о нашем видении мира») [2*], в которой обнаруживаются следующие нарушения формальной правильности восприятия в переводе, за счет которых происходит увеличение объема сообщаемой информации:

1. ИТ: *Après que le cinéma a contribué à fonder le mythe national, les séries pourraient à l'inverse être lues comme la déconstruction de ce mythe.* = ПТ: Кино способствовало формированию национального мифа, тогда как сериалы являются *средствами* его разрушения. В ИТ сериал может «*быть прочтен*» как разрушение мифа. В ПТ сериал предстает как «*средство*» разрушения национального мифа.

2. ИТ: *Elles seraient la forme que se donnerait une époque où la crise n'est plus de l'ordre de la rupture temporelle, mais s'installe dans un temps continu et indéfini.* = ПТ: Они *могут служить отражением* эпохи, в которой кризис является не временным нарушением естественного порядка вещей, а утверждается на продолжительное и неопределенное время. В ИТ «*эпоха приобрела бы форму сериала*», а в ПТ сериалы «*отражают эпоху*».

3. ИТ: *La crise sans nom et sans limite que nous traversons est le moment d'où surgit le doute, le questionnement.* = ПТ: *Переживаемый* нами кризис без границ и названия *порождает сомнения и вопросы*. «*Переживаемый*» кризис относится в ПТ к сфере чувств, а в ИТ – «кризис» обладает вещественной коннотацией (термин «вещественная коннотация» принадлежит М.К. Голованивской [29]): кризис можно «*пересечь*» в пространстве (*traverser la crise*). «Кризис» в ПТ выступает в роли активно действующего субъекта, а в ИТ значение «кризиса» – это временной промежуток, в период которого возникают сомнения и вопросы. Точнее, «кризис» в ПТ сам способен «*порождать сомнения и вопросы*», а в ИТ является причиной ряда следствий (*появляющихся вопросов и сомнений*).

4. ИТ: Une nouvelle grammatologie *s'est mise en place* depuis quelques années, qui tient de plus en plus le cinéma à l'écart. *On en vient alors à se demander* si le genre cinématographique n'est pas en train de se dissoudre – et sa fonction sociale avec lui. = ПТ: Новая грамматология *сформировалась* несколько лет назад и все больше вытесняет кино. В такой ситуации даже *возникает вопрос*, о том, не разваливается ли кинематографический жанр, а вместе с ним и его социальная функция. В ИТ «*внедрилась*» заменяется на «*сформировалась*» в ПТ, а при переводе следующего предложения ИТ «*On en vient alors à se demander*» = «Подходим к тому, чтобы себя спросить» в ПТ изменяется угол зрения: «*возникает вопрос*».

5. ИТ: Une forme nouvelle peut-elle *décrypter* son époque? La question mérite *d'être posée*, si on prend en compte les nombreuses polémiques autour de l'histoire du «temps présent».... = ПТ: Может ли новая форма помочь лучше понять эпоху? Такой вопрос *заслуживает внимания*, если учесть множество споров насчет истории «настоящего времени».

В ПТ «*décrypter*»/«расшифровать» заменяется на «лучше понять», т.е. вместо гипонима использован гипероним. *La question mérite d'être posée*=*Вопрос заслуживает, чтобы его задали* в ПТ звучит как «*Такой вопрос заслуживает внимания*». В ПТ акцент ставится на реципиенте (слушающем, читающем, воспринимающем), а в ИТ на продуцирующем (говорящем, авторе высказывания): в первом случае – обратить внимание нужно воспринимающему, во втором – вопрос должен быть задан говорящим.

6. ИТ: C'est une des raisons qui *conduit* Gérard Wajcman à *publier* cet ouvrage. = ПТ: В этом была одна из причин, которые подтолкнули Жерара Вайцмана к написанию книги. В ИТ причина «*conduit*» / «ведет», а в ПТ она «подталкивает» Жерара Вайцмана «*publier*» / «опубликовать» (ИТ), а в ПТ – «написать книгу».

7. ИТ: Le nationalisme de ce dernier n'étant qu'une *dérive* pathologique de l'idée de nation. = ПТ: Его национализм представляет собой лишь патологическое *искажение* национальной идеи. Анализируемый пример иллюстрирует полное изменение семного состава указанной лексики: «*dérive*» / «отклонение» в ИТ меняется на «*искажение*».

8. ИТ: La «nation» est en pleine crise et se délite. Il suffit de voir la dernière campagne électorale en France, ou encore l'élection de Donald Trump, finalement très éloignée du *souci* national. = ПТ: Нация переживает кризис и разваливается. Достаточно взглянуть на последнюю избирательную кампанию во Франции или избрание Дональда Трампа, которое в конечном итоге очень далеко от

национальных *вопросов*. В примере «*souci*» / «заботы» в ИТ заменяются на «*вопросы*» в ПТ.

9. ИТ: Or le cinéma a puissamment contribué à *forger le mythe de la nation* – à *commencer par celui de la nation américaine*. = ПТ: Кино же во многом способствовало *формированию* мифа нации, в том числе *американской*. Анализируя в примере замену *forger le mythe*, имеющего два словарных значения «ковать» и «подделывать, фальсифицировать» в ИТ, на лишенное экспрессивной окраски «формирование мифа», следует признать выхолащивание оценочности, как и не упоминание в ПТ, что американская нация была первой в создании своего национального мифа.

Таким образом, проведенный анализ показал, что стремление к увеличению информативности передаваемого в переводе реализуется за счет нарушения формальной правильности изображения единиц ИТ в ПТ. Нарушения при переводе могут:

– затрагивать полное изменение семного состава лексики (*La crise que nous traversons* – переживаемый нами кризис, *souci/заботы* – вопросы, *conduit/ведет* – подталкивает, *se mettre en place/внедрилась* – сформировалась, *être lu/прочтен* как разрушение мифа – средство разрушения национального мифа, *dérive/отклонения* – искажения, *publier/опубликовать* – написать книгу);

– касаться частичного перераспределения семного состава лексической единицы (*se demander/спросить себя* – вопрос возникает, *Elles seraient la forme que se donnerait une époque/эпоха* обрела бы форму сериала – Они (сериалы) могут служить отражением эпохи, кризис как временной промежуток, причина сомнений и вопросов – кризис, сам порождающий сомнения и вопросы);

– приводить к замене гипонимов гиперонимами, словами с более общим референциальным значением (например, *décrypter/расшифровать* – понять), но при этом происходит «выхолащивание» экспрессивной, эмоционально-оценочной информации (например, фальсификация американского национального мифа как многотрудный процесс, сродни кузнечному делу), что в свою очередь влечет появление дополнительной имплицитной информации для русскоязычного читателя: формирование нейтрального отношения к процессу формирования американского национального мифа;

– быть связаны с переносом точки зрения с воспринимающего сообщение на продуцирующего его и наоборот (*La question mérite d'être posée/Вопрос заслуживает, чтобы его задали* – вопрос заслуживает внимания),

Как мы видим, сообщение дополнительной информации за счет нарушений в изображении происходит вследствие подвижности точки зрения, характерной для обратной перспективы. Еще одним фактором обратной перспективы является возникновение большего объема информации о предмете или явлении вследствие удаленности их от точки наблюдения. Если речь идет о процессе перевода и трех его этапах, о которых говорилось выше, то под удаленностью следует понимать «существование смысла без конкретной лингвистической опоры», удаленность от этой «опоры», своеобразной точки отсчета. В таком случае должен включиться механизм, способствующий выработке дополнительного объема информации. Он (этот механизм) обеспечивается константностью формы (еще один фактор обратной перспективы). Благодаря ей явление/предмет, известные из предшествующего опыта переводчику, видятся более близкими и истинными, каковыми он, переводчик, их стремится представить потребителям перевода.

Литература

1. Бюлер К. Теория языка: репрезентативная функция языка / К. Бюлер / пер. с нем. под общ. ред. Т. В. Булыгиной. — М.: Прогресс, 1993. — 501 с.
2. Кибрик А. А. Об анафоре, дейксисе и их соотношении [Текст] / А. А. Кибрик // Разработка и применение лингвистических процессов: сб. науч. трудов / под ред. А.С. Нариньяни. — Новосибирск: ВЦ СО АН СССР, 1983. — С. 107-129.
3. Fillmore C. Deictic categories in the semantics of come / C. Fillmore // Foundations of Language. — 1966. — Vol. 2. — No. 3. — P. 219-227.
4. Levinson S.C. Space in Language and Cognition: Explorations in cognitive diversity/ S.C. Levinson. — Cambridge: CUP, 2003. — 375 p.
5. Fraser B. Hedged performatives/ B. Fraser, P. Cole, J.L. Morgan// Syntax and Semantics. — Vol. 3. Speech Acts. — New York: Academic Press, 1975. — P. 187 — 210.
6. Tannen D. Conversational Style: Analyzing Talk Among Friends / D. Tannen. — Westport; London: ABLIX, 1984. — 272 p.
7. Телия В.Н. «Говорить» в зеркале обиходного сознания / В.Н. Телия // Логический анализ языка. Язык речевых действий. — М.: Наука, 1994. — С. 93-98.
8. Sanders J. Perspective, subjectivity and modality from a cognitive linguistic point of view / J. Sanders, W. Spooren // Discourse and Perspective in Cognitive Linguistic. — Amsterdam: Jonh Benjamins Publishing Company, 1997. — P. 85 — 112.
9. Падучева Е.В. Наблюдатель как Эксперимент «За кадром» / Е.В. Падучева // Слово в тексте и словаре. — М.: Школа «Языки русской культуры», 2000. — С. 185-201.
10. Плотникова С.Н. Неискренний дискурс (в когнитивном и структурно-функциональном аспекте) / С.Н. Плотникова. — Иркутск: ИГЛУ, 2000. — 244 с.
11. Верхотурова Т.Л. Лингвофилософская природа метаязыковой категории «наблюдатель»: автореф. дисс. ... д. филол. н. / Т.Л. Верхотурова. — Москва, 2009. — 36 с.
12. Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества / М.М. Бахтин. — М.: Искусство, 1975. — 424 с.
13. Kristeva J. Disire in Language: A Semiotic Approach to Litterature and Art / J. Kristeva. — New York: Columbia University Press, 1980. — 305 с.

14. Wodak R. *Fragmented Identities: Redefining and recontextualizing national identity* / R. Wodak // *Politic as Text and Talk*. — Amsterdam: John Benjamins Publishing Company, 2002. — P.143-172.
15. Dijk T. van. *Political Discourse and Political Cognition* / T. van Dijk // *Politic as Text and Talk*. — Amsterdam: John Benjamins Publishing Company, 2002. — P. 203-237.
16. Шейгал Е.И. Семиотика политического дискурса / Е.И. Шейгал. — М.: Гнозис, 2004. — 326 с.
17. Sauer Sh. *Ceremonial Text and Talk. A functional-pragmatic approach* / Sh. Sauer, P. Chilton, Ch. Schaffner (eds) // *Politic as Text and Talk: Analytic Approaches to Political Discourse*. — Amsterdam: John Benjamins Publishing Company, 2002. — P. 11-142.
18. Михалева О.Л. Политический дискурс: специфика манипулятивного воздействия / О.Л. Михалева. — М.: Книжный дом «Либроком», 2009. — 123 с.
19. Языковые средства конструирования имиджа субъекта в политической коммуникации / Л.И. Гришаева [и др.]. — Воронеж: Издательско-полиграфический центр Воронежского государственного университета, 2009. — 319 с.
20. Langacker Ronald W. *Foundations of Cognitive Grammar: Theoretical prerequisites* / Ronald W. Langacker. — Volume 1. — Stanford University Press, 1987. — 540 p.
21. Talmy L. *Force Dynamics in Language and Cognition* / *Cognitive Science*, 1988. — P. 49-100.
22. Croft W. *Cognitive Linguistics* / W. Croft, A. Cruse. — Cambridge University Press, 2004. — 374 p.
23. Ирисханова О.К. О типах знаний и семантической неопределенности (дело о деле) / О.К. Ирисханова // *Когнитивные исследования языка. Вып. III. Типы знаний и проблема их классификации*. М.: Ин-т языкознания РАН; Тамбов: Изд. дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2008. — С. 148-157.
24. Ирисханова О.К. Игры фокуса в языке. Семантика, синтаксис и прагматика дефокусирования / О.К. Ирисханова. — М.: Языки славянской культуры, 2014. — 320 с.
25. Lederer M. *La traduction aujourd'hui. Le modèle interprétatif* / M. Lederer. — Paris: Hachette, 1994. — 224 p.
26. Попова О.И. Интерпретативная теория: прорыв или заблуждение? / О.И. Попова // *Вестник ВолГУ. Вып.6. Серия 6*. — 2003. — С. 99–102. — Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/v/interpretativnaya-teoriya-perevoda-proryv-ili-zabluzhdenie>.
27. Graumann Carl F. *Perspective and Perspectivation in Discourse* / Carl F. Graumann, Kallmeyer Werner. — Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins, 2002. — 400 p.
28. Раушенбах Б.В. Системы перспективы в изобразительном искусстве: Общая теория перспективы / Б.В.Раушенбах. — М.: Наука, 1986. — 253 с.
29. Голованивская М. К. Французский менталитет с точки зрения носителя русского языка: (Контрастив. анализ лекс. групп со значением высш. силы и абсолюты, органы наив. анатомии, основные мысл. категории, базовые эмоции) / М.К. Голованивская. — М.: МГУ, 1997. — 279 с.

Список анализируемых источников

1* <http://perevodika.ru/articles>

2* <http://www.slate.fr/story/170172/series-televisees-boulimie-monde-contemporain-civilisation-cinema-vision-crise> (дата обращения: 25.11.2018).

FEATURES OF PERSPECTIVIZATION IN TRANSLATIONS OF CONTEMPORARY FRENCH PRESS

O.I. Palagina

Abstract. This article is devoted to the refinement of some provisions of the theory of perspective in connection with the interpretative theory of translation, which determines three stages of the translation process: understanding the meaning, deverbalization and expression of this meaning in another language. Features of perspective in the translations of the modern French press relate to the means of creating a reverse perspective. The factors of the reverse perspective are the constancy of form, the increase in the true size of the distant objects, the mobility of the point of view, the message maximum information due to violations in the image of the formal correctness of perception. The article discusses how the desire to increase the information content rendered in translation is realized by violating the formal correctness of the image of the units in text. Violations in the translation may affect the complete change in the family composition of a lexeme. They may concern the partial redistribution of the family composition of the lexical unit, or lead to the replacement of hyponyms with hyperonyms. They could also be associated with the transfer of the point of view from the person perceiving message to the person producing it.

Key words: theory of perspective, interpretative theory of translation, reverse perspective, understanding the meaning, deverbalization, permanence of form, mobility of a point of view, maximum amount of information due to disturbances in the image, change in composition of lexemes, hyponym, superordinate

Палагина Ольга Ивановна,
заведующая кафедрой французского
языка и иностранных языков для
неязыковых профилей,
Воронежский государственный
педагогический университет

Olga Ivanovna Palagina
Head of the Department of French and
Foreign Languages for Non-Language
Degrees,
Voronezh State Pedagogical University

89107490665
olgapalagin@yandex.ru

89107490665
olgapalagin@yandex.ru

КОММЕНТАРИЙ К ПЕРЕВОДУ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА КАК СРЕДСТВО ПЕРЕДАЧИ НАЦИОНАЛЬНОЙ КАРТИНЫ МИРА

М.К. Попова

Воронежский государственный университет

Аннотация. В связи с заметным сужением когнитивной базы современных студентов российских вузов рассмотрено значение роли переводов в преподавании зарубежной литературы. Анализируется важность комментирования переводов художественных текстов для передачи национальной картины мир. Аргументируется необходимость историко-культурных и историко-литературных комментариев таких национально специфически реалий, как географические названия, этнопейзаж, историческая память, судьбоносные в истории страны исторические события, имена великих соотечественников. Сопоставляются издательские практики выпуска переводных произведений в советское время и в постсоветской России.

Ключевые слова: перевод художественного текста, национальная картина мира, комментирование, советские и постсоветские издательские практики

Вопрос, вынесенный в заглавие данного сообщения, волнует меня прежде всего как человека, в течение всей жизни преподающего зарубежную литературу, т.е. в силу сложившейся практики и действующих учебных планов литературу Англии, Франции, Германии, отчасти Италии, Испании и США. Курсы по этой дисциплине вузах РФ, как известно, преподаются на русском языке, и все изучаемые произведения читаются студентами в русских переводах. Проблема понимания русскоязычными студентами текстов, изначально созданных в рамках иноязычной культуры, в последнее время приобретает особую актуальность в связи с наблюдаемым резким сужением когнитивной базы молодежи. Комментирование становится насущной необходимостью.

Материалом анализа в настоящей работе являются четыре произведения: «Любовница французского лейтенанта» Д. Фаулза, «Земля воды» Г. Свифта, «Покойный г-н Шекспир» Р. Ная, «Погребенный великан» К. Исигуро.

С моей точки зрения, необходимо говорить о комментировании разного плана. Безусловно, тексты литературных произведений, созданных в отдаленные от нас исторические эпохи, требуют значительного пояснения даже в том случае, если к ним обращаются читатели, говорящие на том же языке. Примером может служить

англоязычное Нортонское издание произведений Шекспира. Почти каждая страница исторической хроники «Генрих IV», например, содержит комментарий, поясняющий место действия, факты, личности, язык персонажей [1, р.1160-1221]. Знаменитый комментарий В. Набокова к сделанному им переводу на английский язык пушкинского «Евгения Онегина» многократно превосходит язык оригинала. Как правило, комментарии требуют те реалии, которые незнакомы представителям другой лингвокультуры, как например, *брусничная вода*, которой Онегина угощают в доме Лариных. В. Набоков посвящает подробный комментарий этому напитку, неизвестному западному читателю [2, с.322-323].

Переводы произведений более современной литературы также нуждаются в комментировании, особенно если мы имеем дело с постмодернистскими текстами. И здесь особую трудность представляют те реалии, в которых в «свернутом» состоянии содержится существенная информация, которая входит в национальную картину мира. Одной из таких реалий, на наш взгляд, является «этнопейзаж». Объясняя содержание термина, Э. Смит писал, что это «исторический и поэтический пейзаж, насыщенный культурой и историей определенной этнической общности» [3, р.15]. Такой пейзаж, по мнению ученого, является «уникальным и неотделимым фоном для тех событий, которые формируют общность. Походы, битвы и деяния, в которых участвовал “наш народ” и его предводители, происходили в определенных местах, и особенности этих пейзажей становятся частью этих событий и тех коллективных воспоминаний, которые они порождают» [3, р.150]. Для носителей языка упоминание этнопейзажа в художественном тексте сразу же вызывает в памяти целый комплекс событий, лиц, явлений, ценностей, чрезвычайно значимых в национальной картине мира. У читателей иной лингвокультуры данное географическое название, как правило, никаких ассоциаций не вызывает, что существенно обедняет понимание смысла произведения. Такие «географические реалии» требуют «развертывания значений» [4, с.46] и комментарий в таких случаях совершенно необходим. Он может быть осуществлен в виде постраничной сноски или примечаний в конце книги.

Обратимся в качестве примера к роману Джона Фаулза «Любовница французского лейтенанта». Примечания к тексту перевода часто поясняют именно «географические реалии»/«этнопейзаж». Уже на первой странице этого текста встречается название *Лайм-Риджес*, ничего не говорящее русскому читателю, но тесно связанное с важными для Англии историческими

реалиями и событиями. Примечание объясняет, что само название указывает на особые привилегии, которые городок получил еще в Средние века по королевской хартии. На следующей странице текста Дж. Фаулз пересказывает путеводители, упоминая, что из Лайм-Риджеса «*вышли в море корабли навстречу Армаде, ..возле него высадился на берег Монмут*» [1*, с.6].

Слово *Армада* для англичан значит примерно то же самое, что *Куликовская битва* для русских. Армада – полное название *Непобедимая Армада* – это сильнейший военно-морской флот Испании, при помощи которого Филипп II, король Испании, планировал покончить с Англией как сильнейшим соперником в борьбе за гегемонию в мире. Разгром в 1588 г. Армады англичанами создал предпосылки для того, чтобы Британия стала владычицей морей. Без комментария, данного М.И. Беккер в Примечаниях, символическое значение слова *Армада*, безусловно, пройдет мимо русского сознания.

Не менее важно у Дж. Фаулза и имя *Монмут*, отсылающее к знаковым для понимания английской картины мира событиям. Джеймс Монмут (1649 – 1685) вошел в историю как талантливый полководец и человек, пытавшийся (в известной мере) продолжить дело английской буржуазной революции 1640-х годов. Будучи незаконнорожденным сыном короля Карла II и протестантом, Монмут после смерти отца и воцарения его брата-католика под именем Якова II объявил себя законным королем и поднял мятеж против Якова. Монмут на тот момент находился в изгнании на континенте, его возвращение на Британские острова произошло как раз в Лайм-Риджесе. Мятеж был подавлен, Монмут казнен, но через двадцать с небольшим лет страна все-таки избавилась от короля-католика, призвав на английский трон протестанта Вильгельма Оранского.

Другой пример подробного комментирования национально-специфических реалий находим в переводе романа Г. Свифта «Земля воды». В тексте произведения перечислены имена и связанные с ними истории о том, «*как Альфред спалил коврижки, как Кнут приказывал волнам, как король Карл спрятался в дубе*» [2*, с.76-77]. Для того, чтобы передать смысл, закодированный в этих строках, переводчику потребовалась целая страница примечаний, в которых разъясняется содержание скрытых за именами собственными: «речь идет об исторических или псевдоисторических анекдотах из отечественной истории, известных в Англии буквально каждому школьнику» [2*, с.76].

Приблизительно такое же перечисление встречается в романе Р. Ная «Покойный господин Шекспир», в котором упомянуты рассказы «о Леди-оборванке, Том-Тит-Томе и Джеке и бобовом стебле» [3*, с.15]. Эти персонажи английского фольклора хорошо известны носителям языка, однако могут вызвать затруднения у читателя, принадлежащего к другой лингвокультуре, и комментариев, который отсутствует, был бы здесь уместен. Весь роман посвящен Шекспиру, фигура которого давно стала частью национальной картины мира. Стрэтфорд-на-Эйвоне и театр «Глобус», думается, вполне могут считаться «хранилищем исторических воспоминаний и ассоциаций» [5, с.9]. Однако эти географические реалии не получают никакого толкования. Сноски в «Покойном господине Шекспире» содержат или объяснения исторических реалий, таких как «Книга Судного Дня» [5, с.36], или сведения о многочисленных деятелях елизаветинской культуры, от Джеймса Бербеджа до Иниго Джоунза [5, с.21, 484].

Скудным можно назвать и количество сносок в романе «Погребенный великан» Кадзуо Исигуро, недавнего (2017 г.) лауреата Нобелевской премии по литературе. Этот текст посвящен древней истории Британских островов и построен в значительной мере на постмодернистской игре с артуровской легендой, которая является неотъемлемой частью национального сознания и национальной картины мира. Слова *король Артур* для англичан являются символом и создания крепкого государства, и рыцарской доблести, и равенства всех, сидящих за Круглым столом, и веру в то, что где-то спит волшебным сном могучий правитель, который непременно проснется и придет на помощь в роковую для страны минуту. Этот комплекс представлений и эмоций вряд ли в полной мере знаком русскоязычному читателю. Имеющиеся в переводе постраничные сноски упомянутую лакуну не закрывают, сообщая только самую краткую информацию. Так, при первом упоминании короля Артура о нем сказано: *«Имеется в виду король Артур, по легенде – вождь бриттов в V-VI вв. н.э., разгромивший завоевателей-саксов, центральный герой британского эпоса и рыцарских романов»* [4*, с.84]. Заметим, что британская эпическая поэма о короле Артуре науке неизвестна, существует только англосаксонский эпос «Беовульф», т.е. здесь присутствует фактическая ошибка. Второе упоминание Артура в сноске связано с битвой у Бадонского Холма: *«Сражение между бриттами и англосаксами (ок. 490 – 517), победу в котором, как принято считать, одержали бритты под предводительством короля Артура»* [4*, с.143].

Одним из главных героев «Погребенного великана» является сэра Гавейн. В артуровской легенде он предстает племянником короля, одним из самых знаменитых рыцарей Круглого стола, мужественным воином, склонным к авантюрам. В современном тексте он охарактеризован иначе. При его первом появлении на страницах романа Исигуро изображает его пожилым человеком, а сам герой восклицает: «...я просто старый бородатый дурак. Меч и доспехи я ношу только по долгу перед своим королем и горячо любимым другом Артуром, который уже много лет на небесах...» [4*, с. 137]. Никакого комментария имени Гавейна и его места в исторической составляющей национальной картины мира в книге нет, что затрудняет ее понимание.

В отличие от средневековых романов, где рыцарь непременно побеждал разных чудовищ, в том числе драконов, в интересующем нас романе Гавейн должен охранять и сберегать дракониху Квириг. Она насылает на окрестности волшебный туман, который отнимает у людей память о прошлом, в том числе об их взаимной вражде и кровопролитных сражениях, что позволяет бриттам и саксам мирно сосуществовать. Образ Гавейна в «Погребенном великане» построен на постмодернистской игре с традицией, заставляет читателя переосмыслить проблему памяти и забвения. На наш взгляд, этот едва ли не самый главный аспект идейного замысла романа из-за того, что пояснения прецедентного текста отсутствуют, не будет в полной мере воспринят молодым читателем с его, как уже упоминалось, слабой когнитивной базой, что не позволяет включить «Погребенного великана» в список произведений, которые студенты обязательно должны прочитать.

По типологической характеристике, согласно ГОСТ 7.60-2003 СИБИД, все упомянутые нами произведения относятся к литературно-художественным изданиям со средним (3000 экз.) или массовым (5000 экз. и выше) тиражом. К первой группе относятся «Женщина французского лейтенанта» и «Погребенный великан», ко второй – «Земля воды» и «Покойный господин Шекспир».

Анализ количества и качества комментариев к переводам художественных произведений побудил обратиться к их издательской истории. Перевод романа Дж. Фаулза был сделан в 1985 г. Мэри Иосифовной Беккер (1920 – 2010) и Ириной Бенедиктовной Комаровой (р. 1933). Первая перевела прозу романа, вторая – поэтические отрывки и цитаты. Под заглавием «Подруга французского лейтенанта» книга вышла в свет в Ленинградском отделении издательства «Художественная литература», тиражом 50 000 экз., включала в себя

вступительную статью А. Долинина «Паломничество Чарльза Смитсона» и Примечания М.И. Беккер.

Все специалисты, участвовавшие в подготовке издания 1985 г., были профессионалами самого высокого уровня, принадлежали к интеллектуальной элите Северной Пальмиры. Александр Андреевич Долинин (р. 1947) – внук и племянник известных ленинградских филологов, в то время уже кандидат наук и преподаватель в одном из ленинградских вузов, с 1999 г. – профессор в университете американского штата Висконсин. М.И. Беккер – дочь известного писателя и искусствоведа Иосифа Исааковича Беккера, в ее переводах с английского, немецкого и венгерского вышло большое количество произведений. Ирина Бенедиктовна Комарова, подруга знаменитого филолога Ефима Григорьевича Эткинда (у них общая дочь), известна переводами стихов В. Скотта, Л. Хьюза, Огдена Нэша, Э. Лира. С течением времени публикационные практики меняются. Издание того же романа в 2003 г. уже не имеет вступительной статьи, а тираж его более чем в 10 раз меньше.

Весьма достойным специалистом является и переводчик «Земли воды» Вадим Юрьевич Михайлин (р. 1964), доктор филологических наук, профессор Саратовского госуниверситета, в переводе которого уже почти 30 лет (с 1991 г.) публикуются английские и немецкие произведения. Описав в одной из статей, как трудно было молодому переводчику попасть «в обойму», В.Ю. Михайлин затем раскрывает сложившийся к концу советской эпохи механизм взаимодействия переводчика и издателя: «Заказ давался на перспективу, платили за сделанную работу так, что по советским меркам переводчик считался человеком если и не состоятельным, то уж по крайней мере отнюдь не бедствующим. И даже за невыполненную работу — тоже платили. Потому что аванс можно было не возвращать. Были в этой неспешности свои плюсы — можно было, скажем, переводить себе не спеша по два листа в месяц, потом еще полгода править уже готовый перевод, а потом, после того как его прочитает редактор, повозиться с ним (с переводом) еще пару месяцев. Редакторы были строгие, цензоры отчасти выполняли редакторскую работу еще раз, времени было хоть отбавляй — и если маститый советский переводчик делал работу, то пусть это была заказуха, пусть от заказа до показа могло пройти два года, а могло и двадцать — но работа делалась качественно» [6]. По мнению В.Ю. Михайлина, «перевод был, пожалуй, едва ли не единственной областью советской культуры, где конъюнктура и профессионализм не разводились по разным углам. Бездарный переводчик не мог стать крупной фигурой только лишь в

силу своей «партийности» и «активной жизненной позиции». Конъюнктурные заказы время от времени делали почти все. Но даже откровенная «партийность» и «активность жизненной позиции» не исключала необходимости быть прежде всего профессионалом» [6].

Совершенно оправданным выглядит и то, что роман «Покойный господин Шекспир» перевел Александр Александрович Сафронов (р. 1950), который имеет и филологическое образование (иняз Калининского университета), и в то же время несколько десятилетий отдал драматическому театру в качестве актера и режиссера. Но может быть, как раз в силу того, что переводчик находился «внутри» театрального материала, сносок в книге немного.

Весьма заинтересовала меня Мария Нуязина (р. 1975), переводчица «Погребенного великана», которая сотрудничает с издательством «Азбука». Поскольку она закончила факультет РГФ ВГУ по специальности «переводчик» (видимо, перевод и переводоведение), то все огрехи ее перевода в том числе и на моей совести. В свете вышесказанного о скудости сносок в ее переводе, несколько поражает высказывание Марии о том, что ей «очень нравится читать сноски» поэтому всегда стремится, «сделать их побольше, чтобы у следующего читателя была подробная “карта местности”» [7].

Возвращаясь к теме настоящего сообщения, хочу сказать, что, по всей видимости, уменьшившееся в современных переводах внимание к передаче национально-специфической картины мира через примечания объясняется отнюдь не квалификацией переводчиков, а коммерциализацией издательского дела. В условиях рыночной экономики, когда перевод произведения, снискавшего славу на языке оригинала, должен появиться максимально быстро, практика советского периода с ее академичностью и неспешностью вряд ли возможна. В результате, к сожалению, ослабляется возможность проникнуть через перевод в национальную картину мира другого народа.

Литература

1. The Norton Shakespeare. – N.Y.; L.: Norton, 1997. – 3420 p.
2. Набоков В. Комментарии к «Евгению Онегину» Александра Пушкина. Пер. с английского / В. Набоков. – М.: НПК «Интелвак», 1999. – 1008 с.
3. Smith, A. D. Myths and Memories of the Nation / A. D. Smith– Oxford : UP, 1999. – 288 p.
4. Французские и русские реалии в аспекте теории межъязыковой номинации : монография / Н.А. Фененко [и др]; под ред. Н.А. Фененко, А.А. Кретьова. – Воронеж: Издательско-полиграфический центр ВГУ, 2013. – 220 с.
5. Smith A. National Identity / A. Smith. – Reno; Las Vegas: Univ. of Nevada Press, 1993. – 267 p.

6. Михайлин В. Переведи меня через made in / В. Михайлин // НЛО, 2002, № 53. URL: <http://magazines.russ.ru/nlo/2002/53/mihail.html> (дата обращения 11.12.18)

7. Мастер перевода. Мария Нуянзина об Исигуро и странностях, которые мы не замечаем URL: <https://www.labirint.ru/now/mariya-nuyanzina/> (дата обращения 11.12.18)

Список источников примеров

1* Фаулз Д. Любовница французского лейтенанта / Пер. с англ. М.И. Беккер и И.Б. Комаровой. / Д. Фаулз – СПб.: ООО «Издательский дом “Кристалл”», 2003. – 479 с.

2* Свифт Г. Земля воды: Роман / Пер. с англ. В. Михайлина / Г. Свифт. – СПб.: Азбука-классика, 2004. – 416 с.

3* Най Р. Покойный господин Шекспир /Р. Най; [пер. с английского А. Сафронова]. – М.: Эксмо, 2007. – 512 с.

4* Исигуро К. Погребенный великан / К. Исигуро ; [пер. с англ. М. Нуянзиной]. – Москва: Издательство «Э», 2017. – 416 с.

COMMENTARY TO THE TRANSLATION OF A LITERARY TEXT AS A MEANS OF PRESENTING NATIONAL PICTURE OF THE WORLD

M.K. Popova
Voronezh State University

Abstract. The paper deals with the role of translations in the teaching of West European and US literature to the contemporary Russian students with their narrowed cognitive base, analyzes the importance of presenting the national picture of the world with the help of commentary to the translation of literary texts, discusses the necessity of historical, cultural and literary comments to such nationally specific details as geographical names, ethnoscapes, historical memory, important historical events, names of great compatriots, compares soviet and post-soviet publishing practices.

Key words: translation of literary text, national picture of the world, commentary, soviet and post-soviet publishing practices

Попова Мария Константиновна,
доктор филологических наук,
профессор кафедры издательского
дела,
Воронежский государственный
университет
7 903 6535354
mkp2007@yandex.ru

M.K. Popova, Dr habil. in Philology,
Professor of the Publishing Department,
Voronezh State University
7 903 6535354
mkp2007@yandex.ru

**СПОСОБЫ ПЕРЕВОДА НЕМЕЦКИХ МАТЕМАТИЧЕСКИХ
ТЕРМИНОВ ИЗ СЕРИИ УЧЕБНИКОВ ПО МАТЕМАТИКЕ
«DAS ZAHLENBUCH»
СРЕДСТВАМИ РУССКОГО ЯЗЫКА**

С.В. Семочко
Воронежский государственный университет

Аннотация. Математика и сегодня является одной из важнейших отраслей науки, с которой человек сталкивается практически каждый день, так как эта наука во многом определяет экономическое развитие и технический прогресс во всем мире. Развитие любой отрасли науки, в том числе математики, сопровождается появлением огромного количества новых реалий, терминов и как следствие – языковых единиц в качестве их номинаций. В результате появляется большое количество исследований, посвященных изучению терминологии и словарно-терминологических изданий в определенной сфере, например, математике. Материалом для настоящего исследования послужили математические термины из новаторской серии немецких учебников математики для учащихся начальной классов «Das Zahlenbuch» и методических указаний для учителя «Das Zahlenbuch. Begleitband», которые в настоящее время переводятся и адаптируются для русских начальных школ. Данная серия учебников помогает усвоить основы математики с помощью большого количества новых дидактических материалов и разработанных специально для учащихся начальной школы математических понятий и терминов, которые более понятны детям младшего школьного возраста, но которые (пока) не имеют устоявшихся эквивалентов в русском языке. Изучение способов (возможного) перевода таких терминов представляет интерес для контрастивной лингвистики и теории и практики преподавания перевода специальных текстов и учебных материалов из области математики.
Ключевые слова: термин, терминосистема, номинация, перевод, способы перевода, трансформация, метафора, неологизм

Конец XX – начало XXI вв. характеризуются бурным развитием новых технологий. Однако до сих пор основу научного прогресса обеспечивают такие классические науки, как математика. Например, без определенных математических знаний затруднено понимание принципов устройства и использования современной техники, восприятие научных знаний, интерпретация разнообразной социальной, экономической, политической информации, а повседневная практическая деятельность может оказаться малоэффективной. В этой связи практически ежегодно появляется

множество научных статей, монографий и серий учебников в данной сфере, в которых математическим языком описываются определенные явления, вводятся новые понятия и соответственно языковые единицы для их обозначения. Поэтому в последнее время появляется все больше работ, посвященных сопоставительному изучению лингвистических особенностей и функционирования терминов и терминосистем в различных сферах [1; 2], в том числе в сфере математики.

Как известно, термин входит в общую лексическую систему языка, когда его начинают использовать в определенной терминосистеме, «которая является языковой (знаковой) моделью некоторой специальной сферы знаний или деятельности» [2, с.32]. При этом практически любая терминосистема представляет собой достаточно изменчивый и чутко реагирующий на различные новшества и изменения во внешних условиях языковой слой [1; 2].

Одним из главных свойств термина является точность, ограниченность значения лексем. Специальное понятие обычно имеет точные границы, которые устанавливаются с помощью дефиниции (научного определения), которая также является и определением значения термина в качестве специальной лексической единицы. Именно дефинитивность термина позволяет отграничить его от других лексем. Дефинитивность обуславливает также такие его свойства, как независимость от контекста, однозначность [3].

Однако существует не так много терминов, действительно обладающих высокой степенью однозначности. В основном мы используем многозначные термины. В научных текстах также нередки случаи терминологической омонимии, когда один и тот же термин может входить в разные терминологии языка. Например, *корень* растения (биология) и *корень* от определенного числа (математика). Такие термины функционируют в разных терминосистемах, и за ними закрепляются разные дефиниции [4, с.150].

В этой связи следует обратить внимание на следующее: чем больше значений имеет та или иная лексема, употребляемая как термин в определенной сфере или даже сферах, тем в большей степени – при прочих равных условиях – она может обнаруживать эмоциональную окраску, становясь элементом той или иной терминосистемы. Это происходит потому, что, изучая и осваивая окружающую действительность, человек пытается подвести полученные им знания под уже существующие, известны ему понятия, и/или сделать их более близкими и ясными для других людей. Поэтому среди, казалось бы, «сухих» терминов из технической и физико-

математической области можно обнаружить номинации, являющиеся своеобразной метафорой [5; 6]. Часто такие термины с метафорическим компонентом в семантической структуре слова можно обнаружить в дидактических материалах, ориентированных на подрастающее поколение, которое только знакомится с определенной областью знаний.

Материалом для настоящего исследования послужили математические термины из новаторской серии немецких учебников математики для учащихся начальной школы «Das Zahlenbuch» [1*] и методических указаний для учителя «Das Zahlenbuch. Begleitband» [2*]. Данная серия дидактических материалов разработана в рамках европейской программы «Mathe 2000+» и является целостным научно-обоснованным и методически обеспеченным комплексом для развития математического образования в организации, осуществляющей образовательную деятельность на уровне дошкольного и начального общего образования. Названный комплект учебных и дидактических материалов проходит в настоящее время адаптацию для российский школ под эгидой российском издательства «ООО Национальное образование» (г. Москва). Данное издательство совместно с федеральным институтом развития образования и УМК «Вдохновение» планирует в ближайшее время выпустить программный комплекс «Мате: плюс» [7; 8] в виде подобранных, практически апробированных и показавших свою эффективность заданий (учебники и рабочие тетради, материалы для учителей и родителей), в которых целенаправленно отрабатываются все типы (форматы) заданий и их сочетания для формирования у детей модели математической компетентности. Автор данной статьи принимает активное участие в реализации данного проекта в качестве переводчика учебных и методических материалов с немецкого языка на русский. На данном этапе практически завершена работа по адаптации немецких текстов и, прежде всего, по переводу немецких математических терминов из указанной серии учебников и методических указаний, а материалы готовятся к публикации. Сделанные наблюдения в процессе перевода немецких математических терминов средствами русского языка легли в основу написания практической части данной статьи.

Как уже было отмечено ранее, учебные материалы «Das Zahlenbuch» и методические указаний для учителя «Das Zahlenbuch. Begleitband» [1*; 2*] представляет новую методику обучения, которая помогает детям изучать основы математики и легче усваивать учебный материал. Авторы адаптируют сложные понятия и вводят новые

термины, а также форматы заданий, более понятные для детей младшего школьного возраста и не имеющие в ряде случаев эквивалентов в русском языке и/или русской методической традиции. Поэтому изучение способов (возможного) перевода подобных терминов и номинаций для определенных типов заданий представляет несомненный интерес прежде всего для переводчиков-практиков, работающих со специальными текстами.

Из указанных материалов были отобраны термины, связанные со сферой «Математика», которые были подвергнуты лингвистическому анализу с привлечением немецких толковых словарей «Duden. Das Universalwörterbuch» (DUW) [1**], «Wörterbuch der deutschen Gegenwartssprache» (WDGS) [2**] и современного «Русско-немецкого словаря» [3**].

Обратимся непосредственно к результатам анализа способов перевода немецких математических терминов средствами русского языка. На первом этапе были изучены словообразовательные особенности немецких математических терминов в выбранном для анализа материале. Так, было установлено, что доминирующим способом образования математических терминов в немецком языке в выбранном для анализа материале является **словосложение** – морфологическое соединение двух или более корней, в результате чего образуется сложное слово. Их количество составило 30% (*Kreisdiagramm*, *Zahlengerade*, *Winkelsumme*) от общего числа проанализированных здесь терминов. Данные термины служат для обозначения геометрических фигур, математических действий, названия математических законов, а также абстрактных понятий. Преобладание сложных терминов объясняется особенностями словообразовательной системы немецкого языка, в которой доминирующим способом образования слов является словосложение, позволяющее избегать громоздких конструкций.

Следующая группа терминов – это **заимствования** из латинского, греческого, французского и итальянского языков: *Symmetrie* (lat. *symmetria* < griech. *symmetria*), *Zirkel* (ahd. *circil* < lat. *circinus*), *Linie* (mhd. *linie*, ahd. *linna* < lat. *linea*). Они составляют 25% от общего количества. Данные термины обозначают геометрические фигуры, названия инструментов для черчения и математических символов, вид геометрического тела, единицы измерения. Относительно большое количество заимствований из греческого и латинского языков связано с тем, что математика как наука активно начала развиваться в Древней Греции и Древнем Риме, поэтому терминосистемы других

европейских языков заимствовали термины, предложенные древними учеными названных государств.

Термины, образованные путем **расширения значения** общеупотребительного слова, составляют 12% от общего числа проанализированных немецких математических терминов (*Körper, Bruch*). Они обозначают обобщающие понятия: тип величин, геометрических фигур и т.д.

Что касается **терминологических сочетаний**, их количество составило 16% в исследуемом материале. В большинстве своем они были представлены словосочетаниями типа «прилаг. + сущ.» с подчинительной связью типа «согласование» (*gleichwertige Brüche, rationale Zahl*). Проанализированные примеры терминосочетаний, как правило, уточняют свойства определенных типов чисел.

Следующая группа терминов образована путем **субстантивации**. Эта группа довольно малочисленна и составляет всего 3% (*Winkelhalbierende, Gerade*). Данные термины являются номинациями некоторых математических явлений.

5% от числа проанализированных терминов составляют термины, образованные путем **аффиксации** и в данном материале обозначают абстрактные понятия (*Ge-schwind-ig-keit, Ähn-lich-keit*).

Довольно немногочисленной (5% от числа проанализированных номинаций) является также группа терминов, образованных на основе **метафорического** переноса, в результате чего происходит расширение значения общеупотребительного слова (*Wurzel, Drachen*). Данные термины обозначают математические действия и тип некоторых геометрических фигур.

4% терминов являются **неологизмами**, авторскими терминами, созданными для адаптации более сложных терминов и упрощения подачи материала. Данные термины называют новые форматы заданий и наглядные материалы для детей. Они представлены, как правило, существительными, образованными путем словосложения с аффиксацией (*Tausenderbuch, Hundertertafel*).

В процессе перевода указанных методических и учебных материалов для носителей русскоязычной культуры встает задача адекватной передачи прежде всего терминов и понятий средствами русского языка, которую можно решить при помощи таких межъязыковых трансформаций, как лексические, грамматические и лексико-грамматические переводческие трансформации [9]. Иногда при переводе терминов специальной литературы нередки случаи отсутствия в словаре встретившегося термина, тогда используется описательный перевод и/или экспликация смысла.

В процессе проведения практического анализа было установлено, что 45% немецких математических терминов из выбранного для анализа эмпирического материала передаются на русский язык при помощи лексических трансформаций, 44% приходится на грамматические трансформации, и 11% выбранных терминов переводятся с помощью комплексных лексико-грамматических и иных трансформаций.

К **лексическим трансформациям** относятся следующие способы перевода: **подбор эквивалента на уровне слова** и **подбор эквивалента на уровне словосочетания** [9, с.143-145]. При этом различают полные и частичные эквиваленты. Полные эквиваленты — это эквиваленты, совпадающие с единицами исходного языка по значению, лексическому составу, образности, стилистической направленности и грамматической структуре. Частичный эквивалент не означает какой-либо неполноты в передаче значения, а лишь содержит лексические, грамматические или лексико-грамматические расхождения при наличии одинакового значения одной и той же стилистической направленности. Поэтому частичный эквивалент по степени адекватности перевода равноценен полному эквиваленту [9, с.143-149].

Как показало исследование, в выбранном для анализа материале в большинстве случаев удается подобрать полный или частичный эквивалент для немецких математических терминов. Так, как правило, можно заменить немецкий термин русским с аналогичной структурой, т.е. речь идет о подборе в языке перевода (ЯП) соответствующего эквивалента термину в исходном языке (ИЯ): *Kennzahl* – *показатель*. Или, например, мы выяснили, что большинство заимствований пришло в немецкий язык из греческого и латинского языков. Такой же процесс наблюдается и в русском языке, поскольку исследования греческих и римских математиков играли важную роль в развитии науки в различных европейских странах, соответственно, многие введенные ими термины, были заимствованы не только немецким, но и русским языком. Поэтому ряд терминов передаются при помощи **транскрипции** как в немецком, так и в русском языке, т.е. путем передачи на письме письменными знаками ЯП (немецкого и русского) элементов ИЯ. Абсолютное большинство проанализированных немецких терминов-заимствований (порядка 88% от их общего числа) имеют соответствующие эквиваленты в русском языке (*Grafik* – *график*, *Kosaeder* – *икосаэдр* [3**]), которые чаще всего передаются транскрипцией с ИЯ. Однако в некоторых случаях для немецкого термина-заимствования имеется русское соответствие, которое

образовано, как правило, путем аффиксации от общеупотребительного слова. Например, это касается операций с числами: *addieren* – *сладыва-ть*, *dividieren* – *дел-и-ть*, что отражает узус использования терминов в русском математическом дискурсе. Кроме того, для немецких математических терминов-заимствований были обнаружены русские термины-эквиваленты, которые имеют двойную номинацию, т.е. один термин-заимствование (например, для дефиниций в справочнике или в указаниях для учителей или родителей: нем. *Hexaeder* (griech. *hexáedron* – *Sechsfächner* – рус. *гексаэдр* [1**])) и одно обозначение, которое получено от общеупотребительного слова и которое вводится для работы с учащимися – *шестиугольник*. В немецких учебниках, однако, даже для учащихся младших классов все же чаще употребляются термины из официального математического дискурса, особенно если речь идет о геометрических фигурах и видах операций с числами. Помимо всего прочего, были обнаружены немецкие термины, являющиеся сложным словом и/или образованные с помощью аффиксов, которые имеют в русском языке соответствия в виде терминов-заимствований из латинского или греческого языков: *Wink-el-halb-ieren-de* – *биссектриса* (← лат.), *Würf-el* – *куб* (← греч.).

Многие термины, обозначающие единицы измерения, используются в сокращенном виде (*Liter* – *l*, *Tonne* – *t*), однако не всегда сокращенное написание немецких математических терминов совпадает с русским вариантом: *Million* – *Mio.*; ср.: *миллион* – *млн*. Среди них есть такие сокращения, которые имеют иные обозначения в русском математическом дискурсе: например, рус. *P* – *периметр*; ср. нем. *U* – *Umfang*.

Следующую группу немецких математических терминов пришлось передавать средствами русского языка с использованием грамматических трансформаций. **Грамматические трансформации** обусловлены различием в структуре двух языков – языка оригинала и языка перевода [9, с.172]. Как показал первый этап исследования, большинство терминов в исследуемом материале образовано путем словосложения и являются сложными словами. Таким терминам в русском языке соответствуют двух- или трехкомпонентные словосочетания: *Kommazahl* – *десятичное число*, *Gleichungssystem* – *система уравнений*. Сложные термины приходилось иногда заменять также русской односложной лексемой: *Rauminhalt* – *объем*. И, наоборот, иногда некоторые односложные немецкие термины требовалось заменить русским словосочетанием (чаще с типом связи «согласование»): *Quader* – *прямоугольный параллелепипед*.

Но наибольший интерес для лингвистических исследований, выполненных в аспекте перевода, представляет группа **лексико-семантических трансформаций**. Иногда при переводе терминов специальной литературы нередки случаи отсутствия в словаре ЯП эквивалента для того или иного понятия. Обычно так бывает с терминами, полученными в результате метафорического переноса, или терминами-неологизмами, в результате чего отсутствует его дефиниция как в толковом словаре на ИЯ, так и в словаре ЯП. В таких случаях часто используется такие способы перевода, как описательный перевод, калькирование или экспликация смысла [9, с.150].

Так, в исследуемом материале была выявлена небольшая группа терминов, полученных в результате метафорического переноса, а также немногочисленная группа терминов-неологизмов, которые обозначают новые форматы заданий для детей и являются номинациями для наглядных материалов. Для некоторых терминов и терминологических сочетаний удалось найти соответствующий эквивалент: *die Wurzel ziehen – извлечь корень* [3**]. В данном случае в русском и немецком математическом дискурсе используется один и тот же символ для обозначения данной операции на письме ($\sqrt{\quad}$), который и дал, по всей видимости, название этой операции в немецком и русском языках, поскольку речь может идти о метафорическом переносе по форме (для математического знака). Однако иногда при переводе термина с метафорическим компонентом в структуре лексемы необходимо взять эквивалент, который тоже получен в результате метафорического переноса, но по другому основанию. Например, нем. *Drachen* (обозначение разновидности четырехугольника) получил свое обозначение по схожести с формой воздушного змея [1**; 2**]. Русский эквивалент для данной номинации немецкого термина – *дельтоид* – назван так, поскольку напоминает греческую букву «дельта» [3**].

Встретившиеся в анализируемом материале термины-неологизмы пока не имеют эквивалентов в русском языке, так как у них нет устоявшейся дефиниции в ряде случаев в ИЯ. Поэтому в процессе поиска подходящего способа перевода и переводческого решения приходилось для начала изучать изображения наглядных материалов и их описание в методических рекомендациях для учителя и родителей. В результате при попытке передать значение терминов-неологизмов с помощью экспликации смысла и описательного перевода исходных понятий часто получались термины-неологизмы уже на ЯП. Например, для термина *Quadernetz* предлагается описательный перевод *бумажная заготовка для складывания параллелепипеда*, поскольку

данный материал представляет собой некий конструктор из бумаги, позволяющий развить у детей пространственное мышление и познакомить их с объемными фигурами и их свойствами. Или другой пример: понятие *Tausenderbuch*, дефиниция которого отсутствует пока и в немецких толковых словарях [1**; 2**], является номинацией для наглядного материала в виде книжки-гармошки, которая знакомит учащихся третьего года обучения с разрядом чисел в пределах тысячи. В данном материале натуральные числа от 1 до 1000 расположены по порядку, рядами, как слова в книге. На каждой из десяти «страниц» «книжки» находятся в соответствующем порядке ячейки таблицы с сотнями, которые имеют по 10 столбцов и по 10 строк, в результате чего получается «книжка» для одной тысячи. В данной «книжке» не на всех «страницах» указаны соответствующие числа, чтобы учащиеся сами могли заполнить структуру разряда тысяч, зная структуру соответствующих сотен. Так как данному термину в русском языке нет соответствий [3**], поскольку в русской методической школе отсутствует такая реалья, предлагается сделать кальку и передать данный термин как *книжка тысячи*.

Таким образом, проведенное исследование позволило установить, что различия в структурах немецкого и русского языков, а также особенности их терминологических систем усложняют процесс перевода некоторых терминов, особенно в случае с терминами-неологизмами в ИЯ. Данный факт объясняется специфичностью мировосприятия представителями разных лингвокультур, что отражается в номинациях одних и тех же фрагментов действительности средствами разных языков.

Литература

1. Гринев-Гриневиц С. В. Терминоведение: Учебное пособие / С. В. Гринев-Гриневиц. – Москва: Книжный дом «Либроком», 2008. – 304 с.
2. Лейчик В. М. Терминоведение: предмет, методы, структура. Изд-е 5-е. / В.М. Лейчик. – Москва: Книжный дом «Либроком», 2009. – 256 с.
3. Лотте Д. С. Основы построения научно-технической терминологии / Д. С. Лотте. – Москва : Академия наук СССР, 1961. — 160 с.
4. Суперанская А.В. Общая терминология: Вопросы теории / А.В. Суперанская, Н.В. Подольская, Н.В. Васильева. – Москва: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2012. – 246 с.
5. Лакофф Дж., Джонсон, М. Метафоры, которыми мы живем: Пер. с англ. / Под ред. и с предисл. А. Н. Баранова / Дж. Лакофф, М. Джонсон. – Москва: Едиториал УРСС, 2004. – 238 с
6. Темирова Д. Б. Метафоризация как способ образования терминов / Д. Б. Темирова // Известия Южного федерального университета. Филологические науки. – 2017. — № 4. — С. 154-159.
7. Математический комплекс нового поколения «Мате плюс». – Режим доступа: <http://mathe.plus/> (дата обращения: 8.01.2019).

8. Федеральный институт развития образования. Учебно-методический комплект «Вдохновение» / под общей ред. И.Е. Федосовой. – Режим доступа: <http://www.firo.ru/wp-content/uploads/2014/02/Vdohnovenie1.pdf> (дата обращения: 8.01.2019).

9 Комиссаров В. Н. Теория перевода (Лингвистические аспекты) / В. Н. Комиссаров. – М. : Высш. шк., 1990. – 253 с.

Список источников примеров

1* Müller, Gerhard. Das Zahlenbuch 1-4/ Gerhard Müller, Erich Wittmann. – Stuttgart: Ernst Klett Verlag, 2006. – Режим доступа: <https://www.klett.de/lehrwerk/zahlenbuchausgabe-ab-2017/produktuebersicht#lehrer-1> (дата обращения: 15.01.2017).

2* Müller, Gerhard. «Das Zahlenbuch. Begleitband 1-4» // Gerhard Müller, Erich Wittmann. – Stuttgart: Ernst Klett Verlag, 2007. – Режим доступа: <https://www.klett.de/produkt/isbn/978-3-12-201619-7> (дата обращения: 15.01.2017).

Список словарей

1** Duden Universalwörterbuch Online (DUW). – Режим доступа: <http://www.duden.de> (дата обращения: 7.01.2019).

2** Wörterbuch der deutschen Gegenwartssprache (WDGS). – Режим доступа: <https://www.dwds.de/wb> (дата обращения: 8.01.2019).

3** Немецко-русский и русско-немецкий словарь онлайн. – Режим доступа: <https://www.lingvolive.com> (дата обращения: 8.01.2019).

RUSSIAN TRANSLATION EQUIVALENTS OF GERMAN MATHS TERMS FROM THE SERIES OF MATHS TEXTBOOKS «DAS ZAHLENBUCH»

S.V. Semochko
Voronezh State University

Abstract. Mathematics has always been one of the major spheres of science that people deal with every day. Its effect on the economic and technological development is considerable. Naturally, in the course of its development new terms and realia appear as a result of the necessity to name new phenomena. Today there is a great deal of research which aims to study new terminology as well as the dictionaries of terms delivering this content. This article is based on the material selected from the series of maths textbooks for primary school students «Das Zahlenbuch» and the teacher's book for the series «Das Zahlenbuch. Begleitband». The latter is being translated to be implemented in Russian secondary schools at the moment. This series of maths textbooks helps students to learn the basics of the subject and involves a big amount of learning material, tailored specially for primary learners and with a view to the specifics of their understanding. However, the new terms that the books deliver do not yet have traditional translation equivalents in the Russian language. Therefore, it seems quite interesting for researchers to explore these terms from the viewpoint of contrastive linguistics as well as translation methodology developed for special translation.

Key words: term, term system, nomination, translation, translation techniques, transformations, metaphors, neologism

Семочко С.В., доцент кафедры немецкой филологии Воронежский Государственный Университет (ФГБОУ ВО ВГУ)	S.V. Semochko, Associate Professor, Department of German Philology Voronezh State University
+79802420810 semosvet@gmail.com	+79802420810 semosvet@gmail.com

КУЛЬТУРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ АГОНАЛЬНОСТИ В АКАДЕМИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

Е.В. Соловьянова

Приднестровский государственный университет им. Т.Г. Шевченко

Аннотация. Статья посвящена актуальной проблеме освоения коммуникации в академическом дискурсе, поскольку для интеграции в современное научное пространство перед русскоязычными учеными стоит прагматическая задача публиковать научные статьи на английском языке. При этом должно осознавать сходства и различия между канонами коммуникации в родной и иноязычной культуре. Цель исследования – выявить возможное влияние языковых и культурных различий на способ экспликации агональности в русско- и англоязычном академическом дискурсе. Исследуется такой вид агональности, как конфронтативная агональность, для которой характерна конфликтность, нетолерантность и жесткая вербальная агрессия с целью достижения власти над оппонентом и установления собственного превосходства. В условиях конфронтативной агональности особую значимость приобретает стратегия презентации другого, которая реализуется посредством определенного набора тактик, способствующих дискредитации и подрыве авторитета оппонента. В настоящем исследовании сопоставляется тактика дискредитации и приемы ее реализации в русско- и англоязычных академических текстах.

Ключевые слова: академический дискурс, агональность, конфронтативная агональность, стратегия, тактика, стратегия презентации другого, дискредитация, издевка

В настоящее время изучение академического дискурса и англоязычного стиля представляет собой относительно молодую, но довольно значимую область исследования, что объясняется, прежде всего, тем фактом, что для интеграции в современное научное пространство перед русскоязычными учеными стоит прагматическая задача публиковать научные статьи на английском языке. Одной из сложностей, с которой сталкиваются авторы на пути к публикации, является то, что многие из них «не владеют риторическими техниками организации текста или априорно полагают, что англоязычный академический текст строится по тем же канонам, что и текст на родном языке исследователя» [1, с.16]. Однако в этом и состоит их заблуждение.

Проблема освоения иноязычного академического дискурса может быть решена, если российские авторы, пишущие на английском языке,

будут осознавать сходства и различия между канонами коммуникации в родной и иноязычной культуре.

В настоящее время в лингвистике текста выделяют две точки зрения относительно того, является ли научный стиль универсальным или обладает культурной спецификой. Согласно универалистскому подходу, академический дискурс универсален с точки зрения стилистики. Это объясняется тем, что научная коммуникация не зависит от конкретной культуры, поскольку «методы научного познания и понятия, формируемые в ходе исследований, также не зависят от конкретного языка, а сам научный дискурс представляет собой специфическую форму коммуникации, имеющую статус метадискурса» [1, с.15]. Кроме того, риторическая организация научного текста одинакова и не зависит от языка, на котором он написан. Как утверждает Г. Виддоусон, «научное объяснение структурируется в соответствии с определенными образцами риторической организации, которая, допуская некоторые различия в индивидуальном стиле, накладывает определенные требования на членов академического сообщества независимо от языка, который они используют» [2, р.61].

Согласно второму подходу, в каждой культуре складываются свои особые нормы научной коммуникации, которые «отражают и воспроизводят эту культуру, ее ценности и убеждения ...» [3, с.25]. В соответствии с этими нормами определенные элементы, абсолютно свободно функционируя в одной культуре, могут считаться неуместными в другой. Поскольку каждая культура развивает свой научный стиль в соответствии с историей и потребностями общества, научный стиль складывается из ряда культурных «переменных» и специфических для данной культуры способов организации дискурса [4], в том числе культурно специфичными могут быть и способы экспликации агональности.

Целью настоящего исследования является выявление возможного влияния языковых и культурных факторов на выбор способов выражения агональности (в частности, конфронтативной) в русско- и англоязычном академическом тексте.

Под агональностью мы понимаем такую риторическую технику, которая отражает состязательный характер участников познавательного процесса с целью достижения консенсуса (дискуссионная агональность) или, с другой стороны, власти над оппонентом (конфронтативная агональность).

В условиях агональности основной целеустановкой участников коммуникации является утверждение собственных научных концепций

и критика положений оппонента. Вследствие этого основными стратегиями, к которым прибегают участники научных споров, – это стратегия самопрезентации и презентации другого.

В рамках настоящего исследования особый интерес представляет стратегия презентации другого в условиях конфронтативной агональности, которая связана с выражением жесткой оценочной позиции автора к оппоненту. Именно поэтому данную стратегию называют также стратегией оценивания [5], при которой оценке может подвергаться деятельность автора, непосредственно само научное исследование и восприятие этого исследования адресатом [6, с.235–236].

Материалом исследования являются русскоязычные и англоязычные дискуссионные статьи, рецензии и отзывы на статьи, посвященные вопросам языкознания, философии и физики, изданные в период с 1951 по 2015 гг. Общий объем проанализированных источников составил около 325 000 словоупотреблений для каждого языка. При этом зафиксировано 257 (русскоязычные источники) и 202 (англоязычные источники) контекста, в которых употребляется конфронтативная агональность.

Считаем необходимым отметить, что приведенные в настоящем исследовании примеры представляют собой только иллюстративный материал, мы занимаем нейтральную позицию и не выражаем ни солидарности, ни несогласия с представленными в них точками зрения. Нас интересует непосредственно форма выражения агональности.

В условиях конфронтативной агональности стратегия презентации другого реализуется посредством тактики дискредитации, направленной на ниспровержение противника, подрыв доверия к нему и умаление его авторитета, и представляет собой «игру на понижение» [7]. Как в русскоязычных, так и в англоязычных проанализированных источниках тактика дискредитации стратегии презентации другого реализуется посредством аналогичного набора приемов: обвинение, риторическое восклицание, зацепка и др. Однако различие наблюдается в количественном и языковом выражении приема «издевка», именно поэтому остановимся на данном приеме более подробно.

Дискредитация оппонента через издевку реализуется посредством иронии, которая является «удобным способом выражения критической оценки работ коллег. С помощью иронии говорящий или пишущий может одновременно апеллировать к рациональному и эмоциональному началу, что в свою очередь позволяет решать

различные прагматические задачи: критиковать оппонента, утверждать собственную позицию и демонстрировать значимость собственных достижений, развлекать аудиторию, делая текст более доступным и легким для понимания» [8, с.118].

Основной функцией иронии является «функция создания отношений авторитетности через установление асимметричных отношений доминирования-подчинения между участниками коммуникации (говорящим, адресатом и объектом иронии). С помощью имплицитной критики говорящий повышает собственный авторитет ... Вторая функция иронии – людическая, связанная с развлечением адресата/аудитории» [9, с.15–16]. При этом важно обратить внимание на обязательность первой и факультативность второй функции, поскольку «далеко не всякое ироническое высказывание вызывает смех» [9, с.16].

В ходе анализа нами были выявлены случаи употребления иронии, которая создается различными способами. Так, ирония в академическом тексте может строиться на «намеренном отступлении от конвенций узуса или языковой нормы, в нетривиальном использовании лексических, грамматических или стилистических языковых средств» [9, с.20]. Данный способ создания иронии К.М. Шилихина называет вербальной стратегией создания иронии, в рамках которой выделяются следующие тактики: лексические, грамматические и стилистические [9].

Рассмотрим лексические тактики создания вербальной иронии. Так, в русскоязычном академическом тексте довольно часто ирония создается за счет употребления слова в противоположном смысле:

Следующий момент столь «вдумчивой» критики монографии связан с понятием человеческой сущности. [1, с.106]*

Следующий пример (характерен как для русскоязычного, так и для англоязычного текста) является иллюстрацией нетривиальной комбинации лексических единиц в высказывании:

This neural agnosticism comes back to bite Fodor in his discussion of why the modular, innately specified parts of the mind are likely to be adaptations after all. [2, с.559]*

Но таких благодетелей вроде лучших математиков среди физиков развелось также особенно много среди экономистов, начиная с 60-х годов и по сию пору. Не важно, с какой-то целью это делается или чистосердечно – методологическая подоплека одна и та же. [3, с.10]*

Довольно часто ирония создается путем введения в контекст высокой лексики:

Говоря коротко, слово является ключевым, если оно может служить ключом, а что сверх того, то **от лукавого**. [4*]

*Anyone attempting a critical exposition of Lakoff/Johnson's approach is **treading on holy ground**.* [5*, p. 239]

Кроме того, для русскоязычного академического текста свойственна высокая степень эмоциональности, выражающаяся в иронии, созданной посредством лексических единиц, принадлежащих к разговорному регистру языка:

*С большим сожалением пропускаю следующий далее длинный набор умных и современных **словечек**, оканчивающийся словосочетанием “социальной синергетики” – в предвкушении близкой перспективы разъяснения, в чем же заключается синергетический подход в социологии и как он конкретно реализуется.* [3*, с.32]

*Вероятно, диссертант намеревался поискать **приемы против лома**.* [3*, с.30]

В качестве примера, иллюстрирующего употребление грамматической тактики создания иронии, можно привести следующий отрывок:

***Языковед**, он не обратил внимание на появление за последние двадцать лет целой армии лингвокультурологии. **Педагог** – не заметил, как лингвокультурология утвердилась в системе учебных курсов языковых факультетов российских вузов. (**Присутствует она и в списке дисциплин, предлагаемых кафедрой русского языка МГПУ, профессором которой А. Шмелев числится**).* [4*]

В данном примере наряду с вводным предложением ирония создается за счет употребления двойного подлежащего и графического отделения подлежащего и сказуемого, что, безусловно, создает и закрепляет в сознании читателя дискредитирующий образ оппонента не только как языковеда, но и как педагога. Примечательно, что критика личностных и профессиональных качеств оппонента не характерна для англоязычного академического текста, отличающегося большей степенью сдержанности, терпимостью и уважением коммуникантов в научном споре.

Еще одним довольно эффективным способом создания иронии, дискредитирующей оппонента, является риторическая стратегия, которая «реализуется в различных отступлениях от канонической структуры текста» [9, с.21]. В рамках данной стратегии можно выделить интертекстуальные тактики создания иронии, когда с целью дискредитации оппонента в текст вводятся элементы других текстов [9, с.22]. Данная тактика характерна для русскоязычного

академического текста. Она может реализовываться за счет введения в текст анекдотов:

Каким образом лагуна (т.е. отсутствие чего-либо) может быть «показательной», она не поясняет; сама идея о показательности лагун напоминает анекдот о том, как, не обнаружив в раскопках шестого века проволоки, археологи сделали вывод, что уже в то время существовало радио (беспроволочный телеграф). [6]*

Весьма показательны в этом отношении следующие два отрывка, в которых издевка над оппонентом создается посредством иронизирования за счет включения интертекстов непристойного характера. Так, в заключении статьи, в которой открытой издевке подвергается А. Шмелев, ее авторы отпускают в его адрес следующую шутку:

Как говаривала одна бонна своему русскому воспитаннику (напомним: «лет семи с необыкновенно надменной физиономией, вымазанной соевым шоколадом, и с тремя следами от ногтей под глазом»): «– Фуй, Альёша. [4]*

В данном отрывке наблюдается конвергенция негативно окрашенной лексики, пренебрежительного варианта имени собственного (который совпадает с именем объекта издевки), а также глагола, вызывающего у читателя ассоциацию с инвективной лексической единицей, что ярко демонстрирует желание авторов не только вызвать негативную реакцию со стороны дискредитированного исследователя, но и создать его негативный образ в глазах читателя.

Однако дискредитированный А. Шмелев вступает в полемику, поэтому ответную статью заканчивает цитатой из стихотворения А. Толстого (в котором также присутствует имя, совпадающее с именем оппонента, что безусловно указывает на адресата критики):

*Брось же, Миша, утрашенья
У науки нрав не робкий,
Не заткнешь ее теченья
Ты своей дрянною пробкой. [7*, с.33]*

В указанных отрывках авторы пренебрегают существующими принципами вежливости и переходят на личности (*надменная физиономия, дрянная пробка* – при этом данные лексические единицы носят отрицательную коннотацию), что в совокупности с фамильярным обращением по имени недопустимо в институционально обусловленной коммуникации.

Таким образом, можно сделать следующие выводы. Выявленный аналогичный набор приемов реализации тактики дискредитации стратегии презентации другого в условиях конфронтативной

агональности свидетельствует об их универсальном характере. С другой стороны, отличия в экспликации приема издевки говорят о том, что в процессе написания академического текста русскоязычному автору следует обращать внимание и учитывать культурный фактор, оказывающий непосредственное влияние на способы выражения критических замечаний в адрес оппонента и отражающийся на конечном продукте, т.е. академическом тексте.

Литература

1. Шилихина К.М. Состязательность в англоязычном научном дискурсе / К.М. Шилихина // Вестник ВГУ. Сер. : Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2016. – № 2. – С. 15–19.
2. Widdowson H. Explorations in Applied Linguistics / H. Widdowson. – Oxford : Oxford University Press, 1979. – 273 p.
3. Коршук Е.В. Академический дискурс как дискурс культуры / Е.В. Коршук // Академический дискурс и дискурсивный подход в преподавании иностранных языков / Материалы международного круглого стола / под ред. О. В. Луцинской, А. В. Поповой, Е. А. Тихомировой. – Минск : БГУ, 2015. – С. 25–26.
4. Čmejrková S. Intercultural Dialogue and Academic Discourse / S. Čmejrková // Dialogue and Culture / Ed. by M. Grein, E. Weigand. – Amsterdam / Philadelphia : John Benjamins, 2007. – P. 73–94.
5. Максимова Н.В. «Чужая речь» как коммуникативная стратегия : монография / Н.В. Максимова. – Москва : Издательство РГГУ, 2005. – 317 с.
6. Философские и лингвокультурологические проблемы толерантности : коллективная монография / отв. ред. Н. А. Купина, М. Б. Хомяков. – Москва : ОЛМА ПРЕСС, 2005. – 542 с.
7. Иссерс О.К. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи / О.К. Иссерс. – 5-е изд. – Москва : Издательство ЛКИ, 2008. – 288 с.
8. Шилихина К.М. Ирония в академическом дискурсе / К. М. Шилихина // Вестник ВГУ. Сер. : Филология. Журналистика. – 2013. – № 1. – С. 115–118.
9. Шилихина К.М. Дискурсивная практика иронии : когнитивный, семантический и прагматический аспекты : автореф. дис. ... д-ра филол. наук / К. М. Шилихина. – Воронеж, 2014. – 50 с.

Список анализируемых источников

- 1*. Орлов В.В. О некоторых вопросах теории / В. В. Орлов // Философия и общество. – 2014. – № 1. – С. 102–109.
- 2*. Weiskopf A. Daniel [Review] / A. Daniel Weiskopf // Philosophical Psychology. – 2002. – № 4. – Vol. 15. – P. 551–562. – Review of The Mind Doesn't Work that Way / Jerry A. Fodor. – Cambridge MA : MIT Press, 2000.
- 3*. Губин В.Б. О методологии лженауки / В. Б. Губин. – Москва : ПАИМС, 2004. – 172 с.
- 4*. Павлова А. Ложный вызов / А. Павлова, М. Безродный // Toronto Slavic Quarterly. – 2010. – № 31. – URL: http://sites.utoronto.ca/tsq/31/tsq31_disput_bezrodnyi.pdf (дата обращения: 26.09.2016).
- 5*. Haser V. Metaphor, Metonymy, and Experimentalist Philosophy / V. Haser. – Berlin / New York : Mouton de Gruyter, 1973. – 286 p.
- 6*. Шмелев А. Язык и культура: есть ли точки соприкосновения? – URL: <https://docviewer.yandex.ru?url=http%3a%2f%2fwww.ruslang.ru%2fdoc>

%2fshmelev2013.pdf&name=shmelev2013.pdf&c=57e6faeb2477&page=1 (дата обращения: 26. 09. 2016).

7*. Шмелев А.Д. Всегда ли научное изучение русского языка является проявлением «лингвонарциссизма»? / А. Д. Шмелев // Политическая лингвистика. – 2011. – № 4 (38). – С. 21–33.

CULTURE PECULIARITIES OF AGONISM IN ACADEMIC DISCOURSE

E.V. Solovyanova
Pridnestrovian State University
named after T.G. Shevchenko, senior lecturer
Voronezh State University, postgraduate student

Abstract. This paper is devoted to the problem of mastering communication in academic discourse, which is explained by the fact that, for integration into the modern scientific space, Russian-speaking scientists face the pragmatic task of publishing academic articles in English. Thus, they should be aware of the similarities and differences between communication principles in the native and foreign language culture. The purpose of the research is to identify the possible impact of linguistic and culture differences on the method of explicating agonism in the Russian and English academic discourse. For this purpose, we study such type of agonism as confrontational, which is characterized by conflict, intolerance and severe verbal aggression to achieve power and establish superiority over the opponent. In the context of confrontational agonism the representative strategy acquires a special significance which is implemented through a specific set of tactics that undermine the authority of the opponent. This paper compares the discrediting tactics and its implementation ways in Russian and English academic texts.

Key words: academic discourse, agonism, confrontational agonism, strategy, tactics, representative strategy, discrediting, mockery

Соловьянова Евгения Викторовна,
ст. преподаватель, аспирант,
Воронежского государственного
университета
Приднестровский государственный
университет им. Т.Г. Шевченко
(373) 778-52144
jsolovyanova@mail.ru

E.V. Solovyanova
Senior Lecturer, postgraduate student,
Voronezh State University
Pridnestrovian State University named
after T.G. Shevchenko
(373) 778-52144
jsolovyanova@mail.ru

ПЕРЕВОДЧЕСКИЙ КУРС В МЕДИЦИНСКОМ ВУЗЕ: ИЗ ОПЫТА ВГМУ ИМ. Н. Н. БУРДЕНКО

А.О. Стеблецова, А.В. Медведева
Воронежский государственный медицинский университет
им. Н. Н. Бурденко

Аннотация. Медицинский перевод как узкоспециализированный вид перевода представляет собой особый и чрезвычайно востребованный вид деятельности в сфере современного медицинского образования и науки. С целью формирования навыков письменного перевода профессионально-ориентированного текста в ВГМУ им. Н. Н. Бурденко был разработан и в настоящее время активно внедряется элективный курс «Основы медицинского перевода». Данный курс предлагает освоение теоретических положений и выполнение специализированных заданий по практике медицинского перевода. Знакомство с ключевыми положениями переводоведения, стратегиями и тактиками переводчика призвано сформировать у обучающихся необходимые представления о принципах и механизмах медицинского перевода. Выполнение многочисленных практических заданий должно обеспечить развитие прикладных навыков и умений, необходимых для решения реальных задач медицинского перевода. Переводчики медицинских текстов должны не только в совершенстве владеть иностранным языком, но также знать специальную терминологию переводимого текста, иметь определенные знания в области фармацевтики и медицины. Элективный курс «Основы медицинского перевода» предлагает действенные переводческие приемы, способные помочь будущему медику в формировании профессиональных компетенций.

Ключевые слова: медицинский перевод, элективный курс, профессионально-ориентированный текст, стратегии и тактики переводчика, иностранный язык, профессиональные компетенции

Вопрос о комплексном и качественном формировании профессиональных компетенций в высшей школе широко обсуждается в настоящее время. Проблема овладения навыками участия в научном дискурсе на иностранном языке в неязыковом вузе представляет собой одно из приоритетных методических направлений в современной высшей школе. Авторы данной статьи принимали участие в обсуждении этого вопроса в одной из своих прошлых публикаций, где отмечали, что «именно отсутствие представлений о специфике научного стиля или Academic English, имея в виду научный стиль английского языка, ставшего международным языком науки,

существенно ограничивает доступ молодых российских ученых к международному сотрудничеству в академической сфере» [1, с. 124]. Актуальность преподавания английского языка для академических целей рассматривалась авторами в коллективной монографии «Инновационные технологии российского и зарубежного образования», где был сделан вывод о том, что обучение иностранному языку в медицинской науке «дает не только теоретические представления о научном стиле, но практические навыки использования его англоязычных особенностей на материале профессионального медицинского дискурса [2, с. 572].

Медицинский перевод представляет собой особый и чрезвычайно востребованный вид деятельности в сфере современного медицинского образования и науки. С целью формирования навыков письменного перевода специализированного текста в сфере медицины и практического здравоохранения в ВГМУ им. Н. Н. Бурденко был разработан и в настоящее время активно внедряется элективный курс «Основы медицинского перевода». Было подготовлено и издано учебно-методическое пособие «Основы медицинского перевода» разработано на основе требований ФГОС 2016 в соответствии с требованиями образовательных программ по специальностям 31.05.01 «Лечебное дело» и предназначено для работы на практических занятиях по элективному курсу.

Цель элективного курса состоит в формировании навыков письменного перевода специализированного текста в сфере медицинской науки, образования и практического здравоохранения. Пособие к элективному курсу может использоваться студентами медицинских и фармацевтических вузов, а также специалистами медицинского образования, науки и практического здравоохранения, которым необходимы навыки медицинского перевода в профессиональной деятельности.

Элективный курс «Основы медицинского перевода» предлагает теоретические положения и специализированные задания по практике медицинского перевода. Знакомство с ключевыми положениями переводоведения, стратегиями и тактиками переводчика призвано сформировать у обучающихся необходимые представления о принципах и механизмах медицинского перевода. Выполнение многочисленных практических заданий обеспечивает развитие прикладных навыков и умений, необходимых для решения реальных задач медицинского перевода.

Пособие к элективному курсу «Основы медицинского перевода» состоит из трех глав. Глава I «Теоретические основы медицинского

перевода» содержит в концентрированном виде сведения о предмете теории перевода, основных видах, принципах и механизмах специализированного перевода. Обучающиеся знакомятся с переводческими трансформациями и типами переводческих словарей, получают представления об особенностях медицинского перевода и разновидностях медицинских текстов. Глава II «Практика медицинского перевода» предлагает практические рекомендации и задания по лексическим, синтаксическим и грамматическим аспектам медицинского перевода. На материале этих заданий происходит формирование переводческих навыков и компетенций обучающихся. Глава III «Перевод медицинских текстов разных жанров» представляет собой переводческий «банк» оригинальных научных, научно-популярных, образовательных и других жанровых разновидностей медицинских текстов, самостоятельная работа над которыми позволит обучающимся закрепить практические навыки, полученные при выполнении предыдущих упражнений. Теоретической основой пособия послужили труды выдающихся российских ученых В. Н. Комиссарова, В. С. Виноградова, А. Д. Швейцера, Я. И. Рецкера и других.

Данный элективный курс предлагает освоение теоретических положений и выполнение специализированных заданий по практике медицинского перевода. Знакомство с ключевыми положениями переводоведения, стратегиями и тактиками переводчика призвано сформировать у обучающихся необходимые представления о принципах и механизмах медицинского перевода. Выполнение практических заданий должно обеспечить развитие прикладных навыков и умений, необходимых для решения реальных задач медицинского перевода.

От опытного переводчика можно ожидать, что он изложит мысль автора на хорошем языке, с использованием всех элементов, иноязычному формально-логическому стилю, кратко, четко и максимально логически обоснованно.

Как справедливо замечает Роцио Тхабарриага [3], настоящие индикаторы мастерства переводчика медицинского текста проявляются в знании предмета и специальной терминологии, в способности точно распознать значение в контексте и адекватно перенести его в текст на языке перевода с соблюдением лингвистических, прагматических и культурных норм этого языка.

В преподаваемом элективном курсе мы исходим из положения о том, что перевод – это речемыслительная деятельность, которая заключается в передаче содержания текста на одном языке средствами

другого языка. Переводом также называют и результат такой деятельности – полученный новый иноязычный текст. Таким образом, перевод – это процесс переложения текста с одного языка на другой и продукт этого процесса.

Очевидно, что перевод и изучающие его научные направления междисциплинарны, т.е. связаны не только с лингвистикой, но и с литературоведением, когнитивными науками, культурной антропологией, страноведением. Это объясняется сложностью перевода как мыслительного (когнитивного) и языкового процесса. Ведь в ходе перевода человек использует как свои языковые знания и способности, так и самые разнообразные экстралингвистические знания о физической природе мира, об обществе и его культуре, о ситуациях, в которых был порожден переводимый текст и будет восприниматься его перевод.

Студентам медицинского вуза интересно узнавать, что перевод сыграл значительную роль в распространении медицинских знаний. Из истории медицины мы знаем, что многие произведения Гиппократ, Галена и других античных авторов дошли до нас благодаря переводам на арабский, а затем на индо-европейские языки. В небольшой теоретической части курса обучающиеся знакомятся с базовыми понятиями и определениями переводоведения. В частности, преподаватели элективного курса, вводя сам термин *перевод*, поясняют, что его определение непосредственно зависит от взглядов ученого и его приверженности к той или иной научной школе. Так, один из основателей отечественного переводоведения А.В. Фёдоров считал, что перевод означает умение «выразить верно и полно средствами одного языка то, что уже выражено ранее средствами другого языка» [4, с.7]. Страница структурных методов исследования Л.А. Черняховская определяет перевод как «преобразование структуры речевого произведения, в результате которого, при сохранении неизменным плана содержания, меняется план выражения «один язык заменяется другим» [5, с.3].

Я.И. Рецкер считал задачей переводчика «передать средствами другого языка целостно и точно содержание подлинника, сохранив его стилистические и экспрессивные особенности» [6, с.7]. Наконец, В.С. Виноградов, выдающийся советский и российский лингвист, переводчик испаноязычной литературы, писал, что перевод – «это особый, своеобразный и самостоятельный вид словесного искусства. Это искусство «вторичное», искусство «перевыражения» оригинала в материале другого языка» [7, с.8].

Медицинский перевод представляет собой узкоспециализированный вид перевода. К переводчикам медицинских текстов, документации предъявляются особые требования – специалисты должны не только в совершенстве владеть иностранным языком, но также знать специальную терминологию переводимого текста, иметь определенные знания в области фармацевтики и медицины. Медицинская тематика – одна из самых сложных. Перевод должен содержать тщательно выверенную медицинскую терминологию, дабы не оказаться причиной неточной диагностики, неправильной интерпретации достижений науки и, как следствие, грубейшей ошибки в профессиональной деятельности. При этом нельзя не отметить, что одной из отличительных черт медицины в наше время является её бурное, в сравнении с другими научно-техническими областями, развитие, рост специализаций одновременно с их сужением – и всё это на фоне тесного международного сотрудничества медиков. Следствие стремительного роста медицинских знаний – появление новых терминов, выражений, а те слова, которые употреблялись ранее, могут приобретать новый смысл.

С особой аккуратностью, вдумчивостью и профессионализмом относился к медицинскому переводу известный специалист-практик в этой области Д.В. Самойлов. В своей статье «О переводе медицинского текста» он предпринял попытку классифицировать наиболее распространенные сложности и неточности в медицинских переводах. Наиболее часто такие сложности, а иногда и ошибки, связаны с «ложными друзьями» переводчика (иностранными слова, созвучные русским, но означающим нечто совершенно иное), редкими, специальными значениями, мутациями смыслов иноязычных слов. Ниже приведем ряд примеров Д. В. Самойлова, которые он собрал за время своей переводческой и редакторской деятельности.

«– *cellulitis* – не «целлюлит», про который так много книжек на лотках, а *флегмона*;

– *potent pathogen* (о бактерии) – не «потенциальный», а мощный патоген, то есть просто патоген (в противоположность условному);

– *symptomatic* может означать не только *симптоматический*, но и *клиническими проявлениями*, например: *symptomatic hypertension* – артериальная гипертония с клиническими проявлениями, а не «симптоматическая артериальная гипертония», но *symptomatic therapy* – симптоматическая терапия» [8].

Рассмотрим еще несколько примеров, приводимых Д. В. Самойловым [8]:

This [spondylolisthesis] is believed to result from fracture of the neural arch shortly after birth, although it rarely becomes symptomatic until later in life; the average age of patients seeking treatment is 35 years

Acute symptomatic hypocalcemia with significant symptoms such as seizures or cardiac arrhythmia. Transfusions may be necessary in acute settings or in chronic hemolytic states marked by severe symptomatic anemia.

Спондилолиз, по-видимому, возникает вследствие перелома дуги в раннем перинатальном периоде, однако клинически он обычно проявляется в возрасте около 35 лет

Острая гипокальциемия с выраженными симптомами (эпилептические припадки, нарушения ритма сердца) Переливание крови показано при остром массивном гемолизе и при хроническом гемолизе с тяжелой анемией.

Далее автор справедливо замечает: «Особенно много ложных друзей среди медицинских терминов. Типичный пример – *cystic fibrosis*. Это не «кистозный фиброз», а муковисцидоз. В отличие от классического ложного друга он напоминает не что-то определенное, а некий термин вообще. Человек никогда не слышал термина «кистозный фиброз», но, как говорится, всего знать нельзя. Вывод прост: надо обязательно проверять, существует ли та или иная болезнь (синдром, симптом). Конечно, новые болезни время от времени появляются, но не так уж часто» [8].

Среди сложностей, с которыми может столкнуться специалист при переводе медицинских текстов, можно также выделить наличие медицинских сокращений и аббревиатур, наличие специализированной медицинской терминологии. Сложности могут возникнуть и при переводе рукописных текстов, которые нередко могут «похвастать» неразборчивым почерком. Кроме того, медицина в последние годы развивается очень стремительно, появляются новые термины, выражения, а те слова, которые употреблялись ранее, могут приобретать новый смысл. При переводе медицинских текстов переводчик должен учитывать, кто будет использовать переводимую им информацию. Так, если перевод предназначен для пациентов, то необходимо избегать специализированных терминов, непонятных мест для далеких от медицины людей и так далее. В переводах, которые предназначаются для врачей, вполне допускается использование латинских названий и терминов.

Таким образом, настоящий элективный курс предлагает действенные переводческие приемы, способные помочь будущему медику в преодолении профессиональных сложностей.

Отметим, что представленный в настоящей статье обзор элективного курса и пособия «Основы медицинского перевода» ни в коей мере не исчерпывают всей полноты содержания понятия «медицинский перевод» и его составляющих. Основу теоретической части составили наиболее существенные сведения по основам перевода и переводоведения, которые необходимы студентам-медикам и другим слушателям курса для выполнения практических задач медицинского перевода. Практическая часть, занимающая 80% содержательного объема курса, представляет собой комплекс упражнений, которые охватывают лексическо-семантические, морфологические и синтаксические аспекты перевода медицинского текста. Отличительной чертой нашего курса является использование аутентичных научно-популярных и научных текстов из британских и американских источников, включая электронные базы медицинских текстов национальной медицинской библиотеки США, официального сайта национальной службы здравоохранения Великобритании, Британской энциклопедии.

Ниже приведем примеры заданий, представляющие собой пред-переводческий анализ лексико-семантических аспектов профессионально-ориентированного текста и формирование навыка составления переводческого глоссария.

Задание 1. Текст «THE NATIONAL HEALTH SERVICE» рассказывает об основах организации и функционирования национальной службы здравоохранения Великобритании. Он состоит из трех частей А, В, С. Прочитайте часть А текста.

Задание 2. Составьте переводческий словарь – глоссарий.

Слово /словосочетание (текст оригинала)	Значение (в языке оригинала)	Перевод (переводческий эквивалент)	Примечание
National Health Service (NHS)	a publicly funded healthcare system of the UK	Национальная служба здравоохранения Великобритании	Страноведческая реалия (UK)
comprehensive	including or	всеобщий,	Общепотреб.

	dealing with all or nearly all elements or aspects of something;	полный, всеобъемлющий, полномасштабный	
health care	the organized provision of medical care to individuals or a community	здравоохранение медицинская помощь,	профессиональная лексика

Задание 3. Лексема *care* – одна из наиболее частотных в тексте. Выпишите все словосочетания, в которых она встречается, объясните их значение и переведите их.

Задание 4. Распределите выделенные лексические единицы текста по следующим категориям. Подберите переводческие эквиваленты.

Общепотребительная лексика	Медицинская лексика (лексика сферы здравоохранения)	Страноведческие реалии
Provide	general practitioner (GP)	The National Health Service
tripartite	primary care	The Secretary of State
...

Неотъемлемой частью подготовки к собственному переводу являются практические задания по сопоставлению текстов оригинала и текстов перевода. В таких упражнениях обучающиеся анализируют переводческие приёмы, используемые переводческие эквиваленты, предлагают собственные варианты перевода. Ниже представлены практические задания такого типа.

Задание 1. Прочитайте фрагмент статьи американского автора Ли Вентолы, опубликованной в 2011 году в научном журнале «Pharmacy & Therapeutics».

Direct-to-Consumer Pharmaceutical Advertising: Therapeutic or Toxic?

C. Lee Ventola, MS

Introduction

Direct-to-consumer pharmaceutical advertising (DTCPA) has grown rapidly during the past several decades and is now the most prominent type of health

communication that the public encounters. The FDA regulates DTCPA, but critics say that the rules are too relaxed and inadequately enforced. Although only limited data exist, research suggests that DTCPA is both beneficial and detrimental to the public health. The number of arguments that favor or oppose DTCPA is fairly evenly balanced, and viewpoints presented by both sides can be supported with evidence. Although there have been calls to ban or severely curtail consumer drug advertising, remedies to maximize the benefits and minimize the risks of DTCPA are more frequently suggested.

Задание 2. Прочитайте перевод этого фрагмента. Сравните тексты оригинала и перевода.

Прямая потребительская реклама фармацевтических средств: польза или вред?
С. Ли Вентола
Введение

За последние десятилетия прямая потребительская реклама фармацевтических средств существенно выросла, и сегодня она является наиболее распространённым видом рекламы, с которым сталкивается общество. И хотя потребительская реклама фармацевтических средств регулируется Управлением по контролю над пищевыми продуктами и медикаментами США, критики заявляют, что этот контроль недостаточно строг и эффективен. Несмотря на ограниченное количество данных, исследования показывают, что прямая потребительская реклама фармацевтических средств может оказывать как положительное, так и отрицательное воздействие на общественное здоровье. Существует приблизительно равное количество аргументов *за* и *против* рекламы фармацевтических средств, причем и те, и другие подкреплены доказательствами. И хотя в последнее время звучат призывы запретить или существенно сократить объём прямой потребительской рекламы фармацевтических средств, предложения по увеличению пользы и уменьшению рисков от рекламы выдвигаются значительно чаще [9, с.669].

Задание 3. В тексте перевода выполнены некоторые лексические замены и трансформации. Какие именно? Чем, на ваш взгляд, обусловлен выбор переводчика? Согласны ли вы с ним?

Задание 4. Автор оригинального текста пользуется аббревиатурой ключевого термина *direct-to-consumer pharmaceutical advertising* – *DTCPA*. Переводчик использует полный переводческий эквивалент – *прямая потребительская реклама фармацевтических средств*. Чем, на ваш взгляд, это обусловлено?

Задание 5. Проанализируйте перевод заголовка: насколько адекватны переводческие соответствия, подобранные к словам *Therapeutic or Toxic*.

Практические задания по отработке переводческих навыков с акцентом на грамматические и синтаксические аспекты текстов составляют существенную часть курса. Особая сложность работы с этими аспектами состоит в необходимости ревизии грамматико-синтаксических знаний родного языка у студентов неязыкового вуза. Такая ревизия носит исключительно сжатый характер и распространяется на наиболее частотные синтаксические конструкции, грамматические трудности научного медицинского текста. Ниже предлагаем примеры практических заданий.

Задание 1. В английском языке очень распространены предложения типа «**There V S**», которые выражают существование, наличие или присутствие чего-либо. Рассмотрите следующие примеры этого предложения.

- o There *has been* a national cohort study on breast cancer in UK recently.
- o Unfortunately, there is *no alternative* to surgery in your case.
- o There *seemed to be* a misunderstanding between the patient and his GP about the plan of further treatment

Эта синтаксическая структура очень распространена в английском языке. Адекватной переводческим приемом является перевод с конца предложения, начиная со второстепенных членов.

Задание 2. Сравните оригинал и перевод. Все ли удалось автору перевода?

Английский

There has been a national cohort study on breast cancer in UK recently.

Unfortunately, there is no alternative to surgery in this case.

There seemed to be a misunderstanding between the patient and his GP about the plan of further treatment

Русский

Недавно в Великобритании прошло национальное когортное исследование рака молочной железы.

К сожалению, в вашем случае альтернативы операции нет.

Кажется, возникло недопонимание между пациентом и его лечащим врачом относительно плана дальнейшего лечения.

Задание 3. Выполните перевод следующих предложений.

В курсе также предлагаются задания по переводу простых и сложных предложений, синтаксических конструкций пассивного залога, причастных и деепричастных оборотов и другие. Однако всех их объединяет прикладная значимость, которая лежит в основе отбора материала для перевода, презентации типичных для медицинского текста языковых сложностей и создание упражнений для решения этих проблем. Профессиональная значимость формируемых навыков и учет лингвистических ограничений целевой аудитории во многом определили методическое и содержательное наполнение элективного курса. Результатам его апробации будет посвящена следующая работа авторов.

Литература

1. Стеблецова А. О. Специальный курс Academic English for medical purposes: из опыта разработки и внедрения в учебный процесс / А. О. Стеблецова, А. В. Медведева // Вестник ВГУ : серия : лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2014. – №4. – С. 124-128.
2. Стеблецова А. О. Иностранный язык в медицинской науке : английский для академических целей в воронежском государственном медицинском университете / А. О. Стеблецова, А. В. Медведева // Инновационные технологии российского и зарубежного образования. Коллективная монография / [А. О. Стеблецова, А. В. Медведева]. – Ульяновск, 2018. – С. 565-573.
3. Txabbarriaga Rocío // IMIA Guide on Medical Translation. – Режим доступа: <http://www.imiaweb.org> (дата обращения: 08.01.2019)
4. Федоров А. В. Основы общей теории перевода / А. В. Федоров. – М., 1983. – 303 с.
5. Черняховская Л. А. Перевод и смысловая структура / Л. А. Черняховская. – М., 1976. – 364 с.
6. Рецкер Я. И. Теория перевода и переводческая практика / Я. И. Рецкер. – М., 1974. – 216 с.
7. Виноградов В. С. Лексические вопросы перевода художественной прозы / В. С. Виноградов. – М., 1978. – 174 с.
8. Самойлов Д. В. О переводе медицинского текста / Д. В. Самойлов // Издательский дом «Практика». – Режим доступа: <http://www.practica.ru/Articles/medical.htm> (дата обращения: 06.01.2019)
9. Ventola Lee C. Direct-to-Consumer Pharmaceutical Advertising : Therapeutic or Toxic? / Lee C. Ventola // P&T. - October 2011.– Vol. 36. - No. 10. - P. 669 – 684.

TEACHING TRANSLATION AT VORONEZH N.N. BURDENKO MEDICAL UNIVERSITY

Stebletsova A. O., Medvedeva A. V.
Voronezh N. N. Burdenko State Medical University

Abstract. Medical translation as a type of technical translation is currently highly demanded both in professional medical training and research. To meet this remand an elective course ‘The Basics of Medical Translation’ has been developed and is

currently being implemented in Voronezh N.N. Burdenko State Medical University. The course covers basic concepts in the theory of translation and offers substantial practice in medical text translation. The theory of translation as part of the course is necessary for general understanding of translation principles and mechanisms. Practical exercises and tasks develop hands-on experience which is essential for translation skills development. Medical translation are supposed to have a good command of the foreign language, thorough knowledge of medicine and pharmacy as well as be aware of professional medical terminology. The authors argue that 'The Basics of Medical Translation' can provide learners with effective translation techniques which will be an essential part of their professional competence.

Key words: medical translation, an elective course, professional medical text, translation strategies and techniques, a foreign language, professional competencies

Стеблецова Анна Олеговна,
доктор филологических наук,
заведующая кафедрой иностранных
языков ВГМУ,
ФГБОУ ВО «Воронежский
государственный медицинский
университет им. Н.Н. Бурденко»,
кафедра иностранных языков
annastabl@mail.ru
89081439989

Anna Olegovna Stebletsova
Dr habil. in Philology, Head of the
Foreign Languages Department,
Federal State Budget Educational
Institution of Higher Education
«Voronezh N.N. Burdenko State
Medical University».
annastabl@mail.ru
89081439989

Медведева Анастасия Викторовна,
кандидат филологических наук,
доцент кафедры иностранных языков
ВГМУ,
ФГБОУ ВО «Воронежский
государственный медицинский
университет им. Н.Н. Бурденко»,
кафедра иностранных языков
avm@mail.ru
+7 (920) 437 30 08

A.V. Medvedeva, Ph.D, Associate
Professor of the Foreign Languages
Department,
Federal State Budget Educational
Institution of Higher Education
«Voronezh N.N. Burdenko State
Medical University».
avm@mail.ru
+7 (920) 437 30 08

НАУЧНЫЙ МЕДИЦИНСКИЙ ТЕКСТ: СПЕЦИФИКА РУССКО-АНГЛИЙСКОГО ПЕРЕВОДА

А.О. Стеблецова, И.И. Торубарова
Воронежский государственный медицинский университет
им. Н.Н. Бурденко

Аннотация. Данная статья посвящена особенностям перевода текстов научной медицинской тематики. Как известно, необходимым условием обеспечения международного внимания к результатам научных исследований является их презентация на английском языке, который в настоящее время является международным языком науки. Вот почему возникает высокая потребность в качественном переводе, в частности медицинских текстов, с русского на английский, с английского на русский. Однако, чтобы получить в результате перевода эквивалентный и адекватный текст, необходимо учитывать специфику и трудности перевода таких текстов. В данной работе рассматривается проблема одностороннего перевода и влияния языка оригинала на переводной текст. Проведенный анализ переводных версий медицинских статей, выполненных русскоязычными авторами, имеющими разный уровень языковой практики и квалификации, позволил выявить целый ряд переводческих несоответствий грамматического, лексико-семантического и жанрово-стилистического характера, которые будут препятствовать межкультурному научному общению ученых-медиков из России и их коллег из других стран и могут вызывать неточности и искажения при передаче научных данных. Существенной проблемой в процессе научного медицинского перевода оказалось и явление прагматической интерференции родного языка переводчика, которое приводит к нарушениям порядка слов, чрезмерной лексической нагруженности и избыточности текста перевода.

Ключевые слова: английский язык как международный язык науки, адекватный и эквивалентный переводы, лингвистическая интерференция, переводческие несоответствия, искажение данных, статьи медицинской тематики

Во многих областях медицинской науки связь между результатами исследований и их трансляцией в области практической медицины зависит не в последнюю очередь от научного авторитета и публикационной активности авторов. Достижение высоких показателей в наукометрических рейтингах связано с широким доступом к исследовательским работам как со стороны национального, так и международного экспертного сообщества. Необходимым условием обеспечения международного внимания к результатам исследования является их презентация на английском языке, который в

настоящее время является международным языком науки. Однако эта ситуация создает определенные проблемы для тех, кто не является носителем английского языка [1]. В частности, русскоязычные исследователи, стремящиеся опубликоваться в международных изданиях, стоят перед дилеммой: переводить собственные статьи на английский самостоятельно или с помощью профессиональных переводчиков, или пытаться создавать оригинальные статьи на английском. Большинство идут по первому пути, что обуславливает высокую потребность в качественном переводе медицинских текстов с русского на английский, с английского на русский. Однако, чтобы получить в результате перевода эквивалентный и адекватный текст, необходимо учитывать специфику и трудности перевода научно-технических текстов, к которым относятся тексты медицинской тематики.

Причинами проблем, встречающихся при переводе результатов научных исследований с языка-оригинала на язык перевода, являются следующие явления.

1. Перенос в текст перевода грамматических и лингвостилистических норм исходного языка (явление лингвистической интерференции), что существенно усложняет восприятие продукта перевода для целевой аудитории [2]. В результате из-за языковых помех англоязычные редакторы оказываются не в состоянии правильно оценить собственно научные результаты и отказывают авторам по соображениям лингвистической некорректности текста.

2. Неадекватный выбор переводческого эквивалента. Данная проблема актуальна для художественного перевода, где она ярко проявляется при переводе метафор, фразеологизмов, идиом. Для медицинского перевода эта проблема также актуальна в силу разных причин: наличие переводческих лакун культурологического и национального происхождения, наличие «неявных» эквивалентов из-за новизны научной или прикладной дисциплины. Например, современная санитарно-гигиеническая дисциплина в европейских странах *urban health* (досл. *городское здоровье*) в русском языке получила переводческий эквивалент *урбанистическая экология*.

3. Многозначность аббревиатур и терминологических сокращений. В медицинских научных текстах содержится большое количество аббревиатур, которые специалисты разных областей могут трактовать по-разному. Например, *MS* может обозначать как *стеноз митрального клапана (mitral stenosis)*, так и *рассеянный склероз*

(*multiple sclerosis*), RA – *ревматоидный артрит (rheumatoid arthritis)* и *правое предсердие (right atrium)*.

4. Отсутствие у переводчика фоновых знаний, связанных с областью перевода. Например, чтобы правильно подобрать переводческие эквиваленты для обозначения должностей *practice nurse* и *district nurse* надо представлять круг функциональных обязанностей этих сотрудников среднего медицинского персонала в национальной службе здравоохранения Великобритании. Название *practice nurse* означает сотрудника среднего медицинского персонала (медсестру или медбрата), работающего непосредственно в приемной врача общей практики (*GP's surgery*), тогда как *district nurse* относится к медсестре или медбрату, обслуживающих пациентов участка на дому. Адекватными переводческими эквивалентами в этих случаях будут для *practice nurse* – *медсестра (медбрат) общей практики* и для *district nurse* – *участковая медсестра (медбрат)*.

Данные проблемы представляют собой потенциальную опасность искажения профессиональных или научных данных. Любой перевод должен гарантировать минимальное искажение данных и максимальную их достоверность и валидность. Для достижения этих целей применяют несколько основных методик [3]:

1. односторонние переводы – двуязычный человек переводит оригинальную версию на целевой язык (языки);

2. обратные переводы – квалифицированный переводчик выполняет обратный перевод с языка перевода на язык оригинала и оба текста на исходном языке сравниваются;

3. метод рабочей группы – группа билингвов переводит с языка-источника на язык перевода. Ошибки одного члена команды могут заметить другие специалисты (принцип работы бюро переводов, затратный метод);

4. процедуры предварительной проверки – после завершения перевода проверяют, насколько он понятен субъектам, говорящим на языке перевода.

В данной работе рассматривается проблема одностороннего перевода и влияния языка оригинала на переводной текст. Вслед за О.А. Крапивкиной, мы понимаем языковую интерференцию в переводе как «перенос фонетических, лексических, грамматических, культурных и стилистических особенностей исходного языка, являющегося родным для переводчика, на язык перевода, вызывающих отклонения от языковых норм и системы последнего и чуждых ему» [4, с.116]. Необходимо отметить, что некоторые авторы говорят об интерференции как о положительном, конструктивном,

явлении, возникающем при контакте (переводе) одного языка на другой [5; 6]. В данном исследовании нас интересовала языковая интерференция как источник возможных неточностей и искажений при переводе, препятствующих точному обмену научной информацией. Данная работа выполнена на материале научных статей медицинской тематики, опубликованных в научном журнале «Research Journal of Pharmaceutical», «Biological and Chemical Sciences», авторами которых являются русскоговорящие ученые-медики. Было проанализировано 11 статей за 2018 г., общее количество – 140504 знаков без пробела, 739 предложений, 66 страниц. Кроме того, выполняя данное исследование, мы точно знали, что перевод был выполнен 1) дипломированными переводчиками, занимающимися медицинским переводом в течении нескольких лет; 2) русскоязычными специалистами-медиками, владеющими английским языком и работающими в России и Америке; 3) специалистами-медиками, изучавшими язык в рамках учебной программы в школе и вузе, а также занимавшимися дополнительно, но не имеющими специального языкового образования.

В данных работах можно проследить, что явление языковой интерференции проявляется на всех уровнях письменной речи: лексическом, морфологическом, синтаксическом, словообразовательном, акцентологическом, словопорядковом и т.п. – и оказывает влияние на все категории переводчиков.

Наиболее часто встречающиеся погрешности при переводе – неточности лексического характера. Таблица 1 дает примеры наиболее типичных случаев.

Таблица 1.
Языковая интерференция лексического характера

Оригинальный вариант из переводной статьи	Возможный вариант перевода
The <i>main</i> study in which data on the efficacy and safety of ticagrelor was obtained	The basic study in which data on the efficacy and safety of ticagrelor were obtained
death <i>from any cause</i> is reduced by 36%,	Death caused by either condition
it was noted that <i>at 12 months from the start of treatment</i>	it was noted that in 12 months after the onset of treatment
the relative incidence of myocardial infarction, death <i>from any cause</i> is reduced by 36%, <i>the number of</i>	the relative incidence of myocardial infarction, death caused by either condition is reduced by 36%, the

<i>cases of achieving successful myocardial reperfusion by 21% is increased.</i>	number of cases with successful myocardial reperfusion is increased by 21%.
who underwent percutaneous coronary intervention and aortocoronary bypass surgery, a 31% reduction in risk	who underwent percutaneous coronary intervention and aortocoronary bypass surgery, a 31% reduction of risk factors
the approach to prescribing the drug should be personalized	Drug prescription process should be personalized
<i>a significant reduction in the risk of adverse cardiovascular events</i>	a significant reduction of the risk of adverse cardiovascular events
increases the likelihood of hemorrhagic complications;	increases the possibility of hemorrhagic complications

Следует отметить, что явление лексической интерференции практически не наблюдается в статьях, переведенных дипломированными переводчиками.

В данных статьях мы обратили внимание на такое проявление языковой интерференции стилистического характера, как использование длинных предложений. Известно, что в научном стиле в русском языке использование длинных предложений является достаточно нормативным и широко распространенным. Более того, многие русскоязычные исследователи, уверены, что сложные, многословные синтаксические конструкции являются признаком наукообразной речи. В английском научном стиле действует «золотое правило 27 слов» (термин наш):

If the first part of a sentence is more than 12-15 words long, don't add a second part that is more than 10-12 words [7, с.37]. («Если первая часть предложения содержит более 12-15 слов), во второй не должно быть более 10-12 слов»). (Перевод наш. – А.С., И.Т.)

В данных работах длинные предложения (40 и более английских слов) составили 23% от общего количества предложений. Использование таких громоздких неудобоваримых конструкций неизбежно приводит к погрешностям грамматического характера. В таблице 2 приводятся примеры таких предложений на материале только одной статьи (из 45 предложений 10 предложений были составлены из 40 и более слов). Необходимо отметить, что все категории «переводчиков» в данном исследовании были подвержены языковой интерференции такого типа.

Проведенный анализ переводных версий медицинских статей, выполненных русскоязычными авторами, имеющими разный уровень языковой практики и квалификации, позволил выявить целый ряд

переводческих несоответствий грамматического, лексико-семантического и жанрово-стилистического характера, которые будут препятствовать межкультурному научному общению ученых-медиков из России и их коллег из других стран и могут вызывать неточности и искажения при передаче научных данных. Языковая интерференция носит деструктивный характер.

Таблица 2.

Long sentences («длинные предложения») как проявление языковой интерференции стилистического характера

In a randomized placebo-controlled study, ISIS-2 reported a relative reduction in the lethal outcome of cardiovascular causes over the next 5 weeks by 21% in patients receiving acetylsalicylic acid and by 40% in patients who received both acetylsalicylic acid and thrombolytic; reduction in the risk of developing non-fatal myocardial infarction by 49%, reducing the risk of death from cardiovascular causes in the long-term (15 months).	65 слов
The results of a meta-analysis of 31 randomized trials suggest that the use of high doses of ASA does not additionally reduce the risk of cardiovascular complications, but significantly increases the likelihood of hemorrhagic complications; In addition, almost complete inhibition of cyclooxygenase-1 occurs at concentrations of the drug less than 162 mg.	52 слова
The results of the CARPIE study, the main purpose of which was a direct comparison of the efficacy of clopidogrel and acetylsalicylic acid, indicate the high efficacy of clopidogrel <i>in secondary prevention</i> in patients with high cardiovascular risk: its appointment <i>at a dose of 75 mg per day</i> compared with acetylsalicylic acid therapy at a dose of 325 mg per day resulted in a statistically significant relative reduction in the risk of death from cardiovascular <i>causes</i> by 8.7% [3], and hemorrhagic risks <i>with both drugs</i> were comparable.	87 слов
Since 2001, the standard for the treatment of patients with acute coronary syndrome is double antiplatelet therapy, which includes the simultaneous administration of an inhibitor of P2Y12 receptors and acetylsalicylic acid within 1 year after acute coronary syndrome (it may shorten the term to 3-6 months with a high risk of bleeding and prolongation of more than 12 months in patients with a high risk of thrombotic and low hemorrhagic complications).	71 слово
The results of the double-blind study CLARITY-TIMI-28, which included 3,491 patients, indicate an improvement in the angiographic pattern and a reduction in the number of urgent	72 слова

revascularizations in patients with acute ST-segment elevation on ECG treated with fibrinolytics; when clopidogrel is added to acetylsalicylic acid, the relative incidence of myocardial infarction, death from any cause is reduced by 36%, the number of cases of achieving successful myocardial reperfusion by 21% is increased.	
When comparing the efficacy of clopidogrel and ticagrelor it was noted that <i>at 12 months from the start of treatment</i> in the ticagrelor + acetylsalicylic acid group, the relative reduction in the risk of death from <i>vascular causes</i> , myocardial infarction, stroke was 16% compared to the clopidogrel + acetylsalicylic acid group.	51 слово
In the PEGASUS-TIMI 54 study, which evaluated the combination of ticagrelor and acetylsalicylic acid for secondary prevention of atherothrombotic complications in patients who underwent myocardial infarction <i>for 1-3 years</i> prior to enrollment, a significant decrease in thrombotic complications was demonstrated.	40 слов
The <i>main</i> study in which data on the efficacy and safety of ticagrelor was obtained was a large, multicenter, randomized, placebo-controlled study of PLATO that included 18,624 patients with acute ST-segment elevation coronary syndrome <i>if they were scheduled for primary percutaneous intervention</i> , as well as patients with acute coronary syndrome without ST segment elevation, hospitalized within 24 hours of onset of symptoms, showing signs of high risk of developing complications.	70 слов
In the PEGASUS-TIMI 54 study, which evaluated the combination of ticagrelor and acetylsalicylic acid for secondary prevention of atherothrombotic complications in patients who underwent myocardial infarction for 1-3 years prior to enrollment, a significant decrease in thrombotic complications was demonstrated.	40 слов
<i>On the example of the clinical case</i> , the successful use of eptifibatide in a patient with myocardial infarction of the left ventricular lower wall with ST segment elevation during the development of stent thrombosis is shown <i>in the case of a clinical case</i> [13] and the appointment of an additional antiplatelet drug (IIb / IIIa antagonist of glycoprotein receptors) in all patients with ACS with an extended zone implantation of stents.	71 слово

Причинами выявленных несоответствий как языкового, так дискурсивного характера являются недостаточная лингвистическая и переводческая компетенция авторов англоязычных переводов.

Переводческие погрешности включают преимущественное использование техники пословного перевода и игнорирование лексических, лексико-грамматических и синтаксических трансформаций для адекватной передачи содержания, некорректный или неудачный выбор переводческих эквивалентов при передаче полисемичных лексем и медицинских терминов.

Существенной проблемой в процессе научного медицинского перевода оказалось явление прагмалингвистической интерференции родного языка переводчика. Русскоязычные нормы построения предложения переносятся на грамматическую структуру английского предложения и приводят к нарушениям порядка слов, чрезмерной лексической нагруженности и избыточности текста перевода.

Литература

1. Drubin D.G., Kellogg D.R. English as the universal language of science: opportunities and challenges – D.G. Drubin, D.R. Kellogg // *Mol Biol Cell*. 2012 Apr 15. № 23(8). P. 1399. doi: 10.1091/mbc.E12-02-0108
2. Стеблецова А.О., Торубарова И.И. Лингвистические несоответствия при переводе медицинского текста как проявление интерференции русского языка / Стеблецова, И.И. Торубарова // *Филологические науки. Вопросы теории и практики*. – Тамбов: Грамота. – 2018. – № 10(88). – Ч. 2. – С. 351-355. doi: org/10.30853/filnauki.2018-10-2.28.
3. Weeks A., Swerissen H., Belfrage J. Issues, Challenges, and Solutions in Translating Study Instruments – A. Weeks, H. Swerissen, J. Belfrage // *Evaluation Review* – Vol. 31 – No. 2, 2007. – Pp. 153-165.
4. Крапивкина О.А. Языковая интерференция как источник ошибок в научно-техническом переводе – О.А. Крапивкина // *Вестник КГУ им. Н.А. Некрасова*. – 2015. – № 6. – С.115-118.
5. Алимов В.В. Интерференция в переводе: на материале профессионально ориентированной межкультурной коммуникации и перевода в сфере профессиональной коммуникации: дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.19. // В.В.Алимов – М., 2004. – 260 с.
6. Черемисин В.И. Лексико-семантическая интерференция при переводе как особом виде языкового контакта (на материале англо-русских переводов): автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19. // В.И. Черемисин – М., 1992. – 25 с.
7. Wallwork A. English for Writing Research papers. / A. Wallwork – Springer Science + Business Media, LLC, 2011.

SCIENTIFIC MEDICAL TEXTS: SPECIFICITY OF RUSSIAN-ENGLISH TRANSLATION

A.O. Stebletsova, I.I. Torubarova
Voronezh N.N. Burdenko State Medical University, Voronezh, Russia

Abstract. This article deals with translational peculiarities of scientific medical texts. English appears to be a global scientific language nowadays. Presenting research study results in English is known to be an indispensable prerequisite for ensuring international attention towards one's academic achievements. That is why,

qualitative translation in general, and of medical texts in particular, is in great demand nowadays. However, it is necessary to consider the specificity and challenges of scientific medical texts to obtain an equivalent and adequate target text. This article regards the challenges of one-way translation and influence of the linguistic interference on a target text. The analysis of the medical article translation performed by the Russian-speaking authors having various level of linguistic practice and qualification allowed to reveal a number of grammatical, lexicosemantic and stylistic disparities that may interfere with intercultural communication of Russian scientists and their foreign colleagues and result in inaccuracies and errors while transferring research data. Pragmatic interference of the native language of an interpreter also became an essential challenge, since it results in the wrong word order, excessive lexical loading and redundancy of a target text.

Key words: English as a global academic language, adequate and equivalent translation, linguistic interference, translational disparities, data distortion, articles in medicine

Стеблецова Анна Олеговна,
доктор филологических наук,
заведующая кафедрой иностранных
языков,
ФГБОУ ВО «Воронежский
государственный медицинский
университет им. Н.Н. Бурденко»
89081439989
annastabl@mail.ru

Anna Olegovna Stebletsova
Dr habil. in Philology, Head of the
Foreign Languages Department,
Voronezh State Medical University
(VSMU)
Federal State Budget Educational
Institution of Higher Education
«Voronezh N.N. Burdenko State
Medical University».
79081439989
annastabl@mail.ru

Торубарова Ирина Ивановна,
старший преподаватель кафедры
иностраных языков ВГМУ,
ФГБОУ ВО «Воронежский
государственный медицинский
университет им. Н.Н. Бурденко»,
кафедра иностранных языков
89155877179
Torubarova69@mail.ru

Irina Ivanovna Torubarova,
Senior Lecturer of the Foreign
Languages Department, Voronezh State
Medical University (VSMU)
Federal State Budget Educational
Institution of Higher Education
«Voronezh N.N. Burdenko State
Medical University».
79155877179

Torubarova69@mail.ru

ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕДАЧИ ФУНКЦИОНАЛЬНО-СТИЛИСТИЧЕСКИХ ОСОБЕННОСТЕЙ РАССКАЗОВ А.П. ЧЕХОВА НА НЕМЕЦКИЙ ЯЗЫК

Т.Н. Сыромятникова
Воронежский государственный университет

Аннотация. В статье рассматриваются способы передачи на немецкий язык функционально-стилистических особенностей ранних рассказов А.П. Чехова. Под функционально-стилистическими особенностями мы понимаем средства языковой выразительности, отражающие, с одной стороны, индивидуально-авторский стиль писателя, с другой – эксплицирующие или имплицитные его интенции. К наиболее ярким функционально-стилистическим особенностям в рассматриваемых рассказах А.П. Чехова относим преимущественно языковые элементы создания комического эффекта: стилистически сниженную лексику в речи героев, диминутивы, устаревшие слова, фразеологизмы, метафоры, алогичные конструкции и «говорящие» имена. Данные языковые средства выступают важнейшими средствами эстетического оформления художественного текста и представляют сосредоточение трудностей, с которыми приходится сталкиваться переводчику. При этом сложность перевода рассказов писателя проявляется главным образом в расхождении коннотативных значений исходной и переведенной единиц. Нейтрализация экспрессивного значения обусловлена, главным образом, межъязыковыми и концептуальными расхождениями в русской и немецкой лингвокультурах. Достижение соответствующего прагматического и эстетического эффекта переведенного текста требует от переводчика принятия нестандартных творческих решений. Стремление к максимально точному воссозданию стилиобразующей системы оригинала с минимальными семантическими потерями, а также создание равноценного ассоциативного поля исходного текста в переводе позволяет переводчику в наиболее полной степени сохранить его коммуникативную и художественную ценность.

Ключевые слова: индивидуально-авторский стиль, авторская интенция, функционально-стилистические маркеры (метафоры, фразеологизмы, диминутивы, «говорящие» имена и др.), перевод художественного текста, переводческие трансформации

Произведения А.П. Чехова переведены более чем на 100 языков, на немецкий язык их стали переводить еще при жизни писателя. А.П. Чехов скептически относился к переводам своих произведений: «...переводчиков очень много, особенно на немецкий язык, я много

получал писем (с просьбой о разрешении перевести)...видел я много переводов с русского — и, в конце концов, пришел к убеждению, что переводить с русского не следует...» [1, с.362].

В обращении к творчеству А.П. Чехова в Германии выделяют три периода: конец 90-х гг. XIX в., первое десятилетие после Первой мировой войны, а также период с окончания Второй мировой войны по настоящее время [2, с.229]. Глубокий обзор истории произведений писателя в Германии проводится в одной из статей П. Урбана [3, с.140-200], переводы которого считаются наиболее соответствующими языку А.П. Чехова. По мнению заместителя председателя Немецкого общества А.П. Чехова, директора музея «Чеховский салон» в Баденвайлере Х. Зетцера, «в современной Германии Чехов так же популярен, как Шекспир» [4, [http:](#)], а «репертуар немецких театров позволяет говорить о том, что сейчас театральная Германия переживает настоящий "чеховский бум"» [5, [http:](#)]. «Удивительная личность этого великого гуманиста притягивает каждого, кто с ней соприкоснется, — сейчас больше, чем раньше» [2, с.233].

Исследователи творчества А.П. Чехова в Германии отмечают существенные недостатки многих переводов писателя на немецкий язык. Основной проблемой перевода его пьес являются вольности переводчиков и неточности [6, с.19]. В последнее время в Германии уделяется большое внимание переработке переведенных драматургических текстов писателя, в частности, в Институте славистики Кильского университета, и в ближайшие годы в Германии будет издано первое полное собрание сочинений А.П. Чехова в переводе П. Урбана.

Анализируемые в статье рассказы из сборника «Тринадцать веселых рассказов» («Винт», «Писатель», «Из дневника помощника бухгалтера», «Дачники», «Радость», «Клевета» и др.) относятся к раннему творчеству писателя. Автор с удивительно тонкой иронией в большей степени демонстрирует, нежели обличает, отрицательные качества своих героев, порой даже сочувствуя им. Так, литературный критик Н.К. Михайловский в 1900 году отмечает «изумительную изобретательность Чехова по части смехотворных эффектов» [7, с.127]. По мнению критика, рассказ «Винт» служит примером произведения, контрастирующего с поздними произведениями писателя, в которых «вместо прежнего жизнерадостного убеждения в равноценности всего сущего» [7, с.127], звучат тоска и отчаяние, отражающие не пессимизм писателя, а происходящие процессы в обществе. «Талант редко уживается со спокойствием, в большинстве случаев он есть нечто беспокойное, требовательное. А г-н Чехов —

настоящий, большой талант, и неудивительно поэтому, что он не остался безразличным в отношении к свету и мраку, хотя они и "являют собою одну и ту же тайну бытия" » [7, с.127].

Художественный перевод, по мнению многих ученых, считается самым сложным, что связано со спецификой переводимого материала. Любое художественное произведение можно рассматривать как некий сложный симбиоз философско-мировоззренческого кредо, авторской эстетики и языкотворчества. Наличие имплицитной художественной информации является причиной его неизбежной полиинтерпретируемости. «Несмотря на стремление переводчика воссоздать (воспроизвести) как можно полнее содержательную, эмоционально-экспрессивную и эстетическую ценность оригинала и добиться равновеликого с оригиналом воздействия на читателя, ему, переводчику, можно рассчитывать лишь на относительную эквивалентность художественного перевода тексту оригинала» [8, с.12].

Под функционально-стилистическими маркерами (ФСМ) мы понимаем средства языковой выразительности, отражающие, с одной стороны, индивидуально-авторский стиль писателя, с другой – эксплицирующие или имплицитующие его интенцию. К наиболее ярким ФСМ в ранних рассказах А.П. Чехова относим языковые элементы создания комического эффекта: стилистически сниженную лексику (просторечия, ругательства в речи героев), диминутивы, устаревшие слова, фразеологизмы, метафоры, алогичные конструкции и «говорящие» имена.

Следует отметить, что переводчик (Х. Дехио, перевод выполнен в 1973 г.), как правило, стремится подобрать эквивалентную единицу тому или иному экспрессивному языковому элементу, что позволяет ему максимально сохранить заложенный в тексте комизм и вызвать соответствующие ассоциации у немецкого читателя. Однако меткий юмор писателя, его так называемый своеобразный «почерк» воссоздать не всегда представляется возможным. Причиной тому являются, главным образом, межъязыковые и концептуальные расхождения в русской и немецкой лингвокультурах. При этом сложность перевода рассказов писателя проявляется преимущественно в расхождении коннотативных (эмоциональных, экспрессивных, оценочных, функционально-стилистических, образных, ассоциативных) значений исходной и переведенной единиц.

Рассмотрим примеры, демонстрирующие полное или частичное совпадение денотативного и коннотативного значений сниженной

лексики, фразеологизмов, метафор, алогичных конструкций в текстах оригинала и перевода.

В рассказе «Винт» Андрей Степанович Пересолин, проезжая мимо правления, замечает, что окна, выходящие из дежурной комнаты, несмотря на позднее время суток, до сих пор освещены. Он решает проверить, как работают подчиненные, и застаёт их за игрой в карты, на которых наклеены фотографии чиновников, его фото также присутствует на одной из карт:

– «Хорошо же вы отчет переписываете! – начал Пересолин. – Теперь понятно, почему вы так любите с отчетом возиться..» // «Schön schreibt ihr mir den Rechenschaftsbericht ab!» begann Peressolin. «Jetzt verstehe ich, warum ihr euch gerne so lang mit dem Bericht abgebt..»

– «Мою фамилию к чему-то приплели... – пожал плечами Пересолин. // – «Wozu haben sie meinen Namen hereingezogen?» dachte Peressolin achselzuckend.

Глаголы *sich abgeben* (meist abwertend: sich mit etwas, jemandem beschäftigen, befassen) и *hereinziehen* (in etwas ziehen, verwickeln) имеют схожее денотативное значение с глаголами *возиться с чем-либо* и *приплетать* и, согласно словарю «Duden», в зависимости от контекста могут употребляться как стилистически сниженные.

В рассказе «Дорогая собака» лицемер поручик Дубов пытается продать свою собаку. Он наделяет ее всеми возможными положительными характеристиками:

«Хотится мне некогда. Гибнет без дела собака, талант свой зарывает... Потому-то и продаю». // «Ich habe keine Zeit, auf die Jagd zu gehen! Der Hund geht ein ohne Arbeit, vergräbt sein Talent...Und darum verkaufe ich ihn».

Фразеологизму *зарывать талант* соответствует полный фразеологический эквивалент *sein Talent vergraben*, который и использует переводчик.

Главный герой рассказа «Из дневника помощника бухгалтера» надеется, что бухгалтер Чаликов умрет, и тогда тот сможет занять его должность. В своем дневнике он пишет:

«У Чаликова жена сбежала..Может быть, с горя руки на себя наложит. Ежели наложит, то я – бухгалтер». // «Tschalikows Frau ist durchgegangen...Es könnte sein, dass er sich aus Gram was antut. Wenn er sich was antut, werde ich Buchhalter».

Фразеологизму *наложить на себя руки* в немецком языке соответствует нейтральный эквивалент *Hand an sich legen*, однако

переводчик использует разговорный фразеологический аналог *sich etwas antun* (Duden: umgangs.), подчеркивающий малообразованность и наивность главного героя. Последнее предложение в переводе нивелирует комизм ситуации: в немецком языке отсутствует какое-либо соответствие устаревшему просторечному союзу *ещели*, а полная форма главного и придаточного не отражают алогичность мыслей героя.

Особенность иронии А.П. Чехова нередко демонстрируют объединенные в одном контексте слова и выражения, противоположные по предметно-логическому значению, т.е. имитация причинно-следственных связей [9, с.13]. Данный прием А.П. Чехов использует в метафорах, описывающих нечестного и алчного Ершакова в рассказе «Писатель»:

– *«Судя по его размашистому почерку с завитушками, капулю..., он был не чужд европейской цивилизации. Но от него еще больше повеяло культурой... // Nach seiner schwungvollen heschnörkelten Handschrift, seinem Joseph-Capoul-Lockenkopf..zu schließen, war ihm die europäische Zivilisation nicht fremd. Doch ein noch deutlicher Hauch von Kultur strömte von ihm aus...»*

– *Ершаков закурил гаванку и в его комнате еще сильнее запахло культурным человеком. // «...Jersachkow zündete sich eine kleine Havanna an, und es duftete in seinem Zimmer noch stärker nach einem kultivierten Menschen».*

Переводчик прибегает к полному переводу данных метафор, что позволяет максимально точно отразить замысел писателя. А.П. Чехов в скрытой форме тонко и метко показывает низменные качества человека, так как главный герой Ершаков хотел обмануть людей и продать им чай, который хранился у него на складе уже три года.

Любопытно отметить, что возможность полной передачи метафорического образа не всегда обеспечивает его адекватное восприятие в переведенном тексте. В рассказе «Дачники» главными героями являются счастливые молодые супруги Варя и Саша, их родственники и луна, представленная в персонифицированном образе. Луна «...хмурилась: вероятно, ей было завидно и досадно...». // «...der Mond...verdüsterte sich: wahrscheinlich war er neidisch auf sie und verdrossen...».

Счастье молодых супругов напоминало луне о ее собственном одиночестве.

Луна раздражена: «... точно табакую понюхала, спряталась за облако». // «Als hätte er Tabak geschnupft, versteckte sich der Mond...».

Прослеживаются разные концептуальные образы небесного светила в текстах оригинала и перевода. Существительное *луна* имеет женский род и в оригинале воплощает образ ворчливой завистливой старой девы, в то время как в немецком языке лексема *Mond* – мужского рода, следовательно, ассоциации различны. Замена данного образа другим небесным светилом, например, *die Venus* (ж.р.), вряд ли было бы удачной адаптацией оригинального текста.

К числу наиболее выразительных функционально-стилистических маркеров в произведениях А.П. Чехова относится зевгма – конструкция, в которой объединены семантически разнородные понятия. Переводчику, как правило, удается передать данный стилистический прием средствами немецкого языка и воспроизвести соответствующий комический эффект. Сложность вызывает тот факт, что при изображении внешности, мыслей, поступков героев или определенной ситуации писатель использует емкое многокомпонентное описание. В рассказе «Писатель» А.П. Чехов создает следующие карикатурные портреты своих героев:

– «…Ершаков, человек молодой, по моде одетый, но помятый и, видимо, поживший на своем веку бурно. // «… Jerschakow selber, ein junger modisch gekleideter aber schon verlebter Mann, der augenscheinlich ein bewegtes Leben geführt hatte.»

– «Через минуту в комнатку тихо вошел седой, плешивый старик в рыжем, потертом пальто, с красным, помороженным лицом и с выражением слабости и неуверенности, какое обыкновенно бывает у людей, хотя и мало, но постоянно пьющих. // «Eine Minute darauf trat leise ein ergrauter, fast kahlköpfiger alter Mann in verblichenem, abgewetztem Mantel in das Zimmer, mit einem roten erfrorenen Gesicht und einem Ausdruck von Schwäche und Unsicherheit, wie ihn gewöhnlich Leute haben, die zwar wenig, doch beständig trinken.»

Переводчик прибегает к синтаксическим трансформациям, которые неизбежны, однако судя по семантико-стилистическим параметрам, исходные и переведенные фрагменты рассказа соответствуют друг другу.

Стремясь к сохранению заложенного в оригинале смысла, переводчик прибегает к следующему приему: по ассоциативным параметрам наделяет нейтральную единицу немецкого языка эмоционально-оценочной окраской в тексте перевода. Играя в карты, Звиздулин ругается на своего партнера:

«А тебе бы, садовая голова, с Поганкина ходить!». // «Du Krautkopf hättest Pogankin ausspielen müssen!».

Слово *Krautkopf* (Duden: südd., österr. *Kohlkopf*) имеет один эквивалент в русском языке – «кочан капусты», во вторичном значении в контексте переведенного текста удачно соответствует ругательному словосочетанию *садовая голова*.

Рассмотрим примеры, иллюстрирующие тот факт, что в результате нейтрализации исходной экспрессивной единицы утрачивается ее коннотативное значение в тексте перевода, при этом денотативные значения совпадают.

В рассказе «Из дневника помощника бухгалтера» главный герой пишет в своем дневнике:

*«Наш шестидесятилетний бухгалтер Глоткин пил молоко с коньяком по случаю кашля и заболел по сему случаю белою горячкой. Доктора, со свойственною им самоуверенностью, утверждают, что завтра помрет. Наконец-таки я буду бухгалтером!». // «*Unser sechzigjähriger Buchhalter Glotkin trank auf Grund seines Hustens Milch mit Cognac und er krankte aus diesem Grunde am Deliriumtremens. Die Ärzte behaupten mit der ihnen eigenen Selbstherrlichkeit, dass er morgen sterben werde. Dann werde ich endlich Buchhalter werden!*».*

Семантически противоречивое словосочетание *по случаю кашля* передается конвенциональным в немецком языке словосочетанием *auf Grund seines Hustens*, просторечная лексема *помрет* – нейтральным глаголом *sterben*, разговорное наречие *наконец-таки* – нейтральным наречием *endlich*.

В рассказе «Радость» главный герой Митя прибегает домой и радостно сообщает родителям, что о нем написали в газете:

*«Что с тобой? На тебе лица нет! – Это я от радости, мамаша! Ведь теперь меня знает вся Россия! Вся!...Папаша побледнел. Мамаша взглянула на образ и перекрестилась». // «*Was ist mit dir? Wie siehst du denn aus!*» «*Mamachen, das ist vor Freude! Denn jetzt kennt mich ganz Russland! Das ganze!*»...*Papachen* erblaßte. *Mamachen* blickte zum Heiligen Bild auf und bekreuzigte sich».*

Слова *мамаша* и *папаша* являются устаревшей формой обращения, которой пользовались горожане среднего достатка, т.е. это отражающие колорит времени нейтральные лексические единицы. Слова *Mamachen* (Duden: Koseform für Mama) и *Papachen* (Duden: Koseform für Papa) маркируются в словаре «Duden» как уменьшительно-ласкательные. Любопытно отметить, что в самом рассказе в рамках контекста данные слова различны по стилистической окраске: если в речи героя используется нейтральная форма обращения, то в авторской речи прослеживается тонкая ирония. Родители приходят в ужас, потому что Митя, в сущности, – глупый и

недалекий человек, оказалось, что о нем написали в разделе «Происшествия», потому что он был пьян и попал под лошадь.

Когда Ахинеев начинает ругаться на Ванькина (рассказ «Клевета»), что тот сплетничал про него, Ванькин не понимает, что происходит, и утверждает, что слухи не распространял:

«Чтоб мне ни дна, ни покрывки... ежечи хоть одно слово про вас сказал!». // «Möge ich nirgends Rast noch Ruhe finden... wenn ich auch nur ein Wort über Sie gesagt habe!».

Фразеологизм сниженного стиля *ни дна, ни покрывки* в «Толковом словаре» Д.Н. Ушакова имеет значение «пожелание дурного, выражение досады, раздражения на кого-нибудь». Согласно словарю «Duden», фразеологизм *nirgends Rast noch Ruhe finden* (буквально: *не знать ни отдыха, ни покоя*) относится к возвышенному стилю (*gehoben: keine Ruhe*)».

Одним из излюбленных приемов выражения иронии в чеховских рассказах выступает диминутив – слово с суффиксом субъективной оценки. При этом возможно создание разнообразных смыслов, отражающихся в уменьшительных, увеличительных, ласкательных оттенках значения, иронии, пренебрежении и пр. Поскольку индекс диминутивных средств в немецком языке ниже, чем в русском языке, данный экспрессивный языковой элемент, несомненно, представляет определенную трудность для переводчика. Подчиненные играют в карты с фотографиями высокопоставленных лиц, позже начальник присоединится к ним:

«Хожу со статского... Бросай, Ваня, какого-нибудь титуляшку или губернского...». // «Ich spiele einen Staatsrat aus... Wanja, wirf irgendeinen Titularrat oder einen Gouvernementsbeamten dazu...».

Стилистически сниженный диминутив *титуляшка*, выражающий пренебрежение к вышестоящим лицам, относится к устаревшим просторечиям и имеет значение «титулярный советник». Его нейтрализация (*Titularrat*), по всей видимости, является неизбежной, так как наиболее продуктивные средства выражения диминутивности в немецком языке суффиксы *-chen*, *-lein*, выражающие преимущественно уменьшительно-ласкательное значение, не передадут иронично-пренебрежительное звучание слова *титуляшка*. Возможно, создание окказионализма позволило бы в какой-то степени передать анекдотичность всей мастерски описываемой писателем ситуации.

Передача устаревших и просторечных слов также выступает сложной задачей для переводчика, так как стилистически сниженной

лексике в ряде случаев отсутствует эквивалент как таковой в лексической системе немецкого языка. Такие единицы, как *глядючи*, *трапезовать*, *ежели*, *умокнуть перо*, *к завтраму*, *поговоривши*, *кофий*, *кушанья* и др., как правило, переводятся нейтрально, например, в рассказе «В почтовом отделении»:

«Да-с... Все удивлялись, на нее глядючи... Но, господа, любил я ее не за красоту и не за добрый нрав... Она была верна мне, старику! Дьякон, трапезовавший с нами, красноречивым мычанием и кашлем выразил свое сомнение». // «Jawohl...alle die sie sahen, staunten nur so... Aber meine Herrschaften, ich liebte sie nicht ihrer Schoenheit oder ihres guten Charakters wegen...Sie war treu – mir, dem Greise! Der Diakon, der mit uns bei Tisch saß, drückte durch ein beredtes Wiehern und Husten seinen Zweifel aus».

Все выделенные в тексте оригинала единицы придают ситуации некий пафосный характер, в переводе наблюдается стилистическая нейтрализация.

В рассказе «У предводительши» после панихиды по Трифону Львовичу Завязтову все гости садятся за стол. Жена умершего Любовь Петровна говорит, что у нее в доме нет алкоголя, так как ее муж умер от чрезмерного употребления спиртных напитков, тем самым разочаровывает гостей:

«Марфуткин, прежде чем начать есть, долго роется в карманах и ищет носовой платок. – Да ведь платок в шубе! – вспоминает он...и идет в переднюю ... Из передней возвращается он с масляными глазками... – Что, небось противно всухомятку трескаться? – шепчет он отцу Евмению. – Ступай, батя, в переднюю, там у меня в шубе бутылка есть...». // «Bevor er zu essen beginnt, wühlt Marfutkin lange in seinen Taschen herum und sucht nach einem Taschentuch. «Ach so, das Taschentuch ist ja im Pelz!» So erinnert er sich...und geht ins Vorzimmer... Aus dem Vorzimmer kommt er mit öligen Äuglein zurück... «Nicht war es ist einem zuwider, die Speisen trocken herunterzuwürgen?» flüstert er dem Vater Eumenius zu. «Geh ins Vorzimmer, Vater, dort habe ich im Pelz eine Flasche...».

Разговорное словосочетание *ступай, батя* стилистически нейтрализуется (*батя – Vater*) и не передает комизм ситуации, состоящий в том, что запьяневший Марфуткин переходит на фамильярный тон в обращении к отцу Евмению.

О невозможности перевода определенных языковых средств на немецкий язык свидетельствует *словоерс*, т.е. частица -с, прибавляемая в русском языке к концу слов. Изначально в XIX в. словоерс использовался для выражения почтения к собеседнику при обращении

низшего по чину к высшему. В конце XIX в. словоерс выступал в функции демонстрации подчинённого положения и заискивания. Добавление частицы -с к слову в рассказе «Тайна» отражает подобострастие церковнослужителя низшего разряда в православной церкви, не имеющего степени священства – дьячка:

- Очень хорошо-с, ваше превосходительство! – сказал дьячок, кланяясь. – Очень хорошо-с! Понимаю-с... – Нельзя ли к завтраму приготовить? – Хорошо-с, ваше превосходительство, будьте покойны-с! // Sehr wohl, Eure Exzellenz, – sagte der Kuester und verbeugte sich. Sehr wohl. Verstehe. – Könnte sie vielleicht schon bis morgen vorbereitet werden? – Sehr wohl, Eure Exzellenz, Seien Sie unbesorgt!

Активным художественным приемом в творчестве А.П. Чехова как в целом, так и в анализируемых рассказах, выступают «говорящие» имена. Аллюзивные имена собственные обогащают постижение читателем смысла художественного текста. Писатель в своих рассказах наделяет героев неэстетичными фамилиями и тем самым создает их комический портрет. При этом все говорящие имена, выполняющие яркую характерологическую функцию, переводчик передает исключительно с помощью транскрипции. Комментарий, к которому прибегают переводчики при работе с говорящими именами, позволил бы наиболее полно передать авторскую интенцию.

Существуют различные принципы, на которых может быть основана образность «говорящего» имени, А.П. Чехов имплицитно социальнo-психологические характеристики. Фамилию *Кулакевич (Kulakewitsch)* получает один из чиновников, который решает проблемы кулаками. *Недоехов (Nedojechow)* – чиновник, не сразу понимающий, что от него требуется. *Серафим Звиздулин (Swisdulin)* – чиновник, который имеет большое мнение о себе, к простым людям относится с пренебрежением. Пожилой бухгалтер *Глоткин (Glotkin)* был любителем выпить, что явилось причиной его смерти. Чиновник *Поганкин (Pogankin)* имеет скверный характер. Это подлый и лицемерный человек, который думает только о наживе. *Ахинеев (Achinejew)* часто рассказывает окружающим нелепые и выдуманные истории, распускает слухи. *Лапкин (Lapkin)* – кроткий, скромный человек, которым можно манипулировать.

Таким образом, воссоздание стилистического эффекта, создание равноценного ассоциативного поля оригинала в переводе, несомненно, важно. Знание особенностей индивидуального стиля писателя, максимально точное определение актуальных индикаторов смысловой структуры текста и характера их взаимодействия, а также умение

распознавать скрытые смыслы способствуют воспроизведению максимально эквивалентного текста, обладающего не меньшей художественной ценностью, чем оригинал.

Литература

1. Чехов А.П. Полное собрание сочинений и писем: в 30 т. Т. 19 / А.П. Чехов. – М.: Наука, 1979. – 549 с.
2. Дик Г. Чехов в Германии / Г. Дик // Русская литература. – 1962. – № 2. – С. 229-233.
3. Урбан П. Драматургия Чехова на немецкой сцене / Пер. с нем. А. Л. Безыменской // Чехов и мировая литература: В 3 т. 1 т. // П. Урбан. – М.: Наука, 1997. – С. 140-200.
4. Чеховский бум в Германии / Deutsche Welle. – Режим доступа: <http://www.dw.com/ru/чеховский-бум-в-германии/a-4530073> (дата обращения: 21.12.2018).
5. Пьесы Чехова созвучны самовосприятию сегодняшних немцев / Deutsche Welle. – Режим доступа: [http:// dw.com/ru/пьесы...созвучны-самовосприятию...немцев/a...](http://dw.com/ru/пьесы...созвучны-самовосприятию...немцев/a...) (дата обращения: 21.12.2018).
6. Габассова С.Х. Переводы пьес А.П. Чехова на немецкий язык / С.Х. Габассова // Поволжский педагогический вестник. – 2016. – № 4 (13).
7. Михайловский Н.К. Литература и жизнь. Кое-что о г. Чехове / Н.К. Михайловский // Русское богатство. – 1990. – № 4. – С. 126-127.
8. Виноградов В.С. Введение в переводоведение (общие и лексические вопросы). / В.С. Виноградов. – Москва: Издательство института общего среднего образования РАО, 2001. – 224 с.
9. Каменская Ю. В. Ирония как компонент идиостиля А.П.Чехова: Автореф. дис. на соиск. учен. степ. канд. филол. наук / Ю. В. Каменская. – Саратов: Саратов. гос. ун-т им. Н. Г. Чернышевского, 2001. – 21 с.

Список источников примеров

1* Tschchow Anton. Dreizehn lustige Erzählungen. Zweisprachige Ausgabe. Russisch / Deutsch / A. Tschchow. – DTV, 1992. – 152 с.

Список словарей

1** Duden. Deutsches Universal Wörterbuch A-Z. – neu bearbeitete Auflage. – Mannheim, Leipzig, Wien, Zürich: Dudenverlag, 2007. – 1900 S.

2 **Толковый словарь русского языка: В 4 т. / Под ред. Д.Н. Ушакова. – М.: TERRA. – 2007. – 752 с.

SPECIAL TECHNIQUES FOR TRANSLATION OF FUNCTIONAL STYLISTIC MARKERS IN A.P. CHEKHOV'S STORIES FROM RUSSIAN INTO GERMAN

T.N. Syromiatnikova
Voronezh State University

Abstract. The article studies translation techniques for rendering the meaning of functional stylistic markers from early A.P. Chekhov's stories into German. These markers feature the author's individual writing style and fulfil the aesthetic function, providing the explicit or implicit delivery of the author's intention. The most

expressive markers include language means for producing a comic effect, such as: colloquialisms in the characters' speech, idioms, metaphors, illogical constructions and charactonyms. Being quite important means of aesthetic expression, they are also often the cause of difficulties for a translator. It is especially difficult to achieve translation adequacy in conveying connotation meaning. Due to interlanguage and conceptual discrepancies between the two language cultures, the translator sometimes has to neutralize the meaning of the elements found in the original. The attempt to deliver a pragmatic and aesthetic effect of the original requires creative solutions. Apparently, translation adequacy will be achieved through the maximum reproduction of the style of the original and the minimal losses of its sense. By this, we will be able to retain the communicative and aesthetic value of the original text.

Key words: individual writing style, the author's intention, functional stylistic markers (idioms, metaphors, charactonyms), literary translation, translation transformations

Сыромятникова Татьяна Николаевна,
Кандидат филологических наук,
доцент,
Воронежский государственный
университет,
394018, Воронеж, пл. Ленина, 10,
syromjatnikova@rambler.ru

Tatyana N. Syromiatnikova,
Associate Professor, PhD,
Voronezh State University
Pl. Lenina, 10, Voronezh, 394018,
Russian Federation
syromjatnikova@rambler.ru

РАЗВИТИЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ КОМПЕТЕНЦИИ СТУДЕНТОВ НА ЗАНЯТИЯХ ПО ПИСЬМЕННОМУ ПЕРЕВОДУ (на примере перевода в сфере образования)

Н.А. Фененко, А.Ю. Протопопова
Воронежский государственный университет

Аннотация. В статье представлен дидактический подход, направленный на формирование у студентов профессиональной переводческой компетенции на занятиях по практике письменного перевода. Предлагаемый подход ориентирован на основные составляющие переводческого процесса и реализуется поэтапно, путем последовательного выполнения серии предтекстовых, текстовых и послетекстовых заданий, большая часть которых осуществляется с использованием информационно-коммуникационных технологий. Их выполнение способствует формированию таких компетенций, как предметная, социокультурная, коммуникативная, лингвистическая, техническая, информационно-технологическая, текстообразующая, стратегическая, которые лежат в основе профессиональной переводческой компетенции.

Ключевые слова: профессиональная компетенция переводчика, профессиональный тезаурус переводчика, дидактический подход, обучение письменному переводу

В связи с актуальными тенденциями, связанными с созданием единого образовательного пространства, повышением студенческой мобильности, а также унификацией образовательных программ европейских вузов повышается спрос на переводчиков, обслуживающих специальные сферы деятельности, в том числе сферу образования. Изменяются и требования к подготовке таких специалистов. Студент, окончивший ВУЗ по данному направлению, должен обладать высоким уровнем сформированности профессиональной компетенции, который позволит ему эффективно осуществлять переводческую деятельность в условиях современного рынка труда.

Профессиональная компетенция переводчика объединяет как рецептивную концепцию понимания, так и продуктивную концепцию моделирования, т.е. способность понимания исходного текста и способность создания нового текста на другом языке. Профессиональная переводческая компетенция может быть определена как сложная, многомерная категория, включающая те квалификационные характеристики, которые позволяют переводчику

осуществлять акт межъязыковой и межкультурной коммуникации [1, с.149-150].

Исследование существующих точек зрения отечественных и зарубежных ученых о составе компонентов профессиональной компетенции переводчика позволяет выделить в рамках изучаемой компетенции следующие компоненты/компетенции:

- предметная (Н.Н. Гавриленко, Ж. Делиль);
- коммуникативная (В.Н. Комиссаров);
- социокультурная (Ж. Делиль, Ж.Р. Ладмираль);
- стратегическая (Ф. Плассард);
- информационно-коммуникационная (Г.В. Круглякова);
- языковая (Ж.Р. Ладмираль).

Состав профессиональной компетенции переводчика представляет собой открытую структуру, подверженную изменениям, связанным с разработкой важных для переводческой профессии аспектов.

Для повышения эффективности развития профессиональной компетенции будущих переводчиков необходимо делать акцент на освоении студентами профессионального тезауруса по определенной теме, под которым мы понимаем «отражение картины мира на основе системы понятий, расширяющих и активирующих профессиональный информационный контекст» [8]. Однако прежде всего необходимо использовать в процессе обучения дидактический подход, учитывающий основные этапы переводческого процесса: выделение смысла (на основе информации текста, когнитивных дополнений, когнитивного багажа переводчика), ревербализация (выражение смысла средствами переводящего языка) [9], а также проводить верификацию результатов на базе разработанных критериев.

Такой подход, который можно определить как системный, разработан на кафедре французской филологии Воронежского государственного университета и лежит в основе подготовки переводчиков, изучающих французский язык в качестве первого или второго иностранного [10; 11]. Апробация методики работы в русле данного подхода осуществлялась нами в период прохождения педагогической практики со студентами третьего курса, обучающимися по образовательной программе 45.03.02 – Лингвистика, профиль «Перевод и переводоведение (французский язык)» и со студентами второго курса, обучающимися по образовательной программе 45.05.01 – Перевод и переводоведение, профиль «Лингвистическое обеспечение межгосударственных отношений».

Аудиторная работа студентов-переводчиков в рамках предлагаемого нами дидактического подхода включает в себя работу над заданиями, которые соответствуют каждому этапу переводческого процесса и способствуют формированию компетенций, входящих в состав профессиональной компетенции переводчика.

На предпереводческом этапе задания направлены на овладение методикой предпереводческого анализа текста, способствующей точному восприятию смысла исходного высказывания, на овладение методикой подготовки к выполнению перевода, включая поиск информации в справочной, специальной литературе и компьютерных сетях, на умение приобретать знания в предметных областях, прогнозировать и выявлять терминологию и информацию, необходимую для обеспечения качественного перевода. В процессе выполнения этих заданий происходит формирование и совершенствование социокультурной, предметной и информационно-технологической (информационно-коммуникационной) компетенций.

На этапе работы с текстом и самостоятельной работы над текстом перевода студенты продолжают овладевать основными способами достижения эквивалентности в переводе и способностью применять основные приемы перевода, учатся оформлять текст перевода в компьютерном текстовом редакторе, осуществлять письменный перевод с соблюдением норм лексической эквивалентности, грамматических и стилистических норм языка перевода. Они также осваивают коммуникативные стратегии и тактики, риторические, стилистические и языковые нормы и приемы, принятые в разных сферах коммуникации. Цель предлагаемых на этом этапе заданий – совершенствование коммуникативной, технической, языковой, стратегической и текстообразующей компетенций.

На этапе постпереводческого анализа происходит дальнейшее развитие у обучающихся способности к редактированию, реферированию, трансформации, систематизации, анализу и синтезу информации. Цель этой работы – совершенствование таких компетенций, как техническая, социальная, стратегическая и коммуникативная.

Рассмотрим подробнее типы упражнений и заданий, позволяющих направить внимание и усилия студентов на решение конкретных учебных задач.

1. Предтекстовые упражнения представляют собой задания на понимание когнитивного контекста и пополнение «когнитивного багажа переводчика», т.е. его энциклопедических знаний, прямо или косвенно связанных с тематикой и проблематикой предлагаемого

текста и способствующих интеллектуальному развитию обучаемых, повышению их общекультурного уровня и формированию профессиональных компетенций [12, с.4-5].

Приведем в качестве примера предтекстовые упражнения к тексту «LMD: Licence Master Doctorat», в котором содержится информация о реформе высшего образования во Франции:

– *ответьте на вопросы, касающиеся вашего личного опыта в сфере обучения в высшем учебном заведении (Продолжили ли вы обучение в магистратуре по специализации бакалавриата или сменили специальность? и т.д.);*

– *соберите материал и подготовьте сообщение на тему «Роль Болонского процесса в гармонизации системы высшего образования» (перечислены необходимые для выполнения этого задания печатные и электронные ресурсы);*

– *ответьте на вопросы о вступлении России в Болонский процесс (перечислены необходимые для выполнения этого задания печатные и электронные ресурсы), а также проанализируйте плюсы и минусы участия России в данном процессе [14, с.7].*

При выполнении данных заданий, будущие переводчики активно пользуются Интернет-ресурсами, что способствует развитию их информационно-коммуникационной компетенции (ИКТ-компетенции). Помимо списка литературы по определенной теме, студентам предлагаются также ссылки на источники в Интернете. При этом преподаватель выбирает достоверную информацию в Интернете и предлагает студентам ссылки на ресурсы, в которых уверен сам, тем самым направляя и контролируя работу студентов с электронным инструментарием. Например:

Depuis quand la Russie participe-t-elle au processus de Bologne? Quels enjeux a-t-on dû surmonter? En préparant votre intervention consultez les sources proposées:

Kastouéva-Jean T. La Russie et le processus de Bologne. Européenne par éducation? // Politique étrangère. – 2007. – № 2. – P. 411– 423 [en ligne]. Disponible sur: <https://www.cairn.info/revue-politiqueetrangere-2007-2-page-411.htm> (Consulté le 20.02.2017).

L'enseignement russe à la sauce bolonaise [en ligne]. Disponible sur: <http://fr.russia.edu.ru/news/2799/> (Consulté le 20.02.2017). Kastouéva-Jean T. Russie: la réforme de l'enseignement supérieur // En classe: pratiques pédagogiques et valeurs culturelles. – 2009. – № 50 [en ligne]. Disponible sur: <https://ries.revues.org/476> (Consulté le 20.02.2017) [14, с.6-7]

2. Текстовые упражнения, которые включают в себя задания на понимание лексических, грамматических и стилистических

особенностей текста, а также на определение наличия/отсутствия французско-русских языковых соответствий, обуславливающих выбор переводческого решения [12, с.5].

Так, при работе с текстом «LMD: Licence Master Doctorat» студентам предлагается выполнить задания

– на понимание и корректную интерпретацию «когнитивного контекста»: умение выделить тему и проблему текста, показать логику изложения материала и авторскую аргументацию, определить средства когезии и когерентности текста;

– на поиск ответов на вопросы по тексту, подтверждая свои ответы информацией из текста;

– на нахождение точного определения аббревиатур и терминов по данной теме, на объяснение отличия одного термина от другого;

– на нахождение эквивалентов данным терминам в русском языке, определение наличия лексических лакун, «ложных друзей переводчика», случаев многозначности/омонимии в использованной в тексте терминологии [14, с.9-10].

В процессе выполнения данных заданий осуществляется совершенствование таких общепрофессиональных компетенций обучающихся, как овладение системой лингвистических знаний (фонетических, лексических, грамматических, словообразовательных) и особенностями их функционирования в текстах различных жанрово-стилистических разновидностей, а также основными дискурсивными стратегиями.

При работе с терминами студенты опираются на информацию, выделенную и проанализированную на этапе предпереводческого анализа текста. В результате происходит закрепление данных терминов в сознании обучаемых с опорой на определенный контекст, что способствует формированию тезауруса студентов по изучаемой теме.

На данном этапе студенты определяются также со стратегией перевода, которую будут использовать, создавая свой текст.

3. Послетекстовые упражнения выполняются после создания текста перевода. Этот этап предполагает выполнение заданий по сопоставлению оригинала и перевода, в процессе которого осуществляется аргументация и оценка предложенных переводческих решений (переводческих трансформаций) и выбранной переводческой стратегии в целом [12, с.5].

В качестве примера послетекстовых заданий приведем следующие [13, с.11]:

– сопоставьте исходный (ИТ) и переводной (ПТ) тексты. Какие типы трансформаций (лексические, грамматические, стилистические) использованы вами в процессе перевода? Почему? Аргументируйте свой выбор;

– охарактеризуйте выбранную вами стратегию достижения эквивалентности (компенсация, социокультурная адаптация, сохранение национального колорита и др.). Аргументируйте свой выбор применительно к переводу текстов данного типа.

Последний этап работы над текстом заключается в верификации полученных результатов: проводится анализ допущенных переводческих ошибок, препятствующих достижению комплексной (содержательной, формальной, функциональной) эквивалентности ИТ и ПТ, осуществляется корректировка переводов самими студентами и редактирование ими окончательного варианта.

Не менее важным этапом предлагаемого дидактического подхода является составление глоссария, способствующего формированию у обучающихся профессионального тезауруса по изучаемой теме, посредством систематизированного представления терминов по изученной тематике.

Необходимо отметить, что сам перевод ИТ выполняется студентами в качестве домашнего задания, вследствие чего они не ограничены в использовании технических средств, имеют большее количество времени на создание ПТ. Последующая верификация результатов, коллективное обсуждение сложностей, возникших в процессе перевода, осуществляются в аудитории, что позволяет преподавателю определить уровень усвоения обучаемыми терминологии по теме.

На основании вышеизложенного можно сделать следующие выводы.

Предпереводческий анализ текста является важным этапом при обучении переводу, поскольку способствует как активизации уже полученных ранее студентами знаний, так и обогащению их когнитивного багажа. Целенаправленное использование на данном этапе работы современных технических средств (Интернет-ресурсов) для поиска дополнительной информации по теме способствует формированию у студентов предметной, социокультурной, языковой компетенций и ИКТ-компетенций.

Анализ исходного текста как с точки зрения его формы, так и содержания предполагает развитие у обучаемых умения самостоятельно определить тему текста, проследить логику изложения мысли автора, работать со специфической лексикой, что предполагает

использование различных типов электронных словарей. В процессе анализа ИТ студенты учатся выделять смысл высказывания, обращая внимание не на значение отдельных слов и словосочетаний, а на особенности их функционирования в конкретном контексте. Данный этап аудиторного занятия направлен на развитие у обучаемых текстообразующей компетенции.

Не менее важным этапом является сопоставление иноязычного текста и вариантов перевода студентов. Данный вид работы позволяет будущим переводчикам увидеть типичные ошибки, которые допущены ими при переводе, провести их коррекцию, коллективно определить наиболее подходящий (эквивалентный) вариант перевода. Глоссарий, который студенты составляют по пройденной теме, призван обогатить их когнитивный багаж, системно представить языковые единицы по данной теме. В процессе этой работы совершенствуются социокультурная, техническая, стратегическая и коммуникативная компетенции.

Проведенный нами в ходе производственной практики педагогический эксперимент подтвердил, что использование предложенной технологии организации аудиторных занятий способствует эффективному формированию у обучающихся профессиональной переводческой компетенции в процессе усвоения ими тезауруса по теме «Образование».

Литература

1. Нелюбин Л.Л. Толковый переводческий словарь / Л.Л. Нелюбин. – М.: Флинта: Наука, 2003. – 320 с.
2. Гавриленко Н.Н. Попытка систематизации переводческих компетенций / Н.Н. Гавриленко // Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Проблемы языкознания и педагогики. – 2015. – №2 (12). – С. 70-77.
3. Delisle J. L'analyse du discours comme méthode de traduction / J. Delisle. – Presse de l'Université d'Ottawa, 1984. – 181 p.
4. Комиссаров В.Н. Теоретические основы методики обучения переводу / В.Н. Комиссаров. – М.: Рема, 1997. – 110 с.
5. Ladmira J.R. Traduire: théorèmes pour la traduction / J.R. Ladmira. – Paris: Gallimard, 2010. – 278 p.
6. Plassard F. Lire pour traduire / F. Plassard. – Paris: Presses Sorbonne Nouvelle, 2007. – 324 p.
7. Круглякова Г.В. Содержание и технология формирования профессиональной информационно-коммуникационной компетенции студентов-филологов: автореф. дис....канд. пед. наук / Г.В. Круглякова. – Тольятти, 2007. – 245 с.
8. Сен Н.И. Формирование профессионального англоязычного тезауруса студентов-географов / Н.И. Сен. – URL: <http://mir-nauki.com/PDF/38PDMN616.pdf> (дата обращения: 24.11.2018).

9. Ледерер М. Актуальные аспекты переводческой деятельности в свете интерпретативной теории перевода. / М. Ледерер – СПб.: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2007. – 223 с.

10. Фененко Н.А. Подготовка к профессионально ориентированному общению на французском языке как педагогическая инновация / Н.А. Фененко, С.Ю. Булгакова // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация, 2016, №4. – С. 131-137.

11. Фененко Н.А. Из опыта обучения письменному переводу с использованием возможностей информационно-образовательной среды / Н.А.Фененко, С.Ю.Булгакова // Материалы III-ей Международной конференции. – Воронеж: Издательский дом ВГУ, 2017. – С. 106-111.

12. Фененко Н.А. Практикум по письменному переводу с французского языка на русский : учебное пособие : в 2 ч. / Н. А. Фененко, С. Ю. Булгакова ; Воронежский государственный университет. – Воронеж: Издательский дом ВГУ, 2015. Ч.1. – 70 с.

13. Фененко Н.А. Практикум по письменному переводу с французского языка на русский : учебное пособие : в 2 ч. / Н. А. Фененко, С. Ю. Булгакова ; Воронежский государственный университет. – Воронеж: Издательский дом ВГУ, 2016. Ч.2. – 70 с.

14. Фененко Н.А. Французский язык для профессиональных целей в сфере языкового образования Français pour objectifs professionnels: enseignement des langues vivantes : учебное пособие / Н. А. Фененко, С. Ю. Булгакова, Т. Н. Козюра; Воронежский государственный университет. – Воронеж: Издательский дом ВГУ, 2017. – 83 с.

DEVELOPMENT OF STUDENTS' PROFESSIONAL COMPETENCE IN WRITTEN TRANSLATION TRAINING (BASED ON TRANSLATION IN THE SPHERE OF EDUCATION)

N.A. Fenenko, A. Yu. Protopopova
Voronezh State University

Abstract. The article presents a didactical approach aimed at students and translators. The proposed approach focuses on the main components of translation. It has several stages, including pre-text, text and post-text tasks. Their implementation contributes to the formation of such competencies as subject, socio-cultural, communicative, linguistic, technical, information-technological, text-forming, strategic ones, which form the basis of professional translation competence.

Key words: professional competence of a translator, professional thesaurus, didactical approach, translation training

Фененко Наталия Александровна,
доктор филологических наук,
доцент кафедры французской
филологии,
Воронежский государственный
университет,
fenenko@rgph.vsu.ru

N.A. Fenenko, Dr habil. in Philology,
Associate Professor of the French
Philology Department,
Voronezh State University
fenenko@rgph.vsu.ru

Протопопова Анастасия,
магистрант,
Воронежский государственный
университет
moure@list.ru

A. Yu. Protopopova, Master Student,
Voronezh State University
moure@list.ru

ДИСКУРСИВНЫЕ СЛОВА В АСПЕКТЕ ПЕРЕВОДА

Т.Н. Филиппова

Воронежский государственный университет

Аннотация. Статья посвящена дискурсивным словам. Данный разряд слов неоднороден по составу, так как включает в себя неполнозначные слова, изначально лишённые собственного лексического значения, либо полнозначные слова, утратившие лексическое значение в результате десемантизации. Функциональный диапазон дискурсивов широк, однако их объединяет доминантная функция, состоящая в обслуживании коммуникации. Деление дискурсивов на подклассы весьма условно, так как один и тот же дискурсив может выполнять и регулятивные, и организационные функции. Контекст и ситуация способны снять многозначность дискурсива, обусловив его значение в каждом конкретном употреблении. Определение специфики функций дискурсивов в обеспечении процесса коммуникации представляется важным в контексте перевода, поскольку только зная, в каком из значений употребляется дискурсив в каждом конкретном контексте, можно подобрать его правильный переводной эквивалент. В статье рассматривается функционирование в высказывании испанских дискурсивов *pues* и *pero*, так как данные лексемы характеризуются полифункциональностью, и их корректная интерпретация способствует правильному пониманию смысла высказывания и, как следствие, его адекватному переводу.

Ключевые слова: дискурсивные слова, лексическое значение, десемантизация, функциональный потенциал, межкультурная коммуникация, контекст, переводный эквивалент, адекватный перевод

Общение между людьми – неотъемлемая составляющая жизни социума. В современном мире одним из важнейших видов вербальной коммуникации является межкультурная коммуникация, т.е. общение между представителями разных лингвокультур, как на бытовом уровне, так и на уровне обмена информацией в различных областях знаний и жизнедеятельности – это история и культура, экономика и политика. Возникающие в любой из этих сфер проблемы касаются всех жителей нашей планеты, и их решение предполагает совместные усилия представителей всех национально-культурных сообществ. Однако мы говорим на разных языках, нас разделяют национально-культурные особенности, сформировавшиеся в процессе исторического развития. Для преодоления барьеров, достижения взаимопонимания мы нуждаемся в посредничестве. На пути к решению как проблем глобального общечеловеческого характера, так

и, на первый взгляд, мелких бытовых трудностей посредником выступает перевод, а точнее – осуществляющий его переводчик. Переводчик как интерпретатор информации должен иметь четкое представление об особенностях вербализации сведений о мире, присущих исходному языку и языку перевода. Одна из причин трудностей, возникающих в процессе перевода, сопряжена с тем, что каждый язык создает свою «картину мира». Как отмечает С.Г. Тер-Минасова, «именно язык реализует, вербализует национальную культурную картину мира...» [1, с.48]. Причем, «один и тот же кусочек реальности имеет разные формы языкового выражения в разных языках» [1, с.49].

Для правильной интерпретации смысла высказывания в процессе перевода, для достижения его адекватности переводчик должен принимать во внимание и понимать, какие прагматические функции выполняют те или иные языковые единицы, понимать не только их буквальное значение, но и ту дополнительную имплицитную информацию, которую они сообщают высказыванию.

В этом контексте представляется интересным обратиться к разряду слов, длительное время оставшихся на периферии исследовательских интересов, изначально не имеющих собственного лексического значения либо претерпевших десемантизацию в процессе функционирования. Это языковые единицы функционально-прагматического уровня, которые принято называть дискурсивными словами, дискурсивными маркерами или просто дискурсивами, значение которых определяется в процессе их функционирования.

Понятие «дискурсивные слова» восходит к взглядам видного французского лингвиста Антуана Кюлиоли. Термин А. Кюлиоли был использован в совместном проекте русских и французских лингвистов, составивших под руководством французского слависта Дени Пайара словарь дискурсивных слов русского языка. Авторы словаря пишут, что дискурсивные слова – это единицы особого типа, которые, с одной стороны, обеспечивают связность текста и, с другой стороны, отражают процесс взаимодействия говорящего и слушающего, позицию говорящего: то, как говорящий интерпретирует факты, о которых он сообщает слушающему, как он оценивает их с точки зрения степени важности, правдоподобности, вероятности и т.д. [2, с.4-13].

На современном этапе развития науки дискурсивы представляют собой неоднородный, открытый и активно исследуемый пласт языка.

Корпус дискурсивов формируется в основном из так называемых лексически неполнозначных, служебных единиц – частиц, союзов,

междометий, модальных и вводных слов и выражений, границы между которыми зыбки и неоднозначны, либо из полнозначных слов, которые в определенных контекстуальных условиях теряют свое прямое лексическое значение и приобретают статус «частичных». Они участвуют в установлении связности речи и/или текста, налаживании взаимоотношений участников коммуникации, помогают избежать коммуникативные сбои, а также могут передавать отношение к сообщаемой и получаемой информации. Дискурсивные слова отличаются расплывчатостью семантики, контекстуальной и ситуативной обусловленностью и играют важную роль в координации коммуникативного процесса. Они несут на себе огромную коммуникативную нагрузку, в них сконцентрирована информация, не вытекающая из прямого значения составляющих высказывание единиц языка.

В.А. Плулунган так определяет дискурсивные слова: «... дискурсивными в узком смысле называют особую группу слов: не существительные, не глаголы, не прилагательные, не, так сказать, основное ядро, несущее главную нагрузку в передаче смыслового задания, а такие вот маленькие, непонятные, очень трудно переводимые словечки. На первый взгляд это почти слова-паразиты, но на самом деле они совершенно необходимы и автору, и адресату речи: они помогают строить дискурс, или, как еще говорят лингвисты, обеспечивают связность текста» [3]. И.М. Кобозева отмечает, что дискурсивные слова несут весьма важную для правильного понимания смысла текста информацию о его риторической структуре, об отношениях кореферентности, об отношении говорящего к сообщаемому и т.п. Не зная, в каком из своих значений выступает многозначное дискурсивное слово в данном контексте, нельзя дать и правильный его перевод, поскольку дискурсивное слово в разных своих значениях может иметь разные переводные эквиваленты [4].

Дискурсивные слова можно с некоторой долей условности разделить на две группы, согласно выполняемой ими функции: регулятивного и организационного характера. Функции, связанные с регулированием речевого контакта, оценкой содержания и степени достоверности высказывания, эмоционального отношения, выражением дополнительной имплицитной информации выполняются дискурсивными-регулятивами.

Логические отношения между предложениями в рамках текста или между частями предложения, а именно: начало и завершение дискурса, переход от темы к теме, их последовательность, введение

дополнительной информации, отсылки, заполнение пауз хезитации – осуществляются дискурсивными-организаторами.

Один дискурсив может иметь несколько разных или сходных прагматических функций, которые реализуются либо одновременно, либо по одной в разных контекстах [5, с.19].

Когда дискурсивное слово реализует разные функции в разных контекстах/ситуациях, наблюдается так называемая парадигматическая полифункциональность, преодолеть которую помогает влияние контекста или коммуникативной ситуации. В качестве примера можно привести русские *ну*, *вот*, испанские *pues* и *pero*.

Развитие теории дискурса и теории пресуппозиций дает возможность ученым рассматривать дискурсивные слова с точки зрения их способности формировать имплицитную семантику высказывания, нести дополнительную смысловую информацию, объединяющую отправителя и реципиента, дискурсивного смысла, возникающего в процессе порождения и восприятия высказывания. При этом дискурсивные слова могут полностью «сливаться» с контекстом, дублируя семантику его отдельных фрагментов.

Используя дискурсивные слова в качестве маркеров дополнительной информации, отправитель сообщения стремится привлечь внимание к имплицитному компоненту содержания, который адресат декодирует в соответствии со своими фоновыми знаниями, мировосприятием, национально-культурной и языковой спецификой.

Мы рассмотрим функционирование в высказывании испанских дискурсивов *pues* и *pero*, так как данные лексемы характеризуются полифункциональностью и их корректная интерпретация способствует правильному пониманию смысла высказывания и, как следствие, его адекватному переводу.

Лексема *pues* может использоваться говорящим в качестве вспомогательного слова, без которого говорящий не может начать или продолжить свою речь: ***Pues, como se estaba diciendo...***

Оно может начинать ответную реплику: *¿Por qué no me esperaste? – Pues porque no acababas de llegar.*

Анализируемый дискурсив может располагаться в начале рассказа: – ***Pues resulta que venía yo el otro día del dentista y de pronto me encuentro con mi amiga Luci...***

Дискурсив *pues* обладает способностью служить своего рода связкой между мыслью говорящего и его высказыванием: ***¡Pues no faltaba más! Si no quieres ir al cine, pues no vayas..***

Этот дискурсив может подтверждать правильность ранее сформировавшегося мнения: **¡Pues, lo que yo había dicho!**, сбывшиеся ожидания: **¡Pues, se salió con la suya!**

Кроме того, использование *pués* может передавать колебания говорящего, либо говорить о его желании выиграть время и обдумать наиболее подходящий ответ:

– *Oye, ¿Por qué no nos vamos esta noche a cenar por ahí?*

– **Pues...**, *no sé, tendría que hablarlo con mi mujer.*

Чтобы возразить или задать вопрос, содержащий требование или ответную реплику, также можно воспользоваться *pués*:

– **¿Pues** *y quién te has creído tú que eres?*

– *Anda, pues si dijimos que no se bajara.*

Его используют для эмфатизации утверждения или отрицания:

– **¿Usted sabe conducir?** – **Pues, sí. Uno de estos, sí.**

– **Pues, no señor. No estoy de acuerdo.**

Pues способствует приданию иронического отрицательного характера выражению **pués sí que...**

¡Pues sí que estás tú bien informado!

Лексема *pero* в начале реплики говорящего, как правило, является показателем реакции, сильной или слабой, на слова или действия собеседника, на определенную ситуацию: **Pero, bueno, esto ya es el colmo.**

Реакция на слова собеседника может свестись к одному слову *Pero*, указывая на неуверенность отправителя информации:

– *Oye.*

– *Qué.*

– **¿No quieres verme?**

– **Pero...**

Если *pero* стоит в начале вопросительного или восклицательного высказывания, оно может имплицировать удивление, неудовольствие, неприятие слов или мнения собеседника:

– **¿Pero** *tú qué dices?*

– **¡Pero** *qué barbaridad!*

Pero, ¿qué haces aquí, hombre?,

несогласие: **¿Pero** *qué te crees tú que va a pasarles?,*

нетерпение и гнев: **Pero** *¿qué le hice yo a esta mosca?*

Те же функции выполняет словосочетание **pero sí:**

– **Pero sí** *ya estamos todos de acuerdo.*

Pero, pero que выступают в качестве интенсификаторов выражений, как правило, адвербиальных или адъективных, иногда вводя повтор уже произнесенной реплики:

– *Por que a veces cuidado que hace falta correa. ¿No es verdad? ;Pero mucha!*

– *Muy buen cuerpo. – Muy buen cuerpo, sí señor. – Pero que muy buen cuerpo.*

Pero может соединять содержание высказывания с некоторой экстралингвистической информацией: [*Человеку, который ест шоколадное пирожное*] ***Pero*** *no estabas de régimen.*

Таким образом, рассмотренный материал позволяет сделать вывод о том, что дискурсивы могут демонстрировать разрешаемую исключительно контекстом прагматическую полифункциональность. В разных контекстах испанский дискурсив *pues* может вводить новую информацию, служить показателем недосказанности, заполнять паузы хезитации, предварять реакцию или ответ слушающего на слова говорящего, выражать некоторые эмоции (удивление, гнев, разочарование, сомнение), может выражать согласие, вводить заключительную реплику и подводить итог.

Дискурсив *pero* выступает в качестве показателя реакции на определенную ситуацию, может указывать на неуверенность отправителя информации, выражать удивление, неудовольствие, неприятие слов или мнения собеседника, несогласие, нетерпение и гнев, выступать в роли интенсификатора, а также в роли коннектора, соединяя содержание высказывания с некоторой экстралингвистической информацией.

Исследование коммуникативного потенциала дискурсивных слов представляется важным с точки зрения понимания специфики их функционирования. Функциональный диапазон рассмотренных лексем достаточно широк, их интерпретация без учета контекста и ситуации представляется сложной и зачастую невозможной. Знание функций, которые свойственны дискурсивным словам, и их имплицитного потенциала способствует правильному пониманию передаваемой информации и помогает принятию корректных переводческих решений для достижения эквивалентности и адекватности перевода.

Литература

1. Тер-Минасова С.Г. Язык и межкультурная коммуникация : учебное пособие для студентов, аспирантов и соискателей по специальности "Лингвистика и межкультурная коммуникация" / С.Г. Тер-Минасова .— М. : Слово, 2000 . — 261 с.
2. Баранов А.Н. Путеводитель по дискурсивным словам русского языка / А.Н.Баранов, В.А.Плугнян, Е.В.Рахилин. – М.: Помовский и партнёры, 1993. — 205 с.
3. Плугнян В.А. Дискурсивные слова: 7 фактов о богатстве значений слов"паразитов" / В.А.Плугнян. – режим доступа: <https://postnauka.ru/faq/8572>

4. Кобозева И. М. Полисемия дискурсивных слов и возможности ее разрешения в контексте предложения (на примере слова *от*) / И.М. Кобозева. – Режим доступа : <http://www.dialog-21.ru/digests/dialog2007/materials/html/38.htm>.

5. Викторова Е.Ю. Прагматическая полифункциональность дискурсивных слов / Е.Ю. Викторова // Вестник Воронежского государственного университета. Сер.: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2014. – № 2. – С. 18–22.

DISCOURSE WORDS IN THE ASPECT OF TRANSLATION

T.N. Filippova
Voronezh State University

Abstract. The article is devoted to discursive markers. This level of words is heterogeneous in composition, as it includes incomplete units, which initially lack their own lexical meaning, or notional words that have lost their lexical meaning as a result of desemantization. The functional range of discursive markers is wide, but they are united by the dominant function, which consists in serving communication. The division of discursive markers into subclasses is very conventional, since the same discursive marker can perform both regulatory and organizational functions. Context and situation can remove the ambiguity of discursive markers, determining their value in each particular use. Determining the specifics of the functions of discursive markers in ensuring the communication process is important in the context of translation, since only knowing in which of the meanings the discursive marker is used in each specific context, can it be chosen to have the correct translation equivalent. The article discusses the functioning of the Spanish discursive markers *pues* and *pero* in the utterance, since these lexemes are characterized by polyfunctionality and their correct interpretation contributes to the correct understanding of the meaning of the utterance and, as a result, its adequate translation.

Key words: Discursive markers, lexical meaning, desemantization, functional potential, intercultural communication, context, translation equivalent, adequate translation

Филиппова Татьяна Николаевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры романской филологии Воронежского государственного университета. 7(473)235-52-50 tanifi54@mail.ru	Tatiana Nikolaevna Filippova Associate Professor, Romance Philology Department, Voronezh State University 7(473)235-52-50 tanifi54@mail.ru
---	--

**«ТРУДНОСТИ ПЕРЕВОДА»
НА ПРИМЕРЕ ОРИГИНАЛЬНЫХ ТЕКСТОВ
ФРАНЦУЗСКОГО ГОСПИТАЛЯ**

А.Е. Цуверкалов, Т.В. Ефимова
Воронежский государственный медицинский университет
им. Н.Н.Бурденко

Аннотация. В статье речь идёт об опыте перевода с французского языка на русский оригинальных текстов госпиталей в Ницце (Франция) и Монако (Княжество Монако): историй болезни, медицинских карт, протокола операции и выписного эпикриза пациента. Приводится список словарей, которые были использованы для перевода медицинской документации. В статье предпринимается попытка анализа источников трудностей медицинского перевода, связанных с широким использованием аббревиатур, синонимичных терминов, английских заимствований и терминов греко-латинского происхождения. Предлагается их классификация с иллюстрацией многочисленными примерами перевода с полными и/или частичными эквивалентами, а также упоминается о случаях отсутствия совпадений терминологических сокращений в исходном и переводном текстах. Приводя примеры терминологической синонимии сокращений во французском и русском языках, авторы акцентируют внимание на том, что выбор значения всегда контекстуально обусловлен. Предпринятый анализ позволяет выявить некоторые особенности медицинских текстов, которые приводят к возникновению переводческих проблем. В заключении акцентируется внимание на тех аспектах, которые необходимо учитывать для преодоления трудностей перевода медицинской документации, и предлагаются пути решения этих проблем.

Ключевые слова: медицинский текст, трудности медицинского перевода, аббревиатуры, английские заимствования, терминологическая синонимия, контекстуальная обусловленность, термины греко-латинского происхождения, исходный текст, переводной текст, полный эквивалент, частичный эквивалент

В современном мире интеграция и активное сотрудничество в сфере медицины и здравоохранения неуклонно набирает темп. Этот процесс невозможен без активного использования научно-технического перевода, где медицинский перевод занимает почетное место как особый вид межъязыковой коммуникации, будь то регистрация нового лекарственного препарата, введение в эксплуатацию нового зарубежного оборудования, проведение научных исследований, подготовка пакета документов для госпитализации пациента (медицинской страховки, медицинского заключения, истории

болезни и т.д.). Поскольку медицина – это совокупность многих наук, каждая из них обладает индивидуальной терминологией, наличием особенностей, усложняющих работу переводчика и требующих профессионального подхода со стороны узких специалистов. Только при условии, что переводчик имеет достаточный уровень знаний в области анатомии, биологии, химии, фармакологии, биотехники, клинических дисциплин и др., можно говорить о качественном медицинском переводе. Переводной текст должен обладать коммуникативной равноценностью, т.е. способностью выступать в качестве полноправной замены (в функциональном, содержательном и структурном отношении) текста оригинала.

В своей работе мы приводим примеры из оригинальных медицинских документов госпиталей Ниццы (Франция) и Монако (Княжество Монако), предназначенные для лечащего врача, страховой компании и родственников пациента. Главные трудности для переводчика – это дефицит времени и специфика медицинских тестов, которая состоит в наличии большого количества аббревиатур, англицизмов и специализированной лексики–терминологии.

Для перевода текстов были использованы двуязычные французско-русские словари – не только их бумажные версии, но и электронные ресурсы, включая «Мультитран» и латинско-русский медицинский словарь [1**-5**].

Перевод текстов терминологической направленности требует от переводчика глубоких знаний иностранного и родного языков, широкого кругозора, опыта, особых умений и навыков. В связи с этим перед переводчиком стоит особая задача – сделать перевод максимально точным и понятным для всех специалистов, занятых в сфере здравоохранения. Ведь ошибки перевода, искажение смысла могут иметь серьёзные последствия для жизни и здоровья пациента.

В нашем конкретном случае пациенту было проведено несколько операций на сердце бригадой врачей, затем во время постоперационного, реабилитационного периодов и в период курса общей терапии он находился под наблюдением специалистов, которые вносили в медицинскую карту (dossier) больного всю необходимую информацию о его состоянии.

В предоставленной медицинской документации французских госпиталей, которая насчитывает в общей сложности около 33 переводческих страниц, обращает на себя внимание обилие сокращений и аббревиатур, типичных для французского медицинского текста. Их здесь оказалось 69, 17 из которых – в разделе «Анализы». Эти аббревиатуры можно классифицировать следующим образом.

1. Аббревиатуры, которые можно отнести к универсальным, чей перевод, как правило, не вызывает затруднений, поскольку в языке перевода всегда имеется их полный эквивалент, например: *ECG = électrocardiogramme(s)* – ЭКГ (электрокардиограмма(ы)), *PSA = antigène spécifique de la prostate* – ПСА (специфический антиген простаты), *TV = tachycardie ventriculaire* – ЖТ (желудочковая тахикардия) [1*].

2. Аббревиатуры, требующие дополнительной расшифровки и имеющие частичные эквиваленты в языке перевода, например: *HTA = hypertension artérielle* – АГ (артериальная гипертензия); *FC = fréquence cardiaque* – ЧСС (частота сердечных сокращений); *HTAP = hypertension artérielle pulmonaire* – ЛАГ (лёгочная артериальная гипертензия); *FE = fraction d'éjection* – ФВ (фракция выброса); *VG = ventricule gauche* – ЛЖ (левый желудочек сердца); *VD = ventricule droite* – ПЖ (правый желудочек сердца); *IRM = imagerie par résonance magnétique* – МРТ (магнитно-резонансная томография) [1*, 1**-4**].

3. Значительную группу аббревиатур составили термины, для перевода которых требуется полная расшифровка, например: *ACFA = arythmie complète par fibrillation auriculaire* – полная мерцательная аритмия предсердий; *SOR = surface de l'orifice mitral régurgitant* – площадь регургитации отверстия митрального клапана; *FEVG = fraction d'éjection du ventricule gauche* – фракция выброса левого желудочка; *DFG = débit de filtration glomérulaire* – скорость клубочковой фильтрации; *VEA = volume d'éjection aortique* – объём выброса аорты; *VES = volume d'éjection systoliques* – объём систолического выброса крови; *SSPI = Salle de Surveillance Post Interventionnelle* – палата интенсивной терапии (букв. послеоперационная палата); *ICP = intervention coronarienne percutanée* – коронарная ангиопластика. Отдельные подгруппы образуют сокращения наименований медаппаратуры, среди которых *CEC = circuit extracorporel* – контур аппарата экстракорпорального кровообращения; *PSE = pousse-seringue électrique* – шприцевой инфузный насос, шприцевая помпа; *ACL = affichage à cristaux liquides* – изображение на жидкокристаллическом экране монитора; и аббревиатуры в разделе «Анализы»: *VGM = volume globulaire moyen* – средний объём эритроцитов; *TSMH = teneur corpusculaire moyen en hémoglobine* – среднее содержание гемоглобина в эритроците [1*, 1**-4**].

Сокращаться могут не только отдельные слова, но и словосочетания: *tropono (troponine)* – тропонин (белок или белковая

молекула), *int (intestinal) polypes int* – полипы кишечника, *ing (inguinale) hernie ing* – паховая грыжа.

4. Особые трудности понимания возникают при терминологической синонимии, когда одни и те же аббревиатуры употребляются с разным значением в зависимости от конкретной ситуации, ср.: *RA* – это и *rétrécissement aortique* – сужение аорты, и *rachi-anesthésie* – субдуральная анестезия; *OD (oreillette droite)* – это одновременно и правое предсердие, и *oeuil droite* (правый глаз), а также англицизм *overdose* (передоз, передозировка наркотиками); *PM (pacemaker, stimulateur cardiaque)* – кардиостимулятор или *prémédication* (премедикация); *TA (tension arterielle)* одновременно может означать как АД (артериальное давление), так и *thyroïde atrophique* – атрофию щитовидной железы. Другие примеры: *FE (fraction d'injection)* – ФВ (фракция выброса), но в тоже время *FE* – это *fixateur externe* – внешний фиксатор; *IM (insuffisance mitrale)* – митральная недостаточность или *infarctus du myocarde* – инфаркт миокарда; *OG (oreillette gauche)* означает не только левое предсердие, но и *oeuil gauche* – правый глаз [1*, 2*, 1**-4**].

5. Некоторые аббревиатуры не относятся напрямую к медицинской терминологии, а имеют контекстуальное значение. Например, *RDV (rendez-vous)* – randеву, встреча, консультация; *CHPG (Centre hospitalier Princesse Grace)* – госпиталь принцессы Грейс; *CR (compte rendu)* – заключение, отчет, протокол операции.

6. В медицинской документации имеются однозначные сокращения, типичные как для французского, так и для русского языков: *Echo (échographie) (examen médical au moyen d'ultrasons)* УЗИ (ультразвуковое исследование, сканирование) [1*, 2*, 1**-4**].

7. В переводимых документах часто встречаются англицизмы, включая английские аббревиатуры и акронимы, при описании состояния больного и/или проводимого лечения (терапевтического или хирургического): *check-up* – *bilan de santé* – медицинский осмотр, обследование, *PM (pacemaker)* – кардиостимулятор, *TAVI (Transcatheter Aortic Valve Implantation)* – транскатетерная имплантация аортального клапана, *PTCA (Percutaneous transluminal coronary angioplasty)* – чрескожная транслюминальная коронарная ангиопластика, *CRT (Cardiac resynchronisation therapy)* – ресинхронизирующая терапия (методика, позволяющая усилить насосную функцию сердца), *NRTI (nucleosic retrotranscriptase inhibitors)* – нуклеозидные ингибиторы обратной транскриптазы [1*, 2*, 1**-4**]. Следует отметить, что вопрос об англицизмах часто поднимается в работах, посвященных медицинскому переводу [1,

с.148; 2], и является актуальным для переводоведения и терминологии. Внедрение англицизмов в современный медицинский дискурс – один из наиболее продуктивных способов актуального терминогенеза [3, с.351].

8. Не всегда просто без специальной подготовки перевести греко-латинские термины, которые во французской медицинской документации (за исключением общепринятых сокращений, например, *in vivo*, *in vitro*, *per os*) используются реже и обычно выделяются курсивом: фр. *dilatation* – лат. *dilatatio* – рус. *дилатация, расширение, увеличение*; фр. *péricarde* от лат. *pericardium* – *перикард, околосердечная сумка*; *occlusion* – лат. *occlusio* – рус. *окклюзия, закупорка, запираение, сокрытие*; фр. *prolapse* – лат. *prolapsus* – рус. *пролапс, выпадение, выпячивание*; фр. *oesophage* – лат. *oesophagus* – рус. *пищевод*; фр. *diurèse* – лат. *diuresis* от др.-греческого *diureo* – рус. *диурез, выделение мочи, количество мочи, выделенное за определенный промежуток времени (сутки, час, минуту)*; фр. *thoracique* – лат. *thoracicus* от греч. θώραξ – рус. *торакальный, грудной*; фр. *embolique* – греч. ἐμβολή – рус. *вторжение, эмболический, связанный с закупоркой кровеносных сосудов* [2*, 1**.-5**].

К сожалению, некоторые сокращения так и остались непереуведёнными по причине отсутствия вариантов в каких-либо словарях. Специалисты в области перевода отмечают, что определенная непереуведимость присутствует в любом языке, где имеются такие категории, которые невозможно отразить в переводе. «Высший пилотаж» переводчика как раз и заключается в том, чтобы снизить этот эффект, свести его к самому минимальному значению [4, с.108]. Так, тощая кишка и подвздошная кишка объединяются во французский термин *intestin mésentérique*, который не имеет полного эквивалента в русском языке. Во французской анатомической номенклатуре выделяется *loge de Varéty* или предтрахеальное пространство, практически не употребляемое в российской терминологии. Оба этих термина не встречаются ни в одном двуязычном словаре [1*, 2*], ни в новом своде международной анатомической терминологии «Terminologia Anatomica».

Как считает специалист в области медицинского перевода Е.М. Солнцев, к данной группе проблем можно отнести и расхождения в методике исследований и способах представления их результатов. Так, в отечественной медицинской практике применяется неметрический параметр цветовой/цветной показатель крови, фактически уже незнакомый нынешнему поколению франкофонных врачей. Во франкоязычных странах применяется другой показатель –

среднее содержание гемоглобина в эритроците, выраженное в пикограммах на эритроцит и обычно обозначаемое во французских текстах английской аббревиатурой *MCH* (*mean corpuscular hemoglobin*). При этом по вопросу о допустимости перевода одних единиц в другие имеются разные мнения специалистов, а сам вопрос явно лежит за пределами переводческой компетенции [5, с.135].

В.Н. Комиссаров отмечал, что отдельные виды перевода требуют от переводчика особых знаний и умений [6].

Таким образом, современные специалисты в сфере медицинского перевода должны учитывать следующие аспекты переводческой деятельности.

1. При переводе французского медицинского текста особые затруднения обычно вызывают аббревиатуры, большая часть которых является окказиональными, и используются чаще, чем в русском языке. Здесь также следует упомянуть о трудностях перевода, связанных с синонимией терминов.

2. Серьезным препятствием для осуществления перевода является «засилье» английских заимствований и, в частности, аббревиатур.

3. Определённой проблемой для переводчика является наличие во французской медицинской документации анатомио-гистологических, клинических и фармацевтических наименований греко-латинского происхождения.

4. Неполнота современных двуязычных словарей часто затрудняет поиск качественного полноправного эквивалента.

Облегчить работу профессиональному переводчику медицинских текстов может знание актуальной терминологии, составление глоссария по каждому разделу медицины, владение профессиональной и лингвистической компетенцией, умение применять различные приёмы перевода для соблюдения информационного смысла исходного текста в переводном тексте и, кроме того, понимание самой специфики своей работы.

Литература

1. Lee-Jahnke H. L'enseignement de la traduction medicale: un double defi? / H. Lee-Jahnke // *Meta : Journal des traducteurs*. – Vol. 46, No 1, 2001. – P. 145-153.
2. Rask N. Analysys of a medical translation: terminology and cultural aspects / N. Rask // *Vaxjo Universitet Publikationer*. – 2004. URL: <http://vxu.divaportal.org/smash/record.jsf?pid=diva2:206300> (дата обращения: 28.11.2018).
3. Зограбян Э.С. К вопросу об англицизмах в медицинском дискурсе (на материале стоматологической терминологии) / Э.С. Зограбян, Т.В. Ефимова // *Молодёжный инновационный вестник*. – 2018. – Т. 7. № S1. – С. 351-352.

4. Пиввуева Ю.В. Пособие по теории перевода (на английском материале) / Ю.В. Пиввуева, Е.В. Двойнина. — М.: Филоматис, 2004. — 304 с.

5. Солнцев, Е.М. Перевод медицинских текстов: к вопросу о соотношении общих и частных проблем // Е.М. Солнцев. — Вестник МГЛУ. — 2010. — № 9. — С. 131-141.

6. Комиссаров В.Н. Современное переводоведение. Курс лекций / В.Н. Комиссаров. — М.: Издательство ЭТС, 1999. — С. 94-102.

Список источников примеров

1* Fassier T. Le Français des médecins / T. Fassier. — Grenoble : PUG, 2014. — 331 p.

2* Bouché P. Les mots de la médecine / P. Bouché. — P. : Belin, 1994. — 512 p.

Список словарей

1** Dictionnaire international des abréviations médicales / М.-А. Touati. — P. : La Maison du dictionnaire, 1994. — 474 p.

2** Борзяк Э. И. Французско-русский медицинский словарь / Э. И. Борзяк, Г. Г. Дашьян, С. А. Дидиян, Г. В. Иванова и др. — М.: Руссо, 2000. — 672 с.

3** Никитин А.Ю. Французско-русский медицинский словарь / А. Ю. Никитин, М. Ю. Пушкина — М.: Русский язык — Медиа, 2003. — 1144 с.

4** <https://www.multitran.ru/>

5** Латинско-русский медицинский словарь. —

https://medikweb.ru/http://medikweb.ru/rus_lat/ http://medikweb.ru/rus_lat/

«DIFFICULTIES OF TRANSLATION» ON THE EXAMPLE OF THE ORIGINAL TEXTS OF FRENCH HOSPITALS

A.E. Tsouverkalov, T.V. Efimova
Voronezh N. N. Burdenko State Medical University

Abstract. The paper deals with French-Russian translation practice of authentic hospital texts (case histories, medical records, operative notes and patient's discharge epicrisis) obtained from Nice (France) and Monaco (the Principality of Monaco) medical institutions. Dictionaries used for medical text translation are listed. The authors made an attempt to analyse the causes of medical texts translation challenges due to wide use of abbreviations, terminological synonymy, English loan words and Greco-Latin origin terms. The authors also offer a classification of challenges illustrated by numerous translation examples with complete and partial equivalents. The absence cases of terminological abbreviation correspondence in the original and translated texts are particularly mentioned. Giving examples of terminological synonymy, the authors emphasize that the choice of word meaning is always contextually conditioned. The analysis reveals several medical text features leading to translation challenges. In conclusion, special attention is paid to the aspects that should be taken into consideration to manage medical text translation challenges.

Key words: authentic medical text, challenges of medical texts translation, abbreviations, English loan words, terminological synonymy, contextual

conditionality, Greco-Latin origin terms, original text, translated text, complete equivalent, partial equivalent

Цуверкалов Андрей Евгеньевич, преподаватель кафедры иностранных языков Воронежского государственного медицинского университета им. Н.Н. Бурденко (473) 253-12-94 andrei.tsouverkalov@hotmail.com	A.E. Tsouverkalov, Lecturer, Foreign Languages Department, Voronezh N. N. Burdenko State Medical University (473) 253-12-94 andrei.tsouverkalov@hotmail.com
--	--

Ефимова Татьяна Владимировна, кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков Воронежского государственного медицинского университета им. Н.Н. Бурденко (473) 253-12-94 efimova-t-v@mail.ru	T.V. Efimova, Ph.D, Associate Professor, Foreign Languages Department, Voronezh N. N. Burdenko State Medical University (473) 253-12-94 efimova-t-v@mail.ru
--	--

ПЕРЕВОД КАК ПЛОЩАДКА ПОЛИТИЧЕСКОЙ БОРЬБЫ

3.3. Чанышева

Башкирский государственный университет

Аннотация. В статье обсуждается идеологическая роль перевода в современной массовой коммуникации на материале статей, отобранных из англоязычной периодики, и их переводные версии, подготовленные сотрудниками Русской службы. Цель исследования заключается в анализе манипулятивных переводческих приёмов, обеспечивающих искажение фактуальной, оценочной, модальной, пресуппозиционной информации при освещении событий в переведённом тексте. В процессе анализа эмпирического материала используются сопоставительно-переводческий метод, элементы дискурс-анализа и процедуры смысловой интерпретации. В результате проведённого анализа сформулированы следующие выводы: (1) перевод как популярный вид межкультурного взаимодействия следует рассматривать в контексте культуры, политики и идеологии; (2) опора на нарратив как способ вербального повествования о происходящих событиях, неразрывно связанного с их оценочной интерпретацией, позволяет установить его огромную смысловую нагрузку в переводе; (3) в процессе перевода нарратив, создаваемый переводчиком, призван конструировать действительность, навязывая адресату субъективные мнения, воззрения и ценности; (4) смысловые искажения, сознательно допускаемые переводчиком, служат цели превращения перевода в арену политической борьбы.

Ключевые слова: идеологическая роль перевода, смысловые искажения, субъективизация, манипулятивные приёмы, искажение фактуальной информации, нарратив в переводе

Политическую роль перевода в современной массовой коммуникации следует рассматривать в контексте новейших парадигм в теории и практике перевода, связавших этот вид межкультурного взаимодействия с культурой, политикой и идеологией. Представители дескриптивного подхода к переводу, стоявшие у истоков зарождения новых воззрений, справедливо подчёркивали, что на смену лингвистической концепции перевода как текста пришло понимание перевода как деятельности в широком культурном, политическом и идеологическом контексте [1; 2; 3]. Справедливости ради следует признать, что эти идеи не были абсолютно новаторскими, поскольку крупные учёные в разных странах высказывали подобные взгляды об особой идеологической роли и общественном назначении переведённых текстов в жизни сообщества и на более ранних этапах

развития теории перевода (M. Luther, John of Trevisa, J. Dryden, A.W. Schlegel).

Формированию устойчивого взгляда на перевод как «платформу политической борьбы» способствовали базовые положения ряда лингвистических концепций в области исследования дискурса и нарратива, теории полисистем в трудах отечественных (Ю. Тынянов, Б. Эйхенбаум) и зарубежных авторов (I. Even-Zohar), а также возникших под их влиянием новейших теорий перевода, включая принципы моделирования:

- полисистемная теория перевода (E. Gentzler, I. Even-Zohar, M. Snell-Hornby), рассматривающая перевод как деятельность, осуществляемую в пределах определенной культурной системы и протекающую в прямой зависимости от сложившихся отношений [4];

- критический дискурс-анализ, политический дискурс-анализ и критическая лингвистика (N. Fairclough, T.A. van Dijk, R. Wodak), учитывающие отражение в указанных научных направлениях базовых концептов - «дискурс», «власть», «история» и «идеология». Наибольшую популярность получило определение идеологии как системы мнений, взглядов и убеждений, выдвигаемых социокультурной группой, вовлечённой в борьбу за власть, её удержание и легитимизацию. Приверженцы этих взглядов вскрывали как прозрачные, так и неявные структурные отношения доминирования, дискриминации, власти и контроля, выраженные в языке [5, с.286];

- «нарративный поворот» в науке (W. Fisher, C.K. Riessman, M.J. Toolan. E.C. Way), провозгласивший нарратив как способ вербального повествования о событиях, неразрывно связанного с их оценочной интерпретацией, который приобретает огромную смысловую нагрузку, поскольку является единственным источником доступа к описываемым сюжетам. Сторонники этого направления в переводе считают, что нарратив, порождаемый переводчиком, призван создавать, конструировать действительность, приукрашивая её и навязывая адресату собственные мнения, воззрения и ценности.

Смена парадигм в теории перевода, произошедшая в рамках социокультурного, лингвокогнитивного, постмодернистского, постколониального, феминистского, деконструктивистского, дескриптивного, неогерменевтического и других подходов в конце XX в. - начале XXI века [6], предоставила переводчику полную свободу действий, вытеснив принцип объективности и верности оригиналу требованием субъективизма и «видимости» переводчика, уравнив его со статусом автора, переключив внимание с адекватности перевода на

личностную интерпретацию описываемого, снимая его ответственность перед читателем, автором, культурой и самим собой, позволяя допускать предвзятость и предубеждение в освещении событий.

На этом фоне возникает концепция патронажа переводчика в создании субъективной картины мира в переведённом тексте, предложенная крупным теоретиком перевода Андре Лефевром, выдвинувшим идею о трёх видах покровительства и поддержки, оказываемой переводчику, работающему под заказ: идеологический, экономический и статусный компоненты [7]. По сути, все упомянутые составляющие являются политическими по своему характеру, так как обеспечивают оправдание существующей власти и сохранение системы властных отношений в стране.

О тесной связи политики и языка, образующей сложное сплетение политической реальности и её символической репрезентации, высказывались многие теоретики перевода (A. Neubert, B. Hatim and I. Mason, S. Bassnett, G. Toury), отмечая две главные задачи, стоящие перед переводчиком: какие тексты выбирать и как их переводить, имея в виду, что решение обеих задач зависит от политических пристрастий.

Разные аспекты связи перевода с политикой наиболее полно отражены в публикациях К. Шеффнер, которая обсуждает ключевые аспекты проблемы, объединив их в три рубрики: политика перевода, перевод политических текстов и политизация перевода [8]. В первом случае на повестку дня вынесены проблемы выбора текста для перевода, далее – специалиста, готового выполнить заказной перевод, выбрав для выполнения заказа соответствующие стратегии, методы и процедуры перевода. Во втором случае в фокусе внимания находятся не только способы передачи языковых особенностей политического текста, но прежде всего интерпретация политических концептов, которые обременены идеологическими коннотациями, ценностными приоритетами и историко-политическими ассоциациями (подобно пропагандистской лингвистической номенклатуре в текстах советского периода, в которых формируется слой лексики с идеологической нагрузкой, выполняющей роль «кода для своих» (термин Э. Маркштайн). Политизация перевода означает манипулятивные переводческие приёмы для достижения политических целей [9]. Сказанное даёт достаточные основания, чтобы согласиться с утверждением П. Ньюмарка о том, что для современного переводчика политических текстов сохранение нейтралитета – не более, чем миф [10].

Провозглашённые требования к работе переводчика как нельзя лучше оказались востребованными в период идеологической конфронтации оппонентов в условиях информационно-психологической войны, использующей силу слова. В этом контексте особую значимость приобретает обсуждение используемого в переводческой практике потенциала переведённых текстов как источников порождения агрессии и усиления идеологического противостояния.

По нашим наблюдениям, наиболее очевидно проявляет себя политизация перевода, получившая в современной практике удобное название *версий* вместо переводов текстов и принимающая разные формы манипулирования общественным сознанием. При этом ответственность переводчика практически не обсуждается, что позволяет отрабатывать и внедрять в практику различные манипулятивные приёмы. Приведём некоторые примеры из современной переводческой практики.

Израильская газета «Jerusalem Post» приводит многочисленные примеры искажения смысла многих выступлений политических лидеров. Газета ссылается на интервью Владимира Путина, проведённое американской журналисткой «NBC» Мегин Келли, когда в ответ на очередные обвинения российских хакеров, якобы повлиявших на результат американских выборов, он заявил: «*А может, там не русские, может, там украинцы, татары, евреи, просто с русским гражданством. Да и то проверить надо, может, у них двойное гражданство*» [1*]. Из фразы президента о том, что среди хакеров могли быть люди разных национальностей, выхвачено упоминание о евреях, которое сознательно насыщается националистическим смыслом (*Judophobia – a hatred of Jews and of Jewish culture*) [1**] и используется в новом контексте для обвинения российского президента в антисемитизме: «*...accused Putin of outright antisemitism and even resurrecting Judophobia...These hysterical denunciations were echoed by the Anti-Defamation League, which called on US President Donald Trump to condemn Putin as an anti-Semite*» [2*]. Вновь это нелепое обвинение российского президента было распространено в переводе этой фразы на русский язык: «*Израильский депутат Шай назвал иронию Путина «наихудшим проявлением антисемитизма» и призвал еврейские организации присоединиться к осуждению «серьёзных высказываний»*» [3*].

Целенаправленные смысловые искажения наиболее характерны в переводе оценочной части политического нарратива, которая отражает тенденцию предвзятой оценки происходящих событий.

Субъективизация информации в условиях обострения конфронтации является основным орудием информационного терроризма. Неслучайно в последнее время создаются новые и совершенствуются используемые информационные средства для распространения тотального вранья. «ВВГ» (Broadcasting Board of Governors – Совет управляющих вещанием, созданный в 1999 году официальный сайт американского правительства, курирующий деятельность «Voice of America» и «Radio Free Europe»/«Radio Liberty»), запустил в феврале 2017 года русскоязычный новостной канал «Current Time» с амбициозными целями – передавать сообщения о реальных новостях, реальных людях и реальном времени. На самом деле настоящая цель канала заключается в осуществлении новой стратегической цели – «расшатывании» ситуации внутри России информационными методами.

В качестве орудия используется как полное искажение фактов, так и соответствующее оценочное оформление комментария. В статье «*Jared Kushner's Role is Tested as Russia Case Grows*» [4*], обсуждающей проблему отношений между Д. Трампом и его зятем, фоном служит информация об ухудшении отношений с Россией, которая в русскоязычной версии под названием «*В водовороте обвинений, связанных с Россией, проверяются на прочность отношения между Кушнером и Трампом*» [5*] занимает центральное место и подаётся в оценочном оформлении, насыщенном негативными коннотациями. После избрания Д. Трампа президентом проблема двусторонних отношений не сходит с первых полос СМИ, как видно на примере из перевода Русской службы ВВС «*Путин: При Трампе Россия доверяет США меньше, чем при Обаме*» [6*]. Во влиятельной «CBS News» это сообщение было подано в другой, более устрашающей упаковке «*Putin says US-Russia relations "degraded" since Trump took office*» [7*]. В результате целевое сообщение в переводе не только усиливает тенденциозную подачу факта, но и переводит конфликт из личного формата в межгосударственный. В этой версии информация приобретает более зловещее звучание, поскольку подчеркнуто ухудшение двусторонних отношений в целом, а не только снижение уровня доверия США со стороны России.

В связи со слухами о российских хакерских атаках на базы данных во время предвыборной кампании в прессе появились сообщения, содержание которых значительно отличалось в характере модальности. В английской версии газеты «BBC News» новость была оформлена в виде недоказанного предположения: «*US expels Russian diplomats over cyber-attack allegations*» [8*], в котором нагрузка падает

на *allegations* (*an assertion unsupported and by implication regarded as unsupported*) [2**]. Кроме того, английское *allege* привносит в текст негативную коннотацию обвинения против политического оппонента, подозреваемого в нечестных закулисных махинациях [3**]. В русскоязычной версии этого же сообщения, подготовленного переводчиками Русской службы ВВС: «*США высылают российских дипломатов и вводят новые санкции из-за кибератак*» [9*] – произведён ряд трансформаций за счёт его дополнения сведениями о введении новых санкций и одновременно радикального изменения модальности: мотивация решения американской администрации выносится на первый план в русском предложении, занимая в нём вторую рематическую позицию после главной новости.

Таким образом, в условиях идеологической конфронтации политических противников возрастает роль переводчика на фоне усиления воздействующей силы слова. Отказ от достижения адекватного перевода в межкультурной политической коммуникации, преследующий цель смысловых искажений для манипулирования массовым сознанием, несёт реальную опасность превращения перевода в эффективный инструмент углубления конфликтов, обострения конфронтационных отношений, организации межгосударственных политических и военных провокаций и столкновений.

Литература

1. Hermans T. Images of Translation: Metaphor and Imagery in the Renaissance Discourse on Translation / T. Hermans // *The Manipulation of Literature: Studies in Literary Translation* / ed. by T. Hermans. – London : Croom Helm, 1985. – Pp. 103-135.
2. Lefevere A. Translation, History, Culture : a Sourcebook / Lefevere A. Taylor & Francis. 1990. Режим доступа: <https://www.twirpx.com/file/1411884/> (дата обращения: 10.10.2018).
3. Venuti, L. *The Translator's Invisibility. A History of Translation* / I. Venuti. London and New York : Routledge, 1995. – 365 p.
4. Even-Zohar I. *Polysystem Theory Revised*, 2005. Режим доступа: itamarez.com/works/papers/papers/ps-revised.pdf (дата обращения: 11.03.2018)
5. Водак Р. Критическая лингвистика и критический анализ дискурса / Р. Водак // *Политическая лингвистика*. Екатеринбург. 2011. № 4(38). – С. 286-291.
6. House J. *Translation as Communication between Languages and Cultures* / J. House. – L-n : Routledge, 2015. – 164 p.
7. Lefevere A. *Translation, Rewriting and the Manipulation of Literary Fame* / A. Lefevere. – L-n : Routledge. 1992. – 170 p.
8. Schäffner Ch. *Politics and Translation* // *A Companion to Translation Studies*. Ed. P. Kuhiwczak and K. Littau, Multilingual Matters Ltd / Ch. Schäffner. – Clevedon-Buffalo-Toronto, 2007. – Pp. 134-147.

9. Чанышева З.З. Манипулятивные переводческие приёмы в информационной войне / З.З. Чанышева // «Доклады Башкирского университета». 2017. Т.2. № 4. – С. 684-691.

10. Newmark P. A Textbook of translation / P.A. Newmark. – Shanghai: Foreign language education press, 1987. – 311 p.

Список источников примеров

1*Путин: в американские выборы могли вмешаться «украинцы, татары или евреи». Режим доступа: <http://www.forumdaily.com/putin-obvinyuet-ukraincev-tatar-i-evreev-vo-vmeshatelstvo-v-prezidentskie-vybory-v-ssha/> (дата обращения: 10.03.2018)

2*Leibler I. Accusing Putin of Antisemitism // The Jerusalem Post Режим доступа: <http://www.jpost.com/Opinion/Opinion/Accusing-Putin-of-antisemitism-545129> (дата обращения: 12.03.2018)

3*Aftershock.news. Режим доступа: <https://aftershock.news/?q=node/624930&full> (дата обращения: 06.10.2018)

4*Shared Kushner's Role Is Tested As Russia Case grows. Режим доступа: https://www.nytimes.com/2017/05/28/us/kushner-trump-relationship-russia-investigation.html?_r=0 (дата обращения: 15.06.2017)

5*В водовороте обвинений, связанных с Россией, проверяются на прочность отношения между Кушнером и Трампом. Режим доступа: Fair.ru <http://www.fair.ru/vodovorote-obvinenii-svyazannyh-rossiei-proveryautsya-17052912525071.htm> (дата обращения: 20.06.2018)

6*Путин: при Трампе Россия доверяет США меньше, чем при Обаме. Режим доступа: <http://www.bbc.com/russian/news-39575951> (дата обращения: 25.06.2017)

7* Putin says US-Russia relations "degraded" since Trump took office. Режим доступа: <http://www.cbsnews.com/news/russian-president-vladimir-putin-says-u-s-russia-relations-worse-under-trump/> (дата обращения: 10.07.2017)

8*US expels Russian diplomats over cyber-attack allegations. Режим доступа: <https://www.bbc.com/news/world-us-canada-38463025> (дата обращения: 29.12.2016)

9*США высылают российских дипломатов и вводят новые санкции из-за кибератак. Режим доступа : <http://www.bbc.com/russian/news> (дата обращения: 29.12. 2016)

Список словарей

1** thefreedictionary. Режим доступа : <https://www.thefreedictionary>

2**Oxford Dictionary online. Режим доступа: : <https://yandex.ru/search/?text=oxford0dictionaryonline&lr=172&clid=1923020>

3** Палаженко П.Р. Мой несистематический словарь. М.: Р.Валент, 2002. – 304 с.

TRANSLATION AS A SITE OF POLITICAL STRUGGLE

Z.Z Chanyшева
Bashkir State University

Abstract. The article discusses the role of translation in modern mass communication based on articles drawn from English periodicals and their translation versions prepared by *Russian Service* translators. The study aims at revealing translation manipulative techniques resulting in purposeful distortion of factual, evaluative, modal, presuppositional information when covering events in target texts. The analysis of empirical data makes use of the comparative-translation

method, elements of discourse analysis and procedures of semantic interpretation. The following conclusions have been drawn as a result of the investigation: (1) translation as a popular kind of intercultural communication should be viewed in the context of culture, politics and ideology; (2) the narrative approach as a form of verbal representation of events accompanied by their evaluative interpretation allows to reveal its great semantic load in translation; (3) the narrative created by a translator is intended to construct reality, imposing subjective views, opinions and values on the addressee; (4) semantic distortions intentionally made by a translator serve the aim of turning translation into a site of political struggle.

Key words: ideological role of translation, semantic distortions, subjective attitudes, manipulative techniques, distorting factual information, narrative in translation

Чанышева Зульфира Закиевна,
профессор,
Башкирский государственный
Университет
79177583162
chanyshevazz@yandex.ru

Zulfira Zakievna Chanysheva
Full Professor,
Bashkir State University
79177583162
chanyshevazz@yandex.ru

ФУНКЦИОНАЛЬНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ И СПОСОБЫ ПЕРЕВОДА ВОЕННОЙ ЛЕКСИКИ В ДРАМАТУРГИЧЕСКОМ ТЕКСТЕ

Г.И. Шевелева

Воронежский государственный университет

Аннотация. Традиционно основной сферой использования терминологической лексики считаются различные области науки и техники. Наряду с этим она употребляется также в различных функциональных стилях литературного языка и в художественной литературе, в частности. Широкий ввод терминов в ткань художественного произведения характерен, как отмечают ученые, для литературы прошлого столетия. В художественном тексте термины употребляются в авторской речи, в речи героев, во внутренних монологах и лирических отступлениях и несут, соответственно, определенную функциональную нагрузку, что объясняется спецификой данного типа текста. Настоящая работа посвящена изучению специфики функционирования военной лексики в немецкоязычном драматургическом произведении и анализу способов ее перевода на русский язык. Эмпирическим материалом послужило произведение Б. Брехта «Мамаша Кураж и её дети» и два его перевода на русский язык, выполненные известными переводчиками второй половины двадцатого столетия Соломоном Аптом, Борисом Заходером и Всеволодом Розановым. В исследуемом произведении военная лексика служит реализации авторского замысла и выполняет различные функции, в частности, номинативную, смыслообразующую, экспрессивную, функцию создания исторического и национального колорита. На русский язык анализируемые лексические единицы передаются с помощью различных переводческих приемов. Чаще всего авторы переводов обращаются к эквивалентным соответствиям, а также прибегают к различного рода трансформациям: опущениям, добавлениям, описательному переводу.

Ключевые слова: художественный текст, функция, авторская интенция, эквивалентное соответствие, лексические замены, опущения, добавления, описательный перевод

Перевод драмы как жанра был и поныне остается одним из наименее изученных аспектов переводоведения. Анализ современной литературы, посвященной этой проблеме, убедительно свидетельствует о недостаточной изученности драматургического перевода. Почти все работы по переводу драматургических текстов, которые вышли с начала 1990-х годов, начинаются одинаково: до сих пор переводчикам и филологам, которые работают в области театра и для театра, уделяется незначительное внимание со стороны исследователей [1, с.71].

Среди основных причин, почему перевод драмы так до сих пор и не получил комплексного теоретического обоснования, исследователи указывают следующие: двойная природа драмы, сложность определения характеристик драматургического текста, связь между переводом драматического произведения и постановкой переводной драмы на зарубежной сцене.

Теоретики театрального искусства определяют «драматургический перевод» прежде всего в контексте дальнейшей постановки переводной пьесы [2, с.131]. Несколько иначе подходят к этой проблеме исследователи, работающие в области переводоведения. Например, немецкая исследовательница Б. Шульце четко разграничивает перевод драмы, предназначенный для дальнейшей публикации и чтения, т.е. чисто «художественный текст», и перевод драматургического текста с целью дальнейшей постановки. В этом состоит «двойная природа драматургического текста», этим прежде всего характеризуется перевод драмы. Переводная пьеса может иметь два варианта – «текст для чтения» (художественный текст) и «текст для постановки» (сценическая редакция). Вместе с этим некоторым переводчикам удавалось в одном варианте перевода воплотить две разновидности драматургического текста, предназначенного как для чтения, так и пригодного для театральной постановки [3, с.183]. Именно такими переводами являются, на наш взгляд, русскоязычные тексты пьесы выдающегося немецкого драматурга прошлого столетия Б. Брехта «Мамаша Кураж и её дети».

Пьеса с подзаголовком «Хроника времен Тридцатилетней войны» была написана в 1938-1939 гг. накануне второй мировой войны и имела антивоенный характер. В своей пьесе Б. Брехт пытается предостеречь современников от повторения ошибок прошлого. Хотя действие пьесы происходит в XVII веке и рассказанные в ней события связаны с Тридцатилетней войной, она и сегодня не потеряла своей актуальности. Бертольт Брехт не только напоминает об ужасах войны, о горе и страданиях, которые она приносит мирным жителям. Сам образ и драматическая судьба героини пьесы маркитантки по прозвищу мамаша Кураж и ее детей убедительно показывают, что стремление обогатиться на войне за счет несчастья других неизбежно приводит к кровавой расплате.

На русском языке пьеса впервые была опубликована в 1956 году в переводе Соломона Апта – великого мастера, благодаря трудам которого произведения выдающихся немецких писателей Томаса Манна, Бертольда Брехта, Германа Гессе, Франца Кафки и др. стали достоянием русскоязычной читательской и театральной публики.

Другой перевод выполнен Борисом Заходером и Всеволодом Розановым в 1964 году и вошел в пятитомник Б. Брехта, изданный в 1960-х годах.

Воссоздавая картину военных будней, Б. Брехт вводит в текст пьесы более 100 лексических единиц для обозначения военных реалий, например,

– воинских чинов: *Soldat (m), Feldhauptmann (m), Offizier (m), Zahlmeister (m), Feldwebel (m), Rittmeister (m), Leutnant (m), Charge (f), Obrist (m)*;

– видов оружия и боеприпасов: *Kanone (f), Geschütz (n), Säbel (m), Pistole (f), Kugelbüchse (f), Spieß (m), Kugel (f)*;

– воинских подразделений: *Truppe (f), Regiment (n)*;

– предметов военной одежды и амуниции: *Uniform (f), Offiziershemd (n), Montur (f), Helm (m)*;

– военных учреждений: *Feldgericht (n), Regimentskasse (f)*;

– военных операций: *Vormarsch (m), Gefecht (n), Siegesmarsch (m)*;

– способов ведения огня: *Kanonendonner (m), Geschützfeuer (n)* и т.д.

В произведении Б. Брехта военная лексика выполняет различные функции. Рассмотрим некоторые из них более подробно.

Текстообразующая и смыслообразующая функции

Анализируемые единицы являются неотъемлемой частью текстовой ткани, обеспечивают передачу смысловых целеустановок и авторских интенций. Как известно, Тридцатилетняя война носила характер религиозной войны между католиками и протестантами. Лексическая единица *Krieg (m)* – самая частотная в тексте, употребляется также в составе сложных слов: *Kriegshelden, Kriegsgericht, Glaubenskrieg, Religionskrieg*.

Aber wie soll Krieg sein, wenn es keine Soldaten gibt? [1*, с.10]

So, den Butzen soll dein Krieg fressen, und die Birne soll er ausspucken! [1*, с.13]

Schon sechzehn Jahre dauert nun der große Glaubenskrieg. [1*, с.90].

Номинативные цепи *Krieg – Glaubenskrieg – Religionskrieg* образуют в тексте структурное единство и служат созданию непрерывности текста.

Функция создания национального и исторического колорита

Театром военных действий была Германия, а участниками событий – большинство европейских стран. В этой войне финские кавалеристы

были на службе шведской короны. Лексические единицы *Finnisches Regiment*, *Zweites Finnisches Regiment* обозначают реалии другой страны и являются маркерами определенной исторической эпохи.

Weitere drei Jahre später gerät Mutter Courage mit Teilen eines Finnischen Regiments in die Gefangenschaft. [1*, с.29]

В следующих примерах используются лексические единицы для наименования видов оружия и боеприпасов, которыми были оснащены воюющие армии в Тридцатилетней войне:

Sie haben mir alles mit den Säbeln zerfetzt im Wagen und fünf Taler für nix und wieder nix abverlangt. [1*, с.55]

Der Soldat wirft ihn nieder und schlägt auf ihn mit dem Spieß ein.
[1*, с.105]

Эмоционально-экспрессивная функция

Анализируемые единицы используются в одной из базовых функций языка – эмоционально-экспрессивной и являются средством выражения чувств и эмоций. Например, в следующем контексте:

Laß dirs also zur Lehre dienen, Kattrin. Nie fang mir was an mit Soldatenvolk. Die Liebe ist eine Himmelsmacht, ich warn dich. Sogar mit die, wo nicht beim Heer sind, ists kein Honigschlecken. [1*, с.33]

Композит *das Soldatenvolk* образован путем словосложения двух существительных: *Soldaten* + *Volk*, и имеет собирательное значение. В толковом словаре «Duden» значение лексической единицы *das Volk* дается с пометой «*umgangssprachlich*» (разговорное) [1**]. В анализируемом контексте единица получает оттенок пренебрежительности и используется автором в речи главной героини – мамы Кураж, не отличавшейся благородными манерами и интеллигентностью, которая в такой грубоватой форме преподает уроки жизни своей дочери.

Номинативная функция

В большинстве случаев исследуемые единицы выполняют в тексте пьесы номинативную функцию:

Der Soldat wirft ihn nieder und schlägt auf ihn mit dem Spieß ein. [1*, с.105]

Der Herr Feldwebel zahlt noch. [1*, с.18]

Для анализа способов и приемов перевода военной лексики на русский язык были сопоставлены, как упоминалось выше, два перевода пьесы Б. Брехта – перевод С. Апта и перевод Б. Заходера и В. Розанова.

При переводе любого типа текстов перед переводчиком стоит одна задача – адекватно передать смысл, добиться такого же впечатления,

как и на языке оригинала. В анализируемых текстах были выявлены два основных способа перевода: подбор эквивалентов и использование различного рода трансформаций.

Большинство единиц было переведено путем подбора эквивалентных соответствий. Подбор однозначных эквивалентов и вариантных соответствий представляет собой такое переводческое решение, при котором переводчик подбирает лексические средства, обладающие приблизительно равными функциями, и наиболее адекватно, по его мнению, отражающие художественный контекст [4, с.370].

<i>Der Leutnant ist ein Freier meiner Tochter.</i> [1*, с.14]	Лейтенант – жених моей дочери. [2*, с.16]	Попадете за решетку – у моей дочери жених лейтенант. [3*, с.14]
<i>Aber wie soll Krieg sein, wenn es keine Soldaten gibt?</i> [1*, с.22]	А какая же война без солдат ? [2*, с.24]	А без солдат – какая война ? [3*, с.22]

Авторы перевода пьесы также активно используют лексические замены, в том числе добавления и опущения. Добавления «представляют собой расширение текста подлинника, связанное с необходимостью полноты передачи его содержания, а также различиями в грамматическом строе» [5, с.166].

В приведенном ниже тексте оригинала автор использует неполное наименование воинского подразделения. В обоих текстах перевода переводчики прибегают к добавлению:

Der Schweizerkas ist Zahlmeister beim Zweiten geworden. [1*, с.27]

Швейцаркас теперь казначей Второго Финляндского. [2*, с.28]

Швейцарца я пристроила казначеем во Второй полк. [3*, с.27]

Приведем еще пример:

Und eine Kanon. [1*, с.101]

И пушка вон. [2*, с.106]

Пушку подкатили! [3*, с.105]

Б. Захoder и В. Розанов вводят в текст глагол *подкатили* и трансформируют эллиптическое предложение в простое нераспространенное предложение. С. Апт добавляет наречие *вон* в разговорной форме, указывающее на находящееся в некотором отдалении орудие [ср.: 2**]. Таким образом, мы можем полагать, что добавления несут объяснительную, когнитивную или же чисто экспрессивную функцию.

Опущения «представляют собой операцию, обратную добавлениям, если речь идет об объективных расхождениях между языками» [5, с.166].

Сравнение оригинального текста Б. Брехта с существующими переводами на русский язык показывает, что нередко в русском варианте оказывается переведенной лишь одна часть анализируемых единиц, либо лексическая единица опускается вовсе.

Meine Lizenz beim Zweiten Regiment ist mein anständiges Gesicht, und wenn Sie es nicht lesen können, kann ich nicht helfen. [1*, с.9]

Лицо порядочной женщины – вот моя лицензия во втором полку, и я не виновата, если вы не умеете читать такие лицензии. [2*, с.6]

У меня на лице написано: я женщина честная – вот и весь патент! [3*, с.5]

В этом примере С. Апт переводит предложение полностью, используя перестановки и изменяя порядок следования языковых элементов. В переводе Б. Заходера и В. Розанова опускается значительная часть предложения, в том числе название воинского подразделения *Zweites Regiment*, в результате чего теряется часть информации текста оригинала. В переводе Б. Заходера и В. Розанова этот прием встречается чаще.

При передаче военной лексики средствами русского языка переводчики используют контекстуальные синонимы:

Aus dem Gehölz treten ein Fähnrich und drei Soldaten in schwerem Eisen. [1*, с.99]

Из роуцй выходят прапорщик и три солдата в тяжелых латах. [2*, с.103]

Из леска выходят прапорщик и трое солдат в тяжелых доспехах. [3*, с.101]

В тексте оригинала мы имеем лексическую единицу *Eisen*, которая – согласно «Толковому словарю немецкого языка» – означает *Schwert* – меч, дается со стилистическими пометами *dichter., veraltet* – устарелое поэтическое [1**]. Авторы перевода употребляют синонимичные лексические единицы для наименования доспехов. С. Апт переводит это выражение как *солдаты в тяжелых латах*, в переводе Б. Заходера и В. Розанова мы обнаруживаем синонимичный вариант *солдаты в тяжелых доспехах*. Согласно Толковому словарю русского языка, слово *латы* означает *металлическую, обычно стальную одежду*. В свою очередь лексическая единица *доспех* означает *защитное снаряжение из металлических пластин* [2**].

При анализе текстов перевода был выявлен такой вид лексических замен, как экспликация или описательный перевод, сопровождаемый лексическими добавлениями

Feldweibel, ich hab wegen ihnen die größten Befürchtungen, sie möchten mir nicht durch den Krieg kommen. [1*, с.16]

Очень боюсь, фельдфебель, что они у меня не уцелеют на войне. [2*, с.15]

Фельдфебель, я вам как родному скажу: негожи они для ратного дела, не будет из них толку! [3*, с.14]

С. Апт передает текст оригинала полно и дословно. Во втором случае используется описательный, даже вольный перевод. За счет введения в текст перевода устаревшей лексической единицы с оттенком торжественности *ратный* – *ратное дело* высказывание получает более сильный прагматический эффект, но смысл текста оригинала при этом искажается. В ходе исследования было установлено, что Б. Заходер и В. Розанов довольно часто прибегают к описательному переводу. В следующем примере мы наблюдаем аналогичную ситуацию:

Wir können sie nicht heraus klaben bei der Beschießung. [1*, с.62]

Когда идет обстрел, как их рассортируешь? [2*, с.68]

Ядро – оно веры не разбирает? [3*, с.66]

При переводе лексической единицы *Beschießung* С. Апт использует эквивалентное соответствие *обстрел*. В тексте Б. Заходера и В. Розанова перевод осуществляется без соблюдения формального соответствия, эквивалентность достигается скорее на уровне описания ситуации. Выражение *ядро веры не разбирает* носит просторечный характер и привносит в текст колорит фольклора.

При анализе материала особое внимание уделялось проблеме воссоздания стилистического эффекта оригинала в переводе. Переводчикам, как правило, удавалось успешно справиться с этой сложной задачей. Однако были выявлены случаи, когда стилистически окрашенные единицы исходного языка в русскоязычном переводе передавались стилистически нейтральными единицами.

Warum drückt sich das vom Heeresdienst, möchte ich wissen. [1*, с.11]

Хотел бы я знать, почему они уклоняются от военной службы. [2*, с.9]

Почему от службы увиливают, желаю я знать. [3*, с.8]

В приведенном примере автор пьесы употребляет лексические единицы разговорного стиля *sich drücken*. Ср.: *sich drücken* (ugs.) – *sich einer als unangenehm empfundenen Verpflichtung aus Feigheit, Bequemlichkeit entziehen* [1**]. С. Апт передает словосочетание *sich*

vom Heeresdienst drücken нейтральным словосочетанием *уклоняться от воинской службы*. В этом случае речь идет о потерях стилистического порядка. В переводе Б. Заходера и В. Розанова стилистическая окраска текста оригинала сохраняется. Рассмотрим еще один пример:

Wenn er ein Soldat wird, muß er ins Gras beißen, das ist klar. [1*, с.16]

Если он станет солдатом, он не выживет, это ясно. [2*, с.14]

Пойдет в солдаты-не миновать ему братской могилы. [3*, с.15]

В тексте оригинала употребляется фразеологическая единица *ins Gras beißen* (*умирать*). Толковый словарь немецкого языка «Duden» дает значение фразеологизма с пометой *salopp* (фамильярно-разговорное, вульгарное) и указывает на то, что этимология фразеологизма связана с античным представлением о битве воинов, которые в смертельной схватке с врагом вгрызались зубами в землю, в траву. (Ср.: *vermutlich nach der antiken Vorstellung, dass der Kämpfer beim Todeskampf in Erde oder Gras beißt* [1**]). С. Апт использует для передачи значения фразеологизма нейтральную единицу – *выживать*, таким образом, мы наблюдаем в переводе нейтрализацию текста, когда эмоционально-экспрессивная информация высказывания утрачивается. Текст перевода Б. Заходера и В. Розанова имеет эмоционально-экспрессивную окраску, отличную от текста оригинала. Выражение *не миновать братской могилы* придает высказыванию скорее оттенок торжественности и приподнятости.

Выводы

Таким образом, исследование эмпирического материала показало, что военная лексика в драматургическом произведении является важным стилистическим средством, выполняет различные функции, которые не присущи терминологической лексике в специальном тексте.

Для перевода военной лексики средствами русского языка используются различные приемы. Ни один из приемов не является универсальным, так как каждый из них имеет свои достоинства и недостатки. В каждом отдельном случае переводчик принимает конкретное переводческое решение. Анализ двух русскоязычных текстов пьесы Б. Брехта «Мамаша Кураж и ее дети» показал, что С. Апт чаще всего подбирает однозначные эквиваленты, стремясь более полно и точно передать текст оригинала. Б. Заходер и В. Розанов активнее обращаются к лексическим заменам, в том числе к описательному переводу, используют стилистически окрашенную

лексику, их текст зачастую более эмоционально насыщен, чем текст оригинала.

Литература

1. Бабаева Л.Л. Передача культурного компонента при драматургическом переводе: воссоздание имен собственных и титулов персонажей театральных пьес / Л.Л. Бабаева // Исследования молодых ученых. Национальная библиотека Украины имени В. И. Вернадского – 2008. – 71-75 с.
2. Пави П. Словарь театра. / П. Пави – М.: Прогресс, 1991. – 504 с.
3. Schultze В. Highways, byways, and blind alleys in translating drama: historical and systematic aspects of a cultural technique. / В. Schultze // Translating literatures, translating cultures. New vistas and approaches in Literary studies. Ed.by K.Mueller-Vollmer and Michael Irmscher. – Berlin: . Erich Schmidt Verlag, 1998. – S.177-196.
4. Сдобников В. В., Теория перевода // В. В. Сдобников, О. В. Петрова. – М.: АСТ: Восток – Запад, 2006. – 448 с.
5. Алексеева И.С. Введение в переводоведение: учеб.пособие для студ. филол. и лингв., фак. высш. учеб. заведений / И.С. Алексеева. – СПб.: Филологический факультет СПбГУ; М.: Издательский центр «Академия», 2004. – 352 с.

Список источников примеров

1*Brecht В. Mutter Courage und ihre Kinder. Eine Chronik aus dem Dreißigjährigen Krieg / В. Brecht. SuhrkampVerlag, Berlin 1980. – 130 S.

2*Брехт Б. Мамаша кураж и ее дети хроника из времен тридцатилетней войны / Б. Брехт // Перевод Соломона Апта – интернет ресурс.

3*Брехт Б. Мамаша Кураж и ее дети / Б. Брехт // Перевод Б. Заходера и В. Розанова – интернет ресурс.

Список словарей

1** Duden. Deutsches Universalwörterbuch [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.duden.de>. (дата обращения: 15.12.2018).

2** Толковый словарь русского языка под ред. Д.Н. Ушакова.[Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.sovslov.ru/tolk/von.html> (дата обращения: 15.12.2018).

FUNCTIONAL POTENTIAL AND TRANSLATION METHODS OF THE MILITARY LEXIS IN THE DRAMATURGICAL TEXT

G.I. Sheveleva
Voronezh State University

Abstract. Traditionally the main field of use of terminological lexis is related to various fields of science and technology. In addition, it is also used in various functional styles of the literary language and particularly in fiction. Introduction of a great variety of terms into fiction, as scientists point out, is a characteristic feature of literature of the last century. In fiction terms are used in the author's speech, in the speech of characters, in internal monologues and lyrical digressions and carry, respectively, a certain functional load, that is explained by specificity of this text

type. This work is dedicated to the study of specificity of the military lexis functioning in the German-language dramaturgical work and to the analysis of its translation methods into the Russian language. Empirical material is represented by the play by B. Brecht "Mother Courage and Her Children" and its two translations into Russian, done by the famous translators of the second half of the twentieth century: Solomon Apt, Boris Zakhoder and Vsevolod Rozanov. In the text under study military lexis fulfills the author's intention and performs various functions, in particular, nominative, semantic, expressive, the function of creation of historical and national flavor. The analysed lexical items are translated into Russian by means of various translation techniques. In most cases authors of translations resort to equivalent compliances and also to different transformations: omissions, additions, descriptive translation.

Key words: fictional text function, author's intent, equivalent compliance, lexical replacements, omissions, additions, descriptive translation

Шевелева Галина Иосифовна,
доцент кафедры немецкой
филологии,
Воронежский государственный
университет
79103442393
galla-schew@mail.ru

Galina I. Sheveleva, PhD,
Associate Professor, Department of
Germanic Philology,
Voronezh State University
79103442393
galla-schew@mail.ru

СОДЕРЖАНИЕ

От редактора	3
Абабий В.Н. Особенности перевода с французского языка на русский индивидуальных политических неологизмов.....	7
Агасандова М.В., Бурякова С.Ю. Межвузовский конкурс перевода с французского языка на русский как инструмент совершенствования профессиональных компетенций будущих переводчиков	15
Ашурова Д.У. Отражение национально-культурной картины мира в художественном переводе	23
Бабушкин А.П. Варианты перевода антропонимов в текстах художественных произведений	29
Баева Е.И. Метафоризация футбольной терминологии как отражение итальянской картины мира	36
Борисов О.В. Инфинитивное сказуемое сквозь призму отражения синтаксической картины мира (на материале французского и русского языков)	42
Бурякова С.Ю. Делакунизация в переводческом метатексте: критерии оценки качества переводческих комментариев (на материале переводов произведений И.А. Бунина на французский язык).....	51
Величкова Л.В., Абакумова О.В. Сущность помех в межкультурной коммуникации на уровне звучащей речи.....	60
Галиева М.Р. Вербализация концепта GOD/БОГ/ХУДО в языковой картине мира (на материале английского, русского и узбекского языков) ...	68
Данилова И.С. Эволюция понятий «la parentalité», «parentality», «родительство» в разноструктурных языках: языковая картина и модификация моделей семьи	77
Добрынина И.В., Кургалина М.В. Организация спецкурса по переводу деловой документации для студентов старших курсов переводческого отделения	85
Дьякова Е.Ю. Особенности межкультурной адаптации английской версии веб-сайта образовательного учреждения	94
Ефимова Т.В. О трудностях перевода медицинских жаргонизмов (на материале французского языка).....	102
Задобрильская О.Ф. Актуализация контейнера: эмонимы <i>sympathy</i> и <i>симпатия</i> в англо- и русскоязычном пространствах.....	110
Караваяева Н.А. Особенности преподавания курса синхронного перевода в магистратуре.....	120
Киселёв Д.А. Анафорические существительные французского языка: особенности интерпретации и перевода.....	128
Klikushina T.G. Peculiarities of military texts translation.....	138
Королькова С.А. Лингводидактический потенциал текста договора при обучении письменному переводу.....	157
Курилов Д.О., Голикова О.А. Особенности передачи звука и ритма поэтического текста в переводе с английского на русский (на материале стихотворения А. Теннисона «Прощание» – А. Tennyson «A Farewell»)....	172
Литвинова Е.А. Роль культурных различий в процессе перевода как	

один из факторов успешного межкультурного общения.....	179
Науменко Ю.Н., Стеблецова А.О. Лингвокультурная адаптация в заголовках научных медицинских статей.....	183
Нормуродова Н.З. Язык, перевод и дискурс: трудности и успешные виды практики.....	192
Палагина О.И. Особенности перспективизации в переводах современной французской прессы.....	202
Попова М.К. Комментарий к переводу художественного текста как средство передачи национальной картины мира.....	211
Семочко С.В. Способы перевода немецких математических терминов из серии учебников по математике «Das Zahlenbuch» средствами русского языка.....	219
Соловьянова Е.В. Культурные особенности агональности в академическом дискурсе.....	230
Стеблецова А.О., Медведева А.В. Переводческий курс в медицинском вузе: из опыта ВГМУ им. Н.Н. Бурденко.....	238
Стеблецова А.О., Торубарова И.И. Научный медицинский текст: специфика русско-английского перевода.....	250
Сыромятникова Т.Н. Особенности передачи функционально-стилистических особенностей рассказов А.П. Чехова на немецкий язык....	259
Фененко Н.А., Протопопова А.Ю. Развитие профессиональной компетенции студентов на занятиях по письменному переводу (на примере перевода в сфере образования).....	271
Филиппова Т.Н. Дискурсивные слова в аспекте перевода.....	280
Цуверкалов А.Е., Ефимова Т.В. «Трудности перевода» на примере оригинальных текстов французского госпиталя.....	287
Чаньшьева З.З. Перевод как площадка политической борьбы.....	295
Шевелева Г.И. Функциональный потенциал и способы перевода военной лексики в драматургическом тексте.....	303

Научное издание

Языковая картина мира в зеркале перевода

Сборник научных трудов

Редактор *О.О. Борискина*
Компьютерная верстка *О.В. Лебедева*

Подписано в печать 13.06.2019. Формат 60х84/16
Усл. печ. л. 18,3. Тираж 100. Заказ 367.

Отпечатано с готового оригинал-макета
в типографии Издательского дома ВГУ
Воронежского государственного университета
394018 Воронеж, ул. Пушкинская, 3

